

100

ВЕЛИКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Annotation

Археология – сравнительно молодая наука. Но тем не менее именно благодаря ей человечество смогло узнать многие тайны своего прошлого. Великие археологические открытия, сделанные на протяжении последних двухсот лет, позволили приподнять завесу над загадкой происхождения человека, воссоздать историю древнейших цивилизаций Месопотамии, Египта, Средиземноморья и Америки. Эта книга о самых значительных археологических открытиях, о раскрытых и пока еще нераскрытых тайнах древности.

- [Андрей Юрьевич Низовский](#)
 - [Заря человечества](#)
 - [«Человекообезьяна из Южной Африки» и другие жители Земли](#)
 - [«Человек умелый» Луиса Лики и его родословная](#)
 - [Якутская находка](#)
 - [Наш друг питекантроп](#)
 - [Кто ты, неандерталец?](#)
 - [Человек из Кро-Маньона](#)
 - [«Хоббит» с острова Флорес](#)
 - [Марселино де Саутуола и открытие Альтамиры](#)
 - [История Сахары в наскальной живописи Тассилин-Аджера](#)
 - [Таинственный мир Арнемленда](#)
 - [Здравствуй, Этци!](#)
 - [Цивилизации первых земледельцев](#)
 - [Самый древний город Земли](#)
 - [Джеймс Мелларт и открытие цивилизации древнейших земледельцев Анатолии](#)
 - [Допотопный Убейд](#)
 - [Телль-Халаф](#)
 - [Передняя Азия и Ближний Восток](#)
 - [Лагаш, первый город шумеров](#)
 - [Леонард Вулли и открытие царских гробниц в Уре](#)
 - [Загадка Дилмуна](#)
 - [Ошибка Поля Ботта](#)
 - [Первое открытие Генри Лэйярда](#)

- [Лэйярд находит Ниневию](#)
- [Священный Ашшур](#)
- [Роберт Кольдевей на развалинах Вавилона](#)
- [Случайное и счастливое открытие Мари](#)
- [Открытие Эблы](#)
- [Тейшебаини, столица Урарту](#)
- [Как была открыта страна хеттов](#)
- [Угарит](#)
- [Скальный город Пётра](#)
- [Тайна кумранских свитков](#)
- [Египет](#)
 - [Ричард Покок, открывший Египет](#)
 - [Иоганн Буркхардт в Абу-Симбеле](#)
 - [Джованни Бельцони в Долине Царей](#)
 - [Жан Франсуа Шампольон и тайна египетских иероглифов](#)
 - [Ричард Виз и пирамиды](#)
 - [Семьдесят пирамид Карла Лепсиуса](#)
 - [Открытия Огюста Мариетта](#)
 - [«Тексты пирамид» и «потерянные фараоны»](#)
 - [Уильям Питри, «просеявший» Египет](#)
 - [Город фараона-еретика](#)
 - [Говард Картер находит гробницу Тутанхамона](#)
 - [Некрополь в Саккара и пирамида Джосера](#)
 - [Мухаммед Закария Гонец и загадка пирамиды Сехемхета](#)
- [Средиземноморье](#)
 - [Генрих Шлиман ищет Трою](#)
 - [Микены и Тиринф](#)
 - [Великое открытие сэра Артура Эванса](#)
 - [Спиридон Маринатос и тайна острова Санторин](#)
 - [Возвращение в Олимпию](#)
 - [Помпеи и Геркуланум](#)
 - [Этруски раскрывают тайны](#)
- [Иран и Средняя Азия](#)
 - [Сузы, столица мира](#)
 - [Генри Роулинсон и бехистунская надпись](#)
 - [Персеполь](#)
 - [Алтын-Депе](#)
 - [Греция в... Афганистане](#)
 - [Маргуш – Маргиана – Мерв](#)

- [Дворцы и крепости в песках Хорезма](#)
- [Старая Ниса](#)
- [Кушан – забытая буддийская империя](#)
- [Открытие Согдианы](#)
- [Пояс степей](#)
 - [Сокровища «степных пирамид»](#)
 - [На земле Меотиды](#)
 - [Пазырык](#)
 - [Минусинская котловина – «царство археологии»](#)
- [Индия, Китай, Юго-Восточная Азия](#)
 - [Таинственные города Инда](#)
 - [Великий город Шан](#)
 - [Глиняная армия китайского императора](#)
 - [Подземные дворцы в китайской «Долине Царей»](#)
 - [Ангкор](#)
- [Африка и Аравия](#)
 - [Львиные храмы страны Куш](#)
 - [Земля царицы Савской](#)
 - [Таинственный Зимбабве](#)
- [Америка](#)
 - [Загадки «каучуковых людей»](#)
 - [Мексиканские «Помпеи»](#)
 - [Теотиуакан](#)
 - [Сокровища Монте-Альбана](#)
 - [Эль-Тахин](#)
 - [Маунды](#)
 - [Скальные города Аризоны](#)
 - [Таинственные города майя](#)
 - [Альберто Рус Луилье и царская гробница в Паленке](#)
 - [Тайны священного Сенота](#)
 - [Тикаль](#)
 - [Чавин-де-Уантар](#)
 - [Паракас](#)
 - [Тиауанако](#)
 - [Наска – культура «отрубленных голов» и загадочных рисунков](#)
 - [Оживший мир индейцев мочика](#)
 - [Мачу-Пикчу](#)
- [Европа: от бронзы к средневековью](#)

- [Пирамиды долины Бойн](#)
- [Что это за народ такой – кельты?](#)
- [Бирка – столица шведских конунгов](#)
- [Микульчице](#)
- [Две болгарские столицы](#)
- [Десять веков Новгорода](#)
- [Гнездово, скандинавский город на Днепре](#)
- [Подол в древнем Киеве](#)
- [Клады старой Рязани](#)
- [Приволжские «Помпеи»](#)
- [«Златокипящая» Мангазея](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Андрей Юрьевич Низовский
Сто великих археологических открытий

Заря человечества

«Человекообезьяна из Южной Африки» и другие жители Земли

Громкое заявление о том, что человек произошел от обезьяны, прозвучало задолго до того, когда были обнаружены первые реальные факты, подтверждающие или опровергающие это утверждение. История открытий останков ископаемых высших приматов (гоминидов), которым в разные времена приписывалось непосредственное отношение к родословной человека, началась довольно поздно – только в XX веке. Эта история изобилует всевозможными заблуждениями и тупиками, рассказ о которых мог бы занять увесистый том. Первые же действительные находки останков существ, которые по своим морфологическим особенностям могут быть отнесены к предшественникам современного человека (именно предшественникам, а не предкам!), связаны с именем Раймонда Артура Дарта (1893–1988).

В 1924 году геологи, работавшие в известняковом карьере близ станции Тунг, прислали Дарту странную находку. Это была окаменевшая отливка черепной коробки некоего существа, которую рабочие карьера приняли сперва за череп бабуина. Но Дарт сразу определил, что это не обезьяна. В ответ на его запрос – не находили ли в Тунге еще чего-нибудь

подобного? – геологи прислали Дарту еще две корзины со всевозможными окаменелостями, среди которых Дарт отыскивал другие фрагменты скелета головы таинственного существа. Спустя месяц, аккуратно расчистив и склеив все осколки, Дарт держал в руках почти целый череп. Уцелели лобная кость, правая скуловая дуга, часть височной области, вся верхняя и почти полная нижняя челюсти со всеми зубами, а всю полость мозговой коробки заполняло минеральное образование. Все это позволило Дарту с первого взгляда понять, что перед ним череп детеныша с молочными зубами, по своему строению явно напоминающими зубы современного человека. Однако сам череп имел многие признаки, роднящие это существо с обезьяной.

Дарт пришел к выводу, что «младенец Тунг» – так он окрестил свою находку – являлся ископаемым человекообразным существом, стоящим по своему развитию на ступеньку выше обезьяны, но еще весьма далеким от человека. Это существо ученый назвал «австралопитеком» – «южной обезьяной».

Фотографию черепа «младенца Тунга» и предварительное сообщение о находке Дарт отправил в английский журнал «Нэйчур». Статья, опубликованная 7 февраля 1925 году под названием «Австралопитек африканский: человекообезьяна из Южной Африки», вызвала в научном мире эффект разорвавшейся бомбы. Первая реакция была резко отрицательной: большинство ученых было уверено, что речь идет всего лишь об останках ископаемой человекообразной обезьяны. Дарта поддержал только его коллега, палеонтолог Роберт Брум (1866–1951), директор музея в Претории. Стремясь подкрепить «право австралопитека на жизнь», он начал усиленно заниматься поисками новых останков этого гоминида.

Первый успех пришел в 1936 году. Управляющий каменоломней Штеркфонтейн прислал Бруму окаменевшую отливку черепной коробки ископаемого антропоида, в котором ученый безошибочно признал австралопитека! С этого времени Брум полностью посвятил себя раскопкам в Штеркфонтейне. За несколько лет ему удалось найти несколько отливок и отпечатков черепных коробок, затылочные кости, большой кусок верхней челюсти с зубами и прилегающими лобной и височной областями. Этот фрагмент позволил Бруму без труда восстановить облик ископаемого существа: это была взрослая особь, весьма близкая к «человекообезьяне из Южной Африки», фрагменты черепа которой отыскивал Дарт. «Свою» человекообезьяну Брум окрестил «австралопитеком трансваальским». Кроме черепов были обнаружены и другие части скелета, так что

постепенно ученые получили более точное представление о внешнем виде австралопитека.

В 1938 году неподалеку от Штеркфонтейна Брум нашел еще несколько обломков костей, по которым смог реконструировать череп. Это был еще один загадочный гоминид, существенно отличавшийся и от австралопитека африканского и от австралопитека трансваальского. Брум назвал его «парантропом», или австралопитеком массивным.

Ученый мир с большим интересом следил за новостями из Южной Африки. К концу 1940-х годов виднейшие специалисты уже признали результаты исследований Дарта и Брума и согласились с тем, что южноафриканские находки действительно являются останками существ, стоящих между человекообразными обезьянами и человеком. Весомым аргументом в этом споре стала опубликованная в 1950 году работа Уилфреда Кларка, который на основании морфологического изучения зубов и челюстей заключил, что австралопитеки стоят скорее ближе к человеку, чем к обезьяне.

Особенно сложно было определить возраст находок. По мере изучения останков австралопитеков принимались все новые и новые датировки, и сегодня принято считать, что древность этих южноафриканских находок колеблется в пределах 2–3 млн лет.

Мозг австралопитека по своему объему (428–530 куб. см) не достигал и половины величины мозга современного человека (порядка 1450 куб. см), но был несколько больше мозга крупных человекообразных обезьян (около 480 куб. см). Самое же «человеческое» в австралопитеках – это их челюсти с относительно короткими резцами и клыками, которые почти не выступают над жевательной поверхностью остальных зубов. Характер зубов и суставное соединение челюстей говорят о том, что австралопитеки жевали боковыми движениями, то есть не как человекообразные обезьяны. В целом же челюсти австралопитека были гораздо массивней, чем у человека.

Острейшие споры, не утихающие и по сей день, вызвал вопрос о том, на скольких конечностях – на двух или на четырех? – передвигались австралопитеки. Были ли они прямоходящими существами? Сегодня большинство ученых склоняется к тому, что австралопитеки передвигались на задних конечностях, держа тело почти в выпрямленном положении – их тело было уже приспособлено для этого. Однако тип их хождения отличался от всех способов передвижения, известных у современных человекообразных обезьян и человека. Наряду с этим продолжают звучать голоса тех исследователей, кто указывает на некоторые особенности

строения скелета австралопитека, которые, на их взгляд, не позволяют сделать вывод о прямохождении и двуногости австралопитека.

Вместе с тем точно установлено, что австралопитеки даже в пределах Южной Африки не представляли собой единого вида. Найденные останки показывают, что австралопитек африканский и австралопитек массивный существенно отличались друг от друга и внешним видом, и образом жизни.

Австралопитек массивный был крепким, коренастым, имел рост 150–155 см, вес до 70 кг. Череп его более массивен, а челюсть сильнее, чем у африканского австралопитека. Некоторые особи имели на темени костяной гребень, служивший для прикрепления сильных жевательных мышц. Весь челюстной аппарат и особенно коренные зубы были гораздо крупнее человеческих. Представители этого вида обитали в лесостепной полосе, держась опушек лесов. Основу их пропитания составляли растительные корма.

Представители вида африканских австралопитеков были гораздо мельче. Их рост не превышал 120 см, вес взрослой особи составлял около 40 кг. Держались они, вероятно, более выпрямленно, чем их «массивные» сородичи, но ходили вразвалку. По состоянию зубов специалисты определили, что австралопитек африканский был всеяден, но большую долю его рациона составляла мясная пища.

Африканские австралопитеки жили в степях и лесостепях, кормясь собирательством и охотой. Не отваживаясь охотиться на крупного зверя, австралопитеки, подобно гиенам и шакалам, частенько «подкармливались» возле львов, леопардов и других хищников. Дождавшись, когда зверь насытится и потеряет интерес к своей жертве, австралопитеки набрасывались на остатки его трапезы. На одной из стоянок археологи обнаружили множество разбитых костей животных – очевидно, что австралопитеки при охоте уже пользовались камнями или, по крайней мере, дробили ими кости, чтобы добраться до мозга.

Оружием для этих ископаемых охотников могли служить и палки, длинные кости, а также челюсти животных, усаженные острыми зубами. Однако австралопитек еще не умел вырабатывать, как говорят специалисты, «орудия повторяющихся форм». Попросту говоря, он пользовался тем, что подвертывалось под руку. Он сознательно применял эти орудия, но еще не дошел до их обработки.

Использование орудий, пусть даже и случайных, более сложный способ добывания пищи, каким является охота и собирательство, форма и размеры мозга австралопитеков – все говорит об усложнении умственной деятельности. Поэтому сегодня австралопитека принято считать первым

существом, перешагнувшим границы звериного интеллекта, а за начальную точку отсчета истории человеческого рода принимается время появления первых австралопитеков – то есть приблизительно 3 млн лет тому назад.

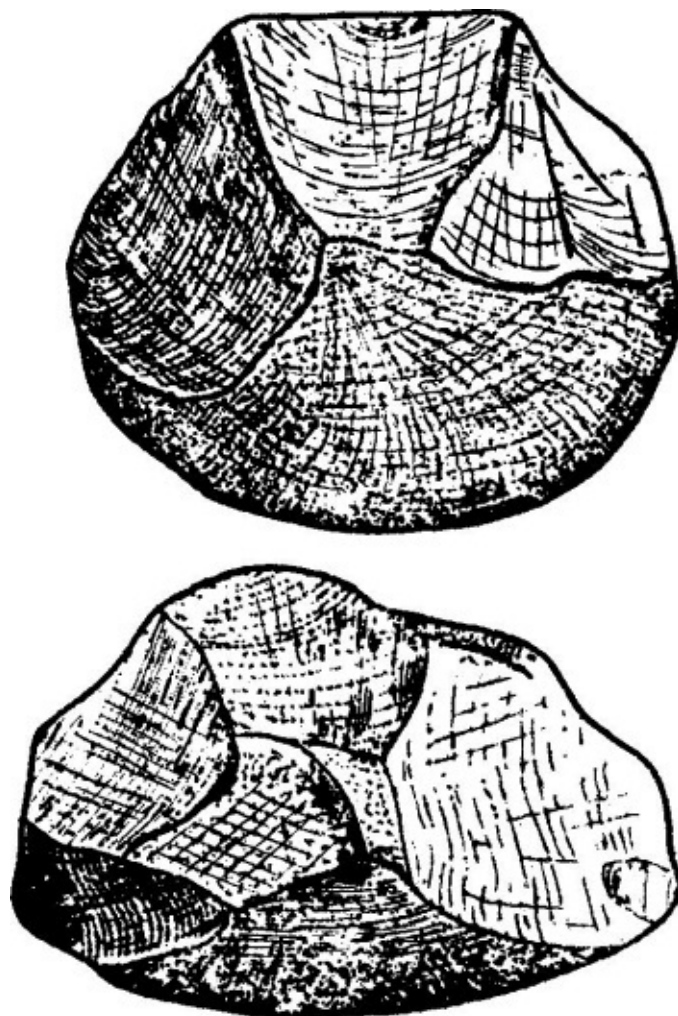
«Человек умелый» Луиса Лики и его родословная

Самые значительные открытия в области палеоантропологии связаны с именем известного археолога и антрополога Луиса Лики (1903–1972) и его, без всякого преувеличения, историческими находками в Олдувайском ущелье (Танзания).

Олдувайское ущелье – одно из интереснейших мест на Земле. Оно представляет собой огромный каньон, глубоко – до 90 м – врезающийся в ложе древней долины, за многие тысячелетия заполнившейся речными наносами, вулканическим пеплом и другими отложениями. В стенах этого ущелья исследователи выявили пять слоев, относящихся к различным геологическим эпохам, благодаря чему можно было достаточно надежно датировать находки, залегавшие в этих слоях.

Луис Лики копал здесь более 40 лет, вплоть до самой смерти. В 1959 году он открыл в Олдувайском ущелье остатки еще одного предшественника современного человека, которого первоначально назвал зинджантропом. Правда, после более тщательного изучения оказалось, что это еще одна ветвь рода австралопитековых, и зинджантроп был переименован в австралопитека бойсовского. Калий-аргоновый метод позволил определить его возраст: 1,8–1,6 млн лет.

Еще до этого открытия Лики нашел в олдувайских слоях примитивные каменные орудия – ровесников зинджантропа. Это были простейшие отщепы со следами ретуши. Но открытие это стало поистине сенсационным: судя по повторяемости типов, это были первые сознательно изготовленные орудия!

Сначала, естественно, авторство этих первых в мире инструментов ученые приписали зинджантропу. Но вскоре это предположение пришлось отбросить – орудия подобного типа стали извлекать и из гораздо более ранних слоев. А между тем в них не было никаких останков гоминидов!

Разгадку этой тайны принесло новое открытие, сделанное 2 ноября 1960 года. На уровне, лежащем примерно на 50 см ниже уровня залегания останков зинджантропа (что соответствует возрасту приблизительно 2,1–1,5 млн лет), были обнаружены нижняя челюсть с зубами, один коренной зуб, две довольно хорошо сохранившиеся теменные кости и кости руки гоминида, уже на первый взгляд значительно отличавшегося от зинджантропа. Позже были извлечены большая часть скелета ноги и ключицы.

Уже предварительное изучение этих останков показало, что новая находка, несмотря на свою большую древность, стоит на лестнице эволюции выше зинджантропа. Зинджантроп – это всего лишь более

усовершенствованный вариант австралопитека массивного. Новая же олдувайская находка получила название *Homo habilis* – «человек умелый».

Подобно австралопитеку африканскому, «человек умелый» имел рост до 120 см и средний вес 40–50 кг. Судя по челюсти, он был всеяден, как и его австралопитековый родственник. Однако «человек умелый» имел значительно больший объем мозга (около 650 куб. см), но самое главное – он обладал двумя признаками, типичными только для человека.

Стопа «человека умелого» имела продольную и поперечную сводчатость. Этот признак свидетельствует о передвижении исключительно на двух ногах, и он начисто отсутствует у человекообразных обезьян. При ходьбе человек ступает на всю стопу, и упругий двойной свод «гасит» возникающие при этом сотрясения. Антропоиды же при ходьбе ступают только на внешний край стопы.

Вторым признаком эволюционного положения «человека умелого» стало строение его руки. Как известно, рука современного человека отличается от передних конечностей других приматов прежде всего прогрессивным развитием большого пальца и его способностью к противопоставлению указательному пальцу. Именно это свойство обуславливает точность трудовых действий. Такая позиция пальца обусловлена рядом анатомических особенностей скелета, мышц и соединительных тканей.

Кисть руки «человека умелого» еще не давала возможности полного противопоставления большого пальца прочим. И все же этот гоминид выделял простейшие орудия, не требующие особой сноровки. И руку «человека умелого» уже в целом можно назвать человеческой. Впрочем, неясно, был ли уже достаточно развит его мозг, чтобы воспользоваться возможностями такой руки.

Африканский австралопитек также пользовался орудиями, вернее говоря, различными естественными предметами, форма которых казалась ему подходящей. «Человек умелый» не только использовал пригодные предметы, но и видоизменял их в соответствии с рабочим назначением. Эти орудия были примитивны и несовершенны. Но это были осмысленно изготовленные орудия!

Когда же произошел этот, без всякого сомнения, революционный скачок в эволюции человека? И вот тут-то ученых ждала еще одна сенсация...

Абсолютный возраст «человека умелого» из Олдувайского ущелья исчислялся в 1,8–1,6 млн лет. То есть зинджантроп, он же бойсовский австралопитек, жил одновременно с ним, а судя по находкам – чуть ли не

бок о бок! Более того – останки зинджантропа встречаются и в более поздних слоях!

Как это можно объяснить с точки зрения эволюции? Олдувайские находки наводят нас на мысль о том, что в рамках рода австралопитековых сосуществовало несколько более или менее развитых форм. Эти формы существовали параллельно друг другу на протяжении довольно длительного периода времени, и сегодня невозможно установить, от какой из этих форм протянулась дальше цепочка эволюции. Да и от этих ли?

Сенсационная находка Луиса Лики на некоторое время, казалось, сняла все вопросы: вот оно, то самое «недостающее звено» в цепи эволюции! Однако бум, поднятый в научной литературе вокруг «человека умелого», быстро утих. После тщательного изучения находку оказалось возможным включить в группу австралопитеков, и сегодня большинство исследователей склонны называть «человека умелого» «умелым австралопитеком» или «прогрессивным австралопитеком». А между тем находки еще более древних останков гоминидов, обладавших при этом гораздо более высоким уровнем развития, поставили перед специалистами множество новых неразрешенных вопросов.

Настоящую революцию произвели открытия Ричарда Лики (сына Луиса Лики), который со своими сотрудниками начиная с 1968 года раскапывал стоянки Илерет и Кооби Фор, расположенные к северо-востоку от озера Рудольф. За пять лет здесь были открыты останки более 80 особей, относящиеся как к роду австралопитеков, так и к роду Номо. Анализ этих останков позволил сделать однозначный вывод: точку зрения, по которой австралопитек массивный является предшественником австралопитека бойсовского (зинджантропа), следует признать несостоятельной. Эти виды существовали и развивались параллельно друг другу, и, таким образом, эволюция австралопитеков сегодня представляется еще более загадочной, чем полвека назад!

Другой загадкой стала находка почти полного черепа неизвестного гоминида, получившего обозначение «черепа KNM-ER 1470». Уже первые измерения показали, что объем мозга этого существа превышал 800 куб. см, а его древность исчисляется в 2,9 млн лет. То есть он на миллион лет старше «человека умелого»! Здесь же Ричард Лики обнаружил еще более старые, чем в Олдувае, каменные орудия – их возраст составляет 2,6 млн лет. А уже через год после открытия черепа KNM-ER 1470 из земли был извлечен еще один череп (на этот раз детский), принадлежащий тому же виду.

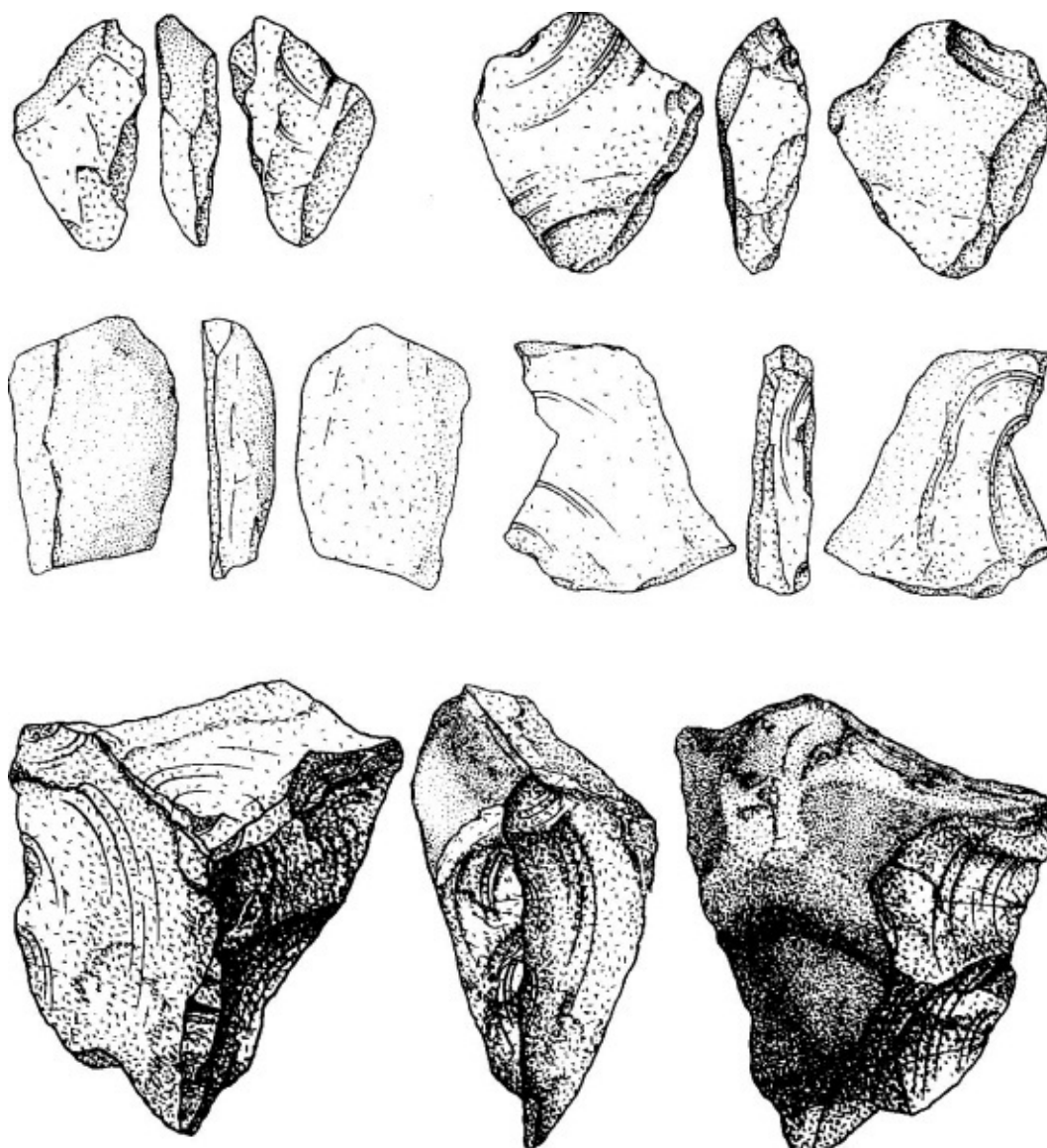
Кем же тогда был «человек умелый», если еще за миллион лет до его

появления на Земле уже существовал человек, еще более умелый?

Якутская находка

«Как очутился здесь человек? – недоуменно вопрошал известный путешественник Ф.П. Врангель, побывавший в Якутии в 1820–1824 годах – Что могло завлечь его сюда, в могилу природы?» Если даже сам факт успешного проживания человека в этих суровых краях, как мы видим, еще столь недавно вызывал удивление, то что уж говорить о том потрясении, которое испытал научный мир в 1982 году, когда исследования стоянки древнейшего палеолита Диринг-Юрях показали, что человек, возможно, обитал в этой «могиле природы» еще 2,5–1,7 млн лет назад! Это открытие, которое пока еще нельзя признать бесспорным, способно внести существеннейшие коррективы в понимание процессов происхождения человека.

Археологическое изучение бассейна Средней Лены началось в 1964 году силами Приленской археологической экспедиции. В результате к настоящему времени в Якутии и на прилегающих к ней территориях было обнаружено большое число памятников верхнего палеолита, изучение которых коренным образом изменило многие представления о древнейших этапах заселения человеком Северо-Восточной Азии. Но наиболее поразительным стало открытие палеолитического комплекса Диринг-Юрях.

Эта стоянка располагается на правом берегу Лены, в 3 км выше Якутска, возле устья ручья Диринг-Юрях. Здесь археологами во главе с Ю.А. Мочановым была обнаружена настоящая «мастерская каменного века». На площади 108 кв. м найдено в общей сложности 24 скопления различных каменных орудий – 11 «наковален» из крупных валунов, поверхности которых имеют следы сработанности, отбойники из кварцитовых галек различной величины, отщепы, крупные обломки со сколами, каменные осколки. Большая часть этих орудий изготовлена из кварцита желтого цвета.

Подобные «производственные площадки» характерны для каменного века: древнейшие обитатели Земли предпочитали изготавливать свои орудия там, где в изобилии встречается удобный для обработки камень. И

находка такой «мастерской» не стала бы чем-то из ряда вон выдающимся открытием, если бы... Если бы не оказалось, что ее возраст составляет 2,5–1,7 млн лет – то есть Диринг-Юряхская стоянка едва ли не старше знаменитых находок следов древнейших гоминидов в Восточной Африке! А ведь именно эти находки заставили большинство ученых признать Африку прародиной человечества.

По геоморфологическим и геологическим условиям залегания, по форме и способу изготовления каменные орудия Диринга сопоставимы лишь с орудиями, найденными в Восточной Африке, возраст которых различными комплексными методами определяется в пределах 2,5–1,7 млн лет. Затем их сменила ашельская культура (1,7–0,2 млн лет) с совершенно другим набором орудий. То есть ближайший аналог Дирингу один: знаменитое Олдувайское ущелье.

Сообщение об открытии в Диринг-Юряхе прозвучало как гром среди ясного неба. До этого считалось, что в Якутии человек впервые появился только в позднем палеолите, примерно 40–35 тыс. лет назад. Колыбелью же человечества признавался только экваториальный пояс – тропики и субтропики. Но якутские находки вроде бы свидетельствуют, что уже 2 миллиона лет назад некие гоминиды жили и в холодной зоне нашей планеты, причем в экстремальных условиях, на вечной мерзлоте!

Естественно, что научный мир воспринял открытие якутских археологов с недоверием. И дело здесь не только в консерватизме – речь идет о фундаментальных вещах, и осторожность тут вполне уместна. Суть проблемы состоит в другом: в Восточной Африке найдены многочисленные останки самих древнейших обитателей тамошних мест. А это – аргумент неотразимый. А что найдено в Диринге? Камни? Но природа-мать способна совершать такие чудеса, которые человеку и не снились. Кстати, сам первооткрыватель Диринга, Ю.А. Мочанов, писал в свое время, что «в этой связи можно сослаться на Обермайера, который на примере олигоценовых и эоценовых эолитов Франции прекрасно продемонстрировал, какие удивительно похожие на простейшие палеолитические изделия каменные предметы может создавать природа без какого-либо участия человека»^[1].

Критики оспаривают и геологический возраст якутских находок. В частности, отложения, в которых были найдены каменные орудия, могут быть не связаны с речными наносами, а надуты ветром. В этом случае возраст орудий становится просто неопределимым.

Так что «феномен Диринга» еще ждет своего признания. Или опровержения – в зависимости от того, что покажут дальнейшие исследования. Во всяком случае, сотрудники Приленской археологической

экспедиции продолжают вести поиски новых следов древнейшего человека в Якутии. Так, в 1985 году в окрестностях города Олекминска были найдены каменные орудия, относящиеся к поздней ашельской (800–200 тыс. лет) и мустьерской (200—40 тыс. лет) культурам. В 1985–1998 годах находки, подобные олекминским, были обнаружены на левом берегу Лены в различных пунктах от Олекминска до поселка Намцы, и на правом берегу Лены в районе поселка Качикатцы. Открытие этих памятников свидетельствует о том, что люди обитали здесь в эпоху палеолита. Но не более...

В случае своего признания находка в Диринге станет серьезнейшим аргументом в пользу полицентрической теории происхождения человечества, которая исходит из постулата о независимом зарождении гоминидных форм в разных регионах с различными природными условиями. Пока же дискуссия между сторонниками моноцентрической и полицентрической гипотез происхождения человека продолжается, и чаша весов колеблется то в одну, то в другую сторону. Тот факт, что уже в весьма раннюю эпоху существовало несколько центров обитания древнейшего человека, не подлежит сомнению. В частности, огромное количество палеолитических памятников на территории Монголии, открытых в последней четверти XX века, заставило исследователей обратить свои взоры на Центральную Азию. Не меньшее число открытий на Африканском континенте привлекает внимание ученых к Африке. Между тем Сиваликские холмы в Индии дают костные остатки еще более древних, чем африканские австралопитеки, форм (характерно, что все перечисленные области располагаются все же в тропическом поясе или в примыкающих к нему субтропических зонах). В то же время генетические исследования указывают на общую родословную для всех народов, обитающих на земном шаре сегодня, и корень этого родословного дерева, согласно анализам ДНК, находится на африканской земле... На этом фоне проблема Диринга еще больше запутывает картину. Пока ясно лишь одно: вопрос о прародине человечества – то есть о месте, где произошло выделение человека из животного мира, – далек от своего окончательного решения.

Наш друг питекантроп

Еще каких-нибудь полвека назад проблема классификации ископаемых гоминидов, казалось, не представляла собой никакой сложности, и простейшую схему, иллюстрирующую происхождение современного человека, можно было встретить в любом школьном учебнике: обезьяна – человекообезьяна – человек. Правда, никто из рисовальщиков схем не знал, что же представляет собой эта самая «человекообезьяна» – пресловутое «недостающее звено эволюционной цепи». В разные времена разные исследователи выдвигали на эту роль австралопитека, «человека умелого» и т. п., однако все эти кандидатуры быстро отбрасывала сама жизнь. А вскоре ученый мир практически единодушно отбросил и саму эту схему, примитивную, как австралопитек.

Пожалуй, дольше всех продержалось лишь одно старинное заблуждение, согласно которому первым «настоящим» представителем человеческого рода был всем известный питекантроп, он же человек прямоходящий (гомо эректус).

Открытие питекантропа связано с именем голландского врача и анатома профессора Эжена Дюбуа (1858–1940). Вдохновленный проблемой «недостающего звена», Дюбуа решил найти его во что бы то ни стало. В 1884 году он приступил к поискам на Зондских островах (Индонезия). Семь лет бесплодных работ наконец увенчались успехом: в 1891 году близ селения Триниль (о. Ява) Дюбуа удалось обнаружить правый верхний коренной зуб и часть мозговой коробки существа, которое он сначала принял за человекообразную обезьяну. Год спустя в руки Дюбуа попала левая берцовая кость. Будучи опытным анатомом, он с первого взгляда понял, что перед ним останки ископаемого человека – человека, а не обезьяны!

И тут ему в голову пришла мысль: а что, если соотнести эту находку с предыдущей? После внимательного изучения останков сомнений уже не оставалось: они принадлежали существу одного вида, причем этот вид не мог быть не чем иным, как очень архаичным и примитивным, но все же человеком! Да, черепная крышка еще очень поката, надглазничный валик сильно развит, но зуб определенно человеческий, а берцовая кость ясно указывает на выпрямленную двуногую походку ее обладателя.

Дюбуа решил, что долгожданное «недостающее звено эволюции» найдено. Определить возраст находки было несложно: геологический слой, в котором залежали найденные им останки, сформировался в среднем плейстоцене и по уровню залегания примерно соответствовал второму ледниковому периоду в Северном полушарии – то есть найденное Дюбуа существо обитало на Земле приблизительно 700 тысяч лет назад.

В 1894 году Дюбуа опубликовал подробное сообщение о своей находке, назвав своего обезьяночеловека «питекантроп прямоходящий». С тех пор питекантроп, или «яванский человек», стал классикой палеоантропологии.

Новые останки питекантропа были обнаружены лишь спустя более сорока лет после находки Дюбуа. Известный палеоантрополог, голландец немецкого происхождения фон Кенигсвальд в 1937 году откопал у селения Моджокерто (Восточная Ява) ювенильный, то есть детский, череп, который он безошибочно отнес к человеческому роду. Возраст находки составлял около 1 млн лет.

Затем последовали новые находки. Тщательное и продолжительное их изучение развеяло последние сомнения: питекантроп, несомненно, является одним из самых ранних представителей рода Номо. Этот «брат наш меньший» имел рост до 165–175 см и по способу передвижения ничем не отличался от современного человека. Правда, он явно не был отягощен

интеллектом: черепная коробка даже по сравнению с австралопитеком выглядит несколько тяжеловато, хотя и довольно велика (объем мозга – около 880–900 куб. см); лоб низкий, покатый, надглазничный валик выступает вперед и тяжело нависает над глазами. Челюсти массивные (причем нижняя челюсть длиннее, чем у современного человека), подбородок круто срезанный. Зато весь челюстной аппарат выглядит совершенно «по-человечески».

В целом же по большинству признаков питекантроп действительно стоит на полпути между австралопитеком и современным человеком. И его можно было бы считать «недостающим звеном». Но...

Новые находки заставили ученый мир сильно поколебаться в уверенности, что питекантроп является прямым предком современного человека. В 1918–1927 годах шведские ученые Й. Андерсон и Б. Болин обнаружили в Китае, в известняковой пещере у селения Чжоукоудянь (примерно в 40 км к юго-востоку от Пекина), зубы ископаемого антропоида. Один из этих зубов попал на стол профессора Пекинского медицинского института англичанина Дэвидсона Блэка. Внимательно изучив находку, Блэк определил, что она принадлежала примитивному человеку, стоящему весьма близко к яванскому питекантропу. Ученый окрестил его синантропом, или пекинским человеком.

Новые раскопки, предпринятые в пещере Чжоукоудянь Блэком, а позднее другими учеными, позволили обнаружить останки более чем сорока особей синантропа – старых и молодых, мужского и женского пола. Их возраст составлял около 400–500 тысяч лет. Пещера Чжоукоудянь вплоть до самых последних дней продолжает исправно «поставлять» все новые и новые останки синантропов – зубы, кости, фрагменты черепов и т. д. Здесь же найдены многочисленные примитивные каменные орудия – отщепы, рубила, скребла и т. д. Но самым главным открытием было огромное кострище: оказывается, синантроп уже умел пользоваться огнем!

Впрочем, он, скорее всего, не умел его разводить: колоссальное скопление золы и угля толщиной в шесть метров навело ученых на мысль, что обитатели пещеры, скорее всего, принесли пылающую ветку из лесного пожара, случившегося по соседству, а затем на протяжении многих лет поддерживали его. Трудно даже сказать, сколько поколений синантропов сменилось у этого «вечного огня».

Несомненно, что подобный образ жизни требовал от первобытного стада каких-то навыков коммуникации. О членораздельной речи говорить еще не приходится, но синантроп, во всяком случае, умел мыслить и передавать соплеменникам определенную информацию и, следовательно,

был уже во многих отношениях человеком. Впрочем, это не мешало ему с аппетитом пожирать себе подобных: многие найденные в пещере Чжоукоудянь черепа разбиты тяжелыми предметами. Ученые полагают, что синантропы были каннибалами и охотились друг за другом.

С помощью самых современных методов ученые изучили синантропа, что называется, вдоль и поперек. Строением тела «пекинский человек» мало чем отличался от питекантропа. Держался он прямо, но роста был гораздо меньшего – немногим более 150 см. Зато объем мозга значительно превышал аналогичный показатель питекантропа – 1050–1100 куб. см. Несомненно, что на эволюционной лестнице «пекинский человек» стоит выше «яванского человека», а ведь они были современниками! И от кого тогда произошел современный человек – от питекантропа или от синантропа?

Картина еще более усложнилась, когда в 1963 году в Лантьяне (провинция Шанси) китайские археологи обнаружили хорошо сохранившуюся нижнюю челюсть примитивного человека, а год спустя в той же местности, у Кунванлиня, были найдены части лицевого скелета, зуб и черепной свод того же вида. Эти находки оказались даже древнее чжоукоудяньских – их возраст составляет примерно 1 млн лет. И речь здесь, как оказалось, идет все о том же питекантропе – но уже о третьем его виде! Однако по сравнению со своими родственниками «человек из Лантьяна» был, что называется, совсем дурак: объем его мозга едва-едва достигал 780 куб. см.

Остатки древнейших людей вида гомо эректус были обнаружены также в Африке и Европе. Самая старая европейская находка происходит из песчаного карьера у деревни Мауэр близ Гейдельберга (Германия). 20 октября 1907 года здесь была открыта нижняя челюсть, известная среди специалистов как челюсть «гейдельбергского человека». Это название дал находке в 1908 году профессор О. Шетензак. «Гейдельбергский человек» именовался также «палеоантропом» или «протантропом». Сегодня общепринята точка зрения, согласно которой «гейдельбергский человек» является еще одним представителем рода питекантропов. Его абсолютный возраст исчисляется в 900 тысяч лет.

Еще одна европейская находка (зубы и затылочная кость) была сделана в 1965 году близ селения Вертешсёллэш (Венгрия). Этот ископаемый человек по уровню развития приближается к пекинскому синантропу, а его возраст составляет 600–500 тысяч лет. Другие находки останков вида гомо эректус были сделаны на территории Чехии, Греции, Алжира, Марокко, Республики Чад и в знаменитом Олдувайском ущелье.

Накопленный материал позволил ученым сделать потрясающие выводы: во-первых, питекантропы имеют значительно больший, чем считалось раньше, возраст: древность наиболее архаичных из них достигает 2 млн лет – то есть первые питекантропы были современниками австралопитеков. Во-вторых, видовые различия среди различных групп питекантропов настолько велики, что впору говорить не о виде, а о самостоятельном роде гомо эректус, включающем в себя несколько различных видов! И, наконец, в-третьих, питекантроп, он же гомо эректус, увы, не является предком современного человека: в 2003 году группа японских и индонезийских ученых окончательно доказала, что «яванский человек» не является звеном эволюции *Homo sapiens* и вообще не имеет к современному человеку никакого отношения^[2].

История с питекантропом поставила перед научным сообществом новые и пока неразрешимые вопросы, связанные с происхождением человека. Во всяком случае, ясно лишь одно: эволюция человеческого рода шла неизмеримо более сложными путями, чем это представлялось многим горячим головам всего несколько десятилетий тому назад.

Кто ты, неандерталец?

За неандертальцем издавна закрепилась скверная репутация. Каких только эпитетов – «обезьяноподобный троглодит», «пещерный человек», «тупой варвар» – не было высказано в его адрес, начиная с 1856 года, когда в долине Неандерталь, расположенной в окрестностях Дюссельдорфа (Германия), в пещере, заполненной илистыми отложениями, был обнаружен первый скелет этого родственника современного человека. Родственника, надо заметить, во многом загадочного, ибо неандерталец не спешит раскрывать свои тайны. А вопросов к нему за полтора столетия у ученых накопилось немало.

Первооткрывателем неандертальца стал немецкий естествоиспытатель Иоганн Карл Фюльротт (1803–1877). Находка сразу вызвала колоссальный интерес, однако лишь немногие ученые сумели сразу понять значение открытия. Долгое время неандертальца даже называли предком современного человека. Сегодня уже очевидно, что и это не соответствует истине: неандерталец – вполне самостоятельный вид гомо сапиенс. Более того: на определенном историческом отрезке неандерталец и наш прямой предок кроманьонец существовали бок о бок! И, наконец, еще одно открытие – и внутри неандертальского вида имелись значительные различия.

Сегодня стало очевидным, что в рамках вида *Homo sapiens neanderthalensis* («человек разумный неандертальский») существовало как минимум две эволюционные линии, из которых первую принято называть «ранними неандертальцами», или «пранеандертальцами», а вторую – «классическими», или «западноевропейскими» неандертальцами.

Ранние неандертальцы жили примерно 150 тысяч лет тому назад, в последний межледниковый период. Возраст классических неандертальцев – последнее оледенение, то есть 80–35 тысяч лет. Это были сильные, массивного телосложения люди, их рост в среднем составлял 155–165 см. Нижние конечности были короче, чем у современных людей. Самое любопытное, что именно ранний неандерталец стоит на эволюционной лестнице ближе всего к современному человеку – «гомо сапиенс сапиенс» (представители этого последнего вида впервые появились лишь в ходе последнего оледенения). Но при этом костные остатки ранних неандертальцев свидетельствуют и об их родственных связях с классическими неандертальцами! Эта проблема не нашла пока своего

окончательного решения.

Классический неандерталец достиг вершины своего развития во время последнего оледенения. С неандертальцем археологи уверенно связывают культуру так называемого мустьерского типа, для которой характерно довольно большое разнообразие каменных орудий: рубила, ударники, скребла, скребки, ножи, сверла, каменные наконечники. Мустьерская культура, пожалуй, самое любопытное явление в истории человечества: это пример культуры, созданной не человеком в «классическом» понимании этого слова. И некоторые признаки позволяют говорить о том, что эта «нечеловеческая» культура уже несла в себе зачатки человечности!

В течение долгого времени главной загадкой неандертальца оставался вопрос о том, обладали ли эти «нелюди» речевыми способностями. На протяжении многих лет эта проблема служила предметом жарких споров среди специалистов. Сегодня мы с уверенностью можем сказать: да, обладали! Об этом неопровержимо свидетельствует находка, сделанная археологами в пещере Кебара на горе Кармел (Израиль): гиоидная кость, фрагмент скелета неандертальца, скончавшегося 60 тысяч лет назад. Эта характерного вида кость располагается у основания языка и ее наличие является для анатомов ясным биологическим свидетельством того, что ее обладатель был физически способен к членораздельной речи.

Тот же самый скелет (известный как Кебара 2) приоткрыл перед учеными и другие тайны неандертальского человека. Анатомы установили, что еще при жизни этот индивидуум при каких-то обстоятельствах сломал несколько ребер. Но они были заботливо исцелены! Кто-то (а кто иной, как не соплеменники?) довольно долгое время ухаживал за раненым. Этот случай ясно показывает, что неандертальцы, не чуждавшиеся каннибализма, по крайней мере к своим соплеменникам питали товарищеские чувства и заботились о них точно так же, как это делают современные люди. И находка в гроте Кебара – не единственный факт подобного рода.

В пещере Шанидар (Иракский Курдистан) среди найденных здесь многочисленных скелетов неандертальцев были обнаружены останки мужчины приблизительно 40-летнего возраста. Этот человек, которого руководитель раскопок в Шанидаре археолог Ральф Солецки окрестил именем Нанди, очевидно, погиб, упав на камни 46 тысяч лет тому назад. Анатомы, исследовавшие скелет, установили, что Нанди имел врожденный дефект: правая сторона его тела была недоразвитой. Вдобавок он еще в раннем возрасте лишился нижней части правой руки до локтя и на протяжении всей жизни страдал артритом. Он также перенес множество

травматических повреждений головы и, вероятно, имел бельмо на левом глазу. Но соплеменники не бросили Нанди в беде, хотя с чисто звериной точки зрения он был для них явной обузой! Тем не менее они всю жизнь заботились о Нанди, благодаря чему уродец благополучно дожил до 40-летнего возраста – для неандертальца это уже маститая старость.

В качестве другого примера подобного рода можно привести находку черепа 11-летнего мальчика из пещеры Скул (Израиль). Возраст находки составляет 95 тысяч лет. Экспертиза черепа показала, что за несколько лет до смерти мальчик получил очень тяжелое травматическое повреждение головы – кости черепа были пробиты. Однако соплеменники и в этом случае заботливо излечили рану, хотя ее серьезность была такова, что требовала длительного лечения и абсолютного покоя. И во имя спасения мальчика племя пошло на риск умереть от голода! Ведь первобытных охотников кормили ноги, они должны были непрерывно кочевать вслед за мигрирующими стадами животных.

Эти и другие примеры наглядно свидетельствуют о том, что неандертальцы, хотя и не являлись людьми в современном понимании этого слова, в чем-то были более человечны, чем многие наши современники. И, не оставляя своим вниманием раненых и больных, они так же трогательно заботились о своих мертвых. Имеется множество – от Франции до Узбекистана – примеров того, что эти «пещерные люди» с большим уважением хоронили и стариков, и взрослых мужчин и женщин, и младенцев, в могилки которых трогательно положены грубо сделанные кремневые или костяные безделушки. А во Франции (Дордонь) было обнаружено даже погребение выкидыша.

Что же это были за странные люди – неандертальцы, столь мало похожие на нас и в то же время так близкие нам? Почему мы, а не они стали «вершиной эволюции»? И почему, по какой причине 30 тысяч лет назад эти полноправные хозяева среднего палеолита неожиданно исчезли с лица земли, освободив дорогу представителям вида *Homo sapiens sapiens* – то есть нам с вами?

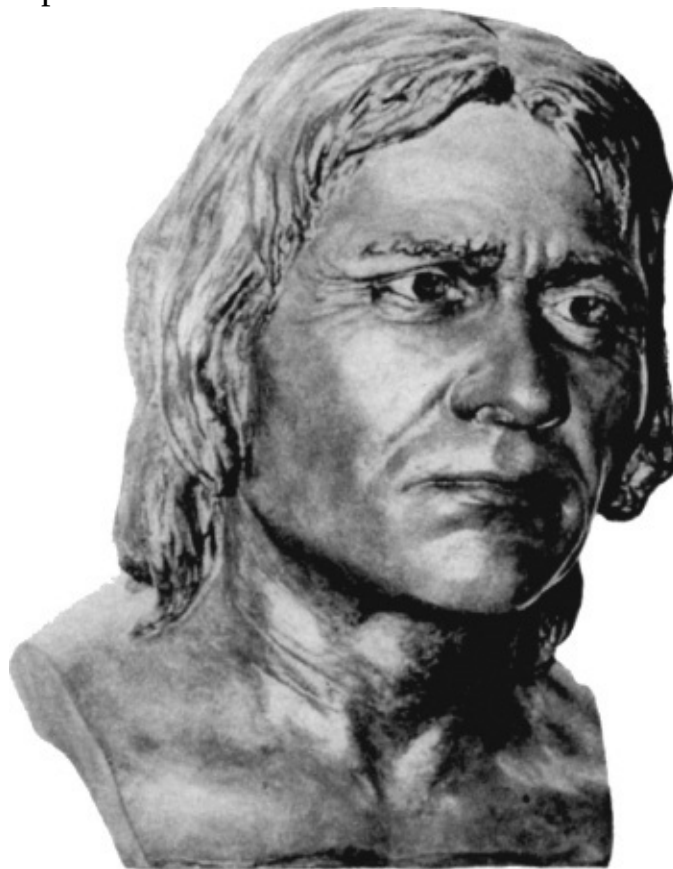
Загадка исчезновения неандертальцев – одна из самых главных тайн каменного века. На сегодняшний день нет ни одной сколько-нибудь удовлетворительной теории, объясняющей исчезновение этого человеческого вида, шедшего своим собственным эволюционным путем. По этому поводу высказываются различные версии, но самыми распространенными являются четыре: неандертальцы вымерли из-за резкого изменения климата, так как были узкоспециализированным видом, плохо адаптированным к изменениям окружающей среды; причиной

исчезновения неандертальцев стала поголовная эпидемия; неандертальцы не выдержали конкуренции с кроманьонцами и были вытеснены и истреблены последними; неандертальцы смешались с кроманьонцами, и сегодняшний человек является гибридом этих двух видов.

Ни одна из этих теорий не выдерживает критики, но так как ничего лучшего нет, различные ученые в разных странах либо придерживаются одной из вышеназванных версий, либо высказывают собственные гипотезы.

Человек из Кро-Маньона

Самые ранние свидетельства существования гомо сапиенс современного типа имеют возраст 30–40 тысяч лет. Ученые впервые «познакомились» с этим нашим предком в 1868 году, когда рабочие случайно обнаружили в пещере Кро-Маньон (Франция) останки доисторического человека, жившего, как показали исследования, 28 тысяч лет назад. С тех пор за людьми этого типа закрепилось название кроманьонцев. Сегодня следы кроманьонского человека обнаружены на всех континентах – в Африке, Европе, Азии, Австралии, Северной и Южной Америке. По строению черепа и остального костяка этот «финальный» разумный человек практически ничем не отличался от нас с вами, разве что несколько более массивным телосложением, но эта оговорка распространяется только на первых, наиболее древних представителей современного человеческого типа.

Многочисленные находки скелетов позднепалеолитического человека

позволяют нам получить представление о состоянии здоровья наших предков. Их средний возраст составлял 30 лет, в исключительных случаях они доживали до 50 и более лет. Впрочем, величина среднего возраста сохранялась на этом уровне вплоть до Средневековья, так что можно смело утверждать, что здоровье позднепалеолитических охотников было по тогдашним условиям жизни вполне удовлетворительным.

Охота была главным занятием кроманьонцев. Их жизнь подчинялась годовым циклам миграции стад крупных копытных, являвшихся основным объектом охоты. Долгую холодную зиму ледникового периода эти люди проводили в постоянных становищах, где были оборудованы довольно прочные и теплые хижины. Летом племя кочевало вслед за стадами животных, делая короткие стоянки и живя в легких палатках из жердей и шкур. В Европе широко известны такие «классические» стоянки первобытного человека, как Кро-Маньон и Комб-Капелль во Франции, Оберкассель в ФРГ, Пржедмости и Долни Вестонице в Чехии.

Основным отличием кроманьонца от всех предшествовавших ему человекообразных существ является неизмеримо более совершенный и разнообразный инвентарь, сопутствующий находкам останков кроманьонского человека. Главным оружием человека каменного века было копье с каменным или костяным наконечником. В искусстве изготовления этих орудий кроманьонцы достигли настоящей виртуозности. Нередко можно встретить костяные наконечники с желобком для оттока крови, гарпуны с направленными назад шипами («елочкой»). Палеолитические охотники знали уже разнообразные системы западней и силков. В прибрежных поселениях кроманьонцев обнаружены сети и сачки, сплетенные из лозы и служившие для рыбной ловли, а также различные типы удочек. К тому же периоду относятся первые каменные наконечники стрел и луки, тяжелые костяные дубинки, костяные ножи, часто украшенные орнаментальной резьбой. Высокой степени совершенства достигла и выделка кожи. Даже некоторые этнографические группы современных людей, например эскимосы или некоторые народы Сибири, признанные мастера обработки кож, располагают менее богатым набором орудий, чем кроманьонские охотники.

Кроманьонцы делали ожерелья из раковин, клыков хищных зверей, перьев, цветов и костей, вырезали из кости или делали из обожженной глины фигурки зверей и людей. Но самым потрясающим было искусство наскальной живописи. Оно достигло таких высот, что ученые XIX века, открывшие наскальные росписи эпохи верхнего палеолита, долго отказывались верить в то, что они сделаны «первобытными дикарями». И в

этом необыкновенном, неслыханном расцвете искусства и таится, вероятно, загадка происхождения современного человека. Вопреки распространенным еще недавно заблуждениям отнюдь не труд «сделал обезьяну человеком» – «человек умелый» Луиса Лики сотни тысяч лет долбил свои камешки, но человеком так и не стал. И уж тем более не спорт – австралопитек миллионы лет бегал на длинные дистанции и метал камни, но как был обезьяной, так обезьяной и остался. И не в объеме черепа тут дело. Одна лишь культура, таинственным образом вдохнутая в тупого троглодита, позволила ему в кратчайшее время лишиться звериных черт и стать человеком в истинном смысле этого слова. Влияние культуры на биологическое развитие человека с самого начала было исключительно сильным, но в последних фазах эволюции оно приобрело прямо-таки решающее значение.

Духовной жизни палеолитического человечества, палеолитическому искусству и попыткам реконструкции социальных отношений того времени посвящены тысячи статей и сотни книг. Однако загадка происхождения человеческой культуры не получила никакого удовлетворительного объяснения до сих пор. Можно с большой долей уверенности предположить, что она не будет решена никогда. И, вероятно, правы те религиозные философы, которые утверждают, что история – это диалог человека с Богом, и когда этот диалог прекратится, прекратится и человеческая история. А каким образом еще можно вести диалог с Богом, как не на языке культуры?

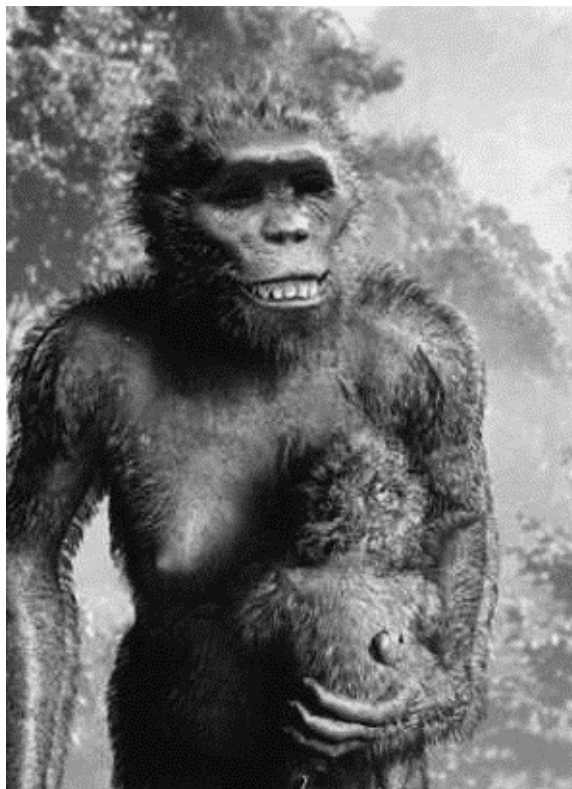
Обнаруженные археологами захоронения кроманьонцев доказывают наличие у них развитой системы культово-религиозных представлений. Из отложений позднего палеолита известны погребения с чертами сложного погребального ритуала. В большинстве захоронений могилы прикрыты лопатками, челюстями и другими крупными костями мамонтов. О существовании у кроманьонцев каких-то сложных ритуалов свидетельствуют и находки чаш, сделанных из человеческих черепов. Но главным доказательством того, что именно в эти времена начался диалог человека с Богом, являются росписи пещер – изумительные и удивительные наскальные картины, выполненные древесным углем и минеральными пигментами. Любопытно, что большинство этих картин находятся в местах укромных, плохо освещенных и неудобных, что говорит о том, что они явно не предназначались для широкого обозрения, а служили местом каких-то ритуальных действий или обрядов, в которых принимал участие небольшой круг людей. Интересно и другое: как установили исследователи, живопись в таких местах нередко является

многослойной, то есть первобытные охотники, попав сюда, добавляли свои рисунки к тем, что были сделаны их предшественниками. То есть людям разных племен, живших в разные времена, были понятны смысл этих рисунков и сакральное значение места, где они находились. Это позволяет говорить о существовании единой системы религиозных представлений, по крайней мере, у значительных групп кроманьонских племен. И хотя ясно, что главным элементом этого культа было, вероятно, поклонение неким божествам охоты, картина мира кроманьонского человека еще далека от полной ясности. И это не единственная тайна кроманьонцев.

«Хоббит» с острова Флорес

Осенью 2004 года мир узнал о сенсационном открытии: еще 13 тысяч лет назад люди современного типа жили бок о бок с представителями совершенно другого вида человека: карликовыми гоминидами метрового роста!

Встреча с этими «живыми ископаемыми» была поистине неожиданной. В сентябре 2003 года австралийские ученые во главе с профессором Майклом Морвудом обнаружили в известняковой пещере Лиан-Буа в западной части индонезийского острова Флорес, под шестиметровым слоем земли, хорошо сохранившийся череп, фрагменты ног и рук, а также ребра и кости таза. Возраст находки составлял 18 тысяч лет. Предположительно, это были останки женщины ростом 100 см, массой от 16 до 29 кг и таким же объемом мозга, как у шимпанзе. Строение таза неоспоримо свидетельствовало, что эта карлица передвигалась на двух ногах, а стертые зубы выдавали ее зрелый возраст, хотя она была ростом с ребенка. Ученые отметили реликтовые черты в строении ее тела: например, широкий таз и длинную шейку бедра. А вот мелкие зубы, узкий нос, общая форма мозговой части черепа и толщина ее костей напоминали строение тела анатомически современного человека.

В том же году австралийские ученые отыскиали останки еще одного или двух карликовых существ, а в полевой сезон 2004 года – еще от 5 до 7 особей, получивших научное название *Homo floresiensis*. В просторечии за ними быстро закрепилось название «хоббитов» – по аналогии с героями книг Дж. Р.Р. Толкиена. Название это оказалось очень метким: ведь речь, по существу, идет о карликовом виде человека!

«Эти скелеты выглядят сенсационно, – отмечал один из участников раскопок, археолог Питер Браун из университета Новой Англии в Австралии, – ведь прежде предполагалось, что гоминиды подобного роста с подобным размером мозга вымерли три миллиона лет назад».

В пещере Лиан-Буа «хоббиты» жили по крайней мере на протяжении 80 тысяч лет. Это были люди маленького роста, с небольшим объемом головного мозга (около 380 куб. см), со скошенным подбородком и характерным для ранних австралопитеков основанием черепа и строением коренных зубов нижней челюсти. С другой стороны, толстый свод черепа, относительно плоское лицо и небольшие коренные зубы очень напоминают «человека прямоходящего».

Судя по археологическим находкам, «хоббиты» мастерски изготавливали каменные орудия труда – пластины, резцы, скребки, топоры и наконечники копий. Эти орудия очень напоминают те самые орудия

труда, которыми пользовался *Homo sapiens*. Это тем более поразительно, что объем головного мозга «хоббитов» раза в три меньше, чем у нас. По этому признаку «хоббиты» располагаются рядом с австралопитеками и *Homo habilis*, однако те мастерили более примитивные орудия труда, нежели *Homo sapiens* и *Homo floresiensis*.

Вот еще что любопытно. На протяжении почти 25 тысяч лет люди и «хоббиты» были соседями, хотя, если быть совсем точным, человек современного типа появился на острове Флорес лишь в X тысячелетии до н. э. Все говорит за то, что каменные предметы возрастом более 12 тысяч лет, найденные в Лиан-Буа, изготовлены *Homo floresiensis*. Вымерли «хоббиты» сравнительно недавно – около 12 тысяч лет назад, то есть на протяжении нескольких десятков тысячелетий они сосуществовали рядом с анатомически современными людьми и, возможно, общались с ними. Удивляет сложное поведение гоминидов, наделенных таким крохотным мозгом: они сообща охотились, добывали огонь, изготавливали сложные каменные орудия.

«Это – одно из главных открытий в палеоантропологии за последние полвека» – так комментируют открытие ученые. Находки на острове Флорес пополняют галерею человеческих предков таким персонажем, о котором мы и не догадывались. Сразу возник вопрос: а правомочны ли мы причислять этих карликов к новому виду человека? Может быть, речь идет о хорошо известных азиатских пигмеях, населяющих, в частности, ряд островов на востоке Индийского океана? Исследователи исключают такую возможность. Во-первых, пигмеи (их рост колеблется от 1,40 до 1,50 м) почти в полтора раза выше «хоббитов». Во-вторых, мозг пигмеев лишь немного уступает в объеме мозгу европейцев, зато почти в три раза крупнее, чем мозг жителей острова Флорес. Кроме того, массивная черепная коробка последних характерна именно для ранних форм человека.

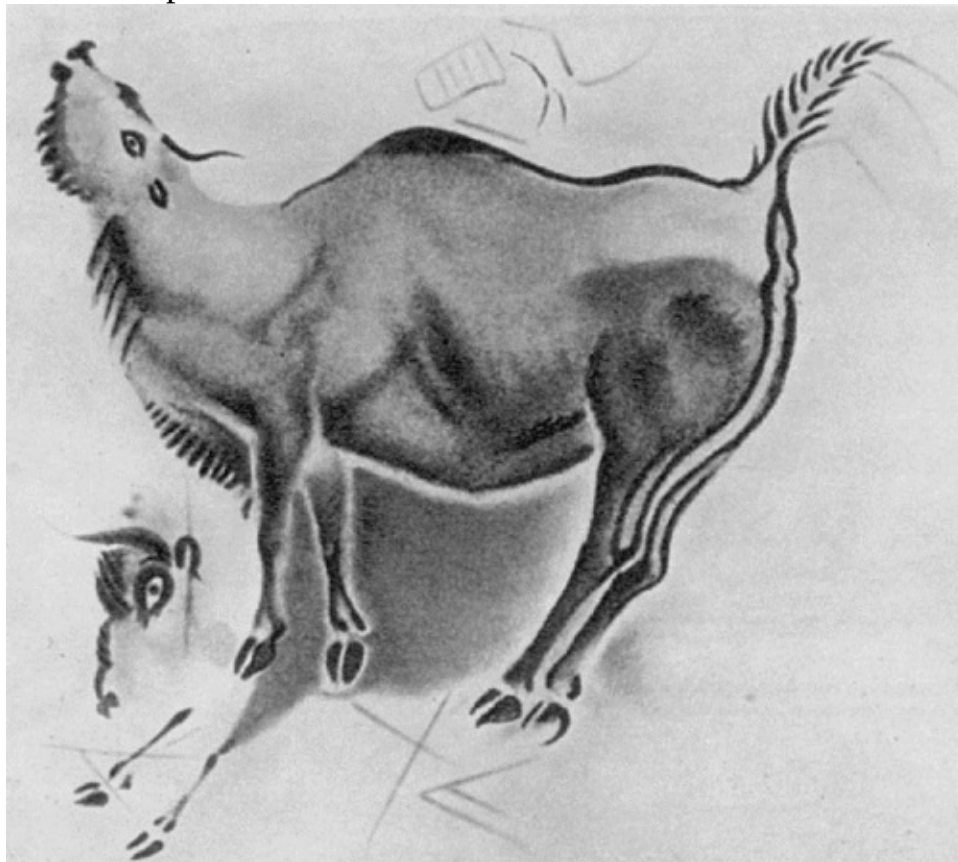
«Находка, сделанная на острове Флорес, загадочна. Мозг подобной величины не вписывается в наши привычные представления», – говорит немецкий биолог Герхард Рот. У современного человека нижняя граница объема мозга составляет 800 куб. см. Если мозг окажется меньше, это приведет к резкому ослаблению умственных способностей человека. Почему этого не произошло с древними жителями Флореса? Неясно. Герхард Рот предполагает, что нейроны в их головном мозге были расположены крайне плотно. И вообще, расхожая мысль «чем больше размер головного мозга, тем выше интеллект» не всегда верна. Иначе бы слоны (их мозг как-никак весит пять килограммов) были намного умнее человека.

Впрочем, высоким интеллектом «хоббиты» вряд ли отличались. Как свидетельствуют исследования микроцефалов (людей с аномально маленьким мозгом), для них характерна замедленная реакция; их речь развита посредственно, эти люди могут составлять лишь простые фразы. Очевидно, умственные способности «хоббитов» также были ограниченными.

«Конечно, человек с острова Флорес мог сносно жить и с таким небольшим мозгом. Однако вряд ли он был умнее шимпанзе», – скептически замечает немецкий зоолог Вольфганг Майер. Другие ученые убеждены в обратном. Они приписывают творениям рук этих «хоббитов» искусные, изощренные орудия труда, найденные там же, на острове Флорес. «Они настолько хорошо изготовлены, что скорее напоминают орудия *Homo sapiens*, чем *Homo erectus*», – говорит немецкий палеоантрополог Мириам Ноэль Хайдле.

Марселино де Саутуола и открытие Альтамиры

Альтамира – обширная известняковая пещера на севере Испании, близ города Сантандер, в Кантабрийских горах. Она приобрела всемирную известность благодаря найденным здесь древнейшим наскальным изображениям животных. Ее называют «Сикстинской капеллой первобытного искусства». В историю навсегда вошло имя испанского археолога-любителя дона Марселино де Саутуолы, первооткрывателя росписей Альтамиры.

Пещера, вход в которую еще в древности был засыпан обвалом, была случайно обнаружена в 1868 году неким местным жителем. Спустя семь лет здесь побывал Марселино де Саутуола, страстный любитель древностей. В пещере Саутуола нашел кости и зубы древних животных, скелет пещерного медведя и грубо оббитые обломки кремня, в которых опознал орудия древних людей.

Возвратившись в ноябре 1879 года в Сантандер, Саутуола начал раскопки в пещере. Он обнаружил новые орудия из камня, кости оленях

рогов и следы палеолитического очага. В один из дней он взял с собой девятилетнюю дочь Марию. Ей все здесь было интересно, а рост позволял свободно рассматривать своды пещеры там, где отец мог пройти лишь согнувшись. Поэтому неудивительно, что именно Мария неожиданно обнаружила на низком потолке бокового грота удивительные рисунки, покрывавшие темные своды пещеры. Это были необыкновенно реалистичные изображения быков высотой в полтора-два метра, нарисованные яркими красными и оранжевыми красками.

Изучив рисунки, Саутуола пришел к выводу, что их автор, несомненно, был человеком сведущим и талантливым, его рука уверенно вписывала изображения в неровности скал. Пройдя из первого зала пещеры во второй, Саутуола и там увидел рисунки зверей и геометрические фигуры. В слое культурных отложений на полу пещеры он нашел куски охры того же цвета, каким выполнялись росписи. И самое главное – Саутуола после тщательных исследований собрал убедительные доказательства того, что в этих залах со времен каменного века никого никогда не было! То есть авторами рисунков могли быть только те самые голые и волосатые «троглодиты», которые, по представлениям тогдашней науки, лишь нечленораздельно мычали и остервенело бегали за дичью, размахивая корявыми дубинами.

Это была сенсация. Саутуола был убежден, что живопись Альтамиры – результаты деятельности ископаемого человека. Но определить точный возраст изображений Альтамиры и вынести окончательный «приговор» ему, любителю, было не под силу.

В 1880 году Саутуола опубликовал сообщение о находке в виде небольшой брошюры и отослал ее в редакцию французского журнала «Материалы по естественной истории человека». О находке заговорили крупнейшие ученые мужи того времени. «Дерзкая» брошюрка Саутуолы вызвала их единогласное возмущение. В научном мире поднялась буря гнева и негодования, Саутуолу обвиняли в подлоге. В это нелегкое время рядом с ним оказался лишь один человек – профессор Мадридского университета Вилланова. Побывав в Альтамире, он обнаружил новые росписи, куски явно «несовременной» засохшей краски, и даже раковину, служившую когда-то палитрой первобытному художнику. В заложенных в пещере контрольных шурфах Вилланова обнаружил кости ископаемых животных, в том числе и пещерного медведя.

Ученый полностью поддержал выводы Саутуолы. Но его голос был одинок в мощном хоре противников великого открытия. Большинство ученых находилось под влиянием в высшей степени сомнительных

дарвиновских теорий. Они не могли поверить в то, что человек каменного века обладал столь развитым искусством, свидетельствующим о высокой художественной культуре и талантливости первобытных людей. Тогда, в середине XIX века, не знали искусства старше древнеегипетского или кельтского, поэтому предполагалось, что любые предшествующие формы, которые еще могут быть открыты, неизбежно будут более примитивными. Никому и в голову не могло прийти, что уже 20 тысяч лет назад в Европе существовало искусство, достойное восхищения.

Между тем в громком хоре голосов, осуждавших альтамирскую «фальсификацию», звучали и другие мнения. Один из крупнейших археологов той поры Э. Пьетт писал: «Я не сомневаюсь, что эти росписи могут быть отнесены к мадленской эпохе» (то есть период позднего палеолита, около 16 тыс. лет. – *Авт.*). Палеонтолог Гюстав Шове в 1887 году поддержал выводы Саутуолы. Вокруг сенсационного открытия возникло что-то похожее на дискуссию. Но это была очень странная дискуссия: критика открытия здесь принималась за аксиому, а аргументация защитников открытия не удостоивалась внимания. Между тем открытия наскальных рисунков в пещерах Европы множились. Одновременно множилось число находок различных скульптур и орнаментированных предметов, залежавших в культурных слоях, относящихся к верхнему палеолиту.

В 1895 году в пещере Ла Мут, расположенной в долине реки Везер (Дордонь, Франция), французский археолог Эмиль Ривьер обнаружил наскальные изображения ископаемых животных. Их древность не вызывала сомнений: они находились в галерее, закупоренной «пробкой» культурного слоя, содержащего палеолитические орудия. Однако судьба альтамирской находки заставила Ривьера быть предельно осторожным: по иронии судьбы, он сам еще недавно находился в числе яростных противников Саутуолы и хорошо помнил свои собственные инвективы в адрес «изобретателя Альтамиры». А тут судьба посылает ему самому сомнительный шанс прослыть «изобретателем» Ла Мута!

Раскопки в пещере Ла Мут продолжают, и вскоре Ривьер и его коллеги находят... каменный светильник, относящийся к эпохе верхнего палеолита. Так вот каким образом первобытные художники освещали стены пещеры! Единственное возражение, которое не смогли опровергнуть Саутуола и Вилланова, снимается этой находкой!

А тем временем...

Тулузский книготорговец и археолог Рейно обнаруживает в гроте Марсула наскальную живопись, сравнимую по технике с росписями

Альтамиры.

Археолог Дало в 1896 году в пещере Пэр-но-Пэр находит рисунки различных зверей, в том числе мамонта. Этот «зверинец» был хаотически разбросан на площади около 25 кв. м по вертикальной известняковой стенке, закрытой ранее культурным слоем древнекаменного века. Возраст рисунков тем самым доказывается неоспоримо.

Наконец, в 1902 году наступает «момент истины». На конгрессе французских антропологов в Монтабане крупнейший авторитет того времени Эмиль Картальяк публично признает, что совершил и вот уже на протяжении двадцати лет продолжает совершать роковую ошибку, отказываясь признать подлинность росписей Альтамиры и других пещер, где были найдены рисунки палеолитического человека. И вскоре весь ученый мир с волнением и изумлением читал статью Картальяка «Моя вина», в которой он публично каялся в своих ошибках. А 1 октября 1902 года Картальяк, сопровождаемый молодым аббатом Анри Брейлем – в будущем одним из крупнейших исследователей культуры каменного века, – стоял у скрытой низким кустарником темной расщелины, ведущей в пещеру Альтамира. Перед этим он встретился с дочерью покойного Саутуолы Марией и попросил ее о прощении за несправедливость к ее отцу и его величайшему открытию, и за то, что поставил под сомнение доброе имя Марселино де Саутуолы.

Открытие рисунков в Альтамире стало началом изучения пещерной живописи времен палеолита. Многие десятки подобных пещер с палеолитическими рисунками были обнаружены позднее в самых различных местах Европы и Азии. В числе самых значительных открытий палеолитического искусства – пещеры Ласко (1940), Руффиньяк (1956), Дель Ромито (1961), Капова пещера на Южном Урале (1959) и Хоит-Цэнкер Агуй (1972) в Западной Монголии. На сегодняшний день расписных палеолитических пещер в одной лишь Западной Европе насчитывается более ста пятидесяти, и они многое поведали о людях каменного века. Рисунки, гравюры, разнообразные статуэтки свидетельствуют о том, что первобытные охотники были далеко не такими примитивными, какими они представлялись ранее. Эти современники мамонтов и шерстистых носорогов поднялись на такой художественный уровень, который оставался недостижимым для последующих поколений людей в течение многих тысячелетий.

История Сахары в наскальной живописи Тассилин-Аджера

Огромное, иссушенное жгучим солнцем пустынное плато Тассилин-Аджер площадью 72 тыс. кв. км расположено в Центральной Сахаре, на юго-востоке Алжира. Протяженность плато составляет 700 км, ширина – 100 км. Выровненную поверхность Тассилин-Аджера с поднимающимися кое-где остроконечными вершинами пересекают каньоны, русла высохших древних рек. В скалах Тассили (так называют плато берберы) имеется множество гротов и пещер, есть здесь и горячие вулканические источники. Повсеместно встречаются геологические образования из эродированного песчаника, образующие так называемые «скальные леса».

Этот «марсианский пейзаж» – один из древнейших центров обитания человека в Северной Африке.

Древние обитатели Тассилин-Аджера оставили свыше 15 тысяч наскальных рисунков и рельефов, охватывающих огромный период времени – от VI тысячелетия до н. э. до наших дней включительно. Эти изображения животных, людей, колесниц, сцен охоты, войны, перегона стад и т. д. – настоящая летопись Северной Африки.

Крупнейшие ансамбли наскального искусства в Сахаре расположены главным образом в нагорьях Тассилин-Аджер, Тассилин-Ахаггар, Тибести и в прилегающих к ним районах: Феццане, Адрар Ифорасе, Аире, Борку, Эннеди и т. д. Нигде в мире наскальные рисунки не достигают такой высокой плотности. Сюжеты множества из них свидетельствуют о том, что

в эпоху неолита в Сахаре были более влажный климат, богатый растительный и животный мир. Фрески Тассили запечатлели всю эволюцию Сахары от некогда цветущей саванны к безжизненной пустыне.

Создателями наскальных фресок Тассили стали многие поколения охотничьих и скотоводческих племен, населявшие теперешнюю пустыню в те далекие времена, когда она была страной с благодатным климатом, пышной растительностью и богатым животным миром. Как установили исследователи, Сахара пережила два влажных периода: первый закончился в эпоху нижнего палеолита, второй продолжался около шести тысяч лет, примерно до II тысячелетия до н. э.

В эпоху неолита в этой богатой водой местности произрастали разные породы лиственных и хвойных деревьев, дубы, олеандр и мирт, цитрусовые и оливковые деревья. Многочисленные долины, сейчас засыпанные песком, были в то время такими же полноводными реками, как Нил и Нигер. Они изобиловали рыбой и крупными речными животными – бегемотами, крокодилами, – кости которых сохранились в местах древних поселений.

Сегодня ученые выделяют четыре больших периода развития наскального искусства Сахары, связанных с климатическими изменениями в этом районе:

I. Период древнего буйвола (VIII–VI тысячелетия до н. э.) – «эпоха охотников».

II. Период домашних быков (около 3500 лет до н. э.) – «эпоха пастухов».

III. Период лошади (около 1500 лет до н. э.).

IV. Период верблюда (около II века н. э.).

Живопись и петроглифы трех последних периодов встречаются на территории Сахары повсеместно, но древние памятники, относящиеся к «эпохе охотников», сохранились лишь в нескольких местах – главным образом в Феццане и в горах Сахарского Атласа.

Петроглифы Феццана по праву считаются вершиной первобытного искусства. Местность, где находятся эти изображения, в настоящее время представляет собой безжизненную пустыню. По обеим сторонам сухой долины Матенду высятся темно-оранжевые, растрескавшиеся от зноя скалы, на которых ясно различимы изображения слонов, бегемотов, носорогов, жирафов, быков, антилоп, страусов и других животных, а также фигуры лучников, охотников с дротиками и т. д. Размеры фигур достигают нескольких метров.

В IV тысячелетии до н. э. наскальные изображения крупных толстокожих исчезают. Из диких животных остаются жирафы, страусы,

антилопы. Зато появляются изображения хищников и первые фигуры быков. Быки в разных позах и ракурсах, с то длинными, то короткими рогами, с рогами, загнутыми назад или изогнутыми в виде лиры, становятся основным объектом изображения. Эта тенденция достигает своего апогея примерно в середине IV тысячелетия до н. э., когда в Тассили обосновываются скотоводческие племена. В этот период наряду с жанровыми сценками из повседневной жизни появляются большие наскальные панно, изображающие перегон скота, сцены войны, охоты, собирания злаков. Многие картины на мифологические темы – например, посвященные культу плодородия, – отличаются неприкрытой откровенностью.

Древние художники высекали свои произведения в скалах, либо писали их минеральными красками, в которых доминируют желтые, коричневые, голубые и красноватые тона. В качестве вяжущего материала они использовали яичный белок. Краски наносили рукой, кистями и перьями.

Примерно в середине II тысячелетия до н. э. в Тассили появляются изображения боевых колесниц, запряженных лошадьми. По рисункам на скалах их путь прослеживается от побережья Средиземного моря до верхней излучины Нигера. Рядом с колесницами на рисунках изображены люди, по облику, цвету кожи и одежде явно отличающиеся от всех типов местного населения. Это светлокожие, рослые воины, вооруженные мечами, копьями и дротиками, с круглыми щитами в руках. Кто они?

Об обитателях Сахары, использовавших запряженные лошадьми боевые колесницы, писал еще древнегреческий историк Геродот. В античные времена этот народ назывался гарамантами. Римский историк Тацит описывает гарамантов «свирепым племенем, наводившим ужас на соседей». Как установили современные ученые, основу этого этнически пестрого народа составили потомки древних ливийцев. В последующие века гараманты смешались с местными племенами и образовали современные народности туарегов и теда, живущих в Сахаре.

Наскальное искусство Тассилин-Аджера завершается «периодом верблюда», когда это животное, вытеснившее лошадь, стало безраздельно царствовать в Сахаре. Но, несмотря на то что к середине II тысячелетия нашей эры Тассилин-Аджер окончательно превратился в иссушенную пустыню, населенную лишь змеями, ящерицами и пауками, традиции наскальной росписи сохранились у здешних кочевников-туарегов вплоть до середины XX века. Об этом свидетельствуют схематические рисунки, обнаруженные на стенах французских фортов, построенных здесь в начале

XX века, и даже на обломках самолета, разбившегося в Сахаре в период Второй мировой войны.

Первооткрывателем и исследователем наскальной живописи в Сахаре был французский ученый Анри Лот, который в начале 1950-х годов обнаружил в Тассилин-Аджере более 10 000 рисунков. В результате раскопок были открыты захоронения, найдены осколки горшков, каменных инструментов, а также острия стрел и копий, кости разнообразных животных. Собранный в Сахаре за последнее столетие и ежегодно пополняемый археологический материал свидетельствует о том, что именно здесь следует искать разгадку многих тайн древней истории народов Африки.

В 1972 году, в целях сохранения крупнейшего в мире комплекса доисторического искусства, представляющего культурную и природную ценность, в Тассилин-Аджере был создан национальный парк. Сегодня его площадь составляет 1000 кв. км.

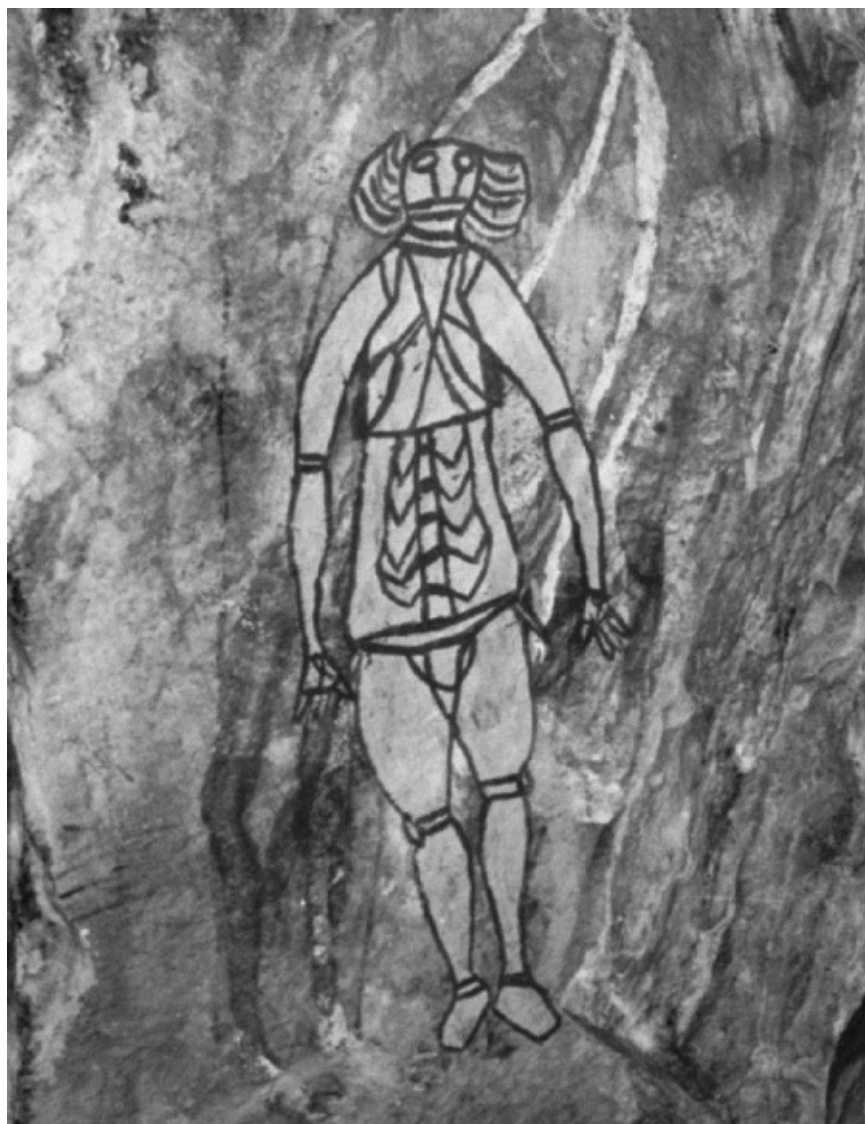
Таинственный мир Арнемленда

Обширное Арнемлендское плоскогорье располагается на севере Австралии. Оно представляет собой величественный скальный массив высотой от 30 до 300 метров, со множеством уступов, водопадов, карнизов и пещер, протянувшийся в длину на 500 километров. Поскольку многие участки западного склона Арнемлендского плоскогорья, за исключением разве что вершины, лишены почвы, в этих местах нет и растительности. Зато в ущельях и теснинах, где имеются небольшие глубокие почвенные слои, произрастают сообщества дождевого леса, представленного значительным числом реликтовых видов.

Арнемленд представляет собой величайшую культурную достопримечательность. Обследовав около семи тысяч пещер на одном только западном склоне Арнемлендского плоскогорья, археологи обнаружили здесь множество наскальных рисунков. С помощью радиоуглеродного метода удалось установить, что они были сделаны австралийскими аборигенами около 25 тысяч лет назад. Кроме того, по ходу раскопок в разных местах парка ученые наткнулись на хорошо сохранившиеся следы стоянок древнейших первобытных людей и многочисленных культовых мест.

На рисунках обычно изображены вполне реальные события – таким образом, они представляют собой нечто вроде визуальной информации или сообщений о случившемся. Однако у неинформированного наблюдателя они вызывают ощущение встречи с полнейшей абстракцией, хотя рисунки Арнемленда имеют строгий реальный смысл и значение. Нередко смысл изображений и логика сюжетов наскальных росписей связаны с мифологией и религиозными представлениями австралийцев. Нам трудно понять их смысл, даже после старательных разъяснений аборигенов. Да и сами объяснения обычно бывают очень отрывочными, бессвязными, лишь немногие старики способны на полное, цельное изложение сути дела.

Самыми старыми считаются одноцветные красные стилизованные фигуры людей, изображенные в активном движении. Они напоминают (иногда до полного совпадения!) палеолитические наскальные рисунки из Испании и некоторые южноафриканские фрески. Нередко можно встретить рисунки, изображающие руки с растопыренными пальцами. Подобные изображения также известны из памятников европейского палеолита, из Северной и Южной Африки и из других мест.

Судя по сопутствующему археологическому материалу, рисунки имеют прямое отношение к так называемой культуре пири, возраст которой определен в 3—12 тысяч лет. Этим рисункам родственны одноцветные, нитеобразные изображения так называемых «мими» — духов, живущих в скалах. Самые молодые из этих образов возникли совсем недавно, о чем свидетельствуют изображенные на них европейские предметы (например, топоры). Эти рисунки появились, вне всяких сомнений, одновременно с самым молодым стилем — с так называемыми «рентгеновскими» рисунками, изображающими внутренние органы и части скелета. У изображаемых животных, особенно у рыб и кенгуру, но также и у человеческих фигур кроме частей скелета и внутренностей часто передаются различия в характере «мяса» в пределах разных частей тела.

Один из современных исследователей, наблюдая за тем, как аборигены работают над своими рисунками, недоуменно сказал, что, по его мнению, мясо всегда выглядит одинаково. «Вечером, при разделке туши добытого кенгуру, он (абориген. – *Авт.*) показал мне отдельные мышечные „желваки“, отделенные друг от друга оболочкой, и доказал мне таким образом, что в теле животного имеются различные „виды“ мяса, которые он и изобразил на рисунке особой штриховкой».

В настоящее время на плато существуют 10 туземных поселков – в них проживает около трех сотен аборигенов, чьи традиции и культура связаны с этими местами тысячелетними узами. Поэтому еще сегодня можно наблюдать за техникой исполнения наскальных росписей. Австралийцы растирают зубами краситель, смешивают его во рту с водой и, выдувая смесь наподобие распылителя, набрызгивают ее на руку, приложенную к скале. После снятия руки на скале остается ее негативное изображение.

В северной части Арнемленда можно увидеть изображения целого предплечья, выполненные в этой технике и затем мастерски раскрашенные многоцветным орнаментом. В центральных пустынных районах таких изображений рук меньше, зато здесь часто попадаются всевозможные геометрические узоры, спирали, круги, разные линии и зигзаги. В этих местах существует и несколько «святилищ», расписанных фресками, куда запрещен вход женщинам и юношам. Одна из таких фресок изображает путешествие легендарного змея Иарапи и его жен. Рисунок имеет 30 м в длину и составлен из абстрактных символов, смысл которых известен лишь немногим посвященным. Это место имеет особое культовое значение: здесь проводятся обряды, призванные обеспечить увеличение поголовья змей.

Одной из любимых тем рисунков североавстралийских аборигенов являются изображения вонджинов – духов водных источников, которых по традиции рисуют в виде крупных стоящих или лежащих человеческих фигур или их голов. Руки и ноги обычно бывают непроработанными, вместо ног иногда намечены лишь стопы. В лице выделены нос и глаза, рот обычно отсутствует. Вокруг головы бывает подковообразное или дугообразное сияние, напоминающее ореол у святых. На груди иногда выписан овальной формы предмет, обычно интерпретируемый как сердце или грудная кость. Старики аборигены до сих пор подновляют эти рисунки.

Таким образом, искусство аборигенов Арнемленда дает неоценимую возможность изучить технику и назначение примитивного искусства в непосредственном контакте с ним, наблюдать за работой художника, являющегося членом общества, культура которого немногим отличается от культуры каменного века. Такие наблюдения позволяют нам лучше понять

смысл и назначение подобных произведений доисторического искусства в других областях мира.

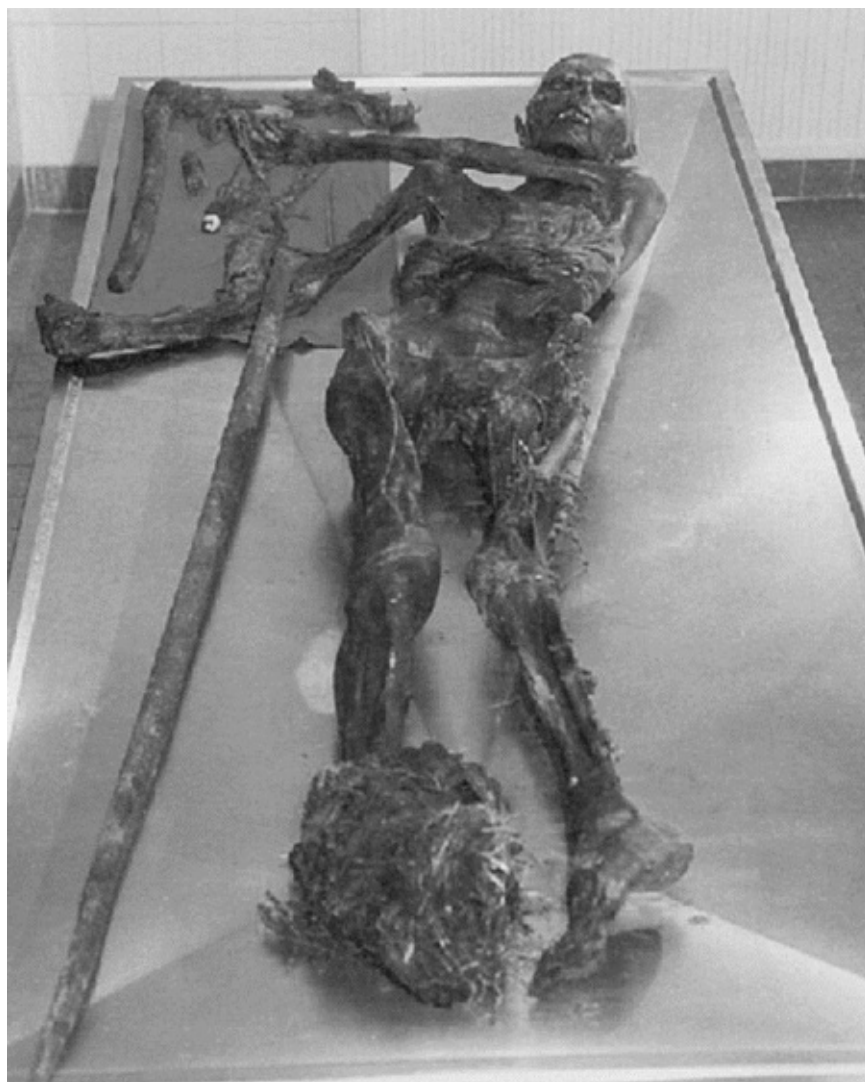
Здравствуй, Этци!

Это невероятное открытие было сделано 19 сентября 1991 года при совершенно случайных обстоятельствах. Двое альпинистов – супружеская пара Эрика и Хельмут Симон – совершали горное восхождение в Этцальских Альпах, расположенных на самой австрийско-итальянской границе. Около 14.30, находясь на высоте 3210 метров выше уровня моря, альпинисты оказались перед заполненной льдом узкой расселиной. Над поверхностью льда зловеще чернело тело мертвого человека с оскаленными зубами и пустыми глазницами...

Зрелище было жуткое, и первое, что пришло в голову супругам Симон, – это немедленно сообщить в полицию. Осмотр трупа показал, что тело неизвестного человека заморожено в лед почти до плеч, виднелись лишь голова и верхняя часть туловища. Рядом с телом был обнаружен небольшой контейнер необычного вида, сделанный из бересты. При извлечении тела из льда полицейские нашли также какие-то инструменты и куски одежды. Все найденное было отправлено на экспертизу в институт судебной медицины при Инсбрукском университете.

На этом этапе никто еще не задавался вопросом о том, к какому, собственно, времени относится находка, и все дело оставалось чисто полицейским вопросом. Лишь сотрудники института судебной медицины обратили внимание на то, что одежду и инструменты, найденные при трупе, вообще говоря, трудно отнести к современным...

Дальнейшую экспертизу проводил уже доктор Конрад Шпиндлер, профессор института древней истории Инсбрукского университета, специально приглашенный для этих целей судебными медиками. Увидев таинственные останки, Шпиндлер не мог сдержать своего крайнего изумления – возраст находки явно составлял не менее четырех тысяч лет! Впоследствии оказалось, что это еще была довольно осторожная оценка.

Открытие останков «человека из Этцальских Альп» относится к разряду случаев, какие происходят лишь раз в столетие, и по своей значимости сопоставимо с историческим открытием гробницы Тутанхамона. Впервые за всю историю мировой науки в руки ученым попали невероятной сохранности останки человека, возраст которого составлял, как выяснилось позднее, 5300 лет! Причем это был не скелет, не забальзамированная мумия, а полностью сохранившееся тело с кожным покровом, внутренностями, волосами, в одежде и с инструментами той поры. Это было просто невообразимое богатство. Неизвестный бедняга, пять тысяч лет назад провалившийся в ледяную расселину, против своей воли стал для ученых проводником в мир повседневной жизни обитателей каменного века.

Это уникальное открытие вызвало священный трепет в научном мире

и волну безумия в средствах массовой информации. Первобытный человек, восставший из льда, в одночасье стал звездой. Но звезда нуждается в имени, и вскоре весь мир уже называл «человека из Этцальских Альп» попросту Этци. Исследования останков Этци вела группа австрийских и итальянских специалистов во главе с Конрадом Шпиндлером, максимально использовавших все средства, имеющиеся в распоряжении современной науки. За семь лет было проведено более шестисот различных экспертиз. В результате ученым удалось осуществить поистине революционный прорыв в те области знания, о которых до этого у нас имелись весьма смутные представления.

Итак, осенью 1991 года перед исследователями предстал субъект мужского пола, имевший возраст 5300 лет, ростом 1,59 м, весивший при жизни около 50 кг. В момент смерти Этци было 46 лет. При жизни Этци страдал склерозом сосудов и ревматическим артритом, а также от глистов. В последние месяцы жизни этот человек перенес какое-то весьма значительное физическое напряжение. За два месяца до гибели Этци сломал несколько ребер на левой стороне. Переломы заросли плохо и давали о себе знать. Бедняга явно страдал, его движения были затруднены, и, возможно, именно это обстоятельство стало причиной его смерти: с трудом ковыляя по горной тропе, Этци, вероятно, оступился и скатился в расщелину.

Весь гардероб Этци был наилучшим образом приспособлен для жизни в горах. На голове он носил меховую шапку с двумя кожаными ремешками, которые завязывались под подбородком. Верхней одеждой служил грубый плащ без рукавов, достигающий середины бедра и сплетенный из волокон альпийской травы. Под плащом Этци носил козью безрукавку длиной до колен, сшитую из разноцветных шкурок. На безрукавке не сохранилось никаких следов пуговиц или других застежек – скорее всего, она просто запахивалась и закреплялась поясом. Вместо брюк Этци носил ноговицы (нечто вроде длинных гетр), сшитые из козьих шкурок. Из таких же шкурок была сделана набедренная повязка – в развернутом виде ее длина составляет около метра. Она опоясывала тело и пропускалась между ногами.

Из башмаков Этци лучше всего сохранился правый. Как оказалось, доисторический человек умел делать отличную обувь! Нижняя часть башмаков сделана из меха, верхняя – из мягкой оленьей кожи, напоминающей замшу. Внутренняя часть утеплена слоем сена, закрепленным сеткой из волокон травы. Ботинки завязывались на кожаные шнурки. В такой обуви было не страшно отправляться в долгий путь.

Уходя в горы, Этци вооружился медным топором. Этот топор на сегодняшний день является единственным в мире полностью сохранившимся доисторическим орудием. Его рукоять вырезана из тиса. Медное лезвие тщательно закреплено с помощью кожного ремешка и березовой смолы. Археологи были весьма удивлены качеством изготовления лезвия – до находки в Альпах возможности древних людей в области металлургии оценивались более сдержанно.

При Этци имелся также кремневый нож с крепкой ясеновой ручкой. Нож хранился в кожаных ножнах, прикрепленных к поясу при помощи ремешка. Другой уникальной находкой стал специальный инструмент – ретушер, или отжим, – использовавшийся для тонкой обработки и заточки каменных инструментов. Он состоит из деревянной липовой ручки и кусочка острого оленьего рога.

Другие части снаряжения Этци сохранились гораздо хуже. При нем, например, был рюкзак, основу которого составляли две вырезанные из листовенницы планки и прут орешника, согнутый в виде буквы «U». Два цилиндрических «контейнера», найденные возле останков «ледяного человека», оказались торбочками, аккуратно сплетенными из бересты. Одна, лежавшая рядом с телом, была обуглена внутри. В ней еще сохранились остатки сухих листьев клена, еловых игл и мха. Очевидно, эта торбочка служила для переноски тлеющих угольков, из которых путник в любой момент мог раздуть костер. На случай, если угольки все-таки потухнут, при Этци имелось другое приспособление для добычи огня: подвешенная к поясу кожаная сумочка, в которой хранились кремни и трут, сделанный из древесного гриба.

Еще одно открытие – связка странного вида сушеных грибов – вызвала у некоторых исследователей предположение, что Этци был шаманом, который пошел в горы для того, чтобы здесь в уединении общаться с духами с помощью галлюциногенных грибов. Но анализ показал, что на самом деле речь здесь идет о совершенно безобидном березовом грибе (*Piptoporus betulinus*). До самого недавнего времени этот гриб использовался в Европе и Северной Америке как средство народной медицины – в качестве кровоостанавливающего пластыря. Так что, скорее всего, эта связка грибов служила для Этци своеобразной походной аптечкой.

Но что заставило этого немолодого, страдающего болезнями и израненного человека отправиться в одиночку в опасный путь через горы? Что происходило с Этци в последние месяцы, дни и часы его жизни? При каких обстоятельствах он получил свои тяжелые травмы – была ли это

случайность, или он участвовал в каком-то конфликте? Был ли он жертвой или злодеем? А может быть, он был изгоем, которого соплеменники за какое-то преступление приговорили к изгнанию? Все это вопросы, которые, вероятно, навсегда останутся без ответа.

Между тем, пока ученые еще только-только готовились к началу программы тщательнейших исследований останков «ледяного человека», журналисты и политики выясняли, кому, собственно, должна принадлежать бесценная находка. В результате оказалось, что Этци был найден на расстоянии 92,56 м от строго прочерченной линии австрийско-итальянской границы, но... на итальянской стороне. Вся Италия торжествовала. После всех согласований было решено, что по окончании исследований Этци будет передан итальянцам. В соответствии с этими договоренностями в январе 1998 года Этци покинул стены Инсбрукского университета и в сопровождении вооруженной охраны был торжественно доставлен в свою новую резиденцию – археологический музей в итальянском городе Больцано. Здесь наконец он обрел долгожданный покой и ныне пребывает в мире в специально оборудованном зале, где постоянно поддерживается температура -6 °C и влажность 98 %, что наилучшим образом способствует сохранности драгоценных останков. Зал также оснащен специальным фильтром, который устраняет вредные ультрафиолетовые и инфракрасные лучи. Ежедневно от 700 до 1000 человек томятся в очереди возле музея, чтобы посмотреть на этот самый старый труп в мире. И кем бы ни был Этци при жизни, его посмертная слава явно превзошла прижизненную.

Цивилизации первых земледельцев

Самый древний город Земли

На право называться первым городом земли претендуют множество древних городов. Но прежде всего это определение относится к Иерихону – оазису неподалеку от того места, где река Иордан впадает в Мертвое море. Здесь расположен широко известный по Библии город Иерихон – тот самый, чьи стены некогда пали от звука труб Иисуса Навина.

Иерихон питается водой мощного источника Айн-эс-Султан («Источник Султана»), которому город обязан своим возникновением. Именем этого источника арабы называют холм севернее современного Иерихона – Телль-эс-Султан («Гора Султана»). Уже в конце XIX столетия он привлек внимание археологов и до сих пор считается одним из важнейших мест археологических находок предметов раннего исторического периода.

В 1907 и 1908 годах группа немецких и австрийских исследователей под руководством профессоров Эрнста Зеллина и Карла Ватцингера впервые приступила к раскопкам у горы Султана. Они натолкнулись на две параллельно идущие крепостные стены, сооруженные из высушенного на солнце кирпича. Наружная стена имела толщину 2 м и высоту 8—10 м, а толщина внутренней стены достигала 3,5 м.

Археологи определили, что эти стены были возведены между 1400 и 1200 годами до н. э. Сперва отождествили с теми стенами, которые, как сообщает Библия, рухнули от мощных звуков труб израильских племен. Однако во время раскопок археологи натолкнулись на слои строительного мусора, представлявшие для науки еще больший интерес, чем находки, подтвердившие сведения Библии о войне. Но Первая мировая война приостановила дальнейшие научные исследования.

Прошло больше двадцати лет, прежде чем группа англичан под руководством профессора Джона Гарстанга смогла продолжить исследования. Новые раскопки начались в 1929 году и продолжались около десяти лет. В 1935–1936 годах Гарстанг натолкнулся на самые нижние слои поселения каменного века. Он обнаружил культурный слой старше V тысячелетия до н. э., относящийся к тому времени, когда люди еще не знали глиняной посуды. Но люди этой эпохи уже вели оседлый образ жизни.

После окончания Второй мировой войны английские археологи снова вернулись в Иерихон. На этот раз экспедицией руководила доктор Кэтлин М. Кэньон, с деятельностью которой связаны все дальнейшие открытия в этом древнейшем городе мира. В 1953 году ей и ее коллегам удалось сделать выдающееся открытие, которое совершенно изменило наши представления о ранней истории человечества. Исследователи обнаружили сооружения неолитического периода с громадными постройками, относящимися к тому времени, когда, казалось бы, на Земле должны были жить только кочующие племена, добывающие себе пропитание охотой и собиранием растений и плодов. Результаты раскопок показали, что

приблизительно 10 тысяч лет назад в Восточном Средиземноморье был совершен качественный скачок, связанный с переходом к искусственному выращиванию злаков. Это привело к резким изменениям в культуре и образе жизни.

Открытие раннеземледельческого Иерихона стало сенсацией 1950-х годов. Систематическими раскопками здесь был обнаружен целый ряд последовательных наслоений, объединяемых в два комплекса – докерамический неолит А (VIII тыс. до н. э.) и докерамический неолит Б (VII тыс. до н. э.). Сегодня Иерихон А считается первым поселением городского типа, открытым в Старом Свете. Здесь найдены самые ранние из известных науке постройки постоянного типа, захоронения и святилища, сооруженные из земли или маленьких округлых необожженных кирпичей.

Поселение А занимало площадь около 4 га и было окружено сложенной из камня мощной оборонительной стеной. К ней примыкала массивная круглая каменная башня. Под защитой каменной стены располагались круглые, похожие на палатки дома на каменных фундаментах со стенами из сырцового кирпича, одна поверхность которого выпуклая (этот тип кирпича называется «свиная спина»). Было установлено, что самые древние стены этого города относятся к VIII тысячелетию, то есть их возраст – примерно 10 тысяч лет. Еще более древний возраст имело обнаруженное в результате раскопок святилище – 9551 год до н. э.

Несомненно, что Иерихон А с его оседлым населением и развитым строительным делом представлял собой одно из первых раннеземледельческих поселений на Земле. На основании проводившихся здесь многолетних исследований историки получили абсолютно новую картину развития и технических возможностей, которыми располагало человечество 10 тысяч лет назад.

Превращение Иерихона из маленького первобытного поселения с жалкими хижинами и шалашами в настоящий город площадью не менее 3 га и населением более 2000 человек связано с переходом местного населения от простого собирательства съедобных злаков к земледелию – выращиванию пшеницы и ячменя. При этом исследователи установили, что этот революционный шаг был сделан не в результате какого-то привнесения извне, а стал итогом развития обитавших здесь племен: археологические раскопки Иерихона показали, что в период между культурой первоначального поселения и культурой нового города, который был построен на рубеже IX и VIII тысячелетий до н. э., жизнь здесь не прерывалась.

О том, что Иерихон являлся мощным городским центром, свидетельствуют его оборонительные укрепления. Без применения кайл и мотыг в скале был вырублен ров шириной 8,5 м и глубиной 2,1 м. За рвом поднималась каменная стена толщиной 1,64 м, сохранившаяся на высоту 3,94 м. Ее первоначальная высота, вероятно, достигала 5 метров, а выше шла кладка из сырцового кирпича.

При раскопках была обнаружена большая круглая каменная башня, диаметром 7 м, сохранившаяся на высоту 8,15 м, с внутренней лестницей, тщательно сложенной из цельных каменных плит шириной в метр. В башне были устроены хранилище для зерна и обмазанные глиной цистерны для сбора дождевой воды.

Каменная башня Иерихона, вероятно, была построена в начале VIII тысячелетия до н. э. и просуществовала очень долгое время. Когда она перестала использоваться по назначению, в ее внутреннем проходе стали устраивать склепы для погребений, а прежние хранилища использовать как жилища. Эти помещения часто перестраивались. Одно из них, погибшее при пожаре, датируется 6935 годом до н. э. После этого в истории башни археологи насчитали еще четыре периода существования, а затем городская стена обвалилась и начала размываться. По-видимому, город в это время уже опустел.

Жители древнего Иерихона пользовались каменными и костяными орудиями, не знали керамики и употребляли в пищу пшеницу и ячмень, зерна которых растирали на каменных зернотерках каменными пестами. От грубой пищи, состоявшей из круп и стручковых плодов, растертых в каменных ступах, у этих людей полностью изнашивались зубы. Несмотря на более комфортную, чем у первобытных охотников, среду обитания, их жизнь была исключительно тяжелой, и средний возраст жителей Иерихона не превышал 20 лет. Очень высока была детская смертность, и лишь немногие из них доживали до 40–45 лет. Людей старше этого возраста в древнем Иерихоне, очевидно, вообще не было.

Своих мертвых горожане хоронили прямо под полами жилищ, надевая на черепа культовые маски из гипса со вставленными в глаза масок раковинами каури. Любопытно, что в древнейших могилах Иерихона (6500 году до н. э.) археологи большей частью находят скелеты без головы. Видимо, черепа отделяли от трупов и хоронили отдельно. Культовое отрубание головы известно во многих частях света и встречалось вплоть до нашего времени. Здесь, в Иерихоне, ученые встретились, по-видимому, с одним из самых ранних проявлений этого культа.

В этот «докерамический» период обитатели Иерихона не пользовались

глиняной посудой – им ее заменяли каменные сосуды, вырезанные главным образом из известняка. Вероятно, горожане пользовались также всевозможными плетенками и кожаными вместилищами наподобие бурдюков. Не умея лепить глиняную посуду, древнейшие жители Иерихона вместе с тем лепили из глины фигурки животных и другие изображения. В жилых постройках и гробницах Иерихона найдено множество глиняных фигурок животных, а также лепных изображений фаллоса. Культ мужского начала был широко распространен в Древней Палестине, его изображения встречаются и в других местах.

Самым удивительным открытием в Иерихоне стали лепные фигурки людей. Они сделаны из местной известняковой глины, называемой «хавара», с каркасом из тростника. Эти статуэтки – нормальных пропорций, но плоские анфас. Нигде, кроме Иерихона, подобные фигурки ранее не встречались археологам. В одном из доисторических слоев Иерихона были найдены также групповые скульптуры мужчин, женщин и детей в натуральную величину. Для изготовления их использовалась похожая на цемент глина, которая намазывалась на тростниковый каркас. Фигуры эти были еще весьма примитивными и плоскостными: ведь пластическому искусству в течение многих веков предшествовали наскальные рисунки или изображения на стенах пещер. Найденные фигуры показывают, какой большой интерес проявляли жители Иерихона к чуду зарождения жизни и созданию семьи: это было одним из первых и самых сильных впечатлений доисторического человека.

Появление Иерихона – первого городского центра – свидетельствует о зарождении высоких форм общественной организации. Даже вторжение более отсталых племен с севера в V тысячелетии до н. э. не могло прервать этого процесса, который в итоге привел к созданию высокоразвитых древних цивилизаций Междуречья и Ближнего Востока.

Джеймс Мелларт и открытие цивилизации древнейших земледельцев Анатолии

Одно из самых выдающихся археологических открытий XX столетия было сделано во второй половине 1950-х годов. К тому времени археологи уже открыли немало раннеземледельческих поселений, расположенных в так называемом «полумесяце плодородных земель». Этот очаг первобытного земледелия охватывает территории Палестины, Ливана, Сирии, Южной Турции, Северной Месопотамии и тянется далее на восток, достигая западных областей Ирана и Средней Азии. Именно здесь люди впервые начали выращивать пшеницу и одомашнивать животных, именно здесь начала формироваться производящая экономика и зародились первые цивилизации Старого Света.

В науке долгое время господствовало убеждение, что самой древней цивилизацией на земле была шумерская. Что же касается Анатолии (область Центральной и Южной Турции), то за ней закрепилась репутация «варварской окраины». И каково же было изумление научного мира, когда оказалось, что именно Анатолия являлась первым очагом человеческой цивилизации!

Это сенсационное открытие, коренным образом перевернувшее наши представления о ходе истории, связано с именем английского археолога профессора Джеймса Мелларта. Впрочем, приступая в 1956 году к поискам, он был всего лишь молодым и не очень опытным аспирантом. Впоследствии Мелларт признавался, что вовсе не рассчитывал на такой сенсационный результат. Просто ему захотелось проверить, что же именно таится под небольшим холмом близ деревушки Хаджилар, о котором ему рассказал местный учитель. Крестьянам время от времени попадались здесь различные находки.

Холм был небольшой – метров 130–140 в диаметре и метров пять высотой, и его вид как будто бы не сулил ничего многообещающего. Тем не менее Мелларт начал копать. И тут выяснилось, почему так невелика высота холма. Обычно если люди долго, в течение многих веков, живут на одном и том же месте, то уровень земли постепенно поднимается по мере того, как накапливается так называемый культурный слой. Но на этом поселении уровень земли почти не поднимался, потому что каждый раз после очередного бедствия – пожара, набега врагов и т. п. – поселение отстраивалось вновь уже на новом месте, рядом со старым пепелищем.

Так образовался своеобразный «горизонтальный срез» различных эпох. Данные радиоуглеродного анализа показали, что наиболее сохранившийся слой относился к V тысячелетию до н. э. А наиболее древний был еще на две тысячи лет старше и датировался концом VIII – началом VII тысячелетия до н. э. И это было не просто древнее поселение – это было поселение древнейших земледельцев! Об этом ясно свидетельствовали обмазанные глиной хранилища для зерна, каменные

вкладыши для серпов, зерна ячменя, пшеницы-эммера, дикой однозернянки и чечевицы. И, как и в Иерихоне, здешние люди не знали керамики.

Открытие Хаджилара само по себе было замечательным, и даже если бы Мелларт на этом закончил свои исследования, его вклад в науку уже был бы достаточно значительным. Но ученый, желая проверить свои умозаключения, взялся раскапывать еще один холм – Чатал-Хююк, расположенный в долине Кония, примерно в 320 км к востоку от Хаджилара. И здесь его ждало еще одно открытие, всколыхнувшее весь научный мир: под холмом Чатал-Хююк Мелларт нашел развалины огромного «агрогорода», настоящей столицы древней Анатолии, возраст которой составлял более девяти тысяч лет!

Как установили исследователи, время возникновения Чатал-Хююка относится ко второй половине VII – первой половине VI тысячелетия до н. э. В эпоху своего расцвета этот «агрогород», занимающий площадь 13 га, являлся самым большим неолитическим поселением на Ближнем Востоке. Чатал-Хююк играл роль столицы для целой группы раннеземледельческих племен. Поселения такого типа стоят обычно у истоков формирования городов.

Население Чатал-Хююка насчитывало от 2 до 6 тысяч человек. Его жители занимались преимущественно земледелием. Культивировалось 14 видов растений, причем предпочтение отдавалось пшенице, а также голозерному ячменю и гороху. Основные орудия жители Чатал-Хююка изготавливали из камня, преимущественно обсидиана. В долине Кония древние обитатели Чатал-Хююка добывали диорит, из которого делали шлифованные тесла и топоры. Здешние мастера умели делать изумительные, не имеющие равных наконечники копий и стрел из обсидиана, кремневые кинжалы с прекрасной отжимной ретушью. Из полированного обсидиана делали зеркала и аккуратно закрепляли их в рукоятке при помощи известковой массы. Синие и зеленые апатиты служили материалом для бус, причем мастера ухитрялись просверливать в бусинах такие тонкие отверстия, что в них едва проходит современная швейная иглолка.

Прекрасные ткани были настолько высокого качества, что не заставили бы устыдиться и современного ткача. Деревянная посуда, наряду с плетеной долгое время заменявшая керамику, демонстрирует такое разнообразие форм, техническое мастерство и изысканный вкус, что подобной ей не было в то время на всем Ближнем Востоке. Керамика в Чатал-Хююке впервые появилась лишь около 6500–6400 годов до н. э., но первые гончарные изделия были примитивными и не шли ни в какое

сравнение с деревянными, костяными и роговыми сосудами, которые употреблялись местными жителями начиная с эпохи верхнего палеолита.

Территория огромного поселения была застроена однообразными небольшими домами, сооруженными из прямоугольного сырцового кирпича, на кирпичных же основаниях. Каждый дом имел лишь один этаж, высота которого соответствовала высоте стен. Дома имели прямоугольную планировку, при каждом имелось хранилище, пристроенное к одной из стен. Несколько маленьких комнат, квадратных, по 5—10 кв. м, выходили в одну общую «залу» – комнату побольше, в 18–20 кв. м. Стены обмазывали глиной, полы покрывали циновками.

Огромное поселение не имело оборонительных сооружений – наружные стены домов, располагавшихся по внешнему периметру города, сами по себе образовывали массивную стену, поэтому другие укрепления были не нужны. С этой стены защитники Чатал-Хююка, вооруженные луками, пращами и копьями, вполне могли дать отпор любому противнику.

Одной из самых интересных открытий в Чатал-Хююке стали многочисленные святилища – их насчитывается более сорока. Украшенные стенными росписями и глиняными рельефами, они распахнули перед исследователями огромный, дотоле абсолютно неизведанный мир религиозных верований, мифологии и культуры первых земледельцев. Главной фигурой неолитического пантеона была Богиня-Мать, олицетворяющая плодородие, она же Мать-Земля, она же Покровительница зверей и охоты. Это древнее божество, корни которого уходят в верхний палеолит, предстает в трех ипостасях: в виде молодой женщины, в образе матери, дающей жизнь, и старой женщины, иногда сопровождаемой птицей смерти – грифом. Во всех случаях Великая богиня изображалась обнаженной.

Култ быка принадлежит к числу древнейших земледельческих верований. Позднее он вошел в целый ряд древних восточных религий. Связь култа Богини-Матери с культом быка демонстрируют вылепленные из глины рельефы, изображающие женщину, дающую жизнь голове быка или барана. На одном из рельефов Чатал-Хююка, высеченном из камня, фигура женщины предстает стоящей за леопардом, также, вероятно, считавшимся священным животным. В одном из святилищ обнаружен вылепленный из глины рельеф, изображающий ярко раскрашенных леопардов, обращенных головами друг к другу.

Помимо рельефов, нередко достигающих высоты двух и более метров, святилища Чатал-Хююка украшают великолепные фрески – вероятно, самые древние в мире. Эти рисунки, нанесенные красной, розовой, белой,

кремовой и черной красками на еще сырые, выбеленные или покрытые розовой обмазкой стены, сделаны в VI тысячелетии до н. э.

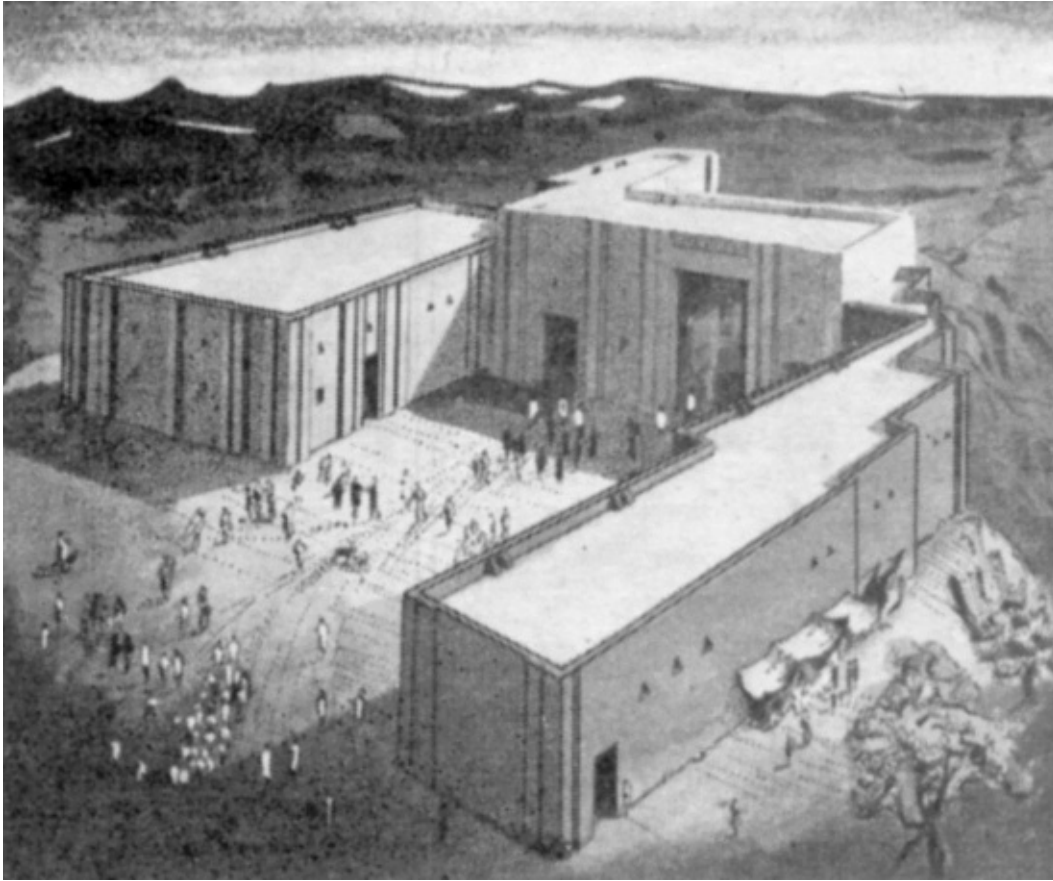
В ярких, чрезвычайно разнообразных росписях Чатал-Хююка нашли свое отражение и древние культурные традиции охотников каменного века, и новые обычаи и верования первых земледельцев. Многие сюжеты росписей, очевидно, связаны с загробным культом. На стенах двух больших святилищ изображены, например, огромные грифы, терзающие обезглавленные человеческие тела. Сцена из другого святилища изображает человека, вооруженного пращей и защищающегося от двух грифов.

Неолитическая цивилизация, открытая Дж. Меллартом в Анатолии, по словам восторженных популяризаторов, «сияет, подобно сверхновой звезде в тусклой галактике современных ей земледельческих культур». Действительно, культура Чатал-Хююка весьма показательна как пример тех поистине огромных возможностей, которые открывал для человечества переход к земледелию. Ведь всего в нескольких сотнях километров от Чатал-Хююка в те же времена обитали племена пещерных людей, не поднявшихся выше охоты на диких зверей и примитивного собирательства. И влияние этого выдающегося культурного очага прослеживается далеко за пределами Анатолии – вплоть до Месопотамии. Но дольше всего его влияние чувствуется не на Ближнем Востоке, а в Европе, потому что именно на этом континенте неолитические культуры Анатолии положили начало земледелию, скотоводству и культу Богини-Матери – основам европейской цивилизации.

Допотопный Убейд

«Арам-Нахараим» – «Сирией между реками» называется верхнее Двуречье в Ветхом Завете. Мы знаем эту страну под именем Месопотамия. Две великие реки, Евфрат и Тигр, превратили эту страну в колыбель одной из самых древних мировых культур. Около 4400–4300 годов до н. э. в Южном Ираке, на берегах рек Тигр и Евфрат, возникла убейдская земледельческая культура, развитие которой привело к сложению цивилизации шумеров.

Слава шумерских городов-государств, таких, как Урук, Ур, Лагаш, ставших носителями самой передовой культуры своего времени, дошла до наших дней. Шумеры создали одно из величайших достижений человеческого гения: на рубеже IV и III тысячелетий им удалось передать человеческую речь с помощью знаков и, таким образом, создать первую в истории человечества систему письма. Шумерские архитекторы изобрели арку. Шумеры одомашнили кур, создали первый агротехнический календарь, первый в мире рыбопитомник, первые в мире лесозащитные насаждения, первый библиотечный каталог, они записали первые в мире медицинские рецепты.

Все это мы знаем сегодня. А ведь еще столетие назад наука имела о шумерах и их происхождении довольно смутные представления. Все изменилось с началом Первой мировой войны. В 1918 году, вместе с британским экспедиционным корпусом, высадившимся в Месопотамии, в эти места попал призванный в армию ассистент Британского музея в Лондоне Кэмпбелл Томпсон. Несмотря на тяжелую солдатскую жизнь и изнуряющую жару, он нашел время для того, чтобы осмотреть некоторые холмы с погребенными в них руинами. Как оказалось позднее, Томпсон наткнулся на руины священного города Эриду, который шумеры считали древнейшим городом на земле, и на развалины Ура – столицы шумеров, города библейского Авраама.

Времени и средств на серьезные раскопки у Томпсона не было, но и тех нескольких дней, что он провел, роясь в развалинах, ему вполне хватило для того, чтобы понять всю значимость сделанного им открытия. Вернувшись в Лондон, Томпсон сумел заинтересовать своими находками Британский музей.

Для раскопок в Месопотамии была сформирована экспедиция, руководителем которой был назначен Леонард Кинг. Но он внезапно

заболел, и его место занял молодой ассириолог Г.Р. Холл. Зимой 1918/19 года. экспедиция приступил к раскопкам в Эриду и Уре. При этом Холл постоянно отвлекался на поиски других, более интересных с его точки зрения археологических объектов, и наконец его внимание привлек холм Телль эль-Убейд, расположенный в 7 километрах к западу от Ура.

Холл нашел здесь много интересного. Он раскопал часть древнейшего в Месопотамии храма, относящегося к середине III тысячелетия до н. э. Святилище стояло на искусственно сооруженной террасе, которая, в свою очередь, покоилась на стенах из обожженного кирпича. Наверх вела монументальная лестница из известняка. По ее обеим сторонам стояли изваяния львиных голов в натуральную величину, сделанные из битума и покрытые медью. Над входом в храм некогда помещался большой рельеф, изображающий орла с головой льва, держащего в когтях двух оленей. Перед храмом был устроен алтарь из обожженного кирпича. На его внешней поверхности красовался знак планеты Венеры – символ верховной богини шумеров Нингурсаг (Инанны), «владычицы небесных высот»...

Находки Холла были поразительны. Но нехватка средств – вечный бич археологов – заставила его прекратить дальнейшие раскопки. Лишь в 1922 году доктор Дж. Б. Гордон, директор Университетского музея в Пенсильвании (США), обратился к Британскому музею с предложением организовать совместную экспедицию в Месопотамию. Руководителем объединенной экспедиции был назначен английский археолог Леонард Вулли.

Главной целью экспедиции был определен Ур. Но Вулли не мог пройти и мимо находок Холла, сделанных в Эль-Убейде. Его очень привлекал этот загадочный храм, который тогда считался древнейшим сооружением Месопотамии и вообще древнейшим зданием в мире, архитектуру которого можно было воссоздать более или менее достоверно. Забегая вперед, скажем, что с тех пор были найдены и более древние здания, однако в Эль-Убейде экспедиции Вулли удалось сделать еще одно открытие, хоть и не столь сенсационное, но не менее интересное. А пока изучение Эль-Убейда он начал с продолжения раскопок храма, начатых Холлом.

Когда и кем было построено святилище в Эль-Убейде? На этот вопрос археологи сумели получить точный ответ: на одном из камней фундамента вырезано имя второго царя первой династии Ура с титулом и полным именем: А-анни-падда, жившего около 3100 года до н. э. У подножия холма, на котором стоял храм, археологи нашли множество могил. Вулли предположил, что эти могилы появились в одно время с храмом А-анни-

падды: обычно священная земля рядом с храмом считается самым подходящим местом для кладбища. Таким образом, можно с уверенностью было отнести это кладбище к эпохе первой династии царей Ура, а поскольку в нем оказалось множество глиняных сосудов самых различных видов, археологи получили великолепную отправную точку для датировки последующих открытий.

Тогда, в 1923 году, археологи имели очень слабое представление о типах месопотамских глиняных сосудов разных периодов, а о сосудах наиболее древнейших эпох – совсем ничего. Поэтому находка в Эль-Убейде имела огромное значение. Археологи обнаружили там более сотни разновидностей сосудов и изучили способы их изготовления. Тот факт, что все они относятся к определенному историческому периоду, сыграл большую роль, и, когда начались раскопки других шумерских поселений, исследователи сумели правильно датировать их время, в основном опираясь на образцы глиняной посуды из могил Эль-Убейда.

Глиняная посуда позволила пролить свет и на загадку происхождения убейдцев, являвшихся прямыми предками шумеров. Сопоставив все известные данные, исследователи пришли к выводу, что глиняная посуда Эль-Убейда имеет не местное происхождение. Очевидно, первые поселенцы принесли сюда стиль и формы керамики из своей родной страны. Где же она находилась? Единственным местом, где была обнаружена керамика сходного типа, – это Элам, горная область, расположенная на юго-западе современного Ирана. Именно отсюда в плодородную долину Евфрата шесть тысяч лет назад пришел земледельческий народ, владевший искусством тонкой обработки камня, обрабатывавший землю каменными мотыгами, размалывавший зерно на каменных ступках и ручных жерновах и делавший серпы из обожженной глины. Эти люди около 4400–4300 годов до н. э. создали в Южном Ираке так называемую убейдскую культуру, с распространением которой по всей Месопотамии начинается новая эра, приведшая к сложению шумерской цивилизации.

Но самым неожиданным открытием археологов стал тот факт, что культуру Эль-Убейда погубил... Всемирный потоп!

Исследуя некрополь Эль-Убейда, Вулли в конечном счете достиг глубины 19 м. Он вырыл настоящий котлован площадью 23 × 18 м, и в результате перед ним, как на ладони, предстала вся древняя история этой земли.

О потопе свидетельствуют и другие источники. В начале списка царей Ура, обнаруженном экспедицией Вулли, перечисляются имена легендарных

правителей; каждый из них царствовал сказочно долго – тысячи лет. «Но вот пришел потоп. После потопа царская власть была вновь ниспослана свыше». Составители списка царей рассматривали потоп как некий перерыв в истории их страны. Теперь это уже не просто образная легенда. В основе ее лежит исторический факт – это был тот самый потоп, который мы называем Всемирным.

Сегодня мы знаем, что все древние города Месопотамии сохранили следы наводнений, происходивших в разное время. Зачастую такие наводнения местного характера возникали в результате дождей. Однако нигде ни разу не встречалось даже отдаленно похожего на то, что обнаружил Вулли на дне выкопанного им котлована. Здесь перед археологами предстали последствия такого наводнения, какого Месопотамия не знала за всю свою многовековую историю, – в этом не приходится сомневаться.

В Библии говорится, что во время всемирного потопа вода поднялась на восемь метров. По-видимому, так оно и было: максимальная толщина принесенного потопом слоя ила доходит до 3,5 м, то есть вода должна была подниматься по крайней мере на 7,5 м. Во время такого наводнения на плоской низменности Месопотамии под водой оказалось огромное пространство – километров пятьсот в длину и сто пятьдесят в ширину. Вся плодородная долина между горами Элама и плато Сирийской пустыни была затоплена, деревни разрушены, и, очевидно, лишь немногие города, расположенные на искусственных холмах, уцелели после такого бедствия. Другие, и в том числе Эль-Убейд, были покинуты жителями и брошены надолго или навсегда. Потоп уничтожил культуру Эль-Убейда.

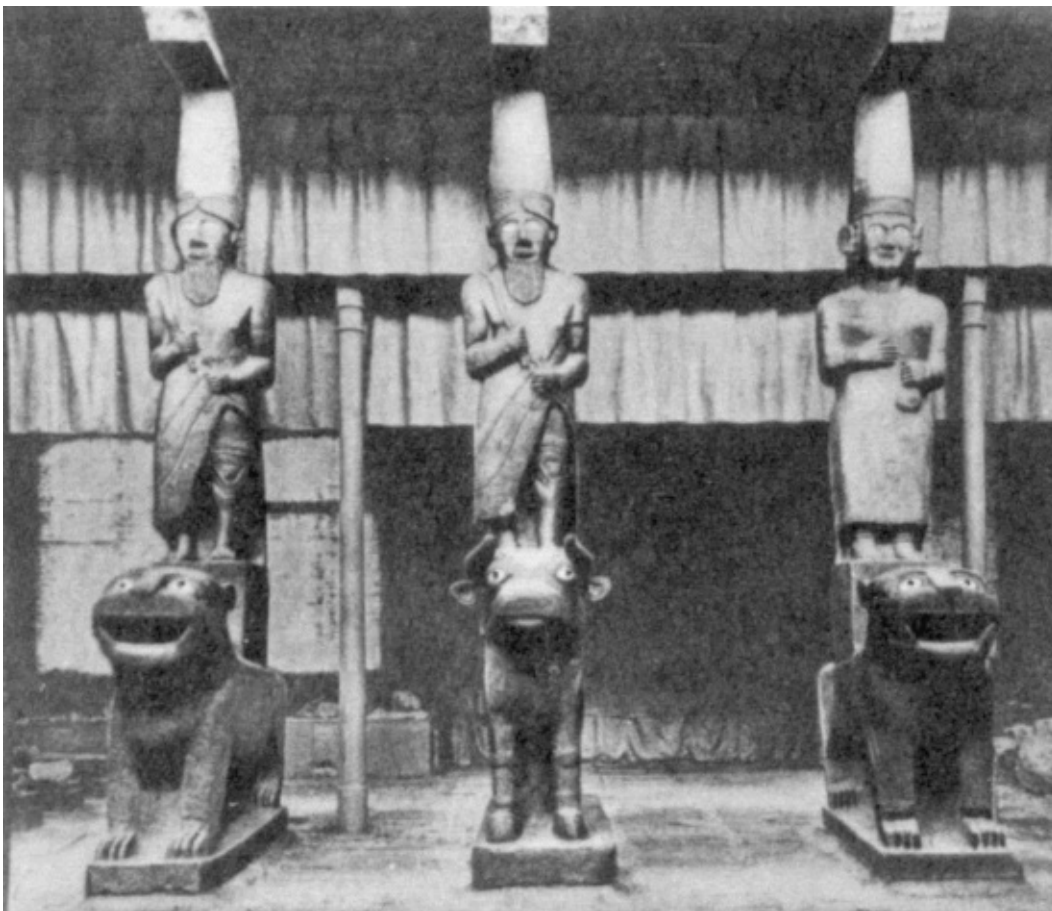
Разумеется, это был не Всемирный потоп, а всего лишь наводнение в долине Тигра и Евфрата, затопившее населенные районы между горами и пустыней. Но для тех, кто здесь жил, долина была целым миром. Большая часть обитателей долины, вероятно, погибла, и лишь немногие пораженные ужасом жители дожили до того дня, когда бушующие воды начали наконец отступать. И нет ничего удивительного в том, что они увидели в этом бедствии ниспосланную свыше кару. И если при этом какому-то семейству – например, Ноя – удалось на лодке спастись от наводнившего низменность потопа, то в этом тоже нет ничего удивительного. Ведь легенды, как известно, всегда имеют под собой реальную почву.

Телль-Халаф

В 1899 году в забытой Богом сирийской деревушке Рас-эль-Аин, расположенной у истоков реки Хавур, впадающей в Евфрат, появился 39-летний барон Макс фон Оппенгейм, сопровождаемый охраной из 25 вооруженных людей. Уроженец Кёльна, барон с молодых лет увлекался путешествиями по странам Востока. Он побывал в Марокко, Алжире, долгое время жил в Египте, путешествовал по Индии и Восточной Африке. В последнее время барон странствовал по Северной Аравии, Сирии и Месопотамии, изучая язык и обычаи бедуинов. Одновременно он занимался поисками древних культур, хотя археологом в строгом смысле этого слова не был.

Встреча с бедуинами, кочевавшими в окрестностях Рас-эль-Аина, оказалась для Макса фон Оппенгейма судьбоносной. Именно от них он узнал о таинственных находках, которые местные жители обнаружили на одном из окрестных холмов. Это были какие-то необыкновенные каменные изваяния, изображающие животных с человеческими головами.

Загоревшийся Оппенгейм решил увидеть эти изваяния собственными глазами. Он немедленно отправился в Рас-эль-Аин и здесь от жителей деревушки впервые услышал название Телль-Халаф. Так назывался холм, где были найдены таинственные скульптуры. Сегодня это название можно встретить в любом научном труде, посвященном археологии Ближнего Востока. А тогда, сто лет назад, Оппенгейм вспомнил лишь, что название Халаф, так же как и река Хавор (Хавур), упоминаются в Библии. Боже, каким же древним должен быть этот холм!

19 ноября 1899 года Макс фон Оппенгейм начал разведывательные раскопки на вершине Телль-Халафа. Ему сразу же повезло: перед ним открылась часть фасада большого дворца, фрагменты покрытых рельефами стел, каменные статуи. Несомненно, под холмом Халаф скрываются необыкновенно интересные открытия!

Но у Оппенгейма не было официального разрешения на раскопки и вообще вся его экспедиция было всего лишь импровизацией. Поэтому барон прекратил работы, прикрыл все находки землей и уехал из Телль-Халафа с твердым намерением вернуться и продолжить исследования.

Он вернулся сюда лишь десять лет спустя, в 1911 году. Но его возвращение поистине можно было назвать триумфальным. Макс фон Оппенгейм прибыл в Телль-Халаф во всеоружии – в сопровождении опытных специалистов, врача, секретаря, лакея и собранного на собственные средства каравана из тысячи верблюдов, на спинах которых был доставлен багаж экспедиции, запасы провизии и строительные материалы для лагеря. Это было весьма предусмотрительно, так как в этой пустынной местности, среди песков и болот, нельзя было найти ничего – ни

гвоздя, ни лопаты, ни продовольствия. Как оказалось, здесь нельзя было найти даже рабочих, и Оппенгейму лишь в очень отдаленных селениях с большим трудом удалось нанять двести армянских крестьян. В последующее время число рабочих увеличилось до пятисот.

Свои раскопки Оппенгейм начал на старом месте. Снова из земли встали стены разрушенного дворца и могучие статуи-колоссы, изображавшие сфинксов с женскими головами. Найденные здесь же каменные барельефы изображали охоту на быков, борьбу льва и быка, человека и льва. «Ощупью продвигаясь вперед вдоль вымостки, на которой находились изваяния из камня, – вспоминал Оппенгейм, – мы постепенно освободили остатки стен и помещений дворцового храма. Следуя в направлении ворот, пробитых в большом фасаде, мы достигли первого храмового помещения».

Раскопанный Оппенгеймом храм в Телль-Халафе существовал в XI–IX веках до н. э., в эпоху процветания государства Митанни. О том, что здесь к этому времени сложились свои, весьма самобытные культурные традиции, свидетельствует хотя бы портик храма: его перекрытие покоилось на головах трех божеств, стоящих на спинах свирепых зверей с раскрытыми пастьми и сверкающими глазами, что в целом выглядело очень грозно и торжественно.

Но повсюду археологи натыкались на следы разрушений и пожара. На каменном полу храма лежали остатки обгоревших рухнувших перекрытий. В восточном углу зала в неестественной позе лежал скелет молодой девушки с сохранившимися украшениями. Несомненно, что храм Телль-Халафа погиб в огне войны.

Ученые, казалось, стояли на пороге тайны. Но раскопки шли очень медленно. В тяжелом, нездоровом климате люди заболели, многих больных пришлось отправить подальше от этих гиблых мест. Заболел и сам Оппенгейм. А в 1914 году раскопки пришлось надолго прервать – началась Первая мировая война.

Лишь спустя 14 лет, в 1927 году, Оппенгейм вернулся в Телль-Халаф и продолжил исследования, еще больше углубившись в недра холма. И здесь его ждали главные, хотя и менее выразительные находки...

Это были амулеты с изображениями быков, баранов и фантастических существ – полурыб-полузмей с человеческими головами. Это были грубые глиняные фигурки сидящих на корточках женщин, рожаящих уродливых, часто безголовых младенцев. Это была яркая керамическая посуда характерной яйцевидной формы. И все эти находки датировались концом VI–V тысячелетием до н. э.

Макс фон Оппенгейм нашел в Телль-Халафе остатки одной из древнейших земледельческих культур Передней Азии.

Сегодня термин «халафская культура» прочно вошел во все научные труды и учебники. Следы этой культуры встречаются от верховьев Евфрата до гор Тавра на севере и Ура на юге. Ее создателями, вероятно, были пришельцы с севера, первоначальная родина которых находилась в «Турецкой Месопотамии».

Благодаря позднейшим раскопкам сегодня наши сведения о халафской культуре сравнительно полны. Предполагается, что в этот период уже был известен металл, поэтому к нему применяют термин «халколит». Но наиболее характерным признаком халафской культуры является керамика сравнительно простых форм, щедро украшенная натуралистическим орнаментом – головами быков и муфлонов, полнофигурными изображениями леопардов, оленей, змей, скорпионов, птиц, онагров, а также людей. Нередко орнамент образуют схематические изображения деревьев, растений и цветов или просто тесно расположенные прямые или волнистые линии, скопления точек и кругов. Точно такой же простой узор можно и сегодня встретить на медных сосудах, продающихся на базарах Ближнего Востока.

Ранняя халафская керамика покрыта красной или черной росписью по фону абрикосового цвета. В более поздний период изготовлялась керамика более сложных форм с кремовой обмазкой и заостренным отогнутым венчиком. В заключительный период халафцы делали большие многоцветные «тарелки» с тщательно орнаментированной центральной частью.

Керамика – самое замечательное достижение халафской цивилизации. Но для нее характерно и множество других интересных черт – архитектура, религия, резьба по камню, ткачество и торговля. Поселения халафского периода состояли из двухкомнатных домов, вытянутых вдоль мощеных улиц. В каждом доме было круглое сводчатое помещение и длинный прямоугольный вестибюль, возможно, с двускатной крышей. Эти дома сооружались на каменных фундаментах со стенами из грубо вылепленного кирпича-сырца, так как формованный кирпич в это время в Месопотамии еще не был известен. Остатки святилищ с бычьими рогами, огромные рога животных, изображенных на глиняных сосудах, свидетельствуют о том, что здесь господствовал культ быка, служившего объектом поклонения как символ мужской плодовитости. Многочисленные женские статуэтки доказывают существование у халафцев и культа Богини-Матери.

Носители халафской культуры были земледельцами. Они выращивали

пшеницу-эммер, ячмень, лен. Рисунки на халафских сосудах свидетельствуют о высоком развитии ткачества, главным образом, видимо, шерстяных тканей. Возможно, халафцами были одомашнены козы и овцы.

Торговые связи халафцев были необыкновенно широкими и хорошо организованными. Они простирались от Персидского залива до Средиземного моря. Никогда до этого ни одна культура не осуществляла столь широкой торговой экспансии.

Конец халафской культуре положили пришельцы с юга Месопотамии – носители убейдской культуры, двинувшиеся на север в поисках новых земель. Халафская культура была уничтожена или исчезла, по-видимому, около 4400–4300 годов. до н. э., и сегодня материальные свидетельства этой удивительно яркой земледельческой цивилизации можно увидеть лишь в многочисленных музеях, в том числе и в знаменитом музее Телль-Халафа в Берлине, основанном Максом фон Оппенгеймом.

Передняя Азия и Ближний Восток

Лагаш, первый город шумеров

Нижняя Месопотамия – страна шумеров. Территория, где зародилась эта древнейшая цивилизация мира, ограничивается плодородной долиной двух рек, Тигра и Евфрата. К западу от нее расстиралась безводная и каменистая пустыня, с востока подступали горы, населенные полудикими воинственными племенами.

Земля страны шумеров – недавнего происхождения. Раньше Персидский залив вдавался здесь глубоко в материк, доходя до современного Багдада, и только в сравнительно поздний период вода уступила место суше. Произошло это не вследствие какого-то внезапного катаклизма, а в результате отложений речных наносов, постепенно заполнивших огромную впадину между пустыней и горами. Сюда, на эти земли, с юго-востока современного Ирана пришли земледельческие племена, давшие начало убейдской культуре, распространившейся затем на всю Месопотамию.

На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. в южной части междуречья Тигра и Евфрата появились первые государственные образования. К началу III тысячелетия до н. э. здесь сложилось несколько городов-государств – Эриду, Ур, Урук, Ларса, Ниппур. В каждом из них жило приблизительно 40–50 тысяч человек. Правители этих городов носили титул лугаль («большой человек») или энси («жрец-владыка»).

Во второй половине III тысячелетия до н. э. лидером среди городов Шумера становится Лагаш. В середине XXV века до н. э. его армия в жестокой битве разгромила своего извечного противника – город Умму. За время правления Уруинимгины, энси Лагаша (2318–2312 гг. до н. э.), были осуществлены важные социальные реформы, которые являются древнейшими известными на сегодняшний день правовыми актами в области социально-экономических отношений. Уруинимгина провозгласил лозунг: «Пусть сильный не обижает вдов и сирот!» От имени верховного бога Лагаша он гарантировал права граждан города, освободил от податей жрецов и храмовую собственность, отменил некоторые налоги с ремесленников, уменьшил размеры трудовой повинности по строительству оросительных сооружений, ликвидировал полиандрию (многомужество) – пережиток матриархата.

Однако расцвет Лагаша длился недолго. Правитель Уммы Лугальзагеси, заключив союз с Уруком, напал на Лагаш и разгромил его.

Впоследствии Лугальзагеси распространил свое господство почти на весь Шумер. Столицей его государства стал Урук. А Лагаш медленно угасал, хотя его название еще изредка встречается в документах вплоть до времени правления вавилонского царя Хаммурапи и его преемника Самсуилуны. Но постепенно глина и пески поглотили город.

В 1877 году в иракский город Басру приехал вице-консул Франции Эрнест де Сарзек. Как и многие другие дипломаты той поры, работавшие на Ближнем Востоке, он страстно интересовался древностями и все свое свободное время посвящал обследованию ближних и дальних окрестностей Басры. Сарзек не пугали ни жара, доходившая до сорока градусов, ни нездоровый, гнилой климат. Упорство его увенчалось успехом. Кто-то из крестьян рассказал ему о кирпичах со странными знаками, которые часто попадаются в урочище Телло, расположенном к северу от Басры, в междуречье Тигра и Евфрата. Прибыв на место, Сарзек сразу приступил к раскопкам.

Они продолжались несколько лет и увенчались редким успехом. В пустынном урочище Телло, под целым комплексом оплывших глинистых холмов, Сарзек обнаружил руины Лагаша, а в них – огромный, хорошо систематизированный архив, состоявший более чем из 20 тысяч клинописных табличек и пролежавший в земле почти четыре тысячелетия. Это была одна из крупнейших библиотек древности.

Лагаш был во многом нетипичен для городов Шумера: он представлял собой скопление поселений, окружавших сложившееся ранее основное ядро города. В Лагаше была обнаружена целая галерея скульптур правителей города, в том числе ныне знаменитая группа скульптурных портретов правителя Гудеа. Из высеченных на них надписей и из текстов глиняных табличек ученые узнали имена десятков царей и других выдающихся людей того времени, живших в III тысячелетии до н. э. Из текста «Стелы Коршунов» (2450–2425 гг. до н. э.) стало известно содержание договора, заключенного правителем Лагаша Эаннатумом с правителем поверженной Уммы, а рельефы, высеченные на стеле, рассказали о том, как происходила битва между армиями обоих городов-государств. Вот правитель Лагаша ведет в бой легковооруженных воинов; затем – он же бросает на прорыв тяжеловооруженную фалангу, которая и решает исход сражения. Над опустелым полем битвы кружатся коршуны, растаскивающие трупы врагов.

На других барельефах изображены быки с человеческими головами. У некоторых быков вся верхняя часть туловища – человеческая. Это – отголоски древнего земледельческого культа быка; здесь мы наблюдаем превращение бога-быка в бога-человека.

На серебряной вазе из Лагаша – одном из шедевров шумерского искусства середины III тысячелетия до н. э. – изображены четыре орла с львиными головами. На другой вазе – две увенчанные коронами змеи с крыльями. Еще на одной вазе изображены обвившиеся вокруг жезла змеи.

Открытие Сарзека сбросило покров тайны, укутывавший шумерскую цивилизацию. Еще недавно по поводу шумеров в научном мире велись ожесточенные споры, некоторые ученые отвергали сам факт существования

этого народа. А тут был найден не только шумерский город, но и огромное количество клинописных текстов на языке шумеров!

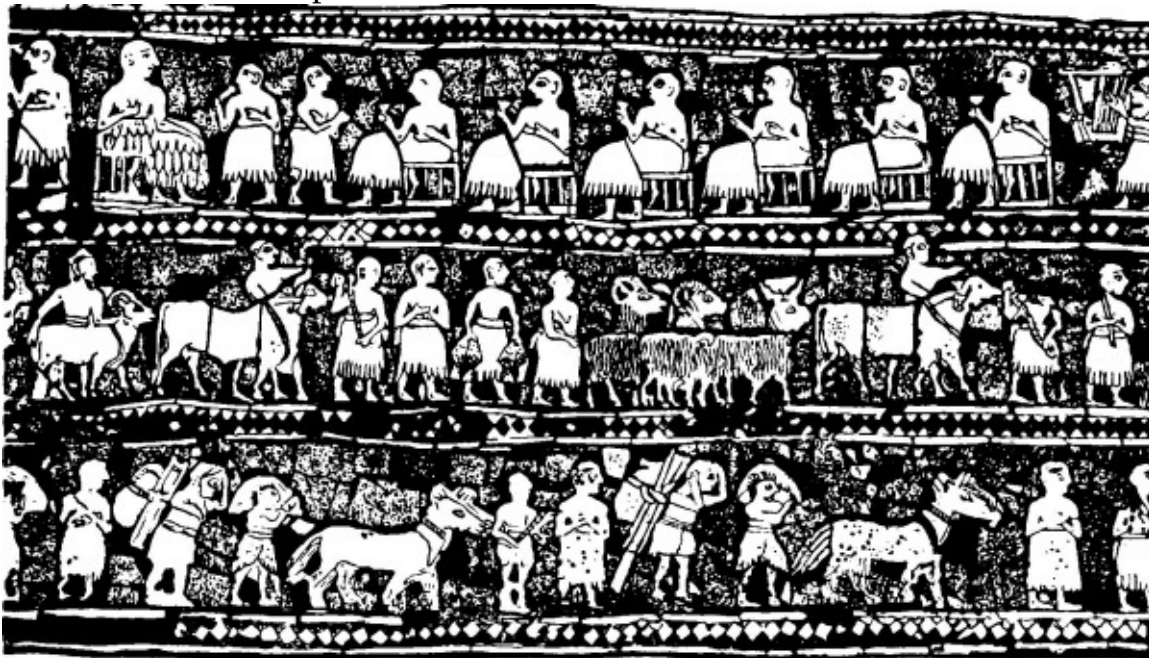
Сенсационное открытие Лагаша побудило ученых других стран отправиться на поиски других шумерских городов. Так были открыты Эриду, Ур, Урук. В 1903 году французский археолог Гастон Крое продолжил раскопки Лагаша. В 1929–1931 годах здесь работал Анри де Женильяк, а затем еще два года – Андре Парро. Эти исследования обогатили науку новыми многочисленными находками.

Леонард Вулли и открытие царских гробниц в Уре

Ур – один из древнейших городов мира. По преданию, его уроженцем был библейский праотец Авраам. В III тысячелетии до н. э., при Саргоне Аккадском (Саргоне Великом), первом известном во всемирной истории великом завоевателе, Ур стал столицей Месопотамии. В конце III тысячелетия до н. э., при царях III династии, Ур снова приобрел статус главного города Двуречья. Этот период стал временем расцвета шумерской культуры.

Полномасштабные археологические исследования древней столицы шумеров начались в 1922 году и велись на протяжении двенадцати сезонов (1922–1934). Этими изысканиями, организованными совместно Университетским музеем в Пенсильвании и Британским музеем, бесменно руководил английский археолог Леонард Вулли, выпускник Оксфорда. К моменту начала раскопок ему было 42 года и он уже был известен своими раскопками в Египте, Нубии и Сирии.

В начале 1927 года экспедиция Вулли приступила к раскопкам городского кладбища. Археологи обнаружили здесь около двух тысяч могил. «Должен признаться, что научная обработка двух тысяч могил из-за ее однообразия наскучила нам до крайности, – вспоминал Вулли. – Почти все могилы были одинаковыми, и, как правило, в них не оказывалось ничего особенно интересного».

Однако вскоре выяснилось, что в действительности здесь одно под другим лежат два кладбища разных периодов. Верхнее, судя по надписям на цилиндрических печатях, относилось ко временам правления Саргона, то есть его возраст составлял приблизительно 4200 лет. Но под ним оказались могилы второго кладбища! Именно здесь ученых ждали совершенно неожиданные находки.

К этому времени археологи уже нашли сотни разграбленных могил и были уверены, что обнаружить богатое и неразграбленное погребение можно только случайно. И в один из дней это произошло.

Сначала кто-то из рабочих заметил торчащий из земли медный наконечник копья. Оказалось, что он насажен на золотую оправу древка. Под оправой было отверстие, оставшееся от истлевшего древка.

Это отверстие привело археологов к углу еще одной могилы. Она была чуть побольше обычной и представляла собой простую яму в земле, вырытую по размерам гроба с таким расчетом, чтобы с трех сторон от него осталось немного места для жертвенных приношений. В изголовье гроба стоял ряд копий, воткнутых остриями в землю, а между ними – алебастровые и глиняные вазы. Рядом с гробом, на остатках щита, лежали два отделанных золотом кинжала, медные резцы и другие инструменты. Тут же находилось около пятидесяти медных сосудов, серебряные чаши, медные кувшины, блюда и разнообразная посуда из камня и глины. В ногах гроба стояли копья и лежал набор стрел с кремневыми наконечниками.

Но по-настоящему археологи были поражены, когда очистили от земли гроб. Скелет в нем лежал в обычной позе спящего на правом боку. Кости настолько разрушились, что от них осталась лишь коричневая пыль, по которой можно было определить положение тела. И на этом фоне ярко сверкало золото – такое чистое, словно его сюда только что положили...

На уровне живота лежала целая куча золотых и лазуритовых бусин – их было несколько сотен. Золотой кинжал и оселок из лазурита на золотом кольце когда-то были подвешены к распавшемуся серебряному поясу. Между руками покойного стояла тяжелая золотая чаша, а рядом – еще одна, овальной формы и больших размеров. Возле локтя стоял золотой светильник в форме раковины, а за головой – третья золотая чаша. У правого плеча лежал двусторонний топор из электра (сплава золота и серебра), а у левого – обычный топор из того же металла. Позади тела в одной куче перепутались золотые головные украшения, браслеты, бусины, амулеты, серьги в форме полумесяца и спиральные кольца из золотой проволоки.

Но это все археологи рассмотрели потом, а сперва им бросился в глаза сверкающий золотой шлем, покрывавший истлевший череп. Шлем глубоко надвигался на голову и прикрывал лицо щечными пластинами. Он был выкован из чистого золота и имел вид пышной прически. Чеканный рельеф на шлеме изображал завитки волос, а отдельные волоски были изображены тонкими линиями. От середины шлема волосы спускались вниз плоскими завитками, перехваченными плетеной тесьмой. На затылке они завязывались в небольшой пучок. Ниже тесьмы волосы ниспадали локонами вокруг вычеканенных ушей с отверстиями, чтобы шлем не мешал слышать. По нижнему краю были проделаны маленькие отверстия для ремешков, которыми закреплялся стеганный капюшон. От него сохранилось лишь несколько обрывков.

Этот шлем представляет собой самый прекрасный образец работы шумерских мастеров золотых дел. «Если бы даже от шумерского искусства ничего больше не осталось, достаточно одного этого шлема, чтобы отвести искусству древнего Шумера почетное место среди цивилизованных народов», – писал Леонард Вулли.

Кем был этот человек, пять тысяч лет назад погребенный с такой роскошью? На двух золотых сосудах и на светильнике повторяется надпись «Мескаламдуг, Герой Благодатной страны». Впоследствии то же имя было прочитано на цилиндрической печати, обнаруженной в другом погребении, причем здесь Мескаламдуг именовался «царем». Однако Вулли предположил, что Мескаламдуг был всего лишь принцем царского рода. Окончательно Вулли уверился в своей правоте лишь тогда, когда археологи нашли настоящие гробницы царей Ура.

Археологи наткнулись на царские гробницы в последние дни сезона 1926/27 года. Всего здесь было шестнадцать царских захоронений, и ни одно из них не походило на другое. К сожалению, почти все гробницы были разграблены еще в древности. В неприкосновенности уцелели только две.

Первая царская гробница, вскрытая Вулли, дала очень мало материала. Впрочем, здесь, среди массы бронзового оружия, археологи нашли ныне знаменитый золотой кинжал Ура. Его лезвие было выковано из чистого золота, рукоятка сделана из лазурита с золотыми заклепками, а великолепные золотые ножны украшал тонкий рисунок, воспроизводящий тростниковую плетенку. Здесь же был найден еще один не менее ценный предмет – золотой конусообразный стакан, украшенный спиральным орнаментом. В нем оказался набор миниатюрных туалетных принадлежностей, изготовленных из золота.

До сих пор в Месопотамии не находили ничего, хотя бы отдаленно похожего. Эти предметы были так необычны, что один из лучших европейских экспертов той поры заявил, что это вещи арабской работы XIII века н. э. Никто и не подозревал, какое высокое искусство существовало уже в III тысячелетии до н. э!

Однако самые главные открытия были сделаны археологами в сезоне 1927/28 года.

Все началось с находки пяти скелетов, уложенных бок о бок на дне наклонной траншеи. У каждого из них на поясе был медный кинжал, рядом стояли маленькие глиняные чашки. Отсутствие привычной погребальной утвари и сам факт массового захоронения показались ученым весьма необычными.

Начав копать вдоль траншеи, Вулли и его коллеги наткнулись на вторую группу скелетов: останки десяти женщин были уложены двумя ровными рядами. На всех были головные украшения из золота, лазурита и сердолика, изящные ожерелья из бусин, но обычной погребальной утвари при них тоже не оказалось. Зато здесь лежали остатки великолепной арфы: ее деревянные части истлели, однако украшения сохранились полностью, и по ним можно было восстановить весь инструмент. Прямо на остатках арфы покоился скелет арфиста в золотой короне.

Неподалеку от входа в подземную гробницу стояли тяжелые деревянные салазки, рама которых была отделана красно-бело-синей мозаикой, а боковые панели – раковинами и золотыми львиными головами с гривами из лазурита на углах. Верхний брус украшали золотые львиные и бычьи головы меньшего размера, спереди были укреплены серебряные головы львиц. Ряд бело-синей инкрустации и две маленькие серебряные головки львиц отмечали положение истлевшего дышла. Перед салазками лежали скелеты двух ослов, а в их головах – скелеты конюхов. Рядом с повозкой археологи нашли игральную доску. Тут же была целая коллекция оружия, утвари и инструментов – набор долот, большие серые горшки из мыльного камня, медная посуда, золотая пила, золотая трубка с лазуритовой отделкой – через такие трубки шумеры пили из сосудов разные напитки.

Дальше снова лежали человеческие скелеты. За ними – остатки большого деревянного сундука, украшенного мозаичным узором из перламутра и лазурита. Сундук был пуст. Наверное, в нем хранилась одежда, истлевшая без следа.

За сундуком стояли жертвенные приношения: множество медных, серебряных, золотых и каменных сосудов, выточенных из лазурита,

обсидиана, мрамора и алебастра. Среди сокровищ, обнаруженных в этой донельзя загроможденной могиле, оказался золотой кубок с насечкой по верху и низу и коваными вертикальными желобами, а также похожий на него сосуд для воды, чаша, гладкий золотой сосуд и две великолепные серебряные головы львов, по-видимому, некогда украшавшие царский трон.

Предметов было много, костей тоже, но среди них археологи не находили главного – останков того, кому принадлежала эта гробница. Когда все предметы были извлечены на поверхность, Вулли и его коллеги приступили к разборке остатков деревянного сундука длиной 1,8 м и 0,9 м шириной. Под ним неожиданно обнаружили обожженные кирпичи. Кладка была разрушена, и лишь в одном месте уцелел фрагмент свода. Неужели это и есть гробница? Да, так оно, вероятно, и было. Однако эта гробница была ограблена еще в древности, и свод над нею не обрушился, а был пробит намеренно.

Археологи расширили площадь раскопок и натолкнулись еще на одну шахту, расположенную на 1,8 м ниже. Перед входом в эту вторую гробницу лежали в две шеренги скелеты шестерых солдат в медных шлемах, совершенно расплюснутых вместе с черепами. При каждом было копье с медным наконечником. Ниже стояли две деревянные повозки, когда-то запряженные каждая тремя быками. Один из скелетов быков сохранился почти полностью. От повозок ничего не осталось, но отпечатки истлевшего дерева были настолько ясны, что можно было различить даже структуру дерева массивных колес и серовато-белый круг, оставшийся от кожаного обода или шины. Перед бычьей упряжкой лежали скелеты конюхов, на повозках – истлевшие костяки возниц, вдоль стен гробницы – останки девяти женщин. Они были чрезвычайно пышно облачены: на головах – парадные головные уборы из лазуритовых и сердоликовых бус с золотыми подвесками в форме буковых листьев, серебряные гребни в виде кисти руки с тремя пальцами, оканчивающимися цветами, лепестки которых инкрустированы лазуритом, золотом и перламутром; в ушах – большие золотые серьги полумесяцем, на груди – ожерелья из золота и лазурита. На тела «придворных дам» была поставлена прислоненная к стене гробницы деревянная арфа. От нее сохранилась только медная бычья голова да перламутровые пластинки, украшавшие резонатор. У боковой стены траншеи, также поверх скелетов, лежала вторая арфа с замечательно выполненной головой быка. Она была сделана из золота, а глаза, кончики рогов и борода – из лазурита.

В Месопотамии никто до Вулли не находил подобных гробниц, и эту находку не с чем было сопоставить. Археология не знала тогда ничего

похожего. Вулли не сомневался, что найденное им погребение являлось царской гробницей.

Усыпальница царя располагалась в самом дальнем конце открытой археологами шахты. А за ней оказалась вторая комната, пристроенная к стене царской усыпальницы примерно в то же время или, возможно, немного позже. Эта комната также была перекрыта сводом из обожженного кирпича. Он тоже обвалился, но, к счастью, причиной тому была не алчность грабителей, а просто тяжесть земли. Само же погребение оказалось нетронутым!

Это была гробница царицы. Именно к ней вела верхняя траншея, в которой археологи нашли повозку, запряженную ослами. В заваленной шахте над самым сводом усыпальницы археологи нашли цилиндрическую печать из лазурита с именем царицы – Шубад.

Останки царицы покоились на истлевших деревянных носилках. Рядом стоял массивный золотой кубок, в головах и в ногах лежали скелеты двух служанок. Вся верхняя часть тела царицы Шубад была совершенно скрыта под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых и халцедоновых бус. Ниспадая длинными нитями от широкого ожерелья-воротника, они образовали сплошной панцирь, достигающий до самого пояса. По низу их связывала кайма цилиндрических бусин из лазурита, сердолика и золота. На правом предплечье лежали три длинные золотые булавы с лазуритовыми головками и амулеты: один лазуритовый, два золотых в форме рыбок, а четвертый – тоже золотой в виде двух сидящих газелей.

Истлевший череп царицы покрывал чрезвычайно сложный головной убор, похожий на те, что носили «придворные дамы». Его основой служил широкий золотой обруч, который можно было надевать только на парик, причем огромного, почти карикатурного размера. Сверху лежали три венка. Первый, свисавший прямо на лоб, состоял из гладких золотых колец, второй – из золотых буковых листьев, а третий – из длинных золотых листьев, собранных пучками по три, с золотыми цветами, лепестки которых отделаны синей и белой инкрустацией. И все это было перевязано тройной нитью сердоликовых и лазуритовых бусин. На затылке царицы был укреплен золотой гребень с пятью зубцами, украшенными сверху золотыми цветками с лазуритовой сердцевинкой, с боков парика спускались спиралями тяжелые кольца золотой проволоки. Огромные золотые серьги в форме полумесяца свешивались до самых плеч. Очевидно, к низу того же парика были прикреплены нити больших прямоугольных каменных бусин. На конце каждой такой нити висели лазуритовые амулеты, один с изображением сидящего быка, второй – теленка. Несмотря на всю

сложность этого головного убора, отдельные части лежали в такой четкой последовательности, что впоследствии его удалось полностью восстановить.

Рядом с телом царицы лежал еще один головной убор. Он представлял собой диадему, сшитую, по-видимому, из полоски мягкой белой кожи. Диадема была сплошь расшита тысячами крохотных лазуритовых бусинок, а по этому густо-синему фону шел ряд изящных золотых фигурок животных: оленей, газелей, быков и коз. Между фигурками были размещены гроздья гранатов, укрытые листьями, и веточки какого-то другого дерева с золотыми стебельками и плодами из золота и сердолика. В промежутках были нашиты золотые розетки, а внизу свешивались подвески в форме пальметок из крученой золотой проволоки.

По всей усыпальнице были расставлены всевозможные приношения: серебряные, медные, каменные и глиняные сосуды, посеребренная голова коровы, два серебряных алтаря для жертвоприношений, серебряные светильники.

Царские гробницы Ура, уникальные по времени, по богатству, по архитектуре и по сложности связанного с ними ритуала, открыли миру многочисленные произведения шумерского искусства, которые сегодня украшают ведущие музеи мира. Большинство предметов, найденных в царских гробницах, было сделано из золота. Шумеры обладали достаточными познаниями в металлургии и столь высоким мастерством в обработке металлических изделий, что в этом с ними вряд ли сравнится хоть один народ древности. Такое мастерство приобреталось веками. При этом шумерские мастера старались следовать установившимся образцам, совершенство которых оттачивалось из поколения в поколение.

Загадка Дилмуна

В III–II тысячелетиях до н. э. шумеры, ассирийцы, вавилоняне неоднократно упоминали в своих клинописных текстах о богатом и цветущем царстве или городе Дилмун – «стране жизни», лежавшей далеко к югу от Месопотамии, «за горькой водой», «на восходе солнца». Эта счастливая страна, по представлениям шумеров, не знала ни болезней, ни старости, ни смерти и была одним большим цветущим садом.

Всевозможные легенды об «островах блаженных» – не редкость даже для Средневековья. Что уж говорить о временах еще более древних! Практически весь опыт обращения к подобного рода сказаниям свидетельствует, что, как правило, за ними не стоит ничего реального. И тем не менее страна Дилмун стала счастливым исключением из этого правила.

Американский исследователь П. Корнуолл стал первым, кто попытался отнестись к древним шумерским сказаниям о Дилмуне всерьез. Где могла находиться эта страна? В шумерском эпосе о Гильгамеше и ряде других источников сказано, что это «страна, где восходит солнце». Ну не Япония же это, в самом деле! Шумерские и аккадские клинописные тексты сообщают о «кораблях из Дилмуна», которые привозили в Лагаш и Аккад золото, лазурь, драгоценные сорта деревьев. Глиняные таблички, найденные в древнем шумерском городе Уре, свидетельствуют о том, что Ур получал слоновую кость из Дилмуна. Может быть, это Индия? Но ведь все эти товары могли попасть в Месопотамию и через транзитную торговлю. И тогда база этой транзитной торговли могла находиться гораздо ближе – на юге Ирака, в Иране, на востоке Аравии.

В 1946 году, после тщательного изучения всех имевшихся в его распоряжении письменных источников, П. Корнуолл пришел к выводу о том, что легендарный Дилмун следует отождествлять с современным островом Бахрейн. Он расположен у южного побережья Персидского залива, примерно на половине пути от устья Тигра и Евфрата к долине реки Инд и вполне мог играть роль центра транзитной торговли между Индией и Междуречьем.

Окончательно доказать правоту Корнуолла могли лишь археологические раскопки на Бахрейне и прилегающих к нему участках аравийского побережья. Но вплоть до 1950-х годов этот район в силу религиозных и политических причин был наглухо закрыт для европейских и американских ученых. Только в конце 1950-х годов нефтяной бум открыл страны Персидского залива для внешнего мира. И тогда сюда пришли археологи.

Первое, что привлекло их внимание, – ныне знаменитые «сто тысяч» бахрейнских могил. Эти невысокие, присыпанные желтым песком курганчики были давным-давно пусты – их разграбили еще в древности, по меньшей мере два тысячелетия назад. Тем не менее загадка этих захоронений долгое время оставалась неразгаданной. На Бахрейнских островах – пустынных, продуваемых всеми ветрами, усыпанных гравием и обломками выветрившихся известковых скал, – не нашлось бы такого количества покойников! По поводу этого феномена была даже выдвинута популярная в свое время гипотеза, что Бахрейн служил гигантским кладбищем для какого-то народа, населявшего территорию Аравии или Южной Месопотамии и по каким-то причинам упорно хоронившего своих мертвых на Бахрейне. Некоторые исследователи полагали, что этим народом могли быть шумеры, которые, непонятно почему, считали своей прародиной именно Бахрейн.

Пока специалисты ломали копья вокруг проблемы «ста тысяч могил», на самом Бахрейне и на востоке Аравии – от Кувейта на севере до Адджмана на юге – на протяжении полутора десятка лет тихо и методично работала небольшая датская археологическая экспедиция во главе с Дж. Бибби. Открытие, сделанное в итоге датчанами, было настолько невероятным, что археологи не стали спешить с публикацией результатов своих трудов, а вместо этого несколько лет тщательно и продуманно выстраивали собранные факты в единое целое. Наконец, исследователи опубликовали свои сенсационные заключения. На первый взгляд они могли показаться фантастическими, но тем не менее скрупулезность датчан внушала уважение и доверие к их выводам.

А выводы были следующими: Бахрейн был заселен в глубокой древности, и его загадочные могилы никак нельзя приписывать соседним народам. Датские археологи обнаружили и раскопали поселения и могильники совершенно неизвестной древней цивилизации III тысячелетия до н. э. – «культуры Барбар». Центром ее был остров Бахрейн. Археологи отыскиали здесь руины большого города, остатки величественного храма, несколько маленьких поселков. Возраст этих поселений и построек составлял пять тысяч лет – именно тогда, согласно клинописным текстам Двуречья, легендарный шумерский герой Гильгамеш отправился в свое долгое путешествие по трем царствам земным. Еще недавно специалисты спорили, насколько вообще достоверен этот миф. И вот теперь выходило, что некоторые сведения о странствованиях Гильгамеша не выдуманы.

Дж. Бибби убедительно связал открытую на Бахрейне цивилизацию с легендарной страной Дилмун. Многочисленные находки – резные стеатитовые печати, бусы, изделия из меди и слоновой кости – показали, что в III–II тысячелетиях до н. э. Бахрейн был тесно связан с двумя древнейшими цивилизациями мира – Шумерской и отстоящей от нее на многие тысячи километров цивилизацией долины Инда, играя важную посредническую роль в оживленной морской торговле. Смутные догадки о том, где проходил древний путь из Двуречья в Индию, теперь нашли свое материальное подтверждение: эта дорога пролегла через Бахрейн. Именно отсюда, как оказалось, происходят круглые каменные печати, которые ставили в тупик археологов и при раскопках в Шумере, и при раскопках в Индии. На Бахрейне при раскопках древнего города и храма были найдены сотни таких печатей.

По большому счету, не столь уж важно – являлся ли Бахрейн легендарным Дилмуном или нет. Кстати, мнения по этому вопросу расходятся: по мнению других ученых, Дилмун все же следует искать в Индии. Главное состоит в другом: датским археологам во главе с Дж. Бибби удалось сделать одно из самых интересных археологических открытий XX века – найти недостающее звено в цепочке древнейших культур мира.

Ошибка Поля Ботта

В 1840 году на должность французского консула в Мосул был назначен Поль Эмиль Ботта. Как и многие образованные люди начала XIX века, он одновременно являлся путешественником, натуралистом, политическим деятелем, дипломатом и немного авантюристом. Назначение в Мосул, расположенный на правом берегу Тигра и бывший тогда центром турецкого вилайета, Ботта воспринял с большим воодушевлением. Он горячо интересовался всевозможными древностями и хорошо владел арабским языком. Зная это, французское Азиатское общество поручило Ботта найти остатки знаменитой Ниневии – легендарной столицы Ассирии, которая много раз упоминается в Библии.

Все свое свободное время Ботта посвящал исследованиям окрестностей Мосула, собирая старинные черепки, кирпичи, испещренные непонятными знаками. Наконец, круг поисков сузился до огромного холма, расположенного на левом берегу Тигра вблизи селения Куянджик. Однако Ботта ничего не сумел здесь найти. Злая ирония судьбы: девять лет спустя Генри Лэйярд именно здесь, под холмом Куянджик, откроет руины легендарной Ниневии!

Наступил март 1843 года. В один из дней в кабинете Ботта появился некий араб и сказал, что может показать ему место, где видимо-невидимо древних кирпичей с надписями, из которых он и его односельчане сооружают очаги в домах. Заинтересовавшись этим сообщением, Ботта отправил с арабом своих людей. Проводник привел маленькую экспедицию на холм, расположенный у селения Хорсабад, в 75 километрах от Мосула. Здесь волею судьбы Ботта суждено было обнаружить первый памятник древней ассирийской цивилизации, существовавшей более двух с половиной тысячелетий назад. Это открытие сделало имя Ботта бессмертным.

Но тогда, в марте 1843 года, Ботта еще не знал, что судьба зло посмеется над ним. В том, что он нашел именно Ниневию, он был убежден едва ли не до конца дней своих. И изданное им в Париже в 1847–1850 годах роскошное пятитомное издание носило гордое название «Памятники Ниневии, открытые и описанные Ботта». Но это была... не Ниневия!

Холм возле селения Хорсабад скрывал руины другой ассирийской столицы – Дур-Шаррукина, резиденции царя Саргона II с великолепным дворцом, сооруженным в 709 году до н. э. Мнимое «открытие» Ниневии

Боттой вошло в анналы археологической науки в качестве вопиющей ошибки неопытного ученого.

Но это все еще впереди, а пока идет март 1843 года и Поль Эмиль Ботта впервые в истории науки приступает к раскопкам ассирийского города. Буквально через час после начала раскопок из земли выступили полуразрушенные стены. Когда исследователи соскоблили налипшую на них грязь, перед их взором появились многочисленные надписи, рисунки, рельефы, изображения зверей...

Изобилие рельефов и скульптур было поразительным. Как зачарованный, Ботта сидел в раскопе и срисовывал причудливые, совершенно необычные изображения крылатых зверей, фигуры бородатых людей; ничего подобного ему не приходилось видеть даже в Египте, да и вообще европейцам еще не были знакомы такие изображения.

Открытие Ботта стало мировой сенсацией. До сих пор колыбелью человечества считали Египет. О древних царствах Двуречья до этого сообщала лишь Библия, которую европейские ученые XIX века со времен французского Просвещения привыкли считать «сборником легенд». Но открытие Ботта свидетельствовало о том, что в Двуречье действительно некогда существовала по меньшей мере такая же древняя, а если признать сведения Библии достоверными, то даже еще более древняя, чем Египет, цивилизация. Открытия Ботта положили начало ассириологии как одной из

ветвей археологической науки.

Многочисленные исследователи, зачистившие в Хорсабад уже после первых сообщений Ботта, пришли к выводу, что это – древний Дур-Шаррукин, загородная резиденция царя Саргона (Шаррукина) II, тот самый, который упоминается в пророчествах библейского пророка Исайи. Это был летний дворец на окраине Ниневии, своеобразный Версаль Древнего мира.

Первые раскопки Дур-Шаррукина велись три года – с 1843 по 1846-й. Затем в 1852 году их продолжил Виктор Плас. Стена за стеной поднимались из земли величественные здания с великолепно украшенными порталами, с роскошными помещениями, ходами и залами, с гаремом из трех отделений и остатками ступенчатой башни-зиккурата. Стены дворца покрывали изображения диковинных животных, барельефы бородатых царей и крылатых богов. В его помещениях археологи нашли изумительные по форме вазы и предметы из алебаstra, рассыпавшиеся от прикосновения в порошок. Все эти вещи говорили о величии древней цивилизации.

Дворец был сооружен на искусственной террасе и доминировал над расположенным у его подножия городом. Площадь дворца составляет 10 гектаров при общей площади города 18 гектаров. Крепостная стена, окружавшая город, подходила вплотную к дворцу так, что часть дворцовых помещений выдавалась вперед, образуя огромный бастион над крутым обрывом холма. С высоких башен стража могла увидеть врагов на далеком расстоянии, а отвесные склоны затрудняли осаду. Дворец имел 30 внутренних дворов и 210 залов. В центре находилась царская резиденция, вокруг нее группировались служебные помещения, гарем, храмы, зиккурат.

Во внутренних покоях дворца обнаружены остатки стенных росписей и панелей из глазурованных кирпичей. Комнаты были узкими, длинными и высокими, балки перекрытий делались из ливанского кедра, стены парадных залов в нижней части облицовывались рельефными фризами.

Величественны и фантастичны возвышавшиеся у входа во дворец Саргона грандиозные крылатые быки – шеду, стражи царских чертогов, охранявшие их от врагов, видимых и невидимых. Они – в высоких тиарах, с высокомерными человеческими ликами, сверкающими глазами, с огромными, прямоугольными, сплошь закрученными мелким завитком бородами. Характерная черта: каждый бык имеет пять ног. Добавочная нога создавала иллюзию шага животного по направлению к зрителю: входящий во дворец видел быков сбоку – в движении, устрашающем своей тяжестью, а спереди – в не менее грозном покое...

Сегодня на руинах Дур-Шаррукина остались только следы траншей и

обломки гранитных глыб. Статуи крылатых быков-шеду можно видеть в Иракском музее древностей в Багдаде. Самые знаменитые рельефы из ассирийских царских дворцов находятся в лондонском Британском музее и в парижском Лувре.

Первое открытие Генри Лэйярда

В тридцати километрах от иракского города Мосул располагается небольшая арабская деревня Нимруд, на окраине которой высится явно имеющий искусственное происхождение холм с ровно срезанной вершиной. За ним виднеется еще несколько холмов меньших размеров. Здесь под грудами серой земли погребены развалины одной из столиц Ассирии – Калаха (Кальхи).

В 1839 году в этих местах, на пустынных берегах Тигра, появился 23-летний английский ученый и путешественник Остин Генри Лэйярд (1817–1894). Путешествуя верхом по окрестностям Мосула, он повсюду встречал следы древней истории. Особенно заинтересовало его библейское название деревни – Нимруд. Нимродом или Нимрудом звали правнука легендарного Ноя.

Лэйярд хорошо помнил, что Библия, в те времена являвшаяся практически единственным источником по истории Передней Азии, прямо связывала имя Нимруда с древними столицами Ассирии: «Царство его вначале составили: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар. Из сей земли вышел Ассур и построил Ниневию и Реховофир, Калах и Ресен между Ниневию и между Калахом; это город великий». Арабская устная традиция приписывала Нимрудом основание здешнего поселения, на окраине которого высился громадный холм. Арабы называли его Калах-Шергат. «Калах»... Не тот ли это Калах, который упоминается в Библии?

«Эти гигантские холмы в Ассирии произвели на меня более сильное впечатление, вызвали больше глубоких и серьезных размышлений, чем храмы Баальбека и театры Ионии», – писал Лэйярд. Местные жители рассказывали о загадочных фигурах из черного камня, которые находятся под толщей земли. На поверхности холма поблескивали осколки мрамора и алебаstra...

В 1845 году Лэйярд вернулся в эти места. Всего с шестью рабочими он приступил к раскопкам холма Калах-Шергат, еще не подозревая, что сделанные им здесь открытия поставят его имя в один ряд с именами величайших археологов XIX века.

Начав копать, уже через 24 часа Лэйярд наткнулся на стены двух ассирийских дворцов. Первыми из того, что обнаружили археологи, были несколько вертикально поставленных каменных плит. Выяснилось, что это облицовка стен какого-то помещения, которое, судя по богатству декора,

могло быть только царским дворцом.

Лэйярд отправил трех человек копать с противоположной стороны холма, и здесь снова заступ археолога наткнулся на стену, оказавшуюся углом второго дворца. Она была покрыта великолепными рельефами, среди которых особенно выделялся один, изображающий ассирийского царя.

«На нем изображена батальная сцена, – вспоминал Лэйярд, – во весь опор мчатся две колесницы; в каждой колеснице – три воина, старший из них, безбородый (по всей вероятности, евнух) облачен в доспехи из металлических пластинок, на голове его остроконечный шлем, напоминающий старинные норманнские шлемы. Левой рукой он крепко держит лук, а правой чуть ли не до плеча оттягивает тетиву с наложенной на нее стрелой. Меч его покоится в ножнах, нижний конец которых

украшен фигурками двух львов».

Потом, годы спустя, было найдено множество подобных барельефов, ныне украшающих музеи Ирака, Европы и Америки. Они удивительно реалистичны по своему содержанию, и их внимательное изучение дает возможность заглянуть в жизнь тех людей, и прежде всего тех ассирийских правителей, о которых еще полтора века назад было известно только из Библии. Но для тех исследователей, которым впервые удалось откопать эти изображения и отряхнуть с них пыль веков, они были волнующей новинкой.

...Однажды утром к Лэйярду прибежали взволнованные и радостные рабочие. Они потрясали своими кирками и заступами, кричали и танцевали. «Скорее, о бей, скорее, – кричали они. – Мы нашли Нимрода, самого Нимрода...»

Лэйярд стремглав полетел к раскопу. Из толщи земли величественно поднималась практически не тронутая временем исполинская алебастровая голова крылатого человеко-льва. «Она удивительно хорошо сохранилась, – писал Лэйярд. – Выражение лица было спокойным и в то же время величественным; черты лица переданы так свободно и в то же время с таким пониманием законов искусства, какое с трудом можно было предположить для столь далекой от нас эпохи».

Сегодня мы знаем, что это была одна из многих статуй главных ассирийских богов. Их было четыре: Мардук, которого изображали в виде крылатого быка, Набу – его изображали как крылатого человека, Нергал – крылатый лев и Нинурта, которого изображали в виде орла.

Лэйярд был потрясен. «Целыми часами я рассматривал эти таинственные символические изображения и размышлял об их назначении и их истории, – вспоминал он. – Что более благородное мог бы ввести тот или иной народ в храмы своих богов? Какие более возвышенные изображения могли быть заимствованы у природы людьми, которые... пытались найти воплощение своим представлениям о мудрости, силе и вездесущности высшего существа? Что могло лучше олицетворять ум и знания, чем голова человека, силу – чем туловище льва, вездесущность – чем крылья птицы!»

Работы на холме Нимруд продолжались три года. Лэйярду удалось вызвать из небытия столицу древнего Ассирийского царства, в центре которой некогда возвышался дворец царя Ашшурнасирпала II (883–859 гг. до н. э.). Именно этот царь перенес столицу Ассирии из древнего Ашшура сюда, в Калах.

Особенностью традиций Ассирии было то, что почти каждый ее новый

правитель, взойдя на престол, сооружал себе новую укрепленную столицу, стараясь при этом превзойти предшественника в пышности и величественности построек. Благодаря этому в Месопотамии сегодня сохранилось множество значительных памятников ассирийского периода.

Дворец Ашшурнасирпала, сооруженный в IX веке до н. э., был грандиозен. Он имел большой квадратный внутренний двор, вокруг которого располагались парадные, жилые и хозяйственные помещения. Стены многих из них были покрыты рельефами с изображениями военных подвигов царя, охоты, царских приемов. Эти рельефы отличает буквально протокольная точность в передаче событий, простота композиций, четкость контуров. Вход во дворец охраняли фигуры шеду – фантастические существа с телом быка, крыльями птицы и лицом человека.

Руины Калаха, раскопанные в 1845–1848 годах. Лэйардом и в 1870-х годах Дж. Смитом и О. Рассамом, продолживших работу своего предшественника, и сегодня производят неизгладимое впечатление. С расстояния примерно десяти метров можно охватить взглядом весь фасад дворца Ашшурнасирпала, с двумя порталами, ведущими в тронный зал. Их стерегут статуи богов Мардука и Нергала. Скульптура Мардука в виде крылатого человека-быка изваяна из серовато-зеленого с белыми вкраплениями известняка, привезенного, очевидно, из верховьев Тигра. Фигура стоит в профиль. Отчетливо видны брюхо, покрытое змеиной чешуей, мощные ноги и человеческая голова главного бога Ассирии. Мягко очерчен крупный нос, прямая борода заплетена в косички, усы закручены. В некоторых местах треснувшую скульптуру скрепляют металлические скобы.

Две фигуры бога Нергала, крылатого льва с человеческим лицом, стоят анфас. Они сделаны из того же материала, но меньше по размерам. Одна из статуй держит в руке ягненка, другая – сосуд с вином или маслом.

У восточного, лучше сохранившегося портала стоит каменная плита с барельефом третьего бога ассирийцев – Набу. Он изображен в виде крылатого человека со свирепым лицом: крючковатый нос нависает над плотно сомкнутыми губами, застывшими в злой усмешке, брови нахмурены, к мочке уха прикреплена длинная, напоминающая ключ серьга. В правой руке Набу держит шишку пинии – символ плодородия.

Среди протянувшихся вдоль фасада барельефов можно найти изображение и четвертого бога ассирийцев – Нинурты. Этот бог, по-видимому, был самым младшим из четырех: размеры его изображения в виде орла составляют всего лишь четверть массивной фигуры Мардука.

Некогда дворец в Калахе поражал богатством и роскошью отделки.

Резные вставки из слоновой кости украшали троны, лежа, столы, кресла, более того – стены некоторых залов целиком были покрыты пластинками этого драгоценного материала. Каждый посетитель, вступавший в тронный зал, будь то жрец, царский придворный или посол соседней державы, проходил мимо богов и каменных плит, на которых искусный скульптор изобразил сцены, рассказывающие о смелости царя Ассирии в бою и его ловкости на охоте. Фигуры богов должны были внушать благоговение, подчеркивать силу и могущество Ассирийской империи и ее владыки, сидевшего на золотом троне в южном конце тронного зала.

Но сейчас тронный зал пуст. Барельефы и статуи богов вывезены отсюда еще Лэйярдом. Испещренный клинописными знаками гранитный пьедестал, на котором стоял трон ассирийских царей, можно видеть сегодня в музее Мосула. Здесь же некогда находился пьедестал трона Салманасара III, ныне хранящийся в Иракском музее древностей в Багдаде. Из дворца Салманасара III в Нимруде происходит и панель из ярких цветных глазурованных кирпичей с изображением царя, над которым парит – крылатый бог Ашшур.

Стены опустевшего тронного зала аккуратно оштукатурены и обмазаны цементом. Только в нескольких местах уцелели скрепленные известью осколки барельефов, которые не вывезли лишь потому, что они могли бы раскрошиться по пути. На них видны изображения воинов, боевых колесниц, когтистая лапа раненного на охоте зверя, царапающего в предсмертной агонии землю. Вот, пожалуй, и все следы бывшего великолепия, сохранившиеся сегодня в Нимруде. «Так и кажется, что это всего лишь видение, всего лишь рассказанная тебе восточная сказка, – писал в свое время Генри Лэйярд. – Многие из тех, кто посетит это место, когда руины ассирийских дворцов зарастут травой, наверное, заподозрят, что все рассказанное здесь – плод фантазии».

Лэйярд находит Ниневию

На окраине Мосула в 44 км к северу от Багдада находятся развалины Ниневии, последней столицы Ассирийской империи (после Ашшура, Калаха (Кальху) и Дур-Шаррукина). Ниневия возникла в древнейшие времена. Уже вавилонский царь-законодатель Хаммурапи примерно в 1930 году до н. э. упоминает о храме Иштар, вокруг которого был расположен этот город, обязанный своим названием другой великой богине древнего Двуречья – Нин.

В ту пору, когда Ашшур и Калах уже были царскими резиденциями, Ниневия все еще продолжала оставаться провинциальным городом. Ее возвышение связано с именем ассирийского царя Синаххериба, сделавшего Ниневию в VII веке до н. э. своей столицей. В то время Ассирия стала одной из могущественных держав Востока.

Царь Синаххериб сделал все, чтобы его новая столица затмила славу прежних столиц Ассирии. При сыне Синаххериба, Ашшурбанапале,

Ниневия достигла своего расцвета. Она стала могущественнейшим городом, крупнейшим политическим и хозяйственным центром, а также центром культуры, науки и искусства – настоящим ассирийским Римом. Это был город гигантских, имевших сверхчеловеческие масштабы дворцов, площадей и улиц, городом новой, неслыханной дотоле техники. Это был город, где власть принадлежала узкому слою жрецов и вождей, независимо от того, на чем они основывали свое право господства: на праве происхождения, праве силы, расовом превосходстве, деньгах, или же на совокупности всего этого. Это был город, с именем которого связаны убийства, грабежи, насилия и кровавые войны, город, где царили неслыханная жестокость и умопомрачительная роскошь. Это была столица жаждавшей мирового владычества империи, правители которой держались на троне лишь с помощью террора и которым редко удавалось умереть своей смертью. И в то же время это был город рабов, лишенных всяких прав. С помощью лживых мифов и крикливых лозунгов в них разжигали «патриотизм» и «гордость за свою страну», но в реальности они должны были только работать и производить на свет новых рабов и солдат.

В Библии есть пророчество о гибели Ассирии: «И прострет Он руку Свою на север, и уничтожит Ассура, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня. И покоиться будут среди нее стада и всякого рода животные; пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее...» Это пророчество сбылось. Расцвет Ниневии длился недолго, всего около девяноста лет. Последний царь Ниневии – Синшаришкун, сын Ашшурбанапала – правил только семь лет. В 612 году до н. э. объединенная армия мидийского царя Киаксара и вавилонского царя Набопаласара осадила Ниневию и взяла ее штурмом. Мидийцы и вавилоняне поступили со столицей Ассирии так же, как в свое время ассирийцы поступали с покоренными странами: дворцы Ниневии и ее стены были разрушены, жители перебиты или угнаны в рабство, а богатства, свезенные со всех покоренных стран, разделены между победителями. Ниневия была разрушена полностью. Ее имя на протяжении последующих двадцати пяти веков оставалось символом величия и падения, сибаритства и высокой цивилизации, ужасных злодеяний и справедливого возмездия.

Современная арабская деревня, лежащая у подножия огромного холма Куюнджик, носит название Ниневии в память об огромном городе, шумевшем на берегах Тигра более 25 веков назад. Руины этого города были открыты осенью 1849 года тем самым Остином Генри Лэйярдом, который прославился как первооткрыватель и исследователь руин Калаха-Нимруда. Казалось бы, после такого успеха Лэйярд мог с полным правом почтить на

лаврах. Но не таков был характер этого беспокойного и талантливого археолога. Среди множества холмов, явно скрывавших в себе руины древних городов, Лэйярд выбрал в качестве объекта дальнейших раскопок именно холм Куюнджик. Его выбор выглядел более чем спорным: ведь этот холм уже на протяжении целого года безуспешно раскапывал Поль Ботта и не нашел здесь абсолютно ничего! Но Лэйярд обладал гениальной интуицией, которая не подвела его и в этот раз.

Пробив вертикальную штольню вглубь холма, на глубине примерно двадцати метров Лэйярд наткнулся на слой кирпичей. Тогда он начал вести под землей горизонтальные ходы по всем направлениям и вскоре обнаружил зал, а затем и ворота с изваяниями крылатых быков по бокам. За четыре недели работы он открыл еще девять помещений.

Как выяснилось впоследствии, это были остатки дворца царей Синаххериба и Ашшурбанапала. Одни за другими появлялись на свет росписи, рельефы, великолепные изразцы, мозаики; все это выдержано в холодных, мрачноватых тонах – преимущественно черном, желтом и темно-лиловом. Рельефы и скульптуры отличались удивительной выразительностью и по натурализму деталей оставляли далеко позади все аналогичные находки на холме Нимруд. И это понятно, почему – искусство времени Ашшурбанапала было вершиной и вместе с тем последней страницей в истории ассирийского искусства.

Среди прочего здесь был найден знаменитый шедевр мирового значения – рельеф «Умирающая львица», относящийся к эпохе правления Ашшурбанапала (ныне хранится в Лондоне, в Британском музее). На нем изображена смертельно раненная львица, исполненная трагического величия. В ее тело вонзились стрелы, у нее перебит позвоночник, но, волоча парализованные задние лапы, она в последнем отчаянном усилии пытается подняться. Львица приподняла верхнюю часть туловища и, вытянув морду, застыла в предсмертном рывке. Этот рельеф – создание великого ваятеля – по глубине экспрессии и проникновенности можно смело поставить рядом с лучшими произведениями мирового искусства.

Самой значительной находкой археологов в Куюнджике стала ныне знаменитая на весь мир библиотека царя Ашшурбанапала. Она состояла из 30 тысяч систематизированных и классифицированных табличек с царскими указами, дворцовыми записями, религиозными текстами и магическими заговорами, эпическими повествованиями, песнями и гимнами, текстами, содержащими сведения о медицине, астрономии и других науках. Здесь обнаружены таблички с одним из величайших произведений мировой литературы – шумерским эпосом о великом

Гильгамеше, бывшем «на две трети богом и на одну треть – человеком». Вероятно, это была самая большая библиотека во всем тогдашнем мире, которая с полным правом может быть названа первой систематизированной библиотекой Древнего Востока. Почти все таблички, составлявшие коллекцию, сейчас находятся в Британском музее. Многие из них изданы или достаточно подробно описаны в каталогах. Эти тексты являются сегодня основным источником по истории Месопотамии.

Как установлено, эту библиотеку собрал царь Ниневии Ашшурбанапал (668–626 гг. до н. э.), который сам был не чужд литературе и вообще считался просвещенным (насколько это было возможно в условиях Ассирии) правителем. Сам царь сообщал о себе такие сведения:

«Я, Ашшурбанапал, постиг... все искусство писцов, усвоил знание всех мастеров, сколько их есть, научился стрелять из лука, ездить на лошади и колеснице, держать вожжи... Я постиг скрытые тайны искусства письма, я читал в небесных и земных постройках и размышлял [над ними]. Я присутствовал на собраниях царских переписчиков. Я наблюдал за предзнаменованиями, я толковал явления небес с учеными жрецами, я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны... В то же время я изучал и то, что полагается господину; и пошел по своему царскому пути».

Из личных писем Ашшурбанапала известно, что коллекционирование глиняных «книг» было его увлечением. Он специально направлял своих людей в Вавилонию на поиски текстов и проявлял столь огромный интерес к собиранию табличек, что лично занимался отбором текстов для библиотеки. Есть указания на то, что значительная часть библиотеки поступила из древней столицы Ассирии, Калаха, куда царь Тиглатпаласар I (1115–1077 гг. до н. э.) после завоевания Вавилона, по-видимому, привез древние вавилонские оригиналы. Характерно, что Ашшурбанапал и его писцы уже не понимали смысла многих древних текстов, но все равно старательно копировали их. Сам Ашшурбанапал писал: «Для меня было большой радостью повторять красивые, но непонятные надписи шумеров и неразборчивые аккадские тексты».

Часть табличек царь получил из частных собраний, большая же часть является копиями, которые по повелению царя писцы изготовили во всех провинциях Ассирии. Так, посылая своего чиновника Шадану в Вавилон, царь снабдил его следующей инструкцией: «В тот день, когда ты получишь это письмо, возьми с собой Шуму, брата его Бель-этира, Апла и художников из Борсиппы, которые тебе известны, и собери все таблички, хранящиеся в их домах и в храме Эзида. Драгоценные таблички, копий которых нет в

Ассирии, найдите и доставьте мне. Я написал главному жрецу и губернатору Борсиппы, что ты, Шадану, будешь хранить эти таблички в своем складе, и просил, чтобы никто не отказывался предоставлять их тебе. Если вы узнаете, что та или иная табличка или ритуальный текст подходят для дворца, сыщите, возьмите и пришлите сюда».

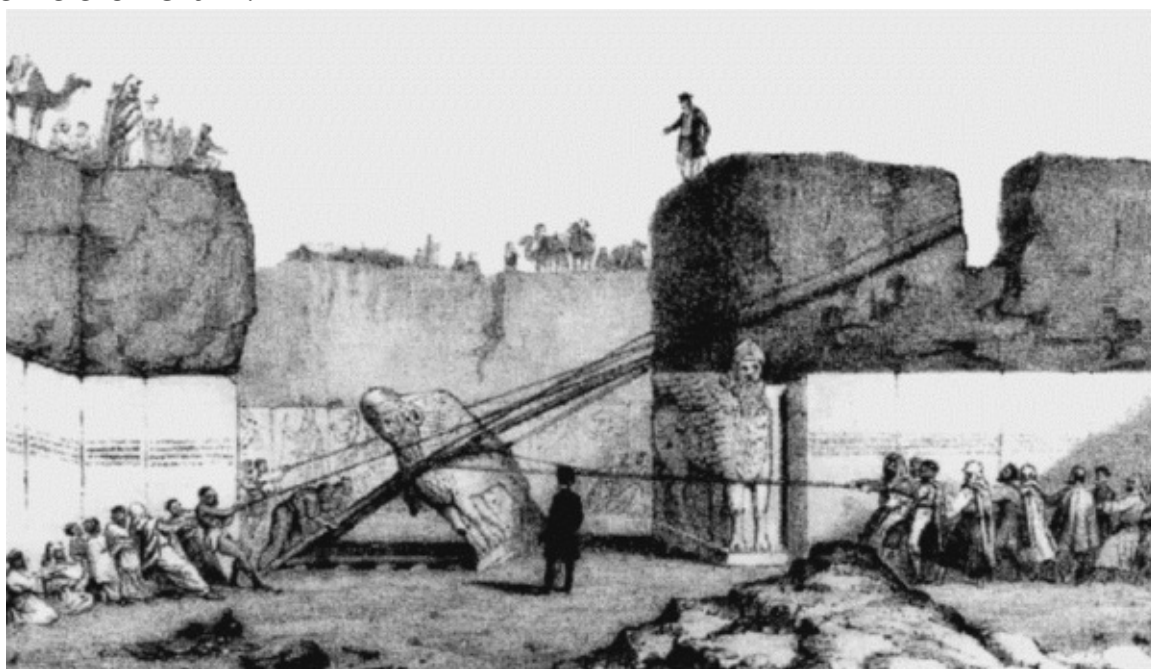
Специалисты, изучавшие состав библиотеки, утверждают, что библиотека Ашшурбанапала охватывает всю совокупность традиционных текстов той поры. Таким образом, библиотека Ашшурбанапала стала сегодня ключом ко всей ассиро-вавилонской культуре.

Другой знаменитой находкой в Куюнджике стал архив царей Ассирии. Среди найденных здесь более двух тысяч писем и их фрагментов около двухсот являются личной корреспонденцией царей, охватывающей период от Саргона II до Ашшурбанапала. Большинство этих писем написаны Ашшурбанапалом или адресованы ему.

Раскопки Ниневии продолжают до наших дней. В 1956 году здесь были раскопаны, а затем реставрированы ворота Нергала, которые вели в древний город. Их украшают древние росписи, подходы вымощены большими каменными плитами. Сейчас здесь устроен небольшой музей. У восстановленных ворот безмолвно высятся два стража – крылатые быки Ассирии.

Священный Ашшур

История Ассирии начинается с того времени, когда наместник царей III династии Ура поселился в Ашшуре – древнем городе-святилище одноименного бога, от которого Ассирия и получила свое имя. Название города Ашшур (Ассур) встречалось исследователям во многих клинописных текстах, но шли годы, один за другим под лопатами археологов вставали из небытия другие города Ассирии – Ниневия, Дур-Шаррукин, Калах, – а священный Ашшур продолжал оставаться загадкой. Где же его искать?

Постепенно сужавшийся круг поисков в конце концов привел исследователей в пустынное урочище Калат Шергат, расположенное в широкой излучине Тигра, в ста километрах от Мосула. В 1870-х годах здесь предпринял разведывательные раскопки Ормузд Рассам, ассистент Генри Лэйярда. В начале 1903 года сюда приезжал Роберт Кольдевей, недовольный безуспешными, на его взгляд, раскопками Вавилона. Однако никаких результатов эти экспедиции не достигли – загадочный холм не говорил ни «да», ни «нет» и упрямо хранил свою тайну. Разгадать ее было суждено только немецкому археологу Вальтеру Андре.

28-летний Андре приехал в Ирак в 1903 году в качестве ассистента Р. Кольдевея, работавшего на раскопках Вавилона. Он принадлежал к новому

поколению археологов, для которых на первом месте стояли уже не скоропалительные сенсационные находки, а кропотливый труд, подобный работе криминалистов, изучающих следы на месте преступления. Именно этому педантичному и неторопливому человеку Кольдевей поручил заняться исследованием таинственного холма в урочище Калат Шергат.

В этом пустынном, лишенном растительности краю с нереальными «лунными» пейзажами Вальтер Андре провел одиннадцать лет, вплоть до начала Первой мировой войны. Год проходил за годом, и из плена песков постепенно вставали руины дворцов и храмов древней ассирийской столицы – священного Ашшура...

Все цари Ассирии чрезвычайно дорожили этим городом. Это был подлинный сакральный центр страны, постоянно жившей в напряжении сил. Ассирия была все время в наступлении. Благодаря ежегодным завоевательным походам ассирийские цари регулярно распространяли пределы своей державы на огромные территории. Но эти завоевания были крайне непрочны, и раз за разом огромная империя повергалась в прах. Ее размеры сокращались до лоскутка земли вокруг Ашшура, но снова и снова цари Ассирии поднимали войска на отвоевание утраченных территорий...

«Неизменное стремление ассирийских царей снова организовать свою власть над этими захваченными районами остается проблемой, – писал один из крупнейших ученых-ассириологов XX века А. Лео Оппенгейм. – «В небольшой группе ассирийцев, вероятно уроженцев Ашшура, по-видимому, существовало страстное убеждение, что их долг снова воссоединить страну, увеличить эффективность этого соединения и расширить его основу. Это постоянное и яростное стремление к расширению не следует, однако, рассматривать как первичный импульс. Часто оно было следствием все усиливающегося разорения родины и старых провинций. Необходимость расширения свидетельствует о слабости системы. Тот факт, что истощенную страну каждый раз стремились восстановить, свидетельствует о наличии там идеологических, т. е. религиозных корней, и нам следует искать учреждение, которое было способно пережить все повороты событий. Эти поиски приводят нас к святилищу бога Ашшура...»^[3]

Древнее святилище бога Ашшура стало тем самым ядром, из которого выросла первая столица Ассирии. Ашшур располагался на отвесной скале, нависающей над Тигром, на западном берегу. Монументальная лестница вела на вершину скалы, где стояли царские дворцы, многочисленные храмы и главная святыня – храм бога Ашшура. И именно этот священный квартал избрал главной целью раскопок Вальтер Андре. Только здесь можно было

по-настоящему познать дух и культуру прошлого, а может быть, даже и объяснить их.

Верховным божеством города, «отцом богов» и повелителем вселенной, был Ашшур, главным жрецом которого был сам царь. Однако раскопки Андре позволили установить, что до него на протяжении почти тысячи лет в местном пантеоне господствовала богиня Иштар (Ашторет, Астарта), известная у шумеров под именем Иннин. Именно ей было посвящено самое древнее святилище города, которое, очевидно, существовало уже с самого начала ассирийской истории. Этот древнейший храм был варварски разрушен. Точно неизвестно, сделали ли это иноземные завоеватели, или сторонники культа Ашшура. Три века спустя на развалинах этого храма последний ассирийский царь Ашшурбанапал возвел новое святилище, посвященное Иштар. Изображения этой богини – обычно в виде обнаженной женщины с косами, ниспадающими на грудь, – часто попадались археологам на земле Ашшура.

Роль главного культового центра Ашшура играла высокая ступенчатая башня-зиккурат. К ней примыкала огромная пристройка, тянувшаяся до самого берега Тигра. Здесь хранились священные барки, на которые в праздник Нового года во время торжественных процессий переносили изображения богов из храмов Ашшура. Для этой цели от берега Тигра до храмов была проложена тщательно вымощенная парадная «Дорога процессий». На барках боги покидали город, чтобы через несколько дней снова вернуться в свои святилища.

Перед городскими воротами располагался Новогодний храм, посвященный Ашшуру, до которого доходила процессия верующих. Его бронзовые ворота украшала фигура Ашшура, идущего на битву против богини зла Тиамат. Этот храм строился и украшался на протяжении жизни нескольких поколений вплоть до падения Ассирийской державы. Его территория была особым образом озеленена: на площадке размером 16 000 кв. м в каменистом грунте по приказу царя Синаххериба (704–681 гг. до н. э.) были вырублены глубокие ямы, соединенные подземными каналами. Затем всю площадку засыпали землей и посадили деревья, получавшие влагу из подземных каналов. Таким же способом озеленили двор храма, окруженный колоннадой. Близ храмового колодца был устроен четырехугольный бассейн. На его наружных стенах (надписи датируют бассейн VIII в. до н. э.) изображены боги, окруженные жрецами в рыбьих масках. Тела жрецов покрыты рыбьей чешуей. Это – отголоски древнего шумерского мифа о «рыбьем» происхождении бога Эа (Оанна), в котором некоторые исследователи видят истоки культа бога Ашшура.

Раскопки Андре обнаружили полуразрушенные стены царских дворцов, облицованные большими пластинами алебаstra и окрашенные в пурпурно-красный цвет с перемежающимися черно-бело-черными полосами по углам. Украшавшие стены рельефы изображали крылатых существ с орлиными или человеческими головами, при этом последние увенчаны бычьими рогами. Одна из этих удивительных фигур держит на руках козленка или барашка. Здесь же были изображены человеческие фигуры, несущие знамена и колеса с восемью спицами.

Андре отыскал и царские гробницы. Каждая из этих подземных погребальных камер, монументальная и в то же время простая, перекрыта куполообразным сводом и имеет размеры $7 \times 7 \times 4$ м. В стенах устроены ниши для ламп, полукруглые своды облицованы долеритовыми пластинками, на которых восемнадцать раз повторяется имя царя. Однако никаких сокровищ в гробницах не оказалось – они были полностью ограблены еще в древности, причем, по-видимому, это сделали захватившие Ашшур враги, которые не только вынесли всю погребальную утварь, но и разрушили огромные каменные саркофаги. Андре нашел остатки одного такого саркофага, разбитого на куски. Он был высечен из цельной каменной глыбы весом 18 т и первоначально имел длину 3,85 метра, ширину около 2 м и высоту 2 м. Чтобы разграбить содержимое, захватчики, очевидно, облили его нефтью, а затем подожгли. Когда камень раскалился, саркофаг стали обливать холодной водой, и он раскололся.

Андре отослал собранные им фрагменты саркофага в Берлин, где его восстановили и прочитали высеченную на нем надпись: «Дворец Ашшурнаsirпала, царя Вселенной, царя Ашшура, сына Ададнирари, царя Вселенной, царя Ашшура». Захватившие Ашшур враги, очевидно, сожгли покоившиеся в этом саркофаге останки царя или бросили их в Тигр. Точно в таком же виде, разграбленными и разрушенными, Андре нашел и гробницы других ассирийских царей, перед которыми когда-то трепетал весь мир.

Ашшур погиб в 614 году до н. э., захваченный мидянами. Хотя царь Ашшурнаsirпал II (883–859 гг. до н. э.) перенес столицу в Калах, Ашшур вплоть до самого своего падения оставался городом, которому цари Ассирии уделяли большое внимание. Его жители пользовались особыми правами и привилегиями, которые регулярно подтверждались ассирийскими царями. Но 614 год до н. э. ознаменовал собой конец истории этого древнего города – разрушенный и разграбленный, он прекратил свое существование и исчез со страниц клинописных хроник.

Роберт Кольдевей на развалинах Вавилона

После распада государства шумеров политическим центром стал город, впервые упоминаемый во времена III династии Ура. Его называли Баб-или – «Врата божьи». Древние греки переделали это аккадское название в Вавилон.

Возвышение Вавилона началось в первой половине II тысячелетия до н. э. во времена правления царя Синмубаллита. А уже при его сыне, великом царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), Вавилон достиг своего первого расцвета. Последний и, пожалуй, самый известный период в истории Древнего Двуречья – Нововавилонский (625–539 гг. до н. э.) – начался при первом вавилонском царе Халдейской династии Набупалассаре

(625–605 гг. до н. э.), покорителе Ассирии. Время правления Навуходоносора II (604–562 гг. до н. э.), сына Набупалассара, стало периодом наивысшего расцвета Нововавилонского царства.

В 539 году до н. э. Вавилоном овладел персидский царь Кир II. Он оставил Вавилон неразрушенным, однако именно с этого времени начался период постепенного упадка великого города. На рубеже новой эры, при парфянском владычестве, Вавилон приходит в запустение. В эпоху Сасанидов (226–636 гг. н. э.) город сократился до размеров незначительного поселка, а в Средние века на его месте ютились лишь убогие арабские хижины. Местное население смотрело на развалины Вавилона как на каменоломни и брало там кирпич для своих нужд. А там, где некогда стоял огромный город, протянулась бесконечная череда песчаных холмов.

Развалины Вавилона привлекали внимание археологов еще с середины XIX столетия. Здесь побывали О. Лэйярд, Ж. Опперт, Ф. Френель, О. Рассам, Дж. Смит и другие ученые. Но только в 1899 году начались систематические раскопки города, продолжавшиеся на протяжении восемнадцати лет. Их вела археологическая экспедиция Германского Восточного общества под руководством Роберта Кольдевея. Общая стоимость всех работ определялась суммой в полмиллиона золотых марок, так что раскопки Вавилона относятся к числу самых грандиозных и дорогостоящих проектов в истории археологии.

В конце марта 1899 года экспедиция прибыла на место, где лежали развалины Вавилона, – на левый берег Евфрата, приблизительно в 90 километрах к югу от Багдада. Уже первые раскопки открыли улицу, вымощенную большими плитами, часть которых была покрыта надписями времен царя Навуходоносора. Повсеместно попадались кирпичи, покрытые цветной эмалью и рельефами. Они свидетельствовали о том, что археологи обнаружили священную Дорогу процессий – улицу для торжественных шествий в честь Мардука, главного божества вавилонян.

Как показали раскопки Р. Кольдевея, Вавилон представлял собой в плане вытянутый с запада на восток почти правильный четырехугольник с периметром стен 8150 м и площадью около 4 кв. км. Общая площадь «Большого Вавилона» достигала 10 кв. км. Его население составляло не менее полумиллиона человек. Даже по современным масштабам Вавилон можно считать крупным городским центром, а по сравнению с прочими древними городами он выглядел настоящим гигантом.

При царе Навуходоносоре в Вавилоне велись строительные работы огромного масштаба. При нем началась реконструкция храмов Эмах, Нинурты и богини Иштар. Он возвел новые оборонительные сооружения,

отстроил южную часть города с ее роскошными дворцами, реконструировал и украсил Эсагилу – храмовый комплекс Мардука, верховного бога Вавилона. При нем было завершено строительство огромного зиккурата – того самого, что позже стал ассоциироваться со знаменитой Вавилонской башней (ее называли «Этеменанки» – «Дом краеугольного камня неба и земли»).

Грандиозный вавилонский зиккурат, построенный ассирийским зодчим Арадахдешу, располагался на священном участке земли в юго-западном углу Эсагилы. Он имел семь ярусов и достигал высоты около 100 м. Зиккурат увенчивался святилищем, облицованным сверкающими на солнце голубовато-лиловыми глазурованными кирпичами. Оно было посвящено главному вавилонскому богу Мардуку и его супруге, богине утренней зари. На строительство Этеменанки ушло восемьдесят пять миллионов кирпичей.

К раскопкам Эсагилы и «Вавилонской башни» Кольдевей приступил в апреле 1900 года. Постепенно начали вырисовываться контуры гигантской постройки. Раскопки обнаружили хорошо сохранившийся кирпичный фундамент башни – четырехугольник со сторонами 91,55 м – и остатки трех лестниц. Как показали исследования, Вавилонская башня состояла из семи суживающихся кверху ступенчатых террас и в основании представляла собой квадрат, каждая сторона которого равнялась приблизительно 90 метрам.

С именем царя Навуходоносора связано и создание садов на искусственных насыпях – легендарных «садов Семирамиды», почитаемых греками как одно из семи чудес древнего мира. Эти «висячие сады» были подарены Навуходоносором II своей жене Амитис (Амитиде), дочери мидийского царя. Это было многоярусное сооружение с прохладными покоем на уступах, засаженных цветами, кустами и деревьями, орошаемых при помощи огромного водоподъемного колеса, которое вращали рабы. При раскопках на месте садов был обнаружен искусственный холм, внутри которого находилась удивительная для тех времен водоподводящая система.

Во времена Навуходоносора Вавилон имел семь ворот, носящих имена главных богов страны. Особенно красивы были ворота богини Иштар, полностью раскопанные Р. Кольдевеем и служившие началом знаменитой «Дороги процессий», ведущей к Эсагиле. Сводчатый вход защищали две высокие, массивные, квадратные в плане башни, украшенные рельефами из глазурованного кирпича. На синем блестящем фоне четко выделялись 575 рельефов с изображениями священных животных: фигуры идущих быков –

белых с желтой гривой и желтых с красной гривой, а также загадочные изображения зверя «сирруш» – полузмеи-полуптицы с лапами льва, раздвоенным языком, с рогом на плоской голове и телом, покрытым чешуей.

Штуку за штукой извлекали археологи из недр земли эти покрытые цветной эмалью кирпичи, отсортировывали и пересчитывали. Около 100 000 обломков ворот Иштар на речных судах были отправлены в Басру. Там их перегружали на немецкий пароход и через Персидский залив отправляли в Гамбург. Путешествие заканчивалось в Переднеазиатском музее в Берлине. Здесь после многолетней работы с использованием подлинных кирпичей из Вавилона были в натуральную величину воссозданы изумительные ворота Иштар, досконально повторяющие первоначальный облик этого сооружения. Стоящие в огромном зале музея, они сегодня служат объектом паломничества туристов.

От ворот Иштар брала свое начало самая великолепная дорога в мире – знаменитая «Дорога процессий» («Айбур-Шаба»). Она была сооружена не для перевозок грузов и передвижения людей – по ней шествовал сам великий бог Мардук. «Дорога процессий» была вымощена квадратными известняковыми плитами размерами метр на метр. Они лежали на кирпичном настиле, покрытом слоем асфальта. Края плит украшала инкрустация из красного камня, а все стыки между плитами были залиты асфальтом. На внутренней стороне каждой плиты была высечена надпись: «Я – Навуходоносор, царь Вавилона, сын Набополасара, царя Вавилона, вавилонскую улицу замостил для процессии великого господина Мардука каменными плитами из Шаду. Мардук, господин, даруй нам вечную жизнь».

Ширина улицы составляла 23 м. На всем ее протяжении возвышались семиметровые крепостные стены, выложенные из голубого глазурованного кирпича. С обеих сторон на шествующих взирали сто двадцать львов в угрожающих позах, с развевающимися желто-красными гривами и оскаленными пастьями. Эти рельефные изображения украшали стены через каждые два метра. В берлинском Переднеазиатском музее сегодня можно видеть воспроизведенную часть «Дороги процессий» в том виде, как она когда-то выглядела: окруженная стенами из голубого глазурованного кирпича, с которых глядят изображения хищных львов.

Роберт Кольдевей проработал в Вавилоне 18 лет. И все эти годы с берегов Евфрата в Берлин шел непрерывный поток находок. Но археологам приходилось нелегко. В письмах Кольдевея можно найти немало упоминаний о грабителях из племени шаммаров, о том, что дороги

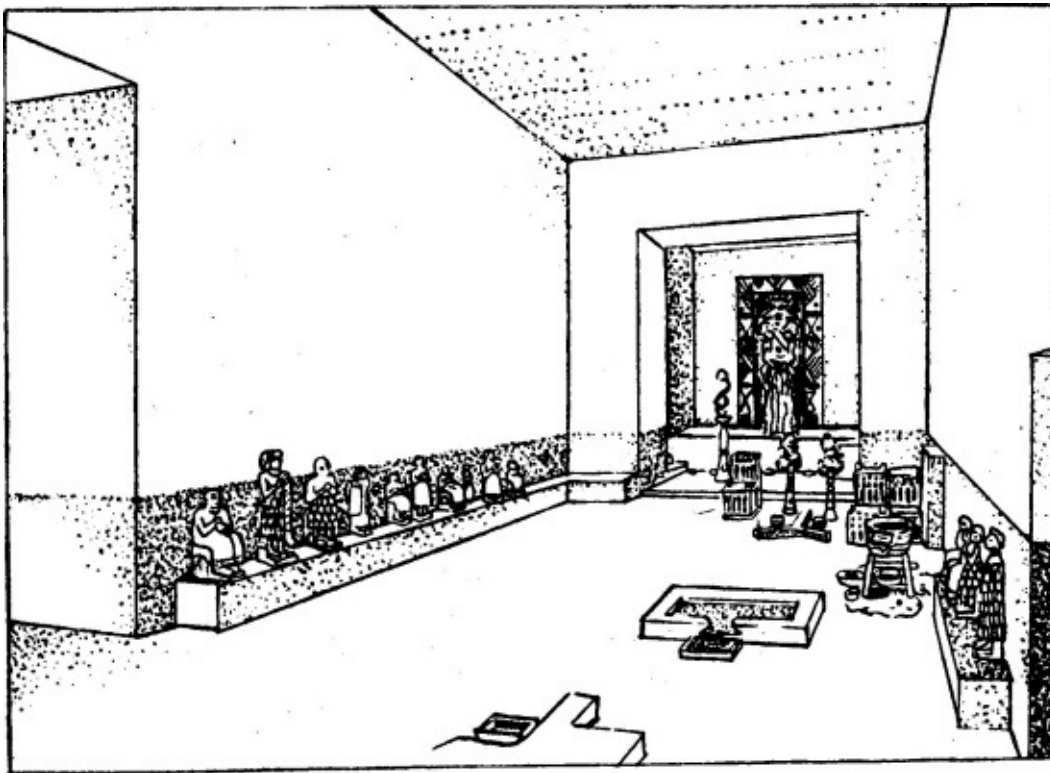
небезопасны, и что проводники караванов, боясь грабителей, заламывают дикие цены, и из-за того к месту раскопок нельзя доставить самые необходимые вещи, о том, что его сотрудникам приходится ездить с вооруженным эскортом.

И все же Кольдевей открыл Вавилон эпохи Навуходоносора II. Он нашел остатки Вавилонской башни, Эсагилы, Висячих садов, царского дворца, моста через Евфрат, стены, улицы и дома Вавилона. Открытия Роберта Кольдевея воочию доказали существование Вавилона и его чудес, известных ныне всему человечеству. Много лет спустя археологи назовут раскопки Кольдевея в Вавилоне «образцовыми».

Случайное и счастливое открытие Мари

Этот город долго оставался вне поля зрения археологов. Между тем в клинописных текстах, обнаруженных при раскопках шумерских и аккадских городов, снова и снова упоминался Мари. Во время раскопок Вавилона Р. Кольдевеем была найдена даже статуя Пузур-Иштар, царя Мари (голова этой статуи находится в настоящее время в Переднеазиатском музее в Берлине).

В III – начале II тысячелетия до н. э. Мари был столицей одноименного государства, соперничавшего с Шумером и Аккадом. Этот город контролировал все торговые пути, шедшие из Южной Месопотамии в Анатолию. Во многих местах обнаружены восторженные сообщения путешественников, посетивших Мари и прославлявших красоту города, гостеприимство его жителей и образцовый порядок в стране. Так, царь финикийского города Угарита послал своего сына в Мари, и тот подтвердил, что даже самые красочные описания бледнеют перед действительностью.

Понятно, что такого рода сообщения лишали археологов сна. Но где находился этот таинственный город? Из клинописных текстов следовало

только, что он должен располагаться где-то на половине пути между Вавилонией и Средиземным морем. Но первые попытки обнаружить город окончились неудачей.

И тут помог случай – отец многих открытий. Летом 1933 года бедуины, копавшие могилу для своего умершего собрата, случайно нашли на холме Телль-Харири, расположенном на берегу Евфрата, загадочную статую. Она представляла собой человека, одетого в длинную юбку, украшенную богатой, равномерно расположенной бахромой. По низу статуи тянулась загадочная клинопись.

О находке арабы немедленно сообщили лейтенанту Кабане, начальнику французского военного поста в Абу-Кемале – небольшом местечке на границе Сирии с Ираком. Лейтенант уже достаточно времени провел на Востоке и, подобно многим европейцам той поры, не остался равнодушным перед чарами древней истории, следы которой здесь можно встретить буквально на каждом шагу. Заинтересовавшись находкой, он отправился с арабами к холму Телль-Харири, расположенном в 11 километрах от Абу-Кемаль. Найденная статуя, несомненно, была древней. Лейтенант приказал аккуратно извлечь ее из земли и доставить в Абу-Кемаль, а сам незамедлительно послал начальству подробный рапорт о находке.

В октябре 1933 года его доклад уже лежал на столе Рене Дюссана, хранителя восточных древностей музея в Лувре. Далее события развивались стремительно. 20 октября Дюссан позвонил 32-летнему профессору Андре Парро и предложил ему немедленно выехать во главе археологической экспедиции в Абу-Кемаль.

Реакция Парро была мгновенной: в декабре того же года он отправился в Абу-Кемаль во главе археологической экспедиции. Всю дорогу Парро волновался: не начались ли на холме Телль-Харири самовольные раскопки? Но, прибыв на место, он с удовлетворением убедился, что место нетронуто – лейтенант Кабане, несмотря на сжигающее его любопытство, устоял перед искушением копать на свой страх и риск и строго запретил делать это арабам. По незнанию эти горе-археологи могли причинить много вреда.

Внимательно изучив место и разбив его на квадраты, ученые приступили к раскопкам. 23 января 1934 года профессор Парро в первый раз вонзил лопату в грунт...

Едва ли найдется какое-либо другое археологическое предприятие, которое привело бы к такому молниеносному и значительному успеху, как раскопки Мари. Первой же находкой, сделанной учеными, стала еще одна статуя – длиннорылый мужчина в одежде из шкур, правое плечо открыто,

на плече – надпись клинописью: «Ламги-Мари я, царь Мари... Великий жрец-правитель бога Энлиля, который посвящает свою статую Иштар». Таинственный город, столько лет «ускользавший» от археологов, был открыт, что называется, с первой лопаты! Это стало одним из самых сенсационных открытий французской археологии.

За 24 года раскопок – их на время приостановила Вторая мировая война – исследовательская группа профессора Парро вскрыла более 80 гектаров древнего городища. Когда Андре Парро в 1957 году временно прекратил свои раскопки, он уже имел славу одного из авторитетнейших археологов мира, а его заслуги перед наукой увенчали орден Почетного легиона и должность главного хранителя национальных музеев Франции.

Раскопки огромного города продолжают до сих пор, но уже давно стало ясно, что Мари был одним из самых блестящих центров Древней Месопотамии. Здесь обнаружено не менее восьми последовательно сменявших друг друга напластований, древнейшее из которых восходит ко времени позднего неолита (конец IV тысячелетия до н. э.). Все здания Мари были построены из кирпича-сырца. В центре города возвышался традиционный для Месопотамии зиккурат. К III тысячелетию до н. э. относятся главные храмы Мари – богини Иштар и богини Нингурсаг. Огромный дворец царя Зимлирима занимал площадь в 2,5 гектара. Этот дворец с его замечательными настенными росписями и многочисленными произведениями искусства относится к наиболее крупным и значительным открытиям мировой археологии. В нем раскопано более 300 помещений: покои царя, домашние молельни, рабочие помещения для писцов и ремесленников, и даже школа. Характерно, что оборудование кухонных и купальных помещений дворца может использоваться и сейчас, четыре тысячи лет спустя после гибели города, не требуя никакого ремонта.

Вход во дворец защищали две могучие башни. Стены многочисленных залов, местами сохранившиеся на высоту 4–5 метров, украшали многочисленные росписи с изображениями богов и богинь, сцен битв и повседневной жизни: рыбак несет на плече улов, крестьяне собирают плоды с финиковой пальмы. Краски росписей удивительно хорошо сохранились. На одном большом фрагменте можно разобрать сцену, где царь возводится на престол божеством. Это божество – властительница неба Иштар; она изображена стоящей на спине льва. Фигуры царя и богини окружены деревьями, животными, синкретическими существами и богами.

В 1965 году при раскопках дворца Зимрилама был найден клад, хранившийся в небольшом кувшине. Это так называемое «сокровище Ура» представляет собой дар, присланный царю Мари царем Ура

Месаннипаддой, как это следует из надписи на кувшине. Оно включает многочисленные цилиндрические печати, статуэтки из бронзы и слоновой кости. Самая лучшая вещь клада – львиноголовый орел высотой 12,8 см, с распростертыми крыльями. Крылья и тело его сделаны из ляпис-лазури, голова и хвост – из тонкого золотого листа, заполненного битумом.

В развалинах Мари были обнаружены великолепные скульптуры, выполненные из алебаstra или мягкого известняка. Они изображают портреты царей и знати: стоящие или сидящие персонажи, полуобнаженные, одеты в широкие пышные юбки; руки их скрещены на груди – этот тип характерен для всего Двуречья, с которым была тесно связана вся культура Мари. Особенно поражают огромные глаза статуй, выполненные из ляпис-лазури и перламутра. Часть этих произведений древних мастеров сегодня хранится в Лувре, другая – в музеях Сирии.

При раскопках была обнаружена статуя богини Иштар (1800 г. до н. э.), вероятно, являвшаяся главной святыней города (ныне хранится в музее Халеба, Сирия). Высеченная из белого известняка, высотой почти в человеческий рост – 1,42 м – богиня облачена в сильно облегающее платье, оставляющее открытыми ее босые ноги. На обнаженных руках – браслеты. Шею украшает тяжелое, в шесть рядов, жемчужное ожерелье. Первоначально статуя была ярко раскрашена – на волосах остались следы красной краски. Богиня держит в руках слегка наклоненную вперед вазу, из которой с помощью хитрого механизма, устроенного внутри статуи, ключом била вода. Видимо, это приспособление использовалось во время ритуальных праздников культа плодородия.

Среди руин Мари найдены раскрашенные терракотовые сосуды, изделия из перламутра и золота, ожерелья, браслеты, драгоценные камни, печати и множество глиняных сосудов, некоторые из которых достигают высоты в 1,5 м. Были найдены даже две модели жилых домов, выполненные из глины, – вероятно, это проекты, созданные архитекторами для их заказчиков: восемь комнат равномерно размещены вокруг четырехугольного внутреннего двора, окруженного стеной. К числу интересных находок принадлежит мозаичное панно с изображением религиозной церемонии. Оно виртуозно исполнено из маленьких кусочков слоновой кости, перламутра, сланца, ляпис-лазури. Специалисты датируют этот мини-шедевр второй половиной III тысячелетия до н. э.

Особую ценность представляет найденный во дворце «архив царя Зимлирима», включающий в себя более 23 тысяч клинописных глиняных табличек, проливающих свет на многие вопросы истории города. Понадобилось несколько колонн грузовиков, чтобы вывезти из развалин

Мари эти находки. Таблички рассказывают о жизни в древнем городе и деятельности царской администрации. Одни содержат правила религиозных ритуалов, другие – указания царя чиновникам, третьи – отчеты о строительстве каналов. Найдены именные списки около двух тысяч городских ремесленников, указания надсмотрщикам, поручения архитекторам, расчеты с торговцами. Был найден весь государственный архив Мари, содержащий личную переписку царей и важнейшие правительственные акты. «Архив царя Зимлирима» – один из наиболее полных и хорошо сохранившихся комплексов древней письменности, имеющий огромную научную ценность.

Открытие Эблы

В 1961 году Андре Парро, подводя итог своим раскопкам в Мари, писал: «Право, маловероятно, что нам удастся сделать такие находки, которые превзойдут уже осуществленное». Однако дальнейшие события в очередной раз подтвердили, что ставить точку в истории великих археологических открытий еще рано.

В аккадских, египетских, хеттских документах ученым встречалось название города Эбла. Но где он располагался? Никто толком не мог дать ответа на этот вопрос. Большинство специалистов сходилось во мнении, что его нужно искать на территории нынешней Турции. Поэтому когда в 1964 году итальянские археологи во главе с профессором Римского университета Паоло Маттие приступили к раскопкам холма Телль-Мардих (Северная Сирия), они менее всего предполагали, с чем им предстоит столкнуться.

Огромный холм Телль-Мардих (его площадь составляет 56 гектаров, высота – до 16 м) расположен в 60 км к северу от сирийского города Алеппо (Халеба), на полпути между древним Угаритом и Каркемишем. Уже пробные шурфы показали, что этот холм таит немалые сокровища. А дальнейшие раскопки вызвали настоящую сенсацию: на Ближнем Востоке, где, казалось бы, уже не осталось места, не тронутого лопатой археолога, была обнаружена столица совершенно неизвестного государства, чье влияние в XXV–XXIII веках до н. э. распространялось на всю Сирию, достигая на юге – Синая, на западе – побережья Средиземного моря, на востоке – междуречья Тигра и Евфрата. Это было самое поразительное археологическое открытие 2-й половины XX века.

Название открытого города стало известно лишь в 1968 году, когда археологи нашли фрагмент разбитой жертвенной статуи, посвященной богине Иштар. На статуе была высечена надпись: «От Иббат Лина, сына Игриш Хепа, царя Эблы...» Все вставало на свои места: это была та самая таинственная и полулегендарная Эбла, столица могущественной, ранее совершенно неизвестной империи. Именно так – «Эбла – новонайденная империя» – озаглавил Паоло Маттие свою книгу, вышедшую в 1977 году в Риме.

Культура этого государства отличалась поразительной самобытностью. Эблаиты достигли больших высот и в градостроительстве, и в архитектуре, и в искусстве. Но главной сенсацией стали ныне знаменитые глиняные

таблички из Эблы, тексты которых заставили ученых по-новому взглянуть на историю Древнего мира.

Первые таблички с клинописными текстами были найдены в Эбле в 1974 году. Язык этих текстов некоторые специалисты определили как древнеханаанский. Предположительно, из него впоследствии развились аморейский, угаритский, финикийский, древнееврейский и другие, относящиеся к северо-западной группе семитских языков. Однако, по мнению известного ассириолога И. Гельба, детальный анализ всего доступного материала свидетельствует о том, что эблаитский язык был не диалектом западносемитского, а особым языком, похожим на аккадский и аморейский. При этом писцы Эблы легко переходили с эблаитского на шумерский язык, и вообще подавляющее большинство слов в текстах Эблы было шумерскими. Это не должно удивлять – шумеры и их письменность господствовали на Ближнем Востоке без малого тысячу лет, и даже когда бывшее могущество шумеров отошло в прошлое, шумерский язык повсеместно сохранился, а шумерская система письменности была приспособлена к другим языкам.

Настоящая сенсация разразилась в 1975 году, когда в руинах царского дворца в Эбле, разрушенного в XXIII веке до н. э., П. Маттие обнаружил крупнейший из известных до сих пор царских архивов III тысячелетия до н. э. Он насчитывал около 16 000 клинописных глиняных табличек. По полноте и разнообразию содержащихся в нем сведений архив Эблы найдет себе мало равных. Достаточно сказать, что все найденные до той поры письменные источники этого времени составляли в общей сложности лишь около четверти богатств, обнаруженных в Эбле.

Здесь были найдены дипломатические договоры, летописи, донесения послов; государственные установления, царские указы, военные реляции, приговоры судов, описания обрядов и ритуалов, тексты, относящиеся к сельскому хозяйству – земледелию, животноводству, списки животных, рыб, географических названий, литературные, исторические и юридические тексты, торговые отчеты, счета, списки отправленных товаров – в том числе в Палестину, в Анатолию, в дальние города Месопотамии. Правители Эблы, как сообщается в одном из клинописных текстов, подписывали политические договоры с Ашшуром – древней столицей Ассирии. В документах из Эблы упомянуты такие хорошо известные и поныне города Ближнего Востока, как Бейрут, Дамаск, Газа, а также библейские города Содом и Гоморра. Среди множества найденных учебных текстов (а в Эбле, как выяснилось, существовала школа писцов – скрибов; это самая ранняя из обнаруженных до сих пор подобных школ,

находившихся вне пределов шумерских земель) были впервые найдены двуязычные шумерско-эблаитские словари.

Найденные документы пролили свет на историю Эблы, ее политическое устройство, ее общественные порядки. «Эта находка, – писал известный советский востоковед М.А. Дандамаев, – убедительно показала, что, несмотря на огромные достижения ассириологии в изучении древних цивилизаций, есть еще очень много пятен в наших знаниях. До обнаружения этого архива ученые даже не подозревали о существовании на территории современной Сирии между 2400–2250 гг. до н. э. великой державы, политическое и культурное влияние которой распространялось: на юге до Синайского полуострова, на западе – до Кипра, на севере – до Загроса».

В глиняных табличках Эблы упоминается более пяти тысяч географических названий населенных пунктов, располагавшихся в III тысячелетии до н. э. на территории Северной Сирии. Для того времени это чрезвычайно высокий уровень заселенности. В самой Эбле, согласно одному из текстов, жило 260 тысяч человек. Возникновение города относится к IV тысячелетию до н. э., а расцвет приходится на середину III тысячелетия до н. э. Эбла была своеобразной монархией-республикой: царская власть не была пожизненной, а царя избирали на семилетний срок.

С XXIII века до н. э. эблаитское государство начинает испытывать на себе растущее давление могущественной Аккадской державы, объединившей под своей властью всю Месопотамию. Окончательный удар нанес Эбле Нарам-суэн, внук Саргона Аккадского, взявший город штурмом около 2250 года до н. э. и подвергший его страшному опустошению. В память об этом событии он повелел воздвигнуть в свою честь монумент с высеченными на нем словами: «Нарам-суэн, могущественный завоеватель Эблы, которую раньше никому не удавалось покорить».

Тем не менее Эбла восстала из руин. Период ее нового расцвета продолжался около 200 лет. «Примерно в 2000 году до нашей эры, – пишет П. Маттие, – Эбла вновь была разрушена. Об этом свидетельствует мощный слой пепла, из которого состоит пласт, относящийся именно к этому времени. Могуществу города был положен конец. Правда, спустя некоторое время Эбла еще раз пережила короткий период расцвета – около 1800 года до н. э. Но постепенно город приходил в упадок и через два столетия исчез навсегда».

Тейшебаини, столица Урарту

Страна, носящая имя Урарту, впервые упоминается в документах, относящихся к эпохе ассирийского царя Ашшурнасирпала II (XIII в. до н. э.). «В начале I тысячелетия до н. э. области южного Закавказья были включены в состав Ванского царства, которое поэтому можно считать древнейшим из государств, существовавших на территории Союза ССР. Центр этого древнего государства, целиком занимавшего Армянское нагорье, находился в районе оз. Ван, получившего, вероятно, свое название, так же как и город Ван, от термина Биайна (или Виайна), которым урарты именовали центральную часть своего государства», – свидетельствует академик Б.Б. Пиотровский.

Урарту утвердилось на Армянском нагорье в середине IX века до н. э. Другое государственное объединение урартских племен сложилось к юго-западу от озера Урмия и носило название Муцацир. Здесь располагался главный общеурартский религиозный центр с храмом верховного бога Халди. Другими главными богами урартов были Тейшеба – бог войны и грома, и Шивини – бог Солнца.

Первым правителем объединенной страны стал царь Арам (864–845 гг. до н. э.). На протяжении всей своей истории Урарту приходилось вести ожесточенные войны с Ассирией. Борьба двух царств за гегемонию в Передней Азии завершилась победой Ассирии, и в дальнейшем обе стороны избегали прямых столкновений.

Урартский царь Аргишти II (713–685 гг. до н. э.) устремил свой взор на восток. Его войска достигали в своих походах побережья Каспийского моря. Покоренные области обязывались платить дань урартским царям. Эта политика продолжалась и при царе Русе II (685–645 гг. до н. э.), который, заключив союз с киммерийцами, совершил несколько успешных походов в Малую Азию. В этот период страна переживала период стабильности и расцвета. Проводились большие ирригационные работы, сооружались оросительные каналы, строились новые города. Одним из таких городов стал Тейшебаини, основанный на холме Кармир-блур близ современного Еревана. Название «Тейшебаини» связано с именем урартского бога войны Тейшебы.

Могущество страны Урарту рухнуло под ударами скифских кочевых племен, проникших в Переднюю Азию с севера в 670-х годах до н. э. Страна заметно ослабевает и в начале VI века до н. э. попадает в вассальную зависимость от Мидии, а к 590 году до н. э. вообще прекращает свое существование. Часть бывших урартских владений вошла в состав персидской державы Ахеменидов. В VI–V веках до н. э. на основе потомков урартов и некоторых других племенных групп происходит формирование древнеармянской народности.

Урарту долгое время оставалось малоисследованной цивилизацией Древнего Востока. Начало изучению этого «забытого царства» положили русские и советские востоковеды М.В. Никольский, И.Н. Мещанинов, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, году А. Меликишвили, опубликовавшие и подробно исследовавшие урартские письменные тексты. Но подлинное открытие

страны Урарту началось лишь в конце 1930-х годов.

В 1939 году экспедиция ленинградских и ереванских ученых-археологов под руководством Б.Б. Пиотровского начала раскопки на горе Кармир-блур, расположенной на левобережье реки Раздан в юго-западной части Еревана. Эти раскопки продолжались множество сезонов. Их результатом стало открытие города-крепости Тейшебаини, посвященного урартскому богу войны Тейшебе (бронзовая статуэтка этого божества была найдена при раскопках на Кармир-блуре). Благодаря раскопкам был получен огромный вещественный материал, ставший основой для понимания истории Урарту.

В начале VI века до н. э. Тейшебаини был разрушен и сожжен скифами. В результате пожара многое здесь оказалось похороненным под пеплом и сегодня стало доступным для изучения. Город, сооруженный на вершине холма, по-видимому, имел прямоугольную планировку. Крепостные стены, достигающие 3,5 м в толщину, с массивными, выступающими вперед квадратными башнями, окружали многочисленные постройки, включающие в числе других и хозяйственные помещения. Здесь были найдены остатки пшеницы, ячменя, винограда и разных фруктов, останки скота, много оружия, утвари, керамической посуды. По подсчетам исследователей, зернохранилища и винные склады Тейшебаини были рассчитаны на продукцию, получаемую на территории в 4–5 тыс. га. Материал, обнаруженный в земле, дал возможность точно установить, в какое время года рухнула под напором кочевников могучая твердыня: хлеб был уже собран, но виноград еще не созрел, а в кучке сохранившейся травы оказались цветы конца июля – первой половины августа.

Замечательными были достижения урартов в области культуры. Урарты заимствовали клинопись у ассирийцев, приспособив ее к особенностям своего языка, и все их искусство, хотя и во многом самобытное, близко по духу ассирийскому. Среди предметов, обнаруженных при раскопках Кармир-блур, кроме изделий урартских мастеров, было найдено немало предметов египетского, малоазийского и скифского происхождения. Основное собрание урартских древностей, включающее бронзовый щит царя Сардура, украшенный изображениями львов и быков, сегодня хранится в Ереванском музее. В собрании Эрмитажа можно увидеть бронзовый шлем царя Аргишти с изображениями крылатых божеств в рогатых шлемах, змей с львиными головами, боевых колесниц и воинственных всадников с круглыми щитами и дротиками. На краю шлема короткая надпись: «Богу Халди, владыке, этот шлем Аргишти, сын Менуа, подарил». Также в Эрмитаже хранится бронзовая статуэтка,

некогда украшавшая царский трон, с лицом из белого камня и огромными инкрустированными глазами, изображающая четвероногое, крылатое существо с человеческими чертами и сложенными на груди руками.

Проводившиеся под руководством академика Б.Б. Пиотровского исследования Тейшебаини явились, по существу, первыми научными раскопками урартского города и заново открыли многие стороны урартской цивилизации. Результаты этих раскопок позволили понять истинное место Урарту среди древневосточных цивилизаций и роль ее наследия для дальнейших судеб культуры всего Закавказья. Кроме того, раскопки Тейшебаини «подтолкнули» ученых к изучению других урартских памятников как на территории Армении, так и за ее пределами – в Турции и Иране.

Как была открыта страна хеттов

Еще в середине XVIII века английский путешественник Мондрелл обратил внимание на то, что на территории нынешней Сирии вблизи Харрана – города, расположенного в излучине Евфрата, – встречаются камни, испещренные какими-то неведомыми знаками. Что камни эти древние, а письменность иероглифическая, было очевидно. Но чья это письменность? В те годы этого никто не знал. Судя по находкам, создатели этих иероглифов некогда населяли Северную Сирию примерно там, где Евфрат делает петлю, круто сворачивая на юг. Это был район двух древних городов – Харрана и Каркемиша. Если первый существует и сейчас, то местонахождение Каркемиша, упоминаемого в Библии, долгое время оставалось загадкой.

В 1876 году английский ученый Джордж Смит начал поиски древнего города. Руководствуясь указаниями ассирийских глиняных табличек, он добрался до холма Джераблус в Двуречье, где находились какие-то древние руины. Смит успел исследовать их и понять, что перед ним – не что иное, как развалины Каркемиша. Он подробно описал гигантские руины и загадочные иероглифы, которые нашел здесь. Через несколько месяцев Смит умер от холеры, и только в 1911 году окончательно стало ясно, что найденный Смитом Каркемиш – город, располагавшийся на южном рубеже одного из самых загадочных государств древности – Хеттии.

В 1870-х годах наука не имела никакого представления о хеттах. А между тем об этом народе упоминали египетские, ассирийские, вавилонские тексты. Но кто такие хетты? Где находилось их государство?

В 1903 году вышла книга английского лингвиста Сейса «Хетты, или История забытого народа». В ней Сейс обращал внимание археологов на то, что таинственные иероглифы хеттов встречаются не только в Сирии, но и в северных областях Малой Азии, в том числе на скалах Язылыкая, близ деревни Богазкёй, расположенной в 150 км к востоку от современной столицы Турции Анкары.

Турецкое название «Язылыкай» означает «расписанные скалы». Здесь, среди нагромождений камней и горных расселин, сохранились высеченные на скалах изображения богов, крылатых демонов, воинов в островерхих шапках и вырезанные на камне иероглифы. А рядом, на окраине забытой Богом турецкой деревушки, заросшие кустарником холмы скрывали развалины огромного города...

Еще в 1882 году Отто Пухштейн, будущий глава Германского археологического института, составил план руин Богазкёя. Но только в 1906 году другой немецкий археолог, Гуго Винклер, начал здесь систематические раскопки. И одной из первых его находок стало письмо на глиняной табличке, написанное на вавилонском языке: письмо фараона

Рамсеса II Великого, адресованное хеттскому царю Хаттусилусу II о договоре между Египтом и хеттами, заключенном после битвы при Кадеше.

За этой находкой последовали другие. Вскоре в руках Винклера оказался весь хеттский государственный архив. Сомнений больше не было: Богазкёй – столица Древней Хеттии, легендарный Хаттушаш, укрытый в горах Анатолии...

Весть об открытии Винклера облетела всю мировую печать. Более 15 тысяч глиняных табличек с клинописными надписями на хеттском, аккадском и других древних языках Азии, найденные в развалинах Хаттушаша, оказались хрониками, сводами законов, договорами, астрологическими предсказаниями, шумерско-аккадско-хеттскими словарями и т. д. Эти документы дали ценнейшие сведения о цивилизации, существовавшей на территории Анатолии в III тысячелетии до н. э.

Исследования показали, что в XVII–XIII веках до н. э. Хаттушаш являлся столицей обширного и богатого царства, которое соперничало с Египтом за господство в Передней Азии. С ростом могущества хеттов город достиг площади свыше 121 га. С трех сторон он был окружен массивной оборонительной стеной циклопической кладки, с четвертой стороны естественной границей города являлась неприступная скальная гряда. Из пяти городских ворот трое были украшены монументальными рельефами с изображениями бога-громовержца («Царские врата»), львов и сфинксов («Львиные врата»). Особенностью ворот Хаттушаша являлась арка из двух циклопических монолитов.

Сам город состоял из двух частей – верхней и нижней, разделенных каменной крепостной стеной. На высокой скале была сооружена цитадель. В верхнем городе располагались многоколонный царский дворец с большим парадным залом и храмы, посвященные различным богам. Самый значительный из храмов был сооружен в честь бога ветров и бурь. Он имел длинный внутренний двор, на который выходила колоннада, украшавшая зал святилища. В ярко освещенном помещении храма стояла статуя грозного божества.

В древней столице Хеттии найдены руины светских зданий (дворца, акведука, жилых помещений и др.). Тут были обнаружены руины пяти больших дворцов, стены и ворота с башнями, найдено много керамических изделий. В хеттских домах не было зала и прихожей, они состояли из нескольких помещений, примыкавших друг к другу, а крыши у этих домов, сооруженных из дерева и глины и в основном одноэтажных, были плоские.

Раскопки в Богазкёе продолжаются и сегодня. С тех пор как высеченные в скалах изображения богов и царей, остатки древних

каменных стен и камни, покрытые иероглифами, заставили ученых пойти по следам неведомой цивилизации, прошло не так уж много времени. Все больше знаний получает наука о древнем государстве, которое наряду с Египтом и Ассиро-Вавилонией было крупнейшим в Передней Азии. Сегодня в учебниках и энциклопедиях мы можем прочесть, что хетты – это общее название племен и народностей, населявших центральную и восточную часть Малой Азии и Северную Сирию во II – начале I тысячелетия до н. э. Название «хетты» первоначально относилось к племенам хатти – так называемым протохеттам, и лишь в середине II тысячелетия так стали называть все население хеттского царства, которое говорило на разных языках – протохеттском, палайском, лувийском и несистском.

Образование царства хеттов относится к XVIII веку до н. э., но лишь со второй половины XV века, к началу так называемого Нового царства, хеттская держава входит в полную силу. Тремя ее основными частями были «Страна хеттов» (в центре Малой Азии), Лувия (на юго-западе Малой Азии) и Пала (на севере или востоке Малой Азии).

Два с половиной столетия, начиная со второй половины XV века до н. э., хетты вели непрерывные войны, в том числе с могущественным Египтом. Все больше территорий и народов подпадало под власть хеттов.

Хаттушаш и Хеттское государство были разрушены около 1200 год до н. э. пришедшими с Балкан и островов Эгейского моря «народами моря». На месте бывшей империи образовалось несколько хеттских княжеств, враждовавших с соседями и друг с другом и с течением времени полностью растворившихся в волнах многочисленных нашествий, накатывавшихся на Малую Азию.

Угарит

Исторические источники скупо говорят о происхождении финикийцев. Известно, что около 3000 года до н. э. ханаанские племена (часть волны западносемитских кочевых племен, вышедших, вероятно, из центральной части Аравийского полуострова) осели на побережье Средиземного моря, смешавшись с уже живущими там народами, позднее приняв и новых пришельцев. Они объединились в несколько городов-государств, расположившихся вдоль побережья.

Город Угарит, руины которого были открыты в 1928 году близ залива Минет-эль-Бейда в 10 км к северу от сирийского города Латакии, представляет собой один из древнейших и наиболее замечательных памятников финикийской истории. Более трех тысячелетий Угарит пребывал в полном забвении, и еще семьдесят лет назад было неизвестно,

где находился этот некогда цветущий, упоминающийся во многих древних текстах город. На его след навел случай.

В 1928 году один крестьянин во время пахоты наткнулся на несколько правильно обтесанных камней: оказалось, что они составляют часть длинного подземного хода, забитого осыпавшимся песком и мусором и ведущий в погребальную камеру. Сообщение об этом было направлено в Париж. Открытие крестьянина привлекло к себе внимание французских археологов, сразу же заинтересовавшихся этим таинственным склепом. Руководство отдела восточных древностей Лувра поручило молодому ученому Клоду Шефферу исследовать загадочную находку. Отправляясь в Сирию, он еще не предполагал, что ему предстоит сделать одно из самых значительных археологических открытий XX века.

Свои раскопки Шеффер начал в 1929 году. Его внимание сразу же привлек холм, расположенный в труднодоступной излучине реки, в 800 м от того места, где был найден склеп. Местные жители называли этот холм Рас-эш-Шамра – «Укропный холм». Уже при первых разведывательных раскопках здесь были найдены статуэтки, посуда, погребальная утварь и таблички с письменами. Эти находки позволили ученым понять, что перед ними – руины финикийского Угарита, города, до того известного только по скудным сообщениям письменных источников.

Каждый год, исключая военные 1940–1945 годы, Шеффер вел свои работы в Угарите. Им были обнаружены пять основных культурно-исторических слоев, каждый из которых делился на несколько подслоев. Самый нижний слой относится к неолиту – примерно к VII тысячелетию до н. э. Самый верхний и важный – к финикийской эпохе, начавшейся в XVI веке и внезапно прервавшейся к концу бронзового века (примерно 1200 год).

Раскопками в Угарите открыты остатки хорошо укрепленных городских стен со сводчатыми воротами, ряд храмов, благоустроенные дома; особенно важно было открытие царского дворца с двухколонным входным портиком и многочисленными помещениями, расположенными вокруг нескольких больших внутренних дворов. В античной гавани, которую арабы называют Мина-эль-Бейда (Белая гавань), были найдены остатки больших складов для хранения товаров. В портовом квартале можно видеть руины скромных жилищ XV и XIV веков до н. э.

Развалины царского дворца расположены в полутора километрах от гавани Мина-эль-Бейда. Он состоял из цитадели и собственно царской резиденции. Отчетливо сохранились контуры многочисленных залов, внутренних и передних дворов. В монолитном дворцовом колодце

глубиной 11 м и сейчас еще имеется пригодная для питья вода. Большое количество других помещений служили рабочими комнатами для царских писцов и чиновников.

В архивах царского дворца Шеффер обнаружил массу глиняных табличек с пространными клинописными текстами, написанными частично на шумерском и вавилонском, частично на хеттском и египетском языках. Они сообщают о трудностях, которые испытывали правители Угарита в связи с необходимостью постоянно защищаться от могущественных захватчиков. Это были в первую очередь хетты и египтяне, которые на протяжении почти всего II тысячелетия до н. э. принуждали Угарит лавировать между обоими блоками. Однако независимо от того, как складывалось соотношение сил в этом районе, город, преодолевая трудности и удары судьбы, множил свои богатства.

К царской библиотеке относились также школа писцов и «бюро переводчиков». Глиняные таблички содержат описи фиксированных налогов, которые должны были платить в царскую казну союзы ремесленников; записи об уплате дани, отчислявшейся Угаритом другим державам – чаще всего хеттам и египтянам; о получении им самим дани от более слабых городов; мобилизационные списки; списки населения, занятого на общественных работах; счета по торговым сделкам и указания строителям.

Пожалуй, наибольшую ценность среди находок в Угарите представляет собой маленький, всего в 10 см длиной, брусок глины с тридцатью знаками, который помощники Шеффера отыскивали в 1949 году среди многих других глиняных табличек в комнате для писцов царского дворца. Это был первый в истории человечества алфавит! Неудивительно, что клинописные таблички из Угарита заинтересовали всех ученых. Дата составления таблички относится, вероятно, к XIV, а может быть, даже к XV веку до н. э. Эта алфавитная система из 30 клинописных знаков, передававших только согласные звуки, использовалась для записи текстов на незнакомом ученым языке. Как вскоре выяснилось, это был древний язык ханаанской группы, близкий к древнееврейскому языку середины II тысячелетия до н. э. Финикийцам удалось усовершенствовать клинопись так, что их знаки теперь обозначали не целые слова или слоги, для чего необходимы были сотни или даже тысячи знаков, а передавали слова буквами, которые изображались с помощью клинописных знаков. Это буквенное письмо позднее в преобразованной форме было воспринято греками – они добавили соответствующие их языку гласные – и таким путем достигло Европы.

Табличка с алфавитом из Угарита хранится сейчас как особо ценный экспонат в витрине музея в Дамаске.

Еще одной из значительнейших находок в Угарите стали... ноты, написанные клинописными знаками по меньшей мере около трех с половиной тысяч лет назад! Это самая древняя из известных до сего времени попыток письменно зафиксировать мелодию. Расшифровать значки было не просто, но тем не менее ученые сумели это сделать. И в мае 1974 года в одной из аудиторий Калифорнийского университета (США) состоялся необычный концерт – вновь прозвучала восставшая из небытия древняя мелодия. И вот что удивительно: весь ее музыкальный строй, весь лад оказались близкими и понятными людям второй половины XX века. Древняя музыка была исполнена на лире, представлявшей собой точную реконструкцию древнего инструмента, найденного в Сирии, и относившемуся примерно к тем же временам, что и музыка.

В Угарите были найдены многочисленные позолоченные фигурки божеств. Среди них были изваяния «звездной девы», которая известна у шумеров как Инанна, у аккадцев – как Иштар, а на всем Переднем Востоке – как Ашторет (Астарта). Однако господствующее место в религии Угарита занимал бог Ваал. Он изображался в виде человека в рогатом шлеме. В левой руке Ваал держит, как копье, ствол дерева – символ Млечного Пути.

Третье божество, почитавшееся в Угарите, – Эл. Его имя в буквальном переводе означает «могущественный». На одной каменной стеле бог Эл изображен сидящим на троне, с рогами на голове. В центре изображения – сияющая звезда с восемью лучами. Поклонение звезде Венере и мужскому началу в образе рогатой бычьей головы восходит к верованиям шумеров и древних земледельцев Ближнего Востока и Анатолии.

Во время раскопок Угарита помощники профессора Шеффера нашли железный клинок в бронзовых ножнах, относящийся к XIV веку до н. э. – то есть к периоду, когда впервые начали закаливать железо. Знакомство с железом относится к более раннему времени, но при этом речь шла большей частью о метеоритном железе, которое обрабатывалось для изготовления украшений и культовой утвари, и только позднее появились железные инструменты и оружие. Потом, в середине XIV века до н. э., хетты научились обрабатывать железо, и скоро ко многим другим изделиям, которыми торговали финикийцы, прибавились железные. Новый металл дал новой эпохе свое имя – железный век, который начался на Востоке примерно с 1200 года до н. э. По иронии судьбы Угарит, как и многие прибрежные города Восточного Средиземноморья, погиб именно около 1200 года до н. э. – под ударами двигавшихся с севера «народов моря».

Скальный город Пётра

Пётра – один из самых необычных и странных городов Земли. И само место, где этот город расположен, необычно и таинственно. Дорога в Петру идет на юг от Мертвого моря, по направлению к Акабе, известному и единственному иорданскому курорту на Красном море. Здешние места хорошо известны по Библии. Неподалеку от Мадабы, небольшого городка с христианским населением, расположена знаменитая гора Небо, на которой умер Моисей после того, как вывел из Египта еврейские племена в землю обетованную. Ближе к Петре тянется узкое и длинное ущелье Зик, стены которого поднимаются ввысь на 100 м. Именно здесь Моисей ударом жезла извлек воду из скалы. Небольшая высохшая речка, в каньоне которой расположена Петра, носит сегодня название Вади-Муса – «река Моисея».

Позднее на этой земле возникло государство Эдом, известное по Библии как заклятый враг Израиля. В эти времена и появилось на месте нынешней Петры первое укрепленное поселение, получившее название Села – «камень, скала». Позднее это имя было переведено на греческий язык – Петра («камень»).

На рубеже IV–III тысячелетий до н. э. в этих местах расселились племена арабов-набатеев, ранее кочевавших по Аравийской пустыне. Племена кочевников, соприкоснувшись с эллинистическо-римским миром, с которым они первоначально находились в конфронтации, проявили исключительные способности к восприятию и переработке культурных достижений античности. В окруженной отвесными скалами труднодоступной котловине набатеи основали свою столицу и оттуда постепенно расширяли сферу влияния. В последнем столетии до нашей эры им удалось покорить даже Дамаск и присоединить его к своему царству.

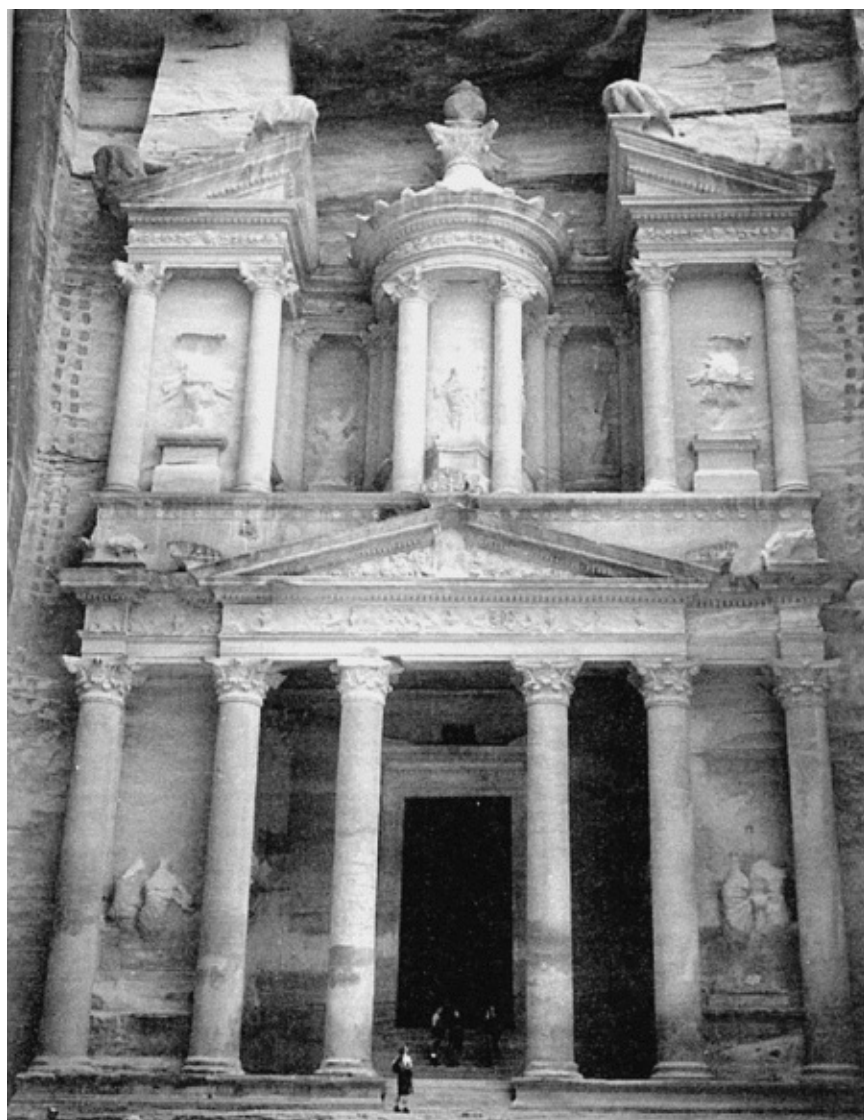
Римляне, пытавшиеся завоевать царство набатеев, вначале потерпели крах: Петра оказалась неприступной. Однако землетрясение 363 года разрушило большую часть столицы набатеев. Постепенно жители покинули ее, и долгое время в Петре не бывал никто, кроме кочевников-бедуинов.

Открытие Петры связано с именем швейцарского путешественника и исследователя Иоганна Людвиг Буркхардта. В 1812 году, переодевшись купцом, так, что на первый взгляд его никак нельзя было отличить от паломников-мусульман, он пробирался из Алеппо в Египет через Акабу. Недоверчивым бедуинам швейцарец представлялся как «шейх Ибрагим»,

паломник, возвращающийся из Иерусалима в Каир. По пути он неожиданно узнал, что знаменитая Петра, легендарный скальный город, который он тщетно разыскивал долгие годы, расположена совсем близко...

Буркхардту было известно, что Петра располагалась в горном районе, среди высоких скал, до которых трудно добраться. Древние географы – Диодор, Эратосфен, Страбон, Плиний, Птолемей – достаточно точно описывали местоположение города. И Буркхардт решил как можно более тщательно исследовать окрестные места – каждое поселение, каждую долину. Огромный город не мог бесследно исчезнуть с лица земли!

Поиски, сопряженные с немалыми трудностями и риском, привели Буркхардта в долину Вади-Муса. Еще в Сирии ему говорили, что в этой долине якобы таятся несметные богатства. Путешественника сопровождал лишь один проводник-бедуин. Верхом они пробирались через абсолютно пустынную местность, минуя заброшенные арабские деревни. В одной из них Буркхардт увидел несколько глыб мрамора, лежащих на дороге. Откуда они здесь?

Продолжая свое путешествие, оба всадника вступили на тропу, с обеих сторон стиснутую отвесными скалами. Ущелье становилось все эже и эже. Наконец, расстояние между высокими, более чем стометровой высоты, отвесными скалами из красного песчаника сузилось до двух метров. Голубое небо виднеется только через узкий просвет. Луч солнца не заглядывал сюда. Ни кустика, ни травинки меж камней.

Примерно через триста шагов ущелье расширилось и вышло к глубокому оврагу, отделявшему тропу от отвесного склона горы. На дне его струился мелководный ручей Вади-Муса. На берегах ручья Буркхардт заметил остатки облицовки. А еще дальше – акведук, перекинутый между скалами, развалины, ниши, выдолбленные в скалах... В некоторых нишах сохранились постаменты для статуй.

Просвет между скалами увеличивался. Ошеломленный Буркхардт шел, не в силах оторваться от невероятного зрелища, которое разворачивалось перед ним: отвесные скалы все гуще и гуще покрывались рельефными украшениями, карнизами, низкими дверными проемами, и все это связывалось воедино, образуя огромный и таинственный ансамбль...

Неожиданно ущелье распахнулось. От яркого света Буркхардт на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, то у него перехватило дыхание... Прямо перед ним на фоне скалы возвышался древний храм. Огромный, изумительно стройный, таинственно мерцающий розовато-красным светом. Гармония и изящество пропорций, розовый цвет песчаника, из которого храм был сделан, и, наконец, его прекрасная сохранность – все было поразительно. Никому бы и в голову не пришло, что в этом Богом и людьми забытом месте скрывается великое творение великих мастеров!

Буркхардт, словно в фантастическом сне, двинулся к храму. Здесь его ждало еще одно потрясение: то, что он сначала принял за храм, было искусно высеченным прямо в скале двухъярусным фасадом высотой около 40 м. А самим храмом являлась скрывавшаяся за ним пещера – огромный зал высотой в 8 м, вырубленный прямо в скале.

Монументальный и одновременно изящный фасад храма в изобилии украшали колонны, статуи и рельефные женские фигуры в развевающихся одеждах. На верху портиков виднелись скульптуры львов-охранителей. Внутри стены зала были гладкие, так же как и потолок, и лишь ту, на которой располагался вход, украшала резьба. Высеченные в скале галереи вели во внутренние палаты с колоннами. В каждой палате – колоссальные статуи. В полутьме Буркхардт рассмотрел фигуру женщины, сидящей на верблюде. А рядом – небольшие залы-усыпальницы...

Выйдя из храма, они прошли еще шагов двести. Среди утесов появлялись все новые и новые высеченные в скалах храмы, дворцы и гробницы. Все фасады имели пирамидальную форму, но отличались чрезвычайно разнообразным декором. Иногда было трудно понять, где же кончалась скала и начинался храм или дом.

Но вот скалы расступились, освобождая место для большого амфитеатра. Все его сиденья – а их не менее трех тысяч – были тоже высечены в скале. Арена посыпана гравием, и, если бы ветер не разметал его в разные стороны, можно было подумать, что лишь вчера на ней состоялось очередное представление. Недалеко от театра – триумфальная арка, явно римских времен. Далее простиралась долина, густо усеянная развалинами домов, храмов, мавзолеев, грудями камней, обломками

колонн. Одних только гробниц Буркхардт насчитал не менее двухсот пятидесяти. И все они, судя по архитектуре, относились к различным историческим периодам...

Так была открыта Петра – легендарный скальный город. Сегодня это один из самых популярных туристических объектов Ближнего Востока.

Дорога в Петру и в наши дни осталась такой же сложной и таинственной, как во времена Буркхардта. Но вот каменный коридор внезапно делает поворот, темнота отступает, в лучах ослепительного солнца перед вами предстает здание удивительной красоты – знаменитый скальный храм-мавзолей Эль-Хазне, «Сокровищница фараона», как называют ее арабы. Мавзолей Эль-Хазне создан, скорее всего, во II веке до н. э. Точное назначение сооружения до конца не выяснено. Есть предположение, что первоначально это был храм богини Исиды. Во всяком случае, многие черты памятника говорят о том, что его могли построить мастера, знакомые с приемами зодчества Александрии Египетской.

За мавзолеем ущелье расширяется, и взору открывается незабываемая панорама. Высокие скалы, окружающие просторное плато, сверкают в косых лучах солнца всеми оттенками красного цвета. Громадная, высотой в несколько сот метров, отвесная стена украшена великолепными, богато декорированными фасадами скальных сооружений, некоторые из них имеют по несколько этажей.

В отвесных скалах высечены и жилые помещения (иногда в несколько этажей) и могильные склепы, уходящие, как и жилые комнаты, в глубь скал. Некоторые скальные помещения являлись храмами. Единственный сохранившийся в Петре не скальный, а «наземный» храм Каср эль-Бинт был построен в I веке до н. э. Он посвящен богине «Великой матери», или, как ее называют арабы, Аль-Уцца. Святилище представляло собой сооружение размерами 27 × 27 м, с четырехколонным портиком.

Скальных склепов с архитектурным оформлением фасадов сохранилось в Петре несколько сотен. Древнейшими из них (от IV в до н. э.) являются более простые и небольшие по размеру фасады, увенчанные по карнизу зубцами. Для более поздних сооружений характерны сложнейшие фасадные композиции, среди которых выделяется мавзолей римского центуриона, скульптурное изображение которого установлено высоко на фасаде в нише, рядом со статуями его сыновей.

Лучше всего сохранились каменные фасады трехъярусных «царских» усыпальниц. Над их входами, в верхней части, из скалы высечены 18 полуколонн. Из-за цветного узора на фасадах эти усыпальницы иногда называют «шелковыми гробницами».

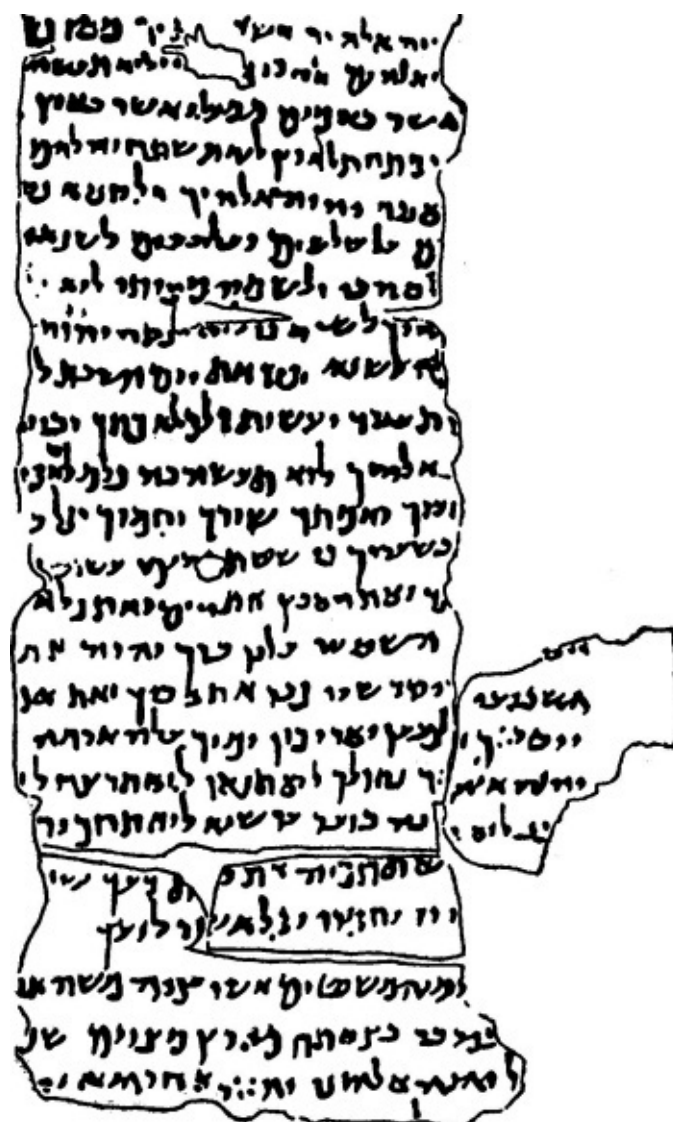
В скальных сооружениях Петры нет двух одинаковых фасадов. Огромный многовековой опыт создания скальных гробниц, передававшийся из поколения в поколение, позволял строителям каждый раз создавать абсолютно оригинальное произведение. Nabateyские мастера легко восприняли античные формы и обогатили ими свои традиционные архитектурные приемы.

Тайна кумранских свитков

Весной 1947 года в районе Мертвого моря, в горах Рас-Фешха, была сделана необычная находка. Два мальчика-бедуина, отправившиеся на поиски отбившейся от стада козы, заметили узкую расселину в скале. Расселина вела в небольшой грот, а точнее, извилистый коридор, размеры которого составляли приблизительно 8 м в длину, 2 м в ширину и 2,5–3 м в высоту. То, что арабы увидели в пещере, было совершенно неожиданным: здесь, посреди разбросанных черепков и мусора, стояли восемь плотно закрытых крышками глиняных кувшинов. Все они оказались пустыми, кроме одного: в нем находились три кожаных свитка, завернутые в старую полотняную ткань. Внутренняя сторона свитков была исписана какими-то буквами.

Оба бедуина были неграмотны, но сразу поняли, что перед ними – старинные вещи, которые можно выгодно продать. Они забрали с собой кожаные свитки и несколько кувшинов, чтобы показать их торговцам древностями в Вифлееме.

Так начался долгий путь таинственных свитков, которым спустя два года суждено было стать настоящей мировой сенсацией. Часть из них попала к главе христиан-якобитов Мар Афанасиосу Йошуа Самуилу, архиепископу Иерусалима. Поняв, что перед ним – фрагменты текстов Ветхого Завета, сделанные на древнееврейском языке, он предпринял попытку определить возраст этих рукописей. По его просьбе специалисты Американской школы восточных исследований в Иерусалиме Дж. Тревер и У. Броунли провели экспертизу свитков. Фотокопии рукописей были направлены одному из самых крупных специалистов в области исследований Палестины – профессору Уильяму Ф. Олбрайту. Олбрайт не выразил никаких сомнений в подлинности рукописей и определил, что тексты написаны приблизительно за сто лет до нашей эры.

Мировая наука не знала до сих пор ничего подобного. Самая древняя из известных к тому времени древнееврейских рукописей Ветхого Завета – так называемый «Каирский кодекс» – относится к IX веку н. э. Так что находка ветхозаветных текстов, имеющих возраст на тысячу лет старше, стала подлинной научной сенсацией огромного значения.

Ученые из Американской школы восточных исследований в Иерусалиме предприняли новые поиски старинных рукописей. В частности, им удалось разыскать те свитки, которые бедуины продали различным торговцам древностями. К месту находки рукописей была направлена специальная археологическая экспедиция, в состав которой вошли специалисты Иорданского департамента древностей, французской Библейской археологической школы в Палестине и Палестинского

археологического музея. Тщательно обследовав грот, ученые собрали осколки глиняных сосудов и около 600 фрагментов кожаных свитков с древними письменами. По расчетам археологов, всего в этой пещере когда-то находилось около 50 сосудов и около 150 свитков. Часть из них, вероятно, была расхищена грабителями еще в древние времена.

Близ первой пещеры в течение нескольких последующих лет было обнаружено еще 11 гротов, из которых было извлечено около 15 000 фрагментов ветхозаветных текстов и несколько сот рукописей светского содержания.

Конечно, всех интересовал вопрос: что за люди оставили в пещерах эти загадочные свитки? Кому могло прийти в голову жить в этой мертвой пустыне, среди голых, лишенных всякой растительности скал? Неужели в древности здесь были какие-то поселения? В начале 1950-х годов археологическая экспедиция во главе с Р. де Во, директором Библейской школы ордена доминиканцев в Иерусалиме, и Д.Л. Хардингом, директором Иорданского департамента древностей, приступила к исследованию расположенного поблизости от загадочных гротов холма Хирбет-Кумран – по-арабски «холм щебня». С конца 1951 года археологи вели здесь планомерные раскопки, продолжавшиеся шесть сезонов. Со всей тщательностью здесь были раскопаны остатки целого комплекса помещений, датируемого, судя по многочисленным находкам сирийских, иудейских и римских монет, 125 году до н. э. – 75 году н. э. (близкую дату – от 167 года до н. э. до 233 года н. э. – дал и радиоуглеродный анализ свитков). Из 153 найденных при раскопках монет 72 принадлежали ко времени, предшествовавшему правлению царя Ирода Великого (35—4 гг. до н. э.), одна – к эпохе его правления и 80 – к 70-летнему отрезку времени после его правления. Такое распределение монет указывает на то, что поселение на холме Хирбет-Кумран было покинуто в начале царствования Ирода Великого и вновь заселено после него. Из письменных источников известно, что на 7-м году царствования Ирода в Палестине произошло сильное землетрясение. Скорее всего, оно и стало причиной прекращения жизни на поселении. Среди руин Хирбет-Кумрана археологи обнаружили большую трещину в земле, протянувшуюся на 15 метров и повредившую часть построек, – вероятно, это и есть след той давней катастрофы. При этом земля осела почти на полметра и следы этого обвала хорошо заметны и сегодня. Нетрудно также заметить, что в дальнейшем стены были исправлены и восстановлены. Многие другие следы – обрушившиеся, местами почерневшие от пожара постройки, «трехкрылые» римские наконечники стрел – свидетельствуют о том, что около 67–70 годов, во

время первого иудейского восстания против Рима, поселение на холме Хирбет-Кумран было взято и разрушено римскими войсками. Вероятно, именно в это смутное время жители Кумрана спрятали священные тексты в пещере, заботливо укутав их в полотняную ткань и поместив в глиняные сосуды. Вероятно, они рассчитывали когда-нибудь вернуться за ними, но никому из них это не удалось – они были убиты, захвачены в плен или рассеяны римлянами.

Но кто именно жил в этом уединенном поселении? На этот счет мнения ученых разделились. Часть исследователей встала на сторону гипотезы, согласно которой Кумран являлся местом обитания ессеев, о которых в свое время писал Плиний Старший. Правда, понять, кто такие ессеи, из сообщения Плиния невозможно. Поэтому вокруг гипотезы о есеевском происхождении Кумрана и кумранских свитков развернулась острая дискуссия. По мнению одних ученых, ессеи – члены некоей религиозной секты, которые вели отшельнический образ жизни. Другие исследователи предполагают, что это просто какая-то особая община иудеев. Третья группа исследователей вообще отрицает существование ессеев.

Пролить свет на тайну кумранских свитков могли в первую очередь сами свитки. Для изучения собранного материала – а его количество оказалось огромным – была создана специальная исследовательская группа, в которую вошли специалисты из разных стран. Между тем, когда ученые еще только приступали к разгадке кумранских свитков, два «независимых» исследователя, француз и англичанин, уже поспешили опубликовать свое собственное «сенсационное открытие»: они заявили, что результаты исследования свитков «представляют собой радикальный переворот в истории христианства». Как будто бы следует из кумранских текстов, ессеи знали о том, что некий «учитель праведности» был распят на кресте, тело его затем было снято и предано погребению и что апостолы ожидали воскресения и возвращения на землю своего «учителя». То есть образ, а точнее прообраз, Иисуса Христа якобы уже существовал у ессеев.

«Рукописные свитки Мертвого моря – самый большой вызов христианскому учению со времени появления дарвинизма!» – напыщенно заявляли авторы гипотезы. Это необоснованное утверждение, несмотря на горячие протесты и опровержения крупнейших ученых, было тут же подхвачено и растиражировано прессой. Особенно широко эта тема «освещалась» в атеистическом Советском Союзе, где приветствовалась любая глупость, лишь бы она была направлена против христианства.

Нет никакого сомнения в том, что иудейские секты существовали еще

до возникновения христианства. Но поборники «самого большого вызова христианскому учению» могут в данном случае отдыхать. Кумранские тексты не содержат абсолютно ничего, что могло бы подвергнуть сомнению основные догматы христианства. Община ессеев, как это явствует из найденных в Кумране документов, была глубоко преданна традиционному иудаизму. Некоторые параллели с христианством в ессействе, правда, присутствуют, но они объясняются общими корнями обоих учений, берущих свое начало в Ветхом Завете. «Таким образом, если ессейство содержит ряд элементов, которые оплодотворили ту почву, на которой в дальнейшем родилось христианство, то не менее очевидно и то, что христианство представляет собой нечто совершенно новое, нечто, объяснимое в конечном итоге только личностью Иисуса Христа», – пишет по этому поводу один из крупнейших исследователей кумранской проблемы Ж.Т. Милик.

Открытия в Кумране, конечно же, интересны не той чушью, которую нагородили вокруг них «антирелигиозные» пропагандисты. Кумранские манускрипты ценны прежде всего тем, что они обогатили бесценными сведениями не только общую историю и историю религии но и языковедение (наряду с основными древнееврейскими наречиями, в них представлено семь других языков), палеографию – науку о древних рукописях, историю литературы, историю права (некоторые тексты из Кумрана представляют собой контракты на куплю-продажу). Это обстоятельство и обеспечило кумранским свиткам мировую известность, далеко выходящую за пределы чисто научного интереса. Созданные на протяжении III–I веков до н. э., они являются ценнейшими документами эпохи.

Египет

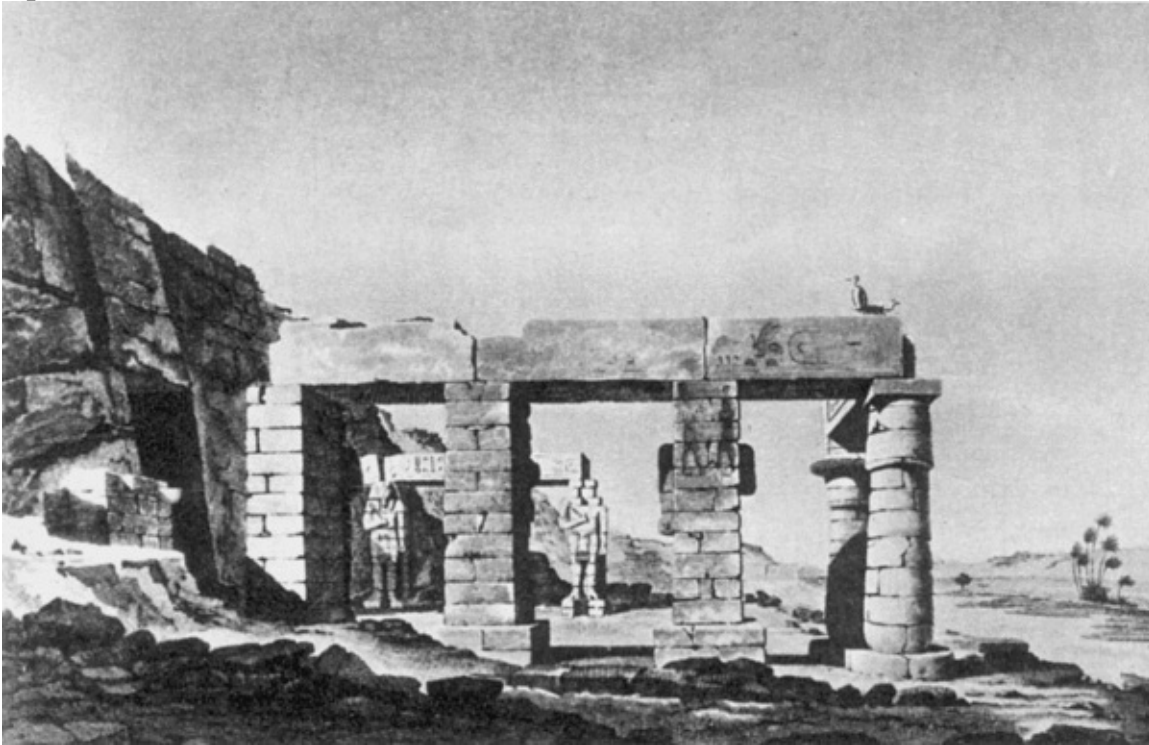
Ричард Покок, открывший Египет

Когда в середине XVIII века из-под пера первых побывавших в Египте путешественников появились первые описания египетских древностей, они встретили в Европе живейший интерес. Таинственная страна на берегах Нила давно привлекала внимание европейских ученых. Первым значительным трудом, посвященным египетским древностям, стала вышедшая в 1755 году в Лондоне книга «Путешествие по Египту». Ее автором был Ричард Покок (1704–1765), юрист, сменивший судейский парик на посох путешественника и завершивший свою карьеру епископом англиканской церкви.

В 1737 году Покок отправился в Египет – край фараонов давно привлекал его своими памятниками и загадками. Верхом на осле, с ружьем за плечами, он добрался до «стовратных Фив» – легендарной столицы Древнего Египта, города, воспетого Гомером. К тому времени Фивы уже давно лежали в развалинах, над песком поднимались лишь вершины пилонов и капители колонн в виде цветов лотоса. Покок осмотрел остатки ныне знаменитых храмов Луксора и Карнака, а затем перебрался на западный берег Нила – в Долину царей, где, судя по сообщениям римского географа Страбона, располагалось тайное подземное кладбище фараонов.

В XVIII столетии это был один из самых заброшенных уголков Египта, где обитали лишь немногочисленные шайки разбойников, занимавшихся разграблением могил и нападениями на окрестные селения, такие же нищие, как и сами разбойники. Появление Покока, сопровождаемого несколькими проводниками, они встретили враждебно: маленькая экспедиция несколько раз подвергалась внезапным обстрелам из засад. Во всем же остальном эта дикая местность выглядела словно вымершей – здесь не было ничего, кроме песка и скал. Однако, пробираясь между почти отвесными каменными стенами, Покок то и дело замечал слева и справа от дороги какие-то сооружения, часть которых поддерживали колонны. Наконец, после долгого путешествия верхом, Покок и его спутники достигли открытой круглой площадки, напоминавшей амфитеатр. Здесь они спешили и стали подниматься по узкому ступенчатому проходу, когда-то высеченному в скале. Взобравшись наверх, Покок увидел цепь голых, словно покрытых ржавчиной гор. В их окружении лежала таинственная и мрачная Долина царей, в которой, как казалось, обитают духи прошлого...

Так был открыт знаменитый Фиванский некрополь, где располагались сотни гробниц фараонов, членов их семей и придворных – вплоть до ныне знаменитой гробницы Тутанхамона. Но главные открытия были еще впереди. Пока же Покок исследовал лишь 14 царских могил, составил планы пяти из них и набросал эскизы наружных галерей и камер четырех склепов. Позднее Покок писал, что «по труду, затраченному на их строительство, некоторые из них наверняка могут сравниться с пирамидами». Тогдашнему научному миру это утверждение показалось невероятным, но ныне мы знаем, что так оно и есть на самом деле.

Поккок провел в Долине царей очень немного времени: здесь было небезопасно, и его спутники-арабы всячески торопили исследователя. Благополучно вернувшись в Луксор, Покок отправился на небольшом речном судне вниз по Нилу – в Каир.

К тому времени в Европе научный мир имел более или менее ясное представление лишь о трех пирамидах Гизы. И хотя некоторые путешественники упоминали о существовании других египетских пирамид, никакой подробной информации о них не было. И только путешествие Покока сняло завесу с этих памятников истории Древнего Египта.

В книге Покока приведены многочисленные измерения пирамид и гробниц, в частности, шестьдесят одно измерение пирамиды Хеопса в футах, дюймах, градусах и минутах. Всего же дотошный англичанин

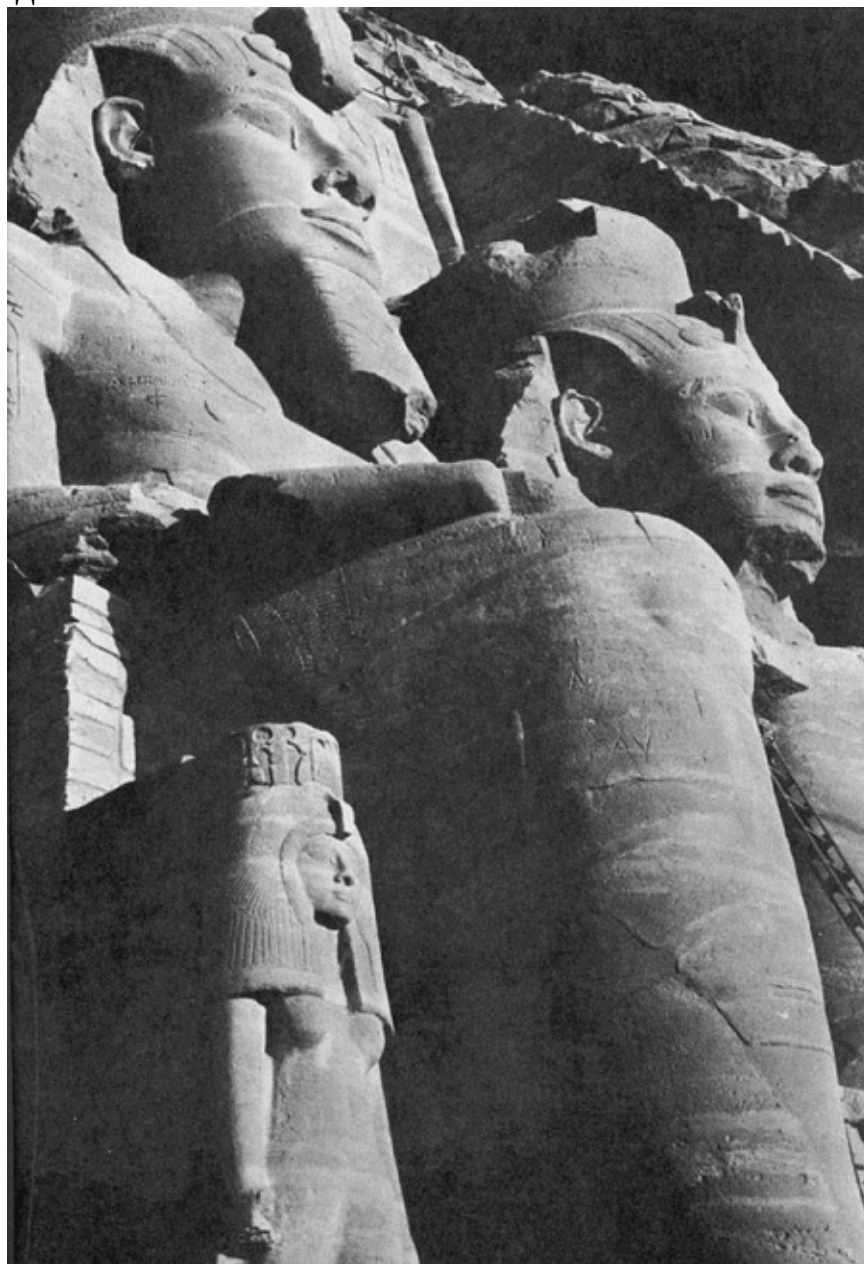
описал и зарисовал восемнадцать пирамид: трех больших в Гизе, трех в Абусире, одной большой и девяти малых в Лиште, а также двух пирамид совершенно иного типа в Саккара и Дашуре. Это было сенсацией: ведь до сих пор в Европе полагали, что все пирамиды похожи одна на другую, и вдруг оказалось, что есть по крайней мере три типа пирамид! По поводу саккарской пирамиды даже возник спор, пирамида ли это вообще: некоторые ученые еще в конце XIX столетия отказывали ей в праве именоваться пирамидой.

«Неподалеку от деревни Саккара есть пирамида, которую арабы называют “ступенчатой”, – писал Покок. – “Я не мог ее измерить иначе, нежели шагами, причем выяснил, что с северной стороны она имеет триста футов и с восточной двести семьдесят пять. По моим подсчетам, ее высота равна ста пятидесяти футам; она имеет шесть ступеней или ярусов, каждая шириной в одиннадцать футов и высотой в двадцать пять футов... Наружный слой – из тесаного камня, и в каждом ярусе по двадцати плит друг над другом».

Книга Покока, написанная живым языком и снабженная прекрасными иллюстрациями, пользовалась у современников большой популярностью и до сих пор сохраняет за собой значение исторического документа. За самим же ученым закрепилась слава первооткрывателя египетских древностей. И хотя строго говоря, это не является совсем верным, роль Покока в исследованиях Древнего Египта нельзя не признать выдающейся. Он действительно сделал ряд важных открытий – в частности, нашел в Гизе остатки «дороги из полированного камня», ведущей от пирамиды Хеопса к Нилу, о которой некогда упоминал Геродот. Ныне нам известны лишь несколько украшавших ее рельефов, остальная часть дороги исчезла. Ну и наконец, именно благодаря Пококу все последующие исследователи Египта получили в свое распоряжение важные сведения, позволившие им сделать новые открытия.

Иоганн Буркхардт в Абу-Симбеле

В феврале 1813 года швейцарец Иоганн Людвиг Буркхардт (1784–1817), первооткрыватель Петры, отправился в путешествие к верховьям Нила. Так и не дождавшись каравана, с которым было бы безопаснее путешествовать в пустынной местности, Буркхардт вышел в путь вдвоем со слугой, пожилым арабом Мохаммедом Абу Саадом. Они ехали на верблюдах, поскольку только «корабли пустыни» могли безропотно и быстро передвигаться по этим выжженным землям.

В Фивах, где сосредоточено наибольшее количество памятников древнеегипетского искусства, в то время никакие раскопки не велись, и в Европе о богатствах этого города еще было мало что известно. Осматривая остатки храмов, засыпанных песком, Буркхардт нашел огромную гранитную голову, торчащую среди руин. Он назвал ее «Молодым Мемноном» – по имени легендарного сына богини утренней зари Эос и царя Эфиопии. О своей находке Буркхардт сообщил в английское консульство и добавил, что готов оплатить все расходы по раскопкам и транспортировке этой головы, чтобы преподнести ее в подарок Британскому музею.

Следующее открытие необыкновенной важности было сделано им у самой границы Судана. От случайного попутчика он услышал однажды странное название Эбсамбал. Так местные жители называли какой-то древний храм с фигурами богов. Насмотревшись всяческих чудес в Нижнем Египте, Буркхардт не рассчитывал увидеть в этой глуши ничего особенно интересного. Но научный интерес победил: вместе со своим слугой Буркхардт отправился в указанное ему место.

Дальнейшее походило на сказку. Миновав усеянную камнями и скальными грядами пустыню, всадники вышли на тропинку, которая петляла вдоль берега Нила. Она привела путников к небольшому, давно заброшенному храму. Но внимание Буркхардта привлекло совсем другое: на противоположном, западном берегу Нила, среди выжженных солнцем, как будто оплавленных скал, он увидел словно выросшие из-под земли огромные пилоны, между которыми возвышались гигантские статуи. Позади них виднелось странное сооружение, нечто вроде украшенного нишами фасада, прилепившееся к скале, а может быть, как и в Петре, высеченное в ней.

«На противоположном (левом) берегу Нила виден храм Эбсамбал. 5 марта 1813 года», – записывает Буркхардт в блокноте.

Переправляться на тот берег было не на чем. Но на обратном пути из Судана, 22 марта 1813 года, Буркхардт все же добрался до загадочного храма.

«...Скалистые гряды по обоим берегам находятся совсем близко от берега, – писал ученый в своем дневнике. – На западном берегу расположен вади Ференг, на восточном – гора, которая называется Эбсамбал... Сохранился храм хорошо. Его фасад украшают шесть огромных статуй...»

И фигуры, и скала, и вырубленный в скале вход – все было засыпано

толстым слоем песка. Слуга нашел щель, и они пробрались внутрь пещеры. Спутник ученого разжег огонь, и Буркхардт увидел барельефы на стенах, колонны с капителями в виде женской головы с коровьими ушами, остатки резного убранства...

Сегодня этот пещерный храм, входящий в знаменитый комплекс Абу-Симбела, носит название Малого. Тогда, в 1813 году, Буркхардт еще не знал, что сделанное им открытие станет известным всему миру, а найденные им великие памятники древней Нубии войдут в число культурных сокровищ всемирного значения.

Новое потрясение ожидало Буркхардта на берегу Нила. Когда путешественники спустились к берегу и оглянулись, их поразило фантастическое видение. Чуть южнее статуй храма, где они только что побывали, на фоне оранжево-бурых скал, Буркхардт увидел колоссальных размеров лицо. Потом еще одно, другое, третье... Похожие друг на друга, как две капли воды, каменные колоссы равнодушно взирали на текущие перед ними воды Нила. Их головы были увенчаны коронами фараонов. Горы песка возвышались над ними, угрожая вскоре совсем скрыть их от человеческого глаза...

До Буркхардта ни одному европейцу не доводилось видеть колоссов Абу-Симбела. Они произвели на него неизгладимое впечатление.

«Я осмотрел все достопримечательности Эбсамбала и собирался было уже подняться наверх, – писал Буркхардт, – когда, к счастью пройдя немного дальше на юг, я увидел остатки того, что сохранилось незасыпанным песком от четырех огромных статуй, высеченных в скале и находившихся примерно в двухстах ярдах от храма. Очень жаль, что они сейчас фактически погребены под горами песка, который ветер гонит и гонит с горы. У одной из этих статуй поверх песка видны почти полностью голова, часть груди и руки. Статуя рядом с ней – в более плачевном состоянии. Насколько можно судить, голова у нее разбита и изуродована. Что же касается туловища, то, начиная от плеч, оно скрыто под толщей песка. У остальных двух статуй видны только прически... На скалистой стене, между второй и третьей статуей виднеется характерная голова Осириса. Я предполагаю, что если можно было бы очистить от песка пространство под Осирисом, то здесь наверняка откроется обширный храм. Описанные нами огромные статуи, по всей вероятности, украшают вход в этот храм – точно так же как шесть стоящих во весь рост статуй в соседнем храме...»

Предположения Буркхардта оказались верными: эти статуи действительно охраняли вход в древний храм, подобный тому, в котором он

только что побывал. Однако он не мог в одиночку раскапывать это колоссальное сооружение, которое ныне называется Большим храмом. Буркхардт лишь точно описал загадочные головы и их местоположение, в надежде, что будущие исследователи откроют тайну Абу-Симбела. Действительно, прошло всего несколько лет, и экспедиция под руководством Джованни Бельцони расчистила эти статуи от песка, откопала вход в пещерный храм и исследовала это величественное сооружение. Однако понадобилось еще немало средств и времени для того, чтобы до конца раскопать весь ансамбль. Едва ли не столетие – вплоть до 1910-х годов – продолжались расчистка и изучение Абу-Симбела.

Древние египтяне построили немало пещерных храмов, но храмы в Абу-Симбеле превосходили и по величине, и по отделке всех своих предшественников. Четыре колоссальные статуи (у одной из них повреждено лицо) в двадцать метров высотой, как выяснилось, изображают великого фараона Рамсеса II. Древний скульптор вырезал их прямо в скале. На головах – двойные короны, лицо украшает подвесная стилизованная борода – клафт, символ царского достоинства. Фигуры сидели так, что вход в Большой храм не достигал их колен, и даже на их ноги люди вынуждены были смотреть, задрав головы вверх. Внутри храм расписан фресками, украшен барельефами, прославляющими деяния и подвиги фараона. А тот храм, который Буркхардт видел вначале, оказался посвященным жене Рамсеса II – Нефертари.

Сегодня уже невозможно представить себе Египет без открытого Буркхардтом Абу-Симбела. Этот храм, возведенный 3200 лет назад, наряду с пирамидами Гизы давно стал «визитной карточкой» Египта.

Джованни Бельцони в Долине Царей

«Это был один из самых замечательных людей за всю историю египтологии», – сказал в 1933 году о Бельцони Говард Картер – человек, открывший гробницу Тутанхамона. Джованни Баттиста Бельцони (1778–1823), чье имя уже при жизни превратилось в легенду, принадлежал к тому славному поколению гробокопателей, которые, собственно говоря, и заложили фундамент археологической науки.

Авантюрист по призванию, Бельцони родился в итальянском городе Падуа 5 ноября 1778 года. Он перепробовал множество занятий. Обладая двухметровым ростом и громадной физической силой, Бельцони одно время выступал в труппе акробатов в амплуа «самого сильного человека в мире» и был «звездой» ярмарочных балаганов. В 1811 году он отправился в путешествие по Португалии и Испании, затем шесть месяцев жил на Мальте. Здесь случай свел его с египетским моряком Исмаилом Гибралтаром, доверенным лицом хедива (наместника Египта) Мухаммеда Али, который подыскивал для службы в Египте образованных и энергичных людей. Узнав, что в Египте до сих пор, как во времена фараонов, используют примитивные водоподъемные устройства, Бельцони представился Гибралтару как инженер-гидравлик и предложил ему свой «необычайно производительный водяной насос». В результате Бельцони получил приглашение посетить Каир и построить там действующую модель насоса.

В Египет Бельцони прибыл 19 мая 1815 года. Пользуясь рекомендацией Исмаила Гибралтара, он добился аудиенции у хедива Мухаммеда Али. Двухметровый молодец, бойко торгующий насосом собственного изобретения, вызвал у хедива большие сомнения, и в результате Бельцони оказался на мостовой. Никаких средств к существованию у него не было, и он уже подумывал вернуться к карьере «самого сильного человека в мире», но тут случай свел Бельцони с Иоганном Людвигом Буркхардтом – первооткрывателем Петры и Абу-Симбела. Буркхардт отрекомендовал Бельцони британскому консулу в Каире сэру Генри Солту. Именно тот и вдохновил Бельцони на труд, благодаря которому его имя навсегда вошло в историю египтологии.

Солт предложил Бельцони «приглядеться» к египетским древностям – иными словами, стать неофициальным агентом британского правительства по добыче памятников древнеегипетского искусства. Бельцони горячо принялся за дело, сопряженное с немалым риском. Но вряд ли нашелся бы еще человек, которому это дело подходило бы до такой степени!

От Буркхардта Бельцони получил информацию о том, что в знаменитом храме Рамессеум близ Фив есть гранитная статуя изумительной красоты, известная ныне под именем «Молодой Мемнон». Как впоследствии выяснилось, речь шла о громадной голове Рамсеса II. Бельцони взялся доставить колосса из Фив в Лондон, хотя многим эта задача казалась невыполнимой.

В конце июня 1816 года Бельцони нанял большую лодку и отправился вверх по Нилу в Фивы. «Молодого Мемнона» он отыскал быстро. Несмотря на сопротивление местных властей, ему удалось перевезти голову Рамсеса II на берег Нила и погрузить ее в лодку. Отправив груз в Каир, сам Бельцони отправился в противоположную сторону – в Асуан. Это было довольно рискованное путешествие, так как Нубия была в ту пору практически независимой от центрального правительства, и в стране царила полная анархия. Но Бельцони манил к себе огромный храм в Абу-Симбеле, о котором ему рассказал Буркхардт.

За несколько дней Бельцони смог убедиться, что работы предстоит

сделать гораздо больше, чем можно было предположить, и, следовательно, в этот приезд он не сумеет осуществить задуманное. Тем не менее из Нубии Бельцони привез в Каир большое количество египетских древностей.

Первая экспедиция принесла Бельцони некоторую известность в кругах египтологов, но, увы, очень мало денег. И раздосадованный Бельцони 20 февраля 1817 года с небольшой группой помощников отправился в новую поездку в Верхний Египет – на этот раз в Долину царей. Эта поездка мало напоминала собой археологическую экспедицию – скорее пиратский набег. Бельцони не могло остановить ничего. У него отсутствовало всякое уважение к произведениям древнего искусства и надгробным памятникам. Он пользовался такими методами, от которых у современных археологов волосы встают дыбом. Чтобы проникнуть в замурованные гробницы, он использовал, например, таран. Но не надо забывать, что Бельцони был сыном своего века.

Этот двухметровый гигант спускался в тесные погребальные камеры, протискивался в узкие проходы и, как ураган, сметал все на своем пути. Беспощадно круша прах древних мумий, он искал драгоценные папирусы, сокровища, изваяния... Поистине выдающееся открытие ожидало его лишь в гробнице фараона Сети I, состоявшей из пяти богато украшенных фресками и рельефами комнат, соединенных коридорами. С этой находки начались важнейшие открытия, сделанные в последующие годы в Долине царей.

Из Долины царей Бельцони отправился в Луксор. В Карнакском храме он отбил голову у колоссальной статуи Рамсеса II (ее купил Британский музей) и вывез отсюда несколько обелисков. Затем он снова направился в Нубию, горя желанием продолжить начатые им за год до этого раскопки Абу-Симбела. 29 июня 1817 года он уже был на месте. 1 августа, после девятнадцати дней непрерывных работ, Бельцони и его спутники с зажженными свечами вступили в Большой храм Абу-Симбела. «Мы вошли в самый красивый и самый обширный склеп в Нубии... – писал Бельцони. – Наше удивление возросло еще более, когда выяснилось, что это не только очень большой, но и великолепно разукрашенный храм – с барельефами, росписями и статуями...»

Вернувшись в Каир, Бельцони поссорился с Солтом и вынужден был зарабатывать на жизнь, сопровождая в качестве гида состоятельных туристов. Так началась новая глава в его египетских приключениях – поиски сокровищ в пирамидах.

Бродя с туристами в окрестностях пирамид, Бельцони вынашивал

мысль тщательно обследовать эти «сокровищницы фараонов». Он знал, что в пирамиде Хеопса еще тысячу лет назад побывал халиф аль-Мамун и, вероятно, вывез оттуда все сокровища (если они там были). Поэтому Бельцони избрал своей целью вторую по величине пирамиду – Хефрена. «Мое предприятие имело немалое значение, – писал впоследствии Бельцони. – Ведь я хотел проникнуть в одну из больших египетских пирамид, проникнуть в тайну одного из чудес света. Я знал, что, если эксперимент не удастся, я стану посмешищем для всего мира...»

Он предпринял тщательное исследование пирамиды Хефрена. Интуиция подсказывала ему, что вход должен находиться в северной части пирамиды, где заносы песка и мусора были чуть выше, чем с других сторон. «Я обследовал всю поверхность пирамиды, каждую ее пядь, буквально каждый камень, – писал Бельцони. – Я двигался от восточной грани к западной, пока не оказался на северной стороне. Здесь стена показалась мне чуть иной».

По его указанию рабочие принялись долбить каменную кладку. После нескольких дней работы в стене пирамиды наконец появилась расщелина. Вскоре рабочие проделали проход в коридор, где было полно щебня и пыли. И при свете свечи Бельцони стал метр за метром спускаться в глубину уходящего вниз коридора...

Бельцони был уверен, что выйдет прямо к сокровищнице. Но неожиданно дорогу преградил каменный блок. Разбить его было невозможно. Обескураженный Бельцони дал своим рабочим заслуженный выходной, а сам в одиночестве принялся бродить вокруг пирамиды. Где-то все же должен был находиться этот проклятый вход!

И Бельцони нашел его. Обследуя камень за камнем, он наткнулся на небольшое углубление, а в нем – незакрепленный каменный блок. «Самый сильный человек на свете» уперся в него, расшатал и, отделив от остальных, сбросил вниз. Открылась расселина, а за ней – настоящий коридор, ведущий в глубину пирамиды!

2 марта 1818 года Бельцони проник наконец в погребальную камеру фараона Хефрена. «Хотя мой факел из нескольких восковых свечек светил очень слабо, все же я смог увидеть главные объекты. Понятно, что прежде всего я бросил взгляд в западный конец помещения, надеясь найти там саркофаг, как и в первой пирамиде. Но меня ждало разочарование – я ничего там не увидел... И лишь приблизившись к западной стене, я был приятно удивлен: саркофаг там был. Его покрывал слой земли и камней». Расчистив саркофаг от песка, Бельцони с разочарованием убедился, что тот пуст! А в соседней камере он нашел только кость, которую эксперт из

анатомического музея в Глазго идентифицировал впоследствии как кость быка.

Гробница была разграблена, причем судя по всему – неоднократно. Последний раз люди побывали здесь лет за триста или четыреста до Бельцони, о чем свидетельствовали оставленные ими на стенах погребальной камеры автографы: Мухаммед-Ахмед, Ахмед, Мухаммед-Али...

Это было крупнейшее фиаско Бельцони. Огромный труд был проделан впустую, не принеся ни материальной, ни моральной компенсации. И тогда в апреле 1818 года Бельцони снова отправляется в Долину царей. Это была его третья и последняя поездка в Верхний Египет.

Несколько недель он вел бессистемные раскопки в Долине царей, собирая все, что попадется под руку. Главной его находкой стала великолепно сохранившаяся статуя сидящего фараона Аменхотепа III, высеченная из черного гранита (ныне находится в Британском музее).

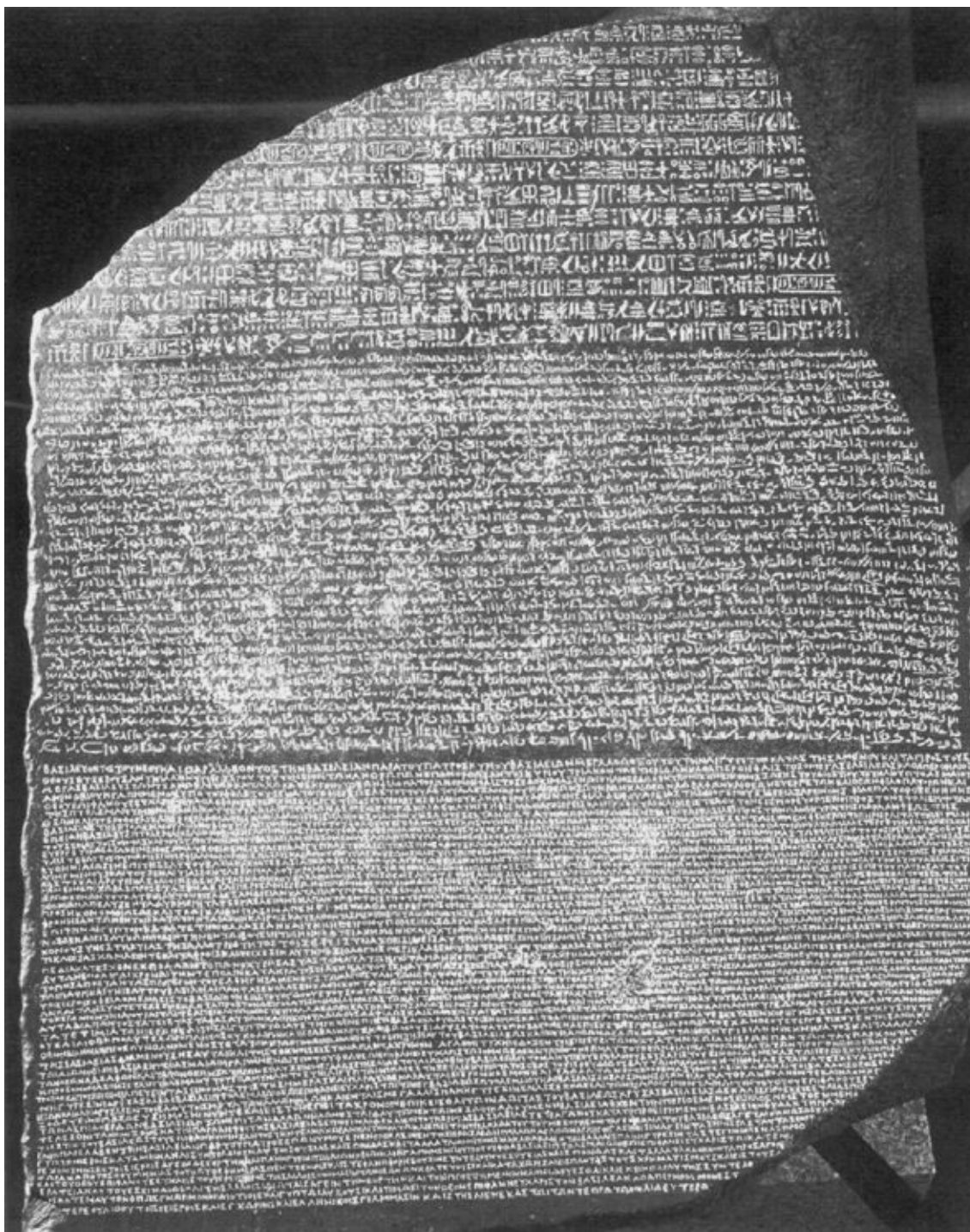
1 мая 1821 года в Лондоне на Пикадилли Бельцони организовал выставку своих египетских трофеев, которая имела у публики бешеный успех. Специально к ее открытию Бельцони выпустил книгу «Рассказ о работах и новых открытиях в пирамидах, храмах, гробницах и при раскопках в Египте и Нубии», которая и сегодня читается как приключенческая повесть.

Всего Бельцони провел в Египте пять лет, и за это время, по его собственным словам, «перевернул его вверх дном». После своей прогремевший на всю Европу мир выставки он отправился в новое путешествие – на поиски истоков Нигера. Это было последнее предприятие неутомимого авантюриста. В 1823 году он умер (по другим данным – был убит) неподалеку от Тимбукту.

Жан Франсуа Шампольон и тайна египетских иероглифов

Проникновению в историю Древнего Египта долгое время препятствовал барьер египетской письменности. Ученые с давних пор пытались прочесть египетские иероглифы. Однако все попытки одолеть «египетскую грамоту» оставались тщетными. В конце концов к началу XIX столетия все работа по дешифровке египетских иероглифов зашла в тупик.

Но был человек, который придерживался иного мнения: Жан Франсуа Шампольон (1790–1832). Знакомясь с его биографией, трудно отделаться от ощущения, что этот гениальный французский лингвист приходил в наш мир лишь для того, чтобы дать науке ключ к расшифровке египетских иероглифов. Судите сами: в пять лет Шампольон без посторонней помощи научился читать и писать, к девяти годам он самостоятельно освоил латынь и греческий, в одиннадцать лет читал Библию на древнееврейском языке, в тринадцать лет начал изучать арабский, сирийский, халдейский и коптский языки, в пятнадцать лет стал заниматься персидским языком и санскритом, а «для развлечения» (так он написал в письме к брату) – китайским. При всем при том в школе он учился плохо!

Египтом Шампольон начал интересоваться еще в возрасте семи лет. Однажды ему в руки попала газета, из которой он узнал, что в марте 1799 года некий солдат из экспедиционного корпуса Наполеона нашел близ Розетты – небольшой египетской деревни в дельте Нила – «плоский базальтовый камень величиной с доску письменного стола, на котором

были высечены две египетские и одна греческая надпись». Камень переправили в Каир, где один из наполеоновских генералов, страстный любитель-эллинист, прочел греческую надпись на камне: в ней египетские жрецы благодарили фараона Птолемея I Епифана за оказанные им на девятом году его царствования (196 г. до н. э.) благодеяния храмам. Чтобы прославить царя, жрецы решили воздвигнуть его статуи во всех святилищах страны. В заключении они сообщали, что в память об этом событии на мемориальном камне высечена надпись «священными, туземными и эллинскими буквами». Анонимный автор газетной заметки завершал свою публикацию предположением о том, что теперь «при помощи сопоставления с греческими словами можно расшифровать египетский текст».

Розеттский камень стал ключом к разгадке египетского иероглифического и демотического письма. Однако до «эпохи Шампольона» лишь очень немногим ученым удалось продвинуться в расшифровке высеченных на нем текстов. Эту неразрешимую, как тогда казалось, задачу смог разрешить только гений Шампольона.

Путь ученого к желанной цели не был прямым. Несмотря на фундаментальную научную подготовку и потрясающую интуицию, Шампольону пришлось то и дело утыкаться в тупики, идти неверным путем, поворачивать назад и снова пробиваться к истине. Конечно, большую роль сыграло то, что Шампольон владел доброй дюжиной древних языков, а благодаря знанию коптского он мог более чем кто-либо иной приблизиться к пониманию самого духа языка древних египтян.

В 1820 году Шампольон правильно определяет последовательность видов египетского письма (иероглифика – иератика – демотика). К этому времени было уже точно установлено, что в самом позднем виде письма – демотическом – имеются знаки-буквы. На этой основе Шампольон приходит к убеждению, что звуковые знаки следует искать и среди самого раннего вида письма – иероглифики. Он исследует на Розеттском камне царское имя «Птолемей» и выделяет в нем 7 иероглифов-букв. Изучая копию иероглифической надписи на обелиске, происходящем из храма Исиды на острове Филэ, он прочитывает имя царицы Клеопатры. В результате Шампольон определил звуковое значение еще пяти иероглифов, а после прочтения имен других греко-македонских и римских правителей Египта увеличил иероглифический алфавит до девятнадцати знаков.

Оставалось ответить на важный вопрос: может быть, иероглифами-буквами передавались лишь чужеземные имена, в частности, имена правителей Египта из династии Птолемеев, а настоящие египетские слова

писались незвуковым способом? Ответ на этот вопрос был найден 14 сентября 1822 года: в этот день Шампольону удалось прочитать на копии иероглифической надписи из храма в Абу-Симбеле имя «Рамсес». Затем было прочитано имя другого фараона – «Тутмос». Таким образом, Шампольон доказал, что уже в глубокой древности египтяне наряду с символическими иероглифическими знаками употребляли алфавитные знаки.

27 сентября 1822 года Шампольон выступил перед членами Академии надписей и изящной словесности с докладом о ходе расшифровки египетской письменности. Он рассказал о методе своего исследования и сделал заключение, что у египтян была полуалфавитная система письма, так как они, подобно некоторым другим народам Востока, не употребляли на письме гласных. А в 1824 году Шампольон опубликовал свою главную работу «Очерк иероглифической системы древних египтян». Она стала краеугольным камнем современной египтологии.

Шампольон открыл систему египетской письменности, установив, что ее основой являлся звуковой принцип. Он расшифровал большую часть иероглифов, установил соотношение между иероглифическим и иератическим письмом и их обоим с демотическим, прочел и перевел первые египетские тексты, составил словарь и грамматику древнеегипетского языка. Фактически он воскресил этот мертвый язык!

В июле 1828 года произошло поистине историческое событие: в Египет впервые приехал человек, знающий язык древних египтян. После многих лет кабинетных трудов Шампольону теперь на практике предстояло удостовериться в правильности своих выводов.

Высадившись в Александрии, Шампольон первым делом «поцеловал Египетскую землю, впервые ступив на нее после многолетнего нетерпеливого ожидания». Затем он отправился в Розетту и отыскал место, где был найден Розеттский камень, чтобы поблагодарить египетских жрецов за ту надпись 196 года до н. э., которая сыграла исключительно важную роль в расшифровке иероглифов. Отсюда ученый по Нилу добрался до Каира, где, наконец, увидел знаменитые пирамиды. «Контраст между величиной постройки и простотой формы, между колоссальностью материала и слабостью человека, руками которого возведены эти гигантские творения, не поддается описанию, – писал Шампольон. – При мысли об их возрасте можно вслед за поэтом сказать: „Их неистребимая масса утомила время”». В Саккарском некрополе ученый сделал весьма значительное открытие: его сотрудник выкопал возле одной из полуразвалившихся пирамид камень с иероглифической надписью, и

Шампольон прочел на нем царское имя и отождествил его с именем последнего фараона I династии Униса (Онноса), которое было известно из сочинения античного историка Манефона. Прошло полстолетия, прежде чем подтвердилась правильность этого вывода Шампольона.

Впрочем, подробно Шампольон пирамидами не занимался: он искал надписи. Посетив развалины Мемфиса, он отправился вниз по Нилу. В Телль-эль-Амарне он обнаружил и исследовал остатки храма (позднее на этом месте был открыт город Ахетатон), а в Дендере увидел первый сохранившийся египетский храм.

Этот один из самых больших египетских храмов начали строить еще фараоны XII династии, могущественнейшие правители Нового царства: Тутмос III и Рамсес II Великий. «Даже не буду пытаться описать глубокое впечатление, которое произвел на нас этот большой храм, и в особенности его портик, – писал Шампольон. – Конечно, мы могли бы привести его размеры, но описать его так, чтобы у читающего сложилось правильное представление о нем, попросту невозможно... Мы пробыли там два часа, находясь в большом возбуждении, обошли залы, и при бледном свете луны я пытался прочесть высеченные на стенах надписи».

До сих пор бытовала уверенность, что храм в Дендере был посвящен богине Исиде, однако Шампольон убедился, что это храм Хатор, богини любви. Более того – он вовсе не древний. Свой настоящий вид он приобрел лишь при Птолемах, а окончательно был достроен римлянами.

Из Дендеры Шампольон направился в Луксор, где исследовал храм Амона в Карнаке и определил отдельные этапы его длительного строительства. Его внимание привлек гигантский обелиск, покрытый иероглифами. Кто велел воздвигнуть его? Заключенные в рамку-картуш иероглифы ответили на этот вопрос: Хатшепсут, легендарная царица, более двадцати лет правившая Египтом. «Эти обелиски из твердого гранита с южных каменоломен, – читал Шампольон текст, выбитый на поверхности камня. – Их вершины из чистого золота, самого лучшего, что можно найти во всех чужих странах. Их можно увидеть у реки издалека; свет их лучей наполняет обе стороны, и когда солнце стоит между ними, поистине кажется, что оно поднимается к краю (?) неба... Чтобы позолотить их, я выдала золото, которое измеряли шеффелями, словно это были мешки зерна... Потому что я знала, что Карнак – это небесная граница мира».

Шампольон был глубоко потрясен. Он писал своим друзьям в далекую Францию: «Я, наконец, попал во дворец или, скорее, в город дворцов – Карнак. Там я увидел всю роскошь, в которой жили фараоны, все, что люди смогли выдумать и создать в гигантских размерах... Ни один народ мира,

ни древний и ни современный, не понял искусства архитектуры и не осуществил его в таком грандиозном масштабе, как это сделали древние египтяне. Порой кажется, что древние египтяне мыслили масштабами людей ростом в сто футов!»

Шампольон переправился на западный берег Нила, посетил гробницы в Долине царей и развалины храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. «Все, что я видел, приводило меня в восторг, – писал Шампольон. – Хотя все эти постройки на левом берегу бледнеют в сравнении с гигантскими каменными чудесами, окружавшими меня на правом».

Затем ученый продолжил путь на юг, к порогам Нила, побывал в Элефантине и Асуане, посетил храм Исиды на острове Филэ. И всюду он копировал надписи, переводил их и истолковывал, делал зарисовки, сравнивал архитектурные стили и устанавливал различия между ними, определял, к какой эпохе относятся те или иные находки. Он делал открытие за открытием. «Могу со всей ответственностью заявить, – писал Шампольон, – что наши знания о Древнем Египте, особенно о его религии и искусстве, значительно обогатятся, как только будут опубликованы результаты моей экспедиции».

Шампольон провел в Египте полтора года и за это время прошел страну из края в край. Ученый не щадил себя, несколько раз получал солнечный удар, дважды его без сознания выносили из подземных гробниц. При таких нагрузках даже целебный египетский климат не мог вылечить его от туберкулеза. И когда в декабре 1829 года Шампольон вернулся домой, дни его были сочтены. Он успел еще обработать результаты экспедиции. Однако до издания своих последних трудов – «Египетской грамматики» (1836) и «Египетского словаря в иероглифическом написании» (1841) – ученый не дожил. Он умер 4 марта 1832 года от апоплексического удара.

Ричард Виз и пирамиды

Неутомимый Джованни Бельцони, буквально расковырявший пирамиду Хефрена, оставил в покое третью по величине пирамиду Гизы – фараона Менкаура. Ему уже было ясно, что это не сокровищница, а тоже гробница, причем скорее всего ограбленная. Но в последующие годы в Египет стали прибывать все новые и новые искатели древностей, которые со всем рвением неопитов принимались раскапывать то, на что давно махнули рукой их предшественники. В числе таких неопитов был британский полковник Ричард Уильям Говард Виз (1784–1853), после тридцати пяти лет военной службы решивший заняться египетскими древностями.

Педантичный служака, Виз решил хладнокровно и планомерно исследовать содержимое пирамид, нимало не смущаясь тем, что никому из его предшественников не удалось в этом преуспеть. Забегая вперед, отметим, что именно эта педантичность и позволила Визу сделать свое открытие, хотя ему и пришлось прибегнуть для этого к весьма варварскому

способу.

Первой своей целью Виз избрал пирамиду Хуфу-Хеопса. В этом деле помощником ему стал итальянец Кавилья – человек с довольно темным прошлым, занимавшийся добычей и торговлей старинными предметами из египетских гробниц. В молодости Кавилья побывал внутри пирамиды Хеопса, спускался в ее знаменитую шахту и расчистил ее до самого дна. Кавилья обнаружил там канаты, по которым в 1765 году в нее спускался британский консул Дэвисон, и окончательно доказал, что эта шахта не ведет к Нилу, а большим полукругом возвращается назад, во входную галерею.

Внимание Виза особенно привлекло сообщение Дэвисона о том, что во время своих исследовательских работ тот проник из Большой галереи в помещение, оказавшееся над потолком погребальной камеры. Наличие этого помещения позволяло сделать вывод о том, что пирамида представляла собой не «сплошную каменную массу» – в ней, вероятно, могли находиться и другие пустоты. А что, если в этих пока неизвестных камерах таятся сокровища?

Размышляя о том, каким образом можно попасть в неизвестные пока помещения пирамиды, Виз обратил внимание на «вентиляционные шахты» (таково было их предполагаемое назначение), которые вели вверх от погребальной камеры на север и юг. Виз полагал, что эти шахты выходят на поверхность пирамиды. Действительно, через несколько дней инженер Перринг нашел на северной и южной сторонах пирамиды соответствующие отверстия. Однако пока нельзя было доказать, что это именно устья тех самых шахт, так как они были плотно забиты грунтом. Виз приказал начать расчистку шахт от нижних отверстий, но эта работа оказалась непосильной – за сутки рабочие продвинулись всего на шесть дюймов. Одновременно с этим другая группа рабочих пыталась пробурить гранитный потолок и проникнуть в «камеру Дэвисона». Этот тяжелый труд также не дал никаких результатов. Тогда Виз, не мудрствуя лукаво, приказал попросту взорвать потолок погребальной камеры.

Весной 1837 года пирамиду потряс мощный взрыв, последствия которого можно видеть в погребальной камере до сих пор. Результаты этой, в общем-то варварской, операции оказались сенсационными. Выяснилось, что над «камерой Дэвисона» есть еще одна камера, над ней – следующая, а всего таких камер пять. Все они отделялись друг от друга грубо обработанными каменными блоками. Верхнее помещение было перекрыто двумя большими блоками, которые образуют треугольную гигантскую массивную крышу.

Виз и Перринг мгновенно поняли назначение конструкции: это была «разгрузочная камера» над усыпальницей, принимающая на себя давление двух верхних третей пирамиды. Крыша из двух огромных блоков способствовала более равномерному распределению давления, чтобы тяжесть давила не прямо на усыпальницу, а на пустую камеру над ней, с перекрытием, укрепленным каменными стойками. Перринг отметил потом, что древние египтяне явно сооружали эту конструкцию «на глазок», заложив совершенно излишний запас прочности.

Окрыленные первым успехом, Виз с Перрингом принялись за третью по величине пирамиду Гизы – фараона Менкаура (Микерина). Пользуясь уже проверенным методом, он взорвал вход в пирамиду и после шестимесячной напряженной работы добрался до погребальной камеры. 29 июля 1837 года Виз вступил в усыпальницу фараона. Здесь он нашел пустой саркофаг, изготовленный из цельного куска базальта, с великолепным рельефом, изображающим фасад дворца. При расчистке помещения на стенах была обнаружена арабская надпись «Мухаммед Расул», останки мумифицированного человеческого тела и деревянная крышка от гроба с иероглифической надписью на ней: «Осирис, владыка Верхнего и Нижнего Египта Менкаура, живущий вечно».

Свои находки Виз отправил в Лондон, но везшее их судно, к сожалению, затонуло у испанского побережья. Поэтому единственным свидетельством напряженных, трудоемких и во всех смыслах громких (если вспомнить о взрывах) исследований Виза сегодня остается объемистый трехтомный труд предприимчивого полковника, озаглавленный «Работы, осуществленные в пирамидах Гизы в 1837 г.», изданный в Лондоне в 1840–1842 годах.

Семьдесят пирамид Карла Лепсиуса

Карл Рихард Лепсиус (1810–1884), основатель немецкой школы египтологии, родился в Наумбурге (Нижняя Саксония). В 23 года Лепсиус получил первую ученую степень, в возрасте 32 лет занял должность экстраординарного профессора в Берлине. Он хорошо изучил грамматику древнеегипетского языка, составленную Шампольоном, методично обследовал европейские коллекции египетских древностей. В 1837 году, через несколько лет после смерти Шампольона, Лепсиус опубликовал статью об иероглифическом алфавите, в которой изложил сущность египетской иероглифики, и опубликовал первое собрание древнеегипетских текстов.

В 1842 году король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV, питавший интерес к египетским древностям, направил Лепсиуса во главе экспедиции Берлинского университета на берега Нила. Король обещал участникам экспедиции «отеческое и монаршее благоволение, в том числе и необходимую финансовую поддержку», но выдвинул условие: экспедиция должна укрепить на пирамиде Хеопса написанную иероглифами табличку с его именем и всеми его титулами.

18 сентября 1842 года Лепсиус прибыл в Александрию и вскоре явился ко двору египетского хедива. Мухаммед-Али был весьма польщен преподнесенными ему от имени прусского короля подарками и подписал фирман, дававший Лепсиусу неограниченное право на любые раскопки и исследования на территории Египта, а также выдал ему разрешение на вывоз всех добытых древностей. Впрочем, экспедиция увенчалась успехом не столько благодаря «монаршему благоволению», сколько той тщательной подготовке, которую Лепсиус провел в Германии.

Немецкие ученые посетили все основные археологические центры Египта и достигли Нубии. Шесть месяцев экспедиция провела в Мемфисе и семь – в Фивах. Лепсиус впервые измерил Долину царей, снял копии с настенных рельефов и бесчисленных надписей в храмах. Побывал он и в Гизе, где укрепил на пирамиде Хуфу-Хеопса табличку с именем и титулами короля Фридриха-Вильгельма и железным крестом. Немецкая экспедиция занималась также обследованием малоизученных пирамид в Абусире, Медуме и Саккара. Однако особенно тщательные раскопки были проведены Лепсиусом в районе знаменитого Лабиринта в Фаюмском оазисе.

Главным успехом Лепсиуса стало открытие многочисленных памятников эпохи Древнего царства (2900–2270 гг. до н. э.). В окрестностях Мемфиса он изучил и описал 64 пирамиды, нашел остатки более тридцати неизвестных до тех пор пирамид. «Поля пирамид в Мемфисе, – писал Лепсиус, – явили нам картину египетской цивилизации в те древнейшие времена, которые впредь следует считать первым отрезком изученной истории человечества... Древние династии египетских правителей отныне предстают перед нами уже не просто рядом ничего не значащих, забытых и сомнительных имен. Теперь мы уже можем подходить к ним без прежних, вполне обоснованных сомнений; их последовательность установлена и подвергнута критической проверке, а даты их существования соотнесены с определенными историческими эпохами. Более того, перед нами предстала картина процветания народа под их властью, и весьма часто они сами выступают в своей индивидуальной исторической реальности».

Лепсиус, с немецкой пунктуальностью изучивший более 70 египетских пирамид, больше, чем кто бы то ни было до него преуспел и в разгадывании загадок, связанных с этими выдающимися сооружениями. Он определил имена ряда фараонов – «обладателей» пирамид – и время правления каждого из них, выяснил, что пирамиды строились в эпоху Древнего и Среднего царств, а в Новом уже не строились. Кроме того, Лепсиус открыл новый, до этого неизвестный вид гробниц – так

называемые «мастаба» – и исследовал в общей сложности 130 таких гробниц. Он был первым, кто обозначил этапы эволюции пирамиды от древнейшей формы царской гробницы с плоской крышей к гробнице со ступенчатой надстройкой и от нее – к гробнице в виде правильной пирамиды.

Результаты экспедиции Лепсиуса были исключительными как по количеству материальных находок, так и по количеству полученных научных сведений. 15 тысяч образцов различных египетских древностей, вывезенные Лепсиусом из Египта, составили основу знаменитой египетской коллекции Берлинского музея.

В 1866 году, во время своего второго путешествия в Египет, среди развалин города Сана (Танис), располагавшегося в дельте Нила, Лепсиус нашел второй (после Розеттского) камень с трехязычной надписью. На нем был высечен так называемый «Декрет из Канопы», относящийся к 239 году до н. э. Египетские жрецы создали его в египетском городе Канопе в честь царя Птолемея Эвергета. Эта находка стала самым блестящим подтверждением идей Шампольона, и с той поры за Лепсиусом прочно закрепилась слава «наследника Шампольона». Многочисленные научные работы Лепсиуса – «Египетская хронология» (1849), «Книга египетских фараонов» (1850) и фундаментальный 20-томный труд «Памятники Египта и Эфиопии» легли в основу современной египтологии.

Открытия Огюста Мариетта

Огюст Мариетт (1821–1881), один из крупнейших египтологов XIX столетия, родился в Булони (Франция). Увлечшись трудами Шампольона, он начал серьезно заниматься египтологией. В 1850 году Мариетт по поручению Луврского музея выехал в Египет на поиски старинных коптских манускриптов. Однако ничего заслуживавшего внимания он не нашел, зато навсегда «заболел» Египтом.

В конце октября 1850 года Мариетт начал раскопки в Саккарском некрополе. Редко случается, чтобы начинающий археолог сразу же добивался выдающегося результата. Но Мариетту повезло: обследуя саккарские гробницы к северо-западу от пирамиды Джосера, он наткнулся

на почти полностью занесенного песком сфинкса. Очистив статую, Мариетт прочел на постаменте надпись, славившую священного быка Аписа, которого в Мемфисе считали воплощением бога Птаха. Этот текст заставил ученого вспомнить о том, что античный географ Страбон писал в свое время о некоем месте вблизи Мемфиса, где находился древний храм Серапеум. К главному входу в этот храм вела аллея сфинксов. У Мариетта были все основания полагать, что он наткнулся именно на эту аллею.

Мариетт нанял нескольких феллахов и с их помощью за год раскопал еще 140 сфинксов или их остатков. Его гипотеза полностью подтвердилась: сфинксы и в самом деле образовывали аллею, которая вела к входу в Серапеум.

Комплекс Серапеума представлял собой два храма, соединенных аллеей сфинксов: храм Птаха и подземное святилище, где жрецы хоронили мумии священных быков. Мариетт обнаружил его в ноябре 1851 года. Доступ к гробницам быков закрывала великолепная дверь из песчаника. За ней скрывалось громадное подземное помещение, высеченное в скале. Оно протянулось в длину с востока на запад на 200 метров и представляло собой широкую галерею со множеством боковых коридоров и ниш, где стояли колоссальные гранитные саркофаги, каждый весом около 60–70 тонн, в которых когда-то покоились мумии священных быков. Они были высечены из отполированных плит черного и красного гранита и достигали в высоту более трех метров, в ширину – более двух метров и в длину – до четырех метров.

В нишах главного коридора Мариетт насчитал двадцать четыре таких саркофага. Все они были пусты. В боковых коридорах он обнаружил и деревянные саркофаги с останками быков (всего их было 28). На каждом из саркофагов иероглифами было обозначено, кто был фараоном и верховным жрецом при жизни того или иного быка, какие события произошли в это царствование. Самые древние саркофаги относились к царствованию Аменхотепа III из XVIII династии, самые поздние – к периоду правления последних Птолемеев. Таким образом, между первым и последним захоронением пролегал диапазон в 1600 лет! И тексты, найденные Мариеттом, проливали новый свет на египетскую историю этого времени.

Украшенные великолепными иероглифическими надписями крышки саркофагов были сдвинуты, а некоторые саркофаги расколоты. Было очевидно, что гробницы быков были разграблены много веков назад. Тем не менее Мариетту посчастливилось найти нетронутое захоронение священного быка. Он обнаружил в окаменевшей пыли даже следы рабочих, совершавших захоронение. Целой оказалась и мумия быка, богато

украшенная золотом и драгоценными камнями.

После того как находки, сделанные в Серапеуме, были выставлены в Лувре, имя Мариетта приобрело мировую известность. Даже одного Серапеума хватило бы для того, чтобы оно навсегда осталось в истории египтологии. Но Мариетт не собирался останавливаться на этом.

В 1857 году при поддержке египетского хедива Саид-паши Мариетт организовал музей в каирском предместье Булак. Его непрестанно разраставшиеся коллекции легли в основу ныне знаменитого Египетского музея в Каире.

Хедив Саид-паша назначил Мариетта директором Управления по делам египетских древностей и главным инспектором всех раскопок на территории Египта. Под его руководством начались координированные раскопки в 37 местах – от Мемфиса до Фив. Впоследствии, правда, археологи критиковали методы, которых придерживался Мариетт (иногда он не останавливался и перед применением динамита). Вместе с тем огромным шагом вперед явилось то, что отныне значительная часть находок не вывозилась в Европу, а оставалась в Египте.

В 1865 году Мариетт открыл гробницу сановника Ти, который был крупным землевладельцем и, как гласят тексты, «начальником всех царских работ, руководителем строительства пирамид и охранителем вечных мест». Эта самая красивая и лучше всех сохранившаяся из саккарских гробниц была построена около 2600 года до н. э. – в те времена, когда цари Хеопс, Хефрен и Микерин сооружали свои пирамиды. Стены гробницы покрывали великолепные многоцветные рельефы, своим тончайшим рисунком производившие впечатление настенной живописи. Они изображали и самого сановника Ти, фигура которого всегда втрое, а то и вчетверо крупнее, чем фигуры людей более низкого звания, и картины повседневной жизни той эпохи: ремесленников, писарей, рисовальщиков, земледельцев, охоту на бегемотов, рыбную ловлю, забой домашнего скота и выделку кож, сбор податей и наказание недоимщиков, – короче говоря, всю панораму повседневной жизни Древнего Египта. Эти изображения настолько реалистичны, что позволили установить, какими орудиями и инструментами пользовались тогдашние земледельцы и ремесленники, какие приемы они применяли. Ни одно из ранее открытых захоронений не давало такого реального представления о жизни древних египтян, как эта гробница.

Мариетт открыл множество других гробниц с подобными же свидетельствами давних эпох, среди которых особенно выделялась гробница Птаххотепа, вельможи времен V династии. Владелец ее,

возможно, был автором прославленного «Поучения», одного из древнейших произведений мировой литературы. Кроме того, Мариетт начал изучение так называемой «ложной пирамиды» близ Медума, пирамиды в Лиште и нескольких малых пирамид близ Саккара. Он раскопал руины заупокойного храма фараона Хефрена, располагавшегося возле Большого сфинкса. От него к пирамиде Хефрена (в которой в свое время побывал Бельцони) вела дорога процессий, по которой жрецы несли в последний путь мумифицированное тело фараона. От храма мало что осталось, но сохранившиеся части входных пилонов и остатки вестибюля поражают глаз строгостью и соразмерностью пропорций. Среди руин Мариетт нашел прекрасную диоритовую статую Хефрена.

Мариетт оставался в Египте до конца своей жизни. Он печатал многочисленные статьи в европейских специальных журналах, а также опубликовал несколько книг. В 1867 году император Наполеон III наградил его орденом Почетного легиона, а в 1879 году египетский хедив присвоил титул паши.

Мариетт умер накануне английской оккупации Египта. В знак признания и выдающихся заслуг он был похоронен в древнем саркофаге у центрального входа в созданный им музей. Благодарный Египет воздвиг Мариетту памятник. Он установлен в саду Египетского музея в Каире, рядом с могилой ученого.

«Тексты пирамид» и «потерянные фараоны»

Преемником Огюста Мариетта на посту директора египетской Службы древностей стал французский египтолог итальянского происхождения Гастон Масперо (1846–1916). Масперо родился в Париже и с юных лет увлекся египтологией, достигнув в ней больших успехов. Его глубокие теоретические знания сочетались с неистощимой энергией, которую можно было сравнить лишь с энергией Мариетта. После кончины Мариетта он принял на себя руководство всеми раскопками в Египте и должность заведующего Египетским музеем в Каире.

Одним из первых открытий Масперо в Египте стала уникальная пирамида с иероглифическими текстами. Это было сенсацией, так как никто никогда не находил в египетских пирамидах каких-либо надписей (надписи, обнаруженные Визом в пирамиде Хеопса, как мы уже говорили, оказались подделкой). Огюст Мариетт даже высказал афоризм «пирамиды немые», и это мнение на какое-то время утвердилось в науке. Однако оно было опровергнуто в 1880 году, когда Гастону Масперо удалось проникнуть в сильно поврежденную пирамиду на юге Саккара. От сооружения некогда

44-метровой высоты уцелела лишь груда развалин высотой 18 м. Пробившись через три замуровки, Масперо проник в погребальную камеру. Она была давно ограблена – саркофаг оказался пустым, сброшенная крышка лежала рядом. Но не это привлекло внимание Масперо – он увидел, что стены усыпальницы покрывают иероглифы! Они покрывали все внутренние помещения гробницы – проходы, переднюю и погребальную камеры. Впоследствии дешифровка текстов показала, что это была гробница фараона Пиопи II из II династии.

Воодушевленный этим открытием, Масперо занялся исследованием других пирамид в Саккара. В одной из гробниц он также обнаружил тексты, относящиеся к периоду II династии, а в следующем, 1881 году, открыл и исследовал пирамиды последнего царя V династии Униса, царя VI династии Тети и гробницы его преемников. Во всех этих пирамидах ученый снова обнаружил многочисленные иероглифические надписи.

На то, чтобы скопировать и издать «Тексты пирамид», потребовалось несколько лет. Еще больше времени ушло на дешифровку «Текстов пирамид». Их язык оказался очень тяжелым и архаичным, он был переполнен вычурными оборотами и явно предназначался лишь для ритуальных целей. Написанные этим языком «Тексты пирамид» содержали обрядовые формулы и заклинания, которые, вероятно, произносились во время похоронных церемоний.

С именем Масперо связано и еще одно сенсационное открытие – находка 32 мумий так называемых «потерянных фараонов». В 1881 году известный ему американский египтолог, который некогда работал в Каире, конфиденциально сообщил Масперо, что из Египта в Америку был контрабандой вывезен весьма ценный папирус. Человек, которому контрабандисты предложили купить этот папирус, пригласил в качестве специалиста для оценки американского коллегу Масперо, и таким образом этот ученый не только смог узнать о факте контрабанды, но и прочесть сам документ. Этот папирус относился ко временам XXI династии (XI в. до н. э.) и, по всей вероятности, был извлечен из гробницы одного из фараонов этой династии.

Письмо из Америки заставило Масперо серьезно задуматься о источниках контрабанды. До него уже не раз доходили слухи о том, что в последнее время в Луксоре оживилась подпольная торговля египетскими древностями, и каким-то французским туристам прямо на улице ловкие дельцы предлагали купить даже целый гроб с мумией. Что это могло означать? Вероятно, только одно: кто-то из местных жителей обнаружил неизвестное ученым захоронение в Долине царей и теперь растаскивает

его! Причем, по словам американского корреспондента, виденный им папирус относился к временам XXI династии – то есть именно той, о гробницах которой науке еще не было известно, и все фараоны этой династии числились в разряде «потерянных»!

Перспективы, которые открывало подобное заключение, взволновали Масперо и его коллег. После долгих совещаний было решено отправить в Луксор под видом «французского туриста» одного из молодых ассистентов Египетского музея в Каире.

Прибыв на место, «разведчик» довольно быстро напал на след расхитителей древностей: заметив богатого туриста, они сами обратились к нему. Уже первая покупка – небольшая статуэтка божества – подсказала молодому ученому, что он на верном пути: судя по сохранившейся надписи, эта статуэтка относилась к XXI династии, то есть именно к той эпохе, о которой шла речь в пресловутом папирусе!

Ученый осторожно намекнул торговцам, что он не прочь купить и более крупные и дорогие вещи. Ушлые торговцы, сперва поосторожничав, все же свели его с «большим человеком» – неким Абд-эль-Расулом. Тот принес с собой еще несколько предметов, судя по всему, относящихся к эпохам XIX и XX династий. Сомнений не было: Абд-эль-Расул и есть глава подпольного клана торговцев древностями! Вызвав полицейских, сотрудник музея предложил им арестовать грабителя.

Однако следствие, которое вел местный мудир (окружной комиссар) Дауд-паша, ничего не дало: все многочисленные родственники Абд-эль-Расула клятвенно подтвердили его невиновность. Подозреваемого пришлось отпустить за недостатком улик.

Тогда из Каира в Луксор срочно выехал заместитель Масперо – Эмиль Бругш. Все окрестные жители были оповещены, что тот, кто укажет источник подпольной торговли, получит щедрое вознаграждение. Не устояв перед соблазном, в полицию явился с повинной один из родственников Абд-эль-Расула. Так следствие получило в свои руки нить, которая привела к сенсационному открытию...

Как и следовало ожидать, Абд-эль-Расул действительно оказался грабителем. Более того: вся его семья жила тем, что разрабатывала некую «золотую жилу» в Долине царей. Шесть лет назад Абд-эль-Расул нашел там тайник, полный саркофагов и мумий. Этот тайник находился в Дейр-эль-Бахри, неподалеку от знаменитого храма царицы Хатшепсут.

Эмиль Бругш хорошо знал эти места и не поверил словам феллахов: грунт там слишком рыхлый и мягкий, и вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову устраивать здесь тайник с мумиями. И тогда Абд-эль-Расул вызвался

проводить его туда.

5 июля 1881 года, преодолев долгий путь через скалы, Бругш и Абд-эль-Расул уже стояли перед небольшим отверстием в скале. Это был вход в гробницу. Она находилось в труднодоступном месте, а ведущее внутрь отверстие было весьма искусно замаскировано камнями. Нет ничего удивительного в том, что на протяжении трех тысячелетий здесь никто не побывал. Под камнями была прорыта шахта глубиной 12 метров. Бругш и Абд-эль-Расул спустились в нее по веревкам. Отсюда подземный ход протяженностью около 60 метров привел их в грубо высеченную погребальную камеру. Здесь у Бругша перехватило от волнения дух: при свете факела перед ним открылись каменные саркофаги великих фараонов Нового царства...

Здесь покоились знаменитые Тутмос III и Рамсес II, Яхмос I, изгнавший из Египта гиксосов, Аменхотеп I – святой покровитель Фив, Сети I... Здесь покоились и те фараоны, чьи имена промелькнули в истории Египта, подобно кометам, и те, имена которых вообще не были известны науке. Задыхаясь от волнения, Бругш переходил от саркофагу к саркофагу – вся история Древнего Египта открывалась перед ним.

Саркофаги лежали как попало, вперемежку, некоторые из них были открыты, и среди груды утвари и украшений были видны почерневшие мумии. Свет факела вырывал из темноты бесчисленные принадлежности египетского заупокойного инвентаря, небрежно разбросанные по земле. Никто никогда и нигде не видел ничего подобного!

Всего в тайнике в Дейр-эль-Бахри были найдены останки сорока фараонов. Три тысячи лет пролежали они здесь, прежде чем их отыскиали сперва грабители, а затем ученые. Двое суток понадобилось Бругшу, чтобы с помощью трехсот рабочих поднять тяжелые саркофаги на поверхность.

Каким же образом «потерянные фараоны», гробницы которых ученые до этого неизменно находили пустыми, оказались в одной общей куче? Благодаря находке в Дейр-эль-Бахри ученые смогли ответить на этот вопрос. Причиной всему стали вездесущие грабители. К XI веку до н. э. останки фараонов, обожествленных еще при жизни, давно перестали вызывать священный трепет у египтян, которые смотрели теперь на царские гробницы как на источник обогащения. Власти уже были не в состоянии защитить божественные останки от кощунства. И тогда по распоряжению верховного жреца Херихора, около 1110 года до н. э. взошедшего на трон, в Дейр-эль-Бахри был сооружен специальный тайник, в который перенесли мумии древних фараонов.

Тайник в Дейр-эль-Бахри оказался не единственным сооружением

подобного рода. В 1898 году М. Лоре, генеральный директор египетской Службы древностей, обнаружил в Долине царей скальную гробницу фараона XVIII династии Аменхотепа II. Она сохранилась в прекрасном состоянии. В глубине погребальной камеры покоился никем не потревоженный тяжелый саркофаг Аменхотепа II. И каково же было удивление ученых, когда в этой величественной гробнице они неожиданно обнаружили хлипкую, наскоро возведенную стенку, за которой были спрятаны мумии девяти фараонов XVIII и XIX династий, в том числе Тутмоса IV и его сына Аменхотепа III. Это были свезенные сюда из других мест останки царей, без саркофагов и погребального убранства. Можно только догадываться, какие обстоятельства заставили этих «потерянных фараонов» покинуть места своего царственного упокоения.

Уильям Питри, «просеявший» Египет

Английский археолог Уильям Мэтью Флиндерс Питри (1853–1942) был одной из самых колоритных фигур в истории египтологии. Его бестактность и сварливый характер вошли в поговорку. Он считал себя единственным и непререкаемым авторитетом в вопросах египтологии и поносил всех других ученых-современников. Тем не менее его слабости нисколько не умаляют его несомненных достоинств: это был один из самых выдающихся представителей английской школы египтологии.

В египтологию Питри пришел довольно извилистым путем: интерес к Египту привил ему его отец, большой поклонник известного в ту пору «пирамидиота» Пиацци Смита. В 1864 году Смит издал книгу, где объявлял пирамиду Хеопса «каменной библией», в пропорциях которой якобы зашифрована «судьба человечества». Питри-старший мечтал проверить и дополнить измерения Смита, чтобы подтвердить правильность его выводов. По иронии судьбы Питри-младший, отправившийся в Египет в 1879 году, своими научными трудами полностью опроверг эти выводы!

Уильям Флиндерс Питри провел в Египте сорок шесть лет. Более двадцати последующих лет он занимался египетской историей в Лондонском университете. О прошлом Египта он собрал такое количество сведений, каким не обладал до него никто.

Свою карьеру египтолога Питри начал на собственный страх и риск. Он первым из исследователей Египта избрал тактику методичных раскопок с тщательной фиксацией всех находок. «Необходимо, соблюдая разумное соотношение между уважением к древностям и жаждой открытий, слой за слоем “просеять” землю Египта для того, чтобы не только найти все, что она скрывает в своих глубинах, но и получить представление о первоначальном расположении всех находок», – писал Питри. Сегодня за ним прочно утвердился авторитет основоположника научного метода раскопок в Египте.

Первой своей целью Питри избрал знаменитый комплекс пирамид в Гизе – ведь над ученым, напомним, тогда еще довлел авторитет отца и Пиацци Смита, замороженных арифметикой пирамиды Хеопса. Идя по их стопам, Питри вознамерился измерить ее заново.

У пирамид Питри проработал полтора года: с декабря 1880 по апрель 1882 года. Пирамиду Хеопса он облазил сверху донизу и измерил ее точнее и полнее, чем Пиацци Смит. Но эта титаническая работа, по существу, ничего не дала: во-первых, сегодняшние методы измерения гораздо точнее, чем те, которыми пользовался Питри, а во-вторых, сама затея измерить пирамиду выглядит бессмысленной. Невозможно точно определить, какую точку следует принимать за исходную (где начинается ее основание?), а кроме того, надо помнить о том, что облицовка пирамиды не сохранилась, а ее вершина разрушена, следовательно, любые измерения все равно будут приблизительными. Поэтому любая цифровая мистика, в основу которой положены измерения пирамиды с точностью до сантиметра, с самого начала дискредитирует сама себя. И надо отдать должное Питри – он сумел понять, что весь его полуторагодичный труд фактически пошел насмарку. Правда, нет худа без добра: эти месяцы стали для него своеобразным «вводным курсом в египтологию». И лишь когда закончился этот период ученичества, пришло время открытий.

В 1883 году Питри отправляется в Саккара и Дашур, где занимается измерением и изучением тамошних пирамид. Затем его путь лежал в Фаюм, где некогда располагались столица и некрополь царей XII династии, правивших Египтом в общей сложности 213 лет. Где-то здесь находился и таинственный Лабиринт...

«Вокруг страны Фаюм возвышалось несколько древних пирамид и множество более мелких гробниц, – пишет Болеслав Прус в своем знаменитом романе «Фараон». – А на восточной ее границе, неподалеку от Нила, стоял знаменитый Лабиринт. Он был построен Аменемхетом и имел форму исполинской подковы, занимавшей участок земли в тысячу шагов

длиной и шестьсот шириной. Здание это было величайшей сокровищницей Египта. В нем покоились мумии многих прославленных фараонов, знаменитых жрецов, полководцев, строителей, а также чучела священных животных, особенно крокодилов. Тут хранились накопленные в продолжение веков богатства египетского царства, о которых в настоящее время трудно даже составить себе представление».

Под именем Лабиринта скрывался гигантский заупокойный храм-дворец Аменемхета III, фараона XII династии, правившего в 1849–1801 годах до н. э. Древнегреческий историк Геродот, который побывал в Египте и воочию видел многие из его чудес, восхищался египетскими постройками, и в первую очередь, разумеется, пирамидами. Но гораздо выше их он почитал Лабиринт. Свое название это огромное сооружение получило по тронному имени фараона Аменемхета – Нимаатара, которое в греческой транскрипции передавалось как «Лабир».

Греческие и римские путешественники сообщают, что без проводника в Лабиринте можно было легко заблудиться. Римский географ Страбон отмечает, что каждый ном (область) Египта имел здесь собственный храм, где приносились жертвы как общеегипетским, так и местным богам. Тем самым Лабиринт, объединивший все культы Египта, являлся как бы символом религиозного единства страны.

Остатки прославленного Лабиринта, а точнее – подземный храм, являвшийся частью грандиозного заупокойного ансамбля Аменемхета III, Питри обнаружил в восточной оконечности Фаюмского оазиса. Археологические раскопки подтвердили описания античных авторов. Лабиринт представлял собой низкое, но весьма обширное здание площадью около 70 тыс. кв. метров. Оно отличалось многими особенностями, свидетельствовавшими о высоком мастерстве древнеегипетских зодчих. Сооружение состояло из 1500 подземных и стольких же наземных помещений, украшенных скульптурами и рельефами – колонных залов, дворов, подземелий и запутанных переходов.

Стиль этого храма-дворца отличался строгой монументальностью. Его особенностью являлось использование огромных каменных монолитов. Из больших плоских монолитных плит были выполнены перекрытия, из монолитного камня высечены колонны – их бесконечные ряды играли главную роль в оформлении помещений Лабиринта. Особенно примечательна была погребальная камера, высеченная из цельной глыбы отполированного желтого кварцита. Рядом с храмом возвышались две колоссальные статуи Аменемхета III из такого же желтого блестящего кварцита, достигавшие вместе с пьедесталами 18 м высоту. Громадные

размеры, величественные статуи, подчеркнутая торжественность и монументальность – все это свидетельствует о том, что подземный храм Аменемхета III являлся центром общегосударственного культа фараона.

С именем Питри связано археологическое изучение более чем тридцати пирамид. Пять из них он вскрыл и установил их принадлежность, а в одной обнаружил целый клад. Но главное – он получил сведения, позволившие объяснить технику и организацию строительства пирамид.

Близ деревни Иллахун Питри вскрыл пирамиду фараона Сенусерта II (XIX в. до н. э.). Эта пирамида была сооружена на каменном фундаменте как и имела опорные стены из известняка и кирпича из нильского ила. Пирамида Сенусерта оказалась самым хитрым сооружением во всем Египте. По замыслу ее строителей, каждая попытка проникнуть внутрь пирамиды должна была потерпеть неудачу из-за запутанного лабиринта, состоящего из многочисленных подземных переходов. Тем не менее она оказалась ограбленной – гранитный саркофаг Сенусерта II, «красивейший из всех, которые относятся к Среднему царству», был пуст. Рядом с ним археологи нашли лишь жертвенную чашу из известняка.

Питри занимался раскопками в Египте вплоть до 1926 года, не останавливаясь на чем-то одном. Он, по его собственным словам, «просеял весь Египет», совершив при этом путешествие в глубь трех тысячелетий.

Питри первым стал вести систематические раскопки в древней столице Египта Танисе, находившейся в дельте Нила. Здесь он впервые начал датировать находимые объекты на основе того, в каком археологическом слое были сделаны находки. Среди развалин Таниса Питри обнаружил храм бога Сета. Здесь же, в дельте Нила, близ деревни Эль-Нигруши, он открыл греческое поселение Навкратис, относящееся к концу VII века до н. э. Первым из египтологов Питри обнаружил в Египте предметы, относящиеся к греко-микенской культуре, открытой Шлиманом, что подтверждало наличие связей между Грецией и Египтом еще в XV веке до н. э. Его работа помогла установить хронологические рамки зарождения крито-микенской культуры.

Около Кантары на Суэцком канале (некогда там проходила большая военная дорога из Египта в Сирию) Питри раскопал военный лагерь фараона Псамметиха I. На территории первой египетской столицы, Мемфиса, он нашел второго по величине египетского сфинкса. Питри сделал целый ряд важных открытий в Фаюме, Тель-эль-Амарне, Абидосе. Именно в ходе раскопок, проведенных им, были обнаружены предметы так называемой додинастической эпохи Египта.

Итоги своей деятельности Питри изложил в книге «70 лет в

археологии». Всего же его научное наследие насчитывает 90 томов – более тысячи книг, статей и рецензий. Некоторые из них – «Пирамиды и храмы Гизе» (1883), «Десять лет раскопок в Египте, 1881–1891» (1892), трехтомная «История Египта» (1894–1895) читаются с большим интересом и в наши дни.

Город фараона-еретика

В 1887 году женщина из маленькой деревни Телль-эль-Амарна, расположенной на Среднем Ниле, примерно в двух километрах от восточного берега, случайно нашла несколько глиняных табличек с непонятными знаками. За них можно было выручить несколько медяков, а чтобы выручка была больше, женщина разломала таблички на несколько частей, продав их поодиночке. Торговец древностями, купивший обломки табличек, сразу понял, что в его руки попал какой-то древний текст, и предложил таблички нескольким музеям Европы. К этому времени бум на египетские древности уже прошел – прежде всего из-за того, что наряду с подлинными предметами старины Европу наводнили более или менее ловкие подделки. Поэтому ученые довольно скептически отнеслись к предложенным им табличкам, тем более что текст на них оказался написанным на вавилонском языке. А откуда вавилонский язык в Египте?

В общем, таблички из Телль-эль-Амарны оказались никому не интересны, и их обломки постепенно разошлись по рукам туристов-любителей, либо осели в лавках торговцев древностями как заведомый

неликвид. Лишь несколько фрагментов попало в один из берлинских музеев. Здешние специалисты быстро установили подлинность амарнских табличек, и вскоре из Берлина последовало указание германским агентам в Египте скупать все таблички подобного рода. Разрозненные фрагменты амарнских текстов искали и по всему миру. Когда, наконец, остатки архива были собраны и было установлено местонахождение недостающих частей (некоторые из них попали даже в США), ассириологи приступили к изучению «писем из Амарны».

Это был архив фараонов XVIII династии Аменхотепа III и его сына и преемника Аменхотепа IV (Эхнатона), правивших в XIV веке до н. э. Он содержал их переписку с царями Хеттии, Месопотамии и других областей Передней Азии. Перед потрясенным научным миром открывались новые, совершенно неизвестные дотоле страницы истории!

Несомненно, что холмы Телль-эль-Амарны должны скрывать и другие подобные таблички. А может быть, там будут и еще более интересные находки!

В 1891 году раскопки в Амарне начал знаменитый английский археолог Уильям Флиндерс Питри. Работы продолжались два сезона, однако никаких сколько-нибудь значительных открытий ему сделать не удалось. 16 лет спустя, в 1907 году, в Амарну приехала экспедиция Германского восточного общества, которой руководил Людвиг Борхардт (1863–1938) – выдающийся немецкий археолог, ученик известного египтолога Адольфа Эрмана. Раскопки Телль-эль-Амарны, планомерно проводившиеся им на протяжении семи лет, можно считать образцовыми. После Первой мировой войны работы в Амарне продолжила экспедиция английского Фонда исследования Египта. Так постепенно, сантиметр за сантиметром, из земли стали подниматься руины Ахетатона – столицы фараона Аменхотепа IV.

История Ахетатона была очень короткой и укладывается в рамки правления Аменхотепа IV. На двенадцатом году своего царствования этот фараон неожиданно порвал с древней религией Египта – традиционным многобожием, и учредил культ солнечного диска – Атона. Культ всех прочих богов был отменен, их храмы закрыты, храмовое имущество конфисковано. По приказу царя была предпринята попытка уничтожить в египетских надписях не только имена богов, но и само понятие «бог». Это слово заменяли словом «властитель», а знак бога – знаком, обозначавшим фараона. Тем самым Солнце-Атон мыслилось не как бог, а как небесный царь. Его олицетворением на земле отныне становился фараон. В честь Атона Аменхотеп IV принял на себя новое имя: Эхнатон – «Угодный

Атону». Он покинул древнюю столицу Фивы и построил в Амарне новую резиденцию, которую назвал в честь бога Атона «Ахетатон» – «Горизонт Атона».

Эхнатон прославился как один из самых жестоких египетских владык. Между тем подавляющее число населения не приняло новой религии. Против него восстало фиванское жречество. Конец Эхнатона неясен: известно только, что он умер раньше отпущенного ему срока – то ли он был свергнут с престола, то ли отравлен. Сразу же после своей преждевременной смерти он был проклят и вошел в позднейшие египетские тексты под именем «враг из Ахетатона». Жители покинули «Город солнца». Ахетатон был проклят и объявлен обиталищем демонов, громадные алтари, сооруженные в честь Атона, разрушены и разбиты. Постепенно остатки Ахетатона были погребены под песком.

Сегодня большая часть огромной резиденции Эхнатона раскопана и облик города можно представить себе в общих чертах: это широкие главные улицы с домами знати и богачей и узкие переулки с лачугами солдат и ремесленников в тех кварталах города, которые можно считать первыми в мире гетто для бедняков. Известен также громадный район, где обитало «солнечное» жречество, с роскошными улицами для процессий, с молельнями, украшенными колоннами, скульптурами, рельефами и символами солнца. Район храма Атона, располагавшийся в центре города, занимал в длину 730 и в ширину 275 метров.

В близлежащих горах археологи обнаружили 24 каменные усыпальницы. Многие из них остались недостроенными. Эти усыпальницы благодаря своим прекрасным рельефам, фрескам и надписям дают нам возможность получить представление об Эхнатоне и его времени. Амарнский период был кратким, но чрезвычайно ярким этапом древнеегипетской истории и имел важные последствия для всех сфер египетской культуры. В этот период появилось множество сочинений светской литературы, и среди них – любовная лирика. Для искусства периода Амарны характерны яркий реализм, светскость, что особенно отчетливо проявилось в целой галерее скульптурных шедевров – портретов Эхнатона и членов его семьи, созданных в совершенно новой, свободной манере. Самый известный из них – знаменитый бюст царицы Нефертити, жены Эхнатона, созданный в мастерской неизвестного скульптора из Амарны.

Нефертити была одной из выдающихся женщин Египта. Но судьба ее до сих пор остается загадкой. Что стало с ней после смерти Эхнатона – неизвестно. Не найдены ни ее гробница, ни мумия. Даже имя ее было

выскоблено на всех памятниках. Точно так же поступили египтяне и с Эхнатом: время его правления просто вычеркнули из анналов истории. Поступили ли так же и с его трупом?

В 1907 году экспедиция, которой руководил американец Теодор Дэвис, обнаружила в Долине царей таинственную гробницу. Вход в нее был замаскирован и выглядел как обычная расселина в скале. Начав ее расчищать, археологи увидели грубо высеченные каменные ступеньки, которые вели вниз. Там, где они кончались, брал начало лабиринт подземных ходов, заваленных землей и камнями. Постепенно разбирая их, археологи все глубже и глубже продвигались в толщу горы. Неожиданно перед ними предстала стена, сложенная из огромных каменных блоков. Пришлось разбирать и эту стену. За ней открылся узкий проход, заваленный камнями.

Среди этих камней Теодор Дэвис отыскал стенку роскошного деревянного гроба. По мере дальнейшей работы археолог все более и более утверждался во мнении, что некогда здесь в большой спешке вскрывали гробницу, а потом замуровывали вновь.

Устранив последние препятствия, археологи добрались до погребальной камеры. Здесь находились остальные части гроба. Он был сделан из кедрового дерева и покрыт золотом, все части гроба скреплялись золотыми гвоздями. На стенке гроба была вырезана надпись: «Он сделал это для своей матери». Несомненно, что этот гроб был извлечен из саркофага, принадлежащего некоему знатному лицу. Надпись на стенке гроба и другие тексты, найденные в гробнице, в совокупности показали, что речь идет о царице Тейе – матери Эхнатона.

Кроме разбитого гроба, стоявшего когда-то в саркофаге, в погребальной камере археологи нашли дорогую посуду из алебаstra и фаянса, сосуды для косметики, цветные чаши и т. п. Саркофага не было. Судя по тому, что большинство драгоценных предметов осталось на месте, в гробнице побывали не грабители. Здесь произошло что-то другое.

Начав внимательно осматривать камеру, археологи обнаружили в ее задней части небольшую нишу, в которой находился сделанный в форме человеческого тела гроб. Его крышка сдвинулась с места, открыв голову мумии. На одной из глазничных впадин лежал амулет в виде золотого орла: по-видимому, он свалился туда с груди мумии, когда крышка соскользнула с гроба. На верхней части крышки сохранились иероглифы: «Прекрасный властелин, единственный избранный Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, живущий в правде, господин обоих царств... Прекрасное дитя здравствующего Атона, имя которого будет жить всегда и вечно». Неужели

это Эхнатон?

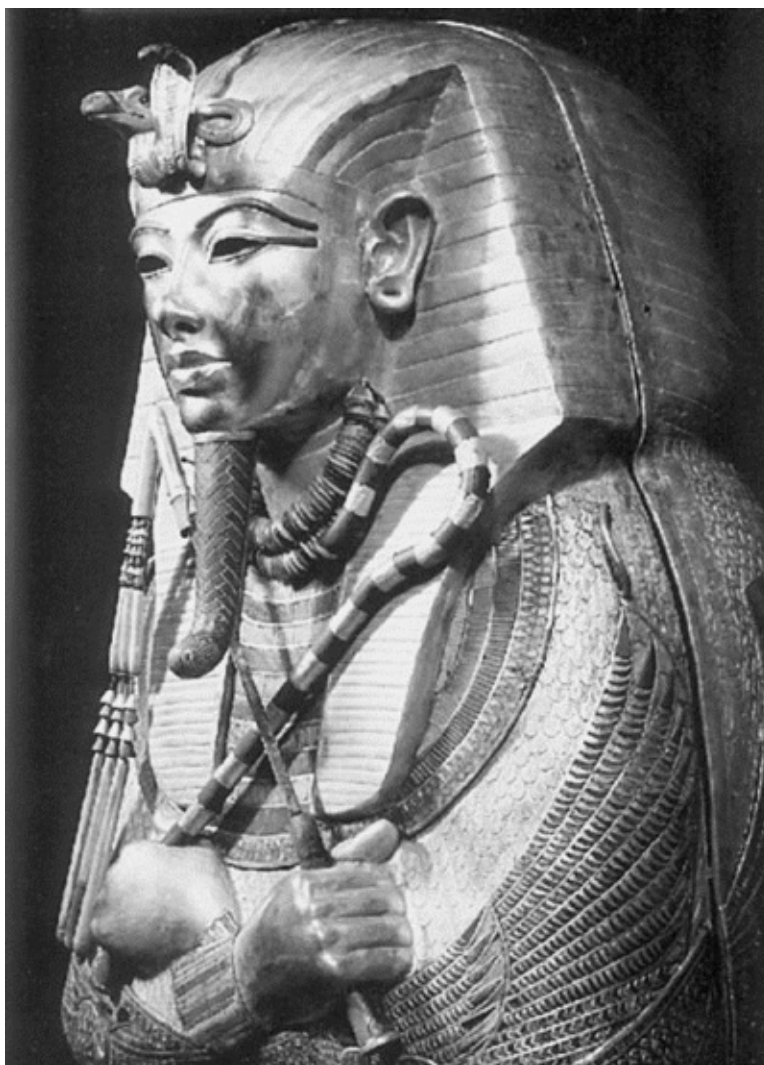
Тело загадочного покойника было обернуто тонкими золотыми пластинками и забальзамировано. Однако сырой климат гробницы сделал свое дело: за несколько тысячелетий влага, в конце концов, справилась с бальзамом и извлеченная на поверхность мумия оказалась в чрезвычайно плохом состоянии. Лишь после многих месяцев кропотливой работы ученые сумели получить первые представления о возрасте и конституции тела покойного.

Состояние, в котором оказалась мумия – сорванная крышка гроба, распеленатая часть головы, – говорит о том, что после погребения в гробницу кто-то наведился. Цель у этих людей была одна: уничтожить некое ненавистное имя. Из золотых пластинок, которые крест-накрест лежали на груди покойника, были вырезаны иероглифы выгравированного на них когда-то имени. На четырех кувшинах из алебаstra – канопах, в которых хранились извлеченные при бальзамировании внутренности, были видны следы какой-то надписи, но она старательно стерта. И лишь на четырех кирпичах, служивших опорами гроба, сохранилось имя фараона Аменхотепа IV – Эхнатона...

Убедительная находка? Как оказалось, нет. Исследования самой мумии показали, что она не может быть телом Эхнатона. Этот фараон, хотя и умер молодым, все же был старше того человека, чья мумия найдена в этой гробнице. Тем не менее гроб, скорее всего, являлся гробом Эхнатона. Возможно, что фараон был похоронен в нем со всеми почестями. Но несколькими годами позже его останки заменили на мумию его зятя – фараона Сменхкара. Что случилось с вытасченной из гроба мумией Эхнатона, неизвестно – скорее всего, ее просто уничтожили. Неясно также, куда делся саркофаг с мумией матери Эхнатона – царицы Тейе. Несомненно, что его вынесли из погребальной камеры – но куда и зачем? Может быть, ее останки где-то перезахоронили? Может быть, она лежит вместе со своим сыном – Эхнатоном? Или ее прах также уничтожили? Как бы то ни было, остатки царской мумии, обнаруженные Теодором Дэвисом, породили уйму вопросов, на которые специалисты и по сей день не нашли еще окончательного ответа.

Говард Картер находит гробницу Тутанхамона

Фараон Тутанхамон, преемник Эхнатона (Аменхотепа IV), был весьма незначительным правителем и не прославился в истории абсолютно ничем. Известно только, что он был женат на младшей дочери Эхнатона, царевне Анхесенамон, и умер очень молодым (есть версия, что Тутанхамон был родным сыном Эхнатона). И если бы не памятники из его гробницы, имя Тутанхамона упоминалось бы только в узком кругу ученых-египтологов. Но в ноябре 1922 года состоялось одно из крупнейших археологических открытий XX века – в Долине царей впервые была обнаружена неразграбленная царская гробница, содержащая полный погребальный комплекс уникальных по сохранности и художественной ценности предметов.

Честь открытия гробницы Тутанхамона принадлежит английскому археологу Говарду Картеру и лорду Карнарвону, финансировавшему экспедицию. Богатый, независимый человек, спортсмен, собиратель произведений искусства и путешественник, лорд Карнарвон еще юношей увлекся древностями. В археологии он увидел возможность сочетать две обуревавшие его страсти – к спорту и собирательству. С 1906 года Карнарвон сначала самостоятельно, а затем в сотрудничестве с археологом-профессионалом Говардом Картером вел раскопки в Долине царей.

Еще в начале XX века экспедиция американца Теодора Дэвиса обнаружила в Долине царей, в тайнике под скалой, фаянсовый кубок, на котором значилось имя Тутанхамона. Неподалеку, в углублении скалы нашли запечатанные глиняные сосуды, в которых находились головные повязки плакальщиков и другие предметы, также с именем Тутанхамона, а в обнаруженной Дэвисом шахте-могиле отыскилась деревянная шкатулка. На обломках золотой пластинки, лежавшей в шкатулке, тоже значилось имя Тутанхамона.

Дэвис заключил, что открытая им могила-шахта и является местом погребения этого фараона. Но Говард Картер был убежден в другом: все эти предметы использовались во время погребения фараона, а после завершения обряда были собраны, уложены в сосуды и спрятаны недалеко от гробницы. Следовательно, захоронение Тутанхамона находится где-то поблизости!

В феврале 1915 года Картер и Карнарвон начали ее планомерные поиски. Это был довольно смелый шаг: Долина царей к тому времени считалась хорошо изученной, здесь побывали десятки экспедиций, и весь ученый мир был убежден, что время великих открытий в Долине царей миновало. «Сезон проходил за сезоном, не принося результатов, – вспоминал Говард Картер. – Мы вели раскопки месяцами, трудились с предельным напряжением и не находили ничего. Только археологу знакомо это чувство безнадежной подавленности. Мы уже начали смиряться со своим поражением и готовились оставить Долину, чтобы попытать счастья в другом месте».

В тот день, когда археологи приступили к сносу хижин рабочих и раскопкам последнего нерасчищенного участка территории, было сделано открытие. 3 ноября 1922 года под первой же сломанной хижинкой была обнаружена высеченная в скале ступенька. Когда лестницу расчистили, на уровне двенадцатой ступеньки показался дверной проем, замурованный и запечатанный печатью. Археологи стояли на пороге тайны...

«Внезапность этой находки так ошеломила меня, а последующие месяцы были так наполнены событиями, что я едва нашел время собраться с мыслями и все это обдумать», – писал Картер. Он осмотрел печать: это была печать царского некрополя с изображением шакала и девяти пленных. Следовательно, там, в гробнице, покоился прах какой-то высокопоставленной особы. Дрожа от нетерпения, Картер пробил в двери отверстие такого размера, чтобы туда можно было просунуть электрическую лампочку, и обнаружил, что весь проход по ту сторону двери завален камнями и щебнем. Это доказывало, что гробницу пытались максимально обезопасить от непрошенных гостей.

Утром 6 ноября Картер отправил Карнарвону телеграмму. 23 ноября лорд вместе со своей дочерью леди Эвелин прибыл в Луксор. 24 ноября дверь была полностью расчищена. В ее нижней части был обнаружен оттиск печати с ясно читаемым именем Тутанхамона. Сомнений не оставалось – это была гробница фараона.

За первой дверью археологи натолкнулись на вторую, тоже опечатанную. Наступил решительный момент. «Дрожащими руками, – вспоминает Картер, – я проделал небольшое отверстие в левом верхнем углу замурованной стены. Темнота и пустота, в которую щуп свободно уходил на всю длину, говорили о том, что за этой стеной уже не было завала, как в только что очищенной нами галерее. Опасаясь скопления газа, мы сначала зажгли свечу. Затем, расширив немного отверстие, я просунул в него свечу и заглянул внутрь...

Сначала я ничего не увидел. Теплый воздух устремился из комнаты наружу, и пламя свечи замигало. Но постепенно, когда глаза освоились с полумраком, детали комнаты начали медленно выплывать из темноты. Здесь были стройные фигуры зверей, статуи и золото – всюду мерцало золото! На какой-то миг – этот миг показался, наверное, вечностью тем, кто стоял позади меня, – я буквально опешил от изумления».

При свете фонаря из темноты возникли фантастические животные с горящими глазами, матово поблескивающие большие статуи, массивный золотой трон, алебастровые и золотые сосуды... Головы диковинных зверей отбрасывали на стены чудовищные тени. Словно часовые, стояли одна против другой две статуи из черного дерева, в широких золотых передниках, в золотых сандалиях, с палицами и жезлами. Их лбы обвивали золотые изображения священных змей. В темноте сияли инкрустированные белой пастой и алебастром глаза.

«Можно не сомневаться, что за всю историю археологических раскопок никому до сих пор не удавалось увидеть что-либо более

великолепное, чем то, что вырвал из мрака наш фонарь», – сказал Картер, когда первое волнение улеглось.

Его слова подтвердились, когда 17 ноября археологи открыли дверь и луч света от сильной электрической лампы заплесал на золотых носилках, на массивном золотом троне, на статуях и алебастровых вазах... Словно замороженные, стояли Карнарвон и Картер, глядя на всю эту мертвую роскошь и на сохранившиеся на протяжении стольких тысячелетий следы жизни. Прошло немало времени, прежде чем они очнулись и убедились, что в этом помещении не было ни саркофага, ни мумии...

Обойдя шаг за шагом всю комнату, археологи обнаружили еще одну, третью, запечатанную дверь. Картер и Карнарвон уже понимали, что за третьей дверью их ожидает нечто совершенно необычное. Но, несмотря на сжигавшее их нетерпение, они решили действовать методично и последовательно.

Всю осень и зиму археологи планомерно расчищали гробницу и вывозили из нее находки, сделанные в первой камере. Здесь оказалось около семисот различных предметов. Наконец, в пятницу, 17 февраля 1923 года, в 2 часа дня, наступил решительный момент. В передней комнате гробницы собралось примерно двадцать человек – ученые и члены египетского правительства. С величайшими предосторожностями Картер принялся разбирать замуровку, скрывающую вход во второе помещение. Когда было проделано первое отверстие, «искушение сейчас же прервать работу и заглянуть в расширявшееся отверстие было так велико, что мне с трудом удавалось его побороть», – пишет Картер. Через десять минут он просунул в расширенное отверстие электрический фонарь.

То, что он увидел, было совершенно неожиданно, невероятно и непонятно: перед ним была... глухая стена! И только когда отверстие еще больше расширили, все присутствующие увидели, что это была стена из чистого золота...

То, что Картер первоначально принял за стену, на самом деле было всего лишь передней стенкой самого огромного и дорогого в мире саркофага.

Понадобилось два часа тяжелой работы для того, чтобы расширить отверстие настолько, чтобы в него можно было войти. Погребальная камера, как оказалось, находилась примерно на метр ниже, чем передняя комната. Картер вошел в нее первым. Перед ним возвышался покрытый листовым золотом саркофаг размерами 5,2 × 3,35 × 2,75 м, занимавший едва ли не все помещение. Только узкий проход, шириной около 65 см, весь заставленный погребальными приношениями, отделял его от стены.

Расположенные с восточной стороны большие двустворчатые двери саркофага были хотя и закрыты на засов, но не запечатаны. Дрожащей рукой Картер отодвинул засов. Со скрипом раскрылись двери, и перед ним оказался еще один обитый золотом ящик. Как и первый, он был заперт. Но на этот раз печать была цела!

Это был поистине звездный час Картера и Карнарвона. Они обнаружили первое и пока единственное неразграбленное захоронение египетского фараона! Казалось, большего успеха невозможно было ожидать. Но тем не менее этот успех еще ждал их!

Дойдя до другого конца погребального покоя, они неожиданно обнаружили маленькую дверь, которая вела в третье помещение – сравнительно небольшую по размерам комнату. «Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что именно здесь находятся величайшие сокровища гробницы», – писал впоследствии Картер.

Посередине помещения возвышался покрытый золотом ларец. Его окружали изваяния четырех богинь-охранительниц. Их лица были настолько исполнены сострадания и скорби, что «уже одно созерцание их казалось чуть ли не кощунством».

Исследование этой величайшей в истории археологии находки растянулась на несколько лет. Зимой 1926/27 года был вскрыт обитый золотом саркофаг. В нем находился второй, во втором – третий...

«Сдерживая волнение, приступил я к вскрытию третьего ящика, – писал Картер. – Я, наверное, никогда не забуду этот напряженнейший момент нашей кропотливой работы. Я разрезал веревку, удалил драгоценную печать, отодвинул засов, открыл дверцы и... перед нами оказался четвертый ящик.

Что скрывалось за незапечатанными дверями этого ящика? В страшном волнении я отодвинул засов. Медленно открылись дверцы. Перед нами, заполняя собой чуть ли не весь ящик, стоял огромный, совершенно целый саркофаг из желтого кристаллического песчаника. Казалось, чьи-то милосердные руки только что опустили его крышку. Какое незабываемое, великолепное зрелище! Золотое сияние ящика еще больше усиливало впечатление. По четырем углам саркофага распростерли крылья богини, словно защищая и охраняя того, кто спал здесь вечным сном».

84 дня понадобилось для того, чтобы убрать два верхних ящика и освободить погребальную камеру. Наконец, 3 февраля увидели царский саркофаг во всем его великолепии – высеченный из цельной желтой кварцитовой глыбы, 2,75 м длиной, полтора метра шириной и полтора метра высотой. Сверху он был прикрыт гранитной плитой.

В тот день, когда лебедки начали поднимать эту плиту, вес которой составлял около 1,5 т, в гробнице снова собралось множество народу. «Когда плита начала подниматься, наступила мертвая тишина. В первый момент всех охватило разочарование: ничего, кроме просмоленных полотняных бинтов. Но, когда бинты были размотаны, все увидели мертвого фараона»...

Так показалось на первый взгляд. Но на свет появилась не мумия фараона, а его скульптурный портрет из золота. Золото ослепительно сверкало, и вся скульптура выглядела так, как будто ее только что принесли из мастерской. В скрещенных руках фараон держал знаки царского достоинства: жезл и инкрустированную лазуритом и синей пастой плеть. Синие лазуритовые полосы блестели на головной повязке царя. Лицо было сделано из чистого золота, глаза из арагонита и обсидиана, брови и веки из стекла цвета лазурита. Это лицо напоминало в своей неподвижности маску, и в то же время оно было словно живое. Рядом лежал скромный венок – последнее «прости» любимому супругу от молодой вдовы...

Археологи сняли золотую крышку. Под ней оказалась вторая, изображавшая лежащего в богатом убранстве фараона в образе бога Осириса. То же самое увидели и тогда, когда вскрыли третий гроб. В ходе этой работы ее участники обратили внимание на то, что гробы были очень тяжелы. Причина этой поразительной тяжести вскоре стала ясна: третий гроб длиной в 1,85 м, как и два предыдущих, был сделан из чистого листового золота толщиной в три миллиметра. Трудно было даже приблизительно назвать стоимость этого сокровища.

Семь саркофагов, помещенных один в другой, вскрыли археологи, прежде чем добрались до восьмого, в котором лежала мумия фараона. Наступил последний решающий момент. Было вынуто несколько золотых гвоздиков, затем крышку гроба приподняли за золотые скобы. Перед археологами лежал Тутанхамон...

«Сложные и противоречивые чувства, овладевающие человеком в такие моменты, невозможно выразить словами», – вспоминал Картер. Он увидел «...благородное, с правильными чертами, полное спокойствия, нежное юношеское лицо с четко очерченными губами». Оказалось, что Тутанхамон был небольшого роста и хилого сложения; в момент смерти ему было около 18–19 лет.

Мумию украшало просто невероятное количество драгоценностей. Лицо покрывала маска из кованого золота с портретными чертами фараона. Под каждым слоем бинтов обнаруживались все новые и новые сокровища. Фараон был буквально усыпан с ног до головы золотом и драгоценными

камнями!

Но еще большие сокровища были найдены в гробнице Тутанхамона. Здесь находились бесчисленные предметы материальной и духовной культуры древних египтян, и каждый из них мог послужить достаточным вознаграждением за зиму тяжелых археологических раскопок. Более того, египетское искусство целой эпохи было представлено здесь в таком многообразии и такими совершенными образцами, что Картеру было достаточно беглого взгляда, чтобы понять: тщательное изучение всех этих сокровищ «приведет к изменению, если не к полному перевороту во всех прежних воззрениях и теориях».

«Единственным примечательным событием жизни Тутанхамона было то, что он умер и был похоронен», – сказал Говард Картер. Но даже если этого незначительного правителя похоронили с такой роскошью, то какие сокровища находились в гробницах великих фараонов Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II? Можно не сомневаться, что в каждой из их погребальных камер было больше драгоценностей, чем во всей гробнице Тутанхамона. Но всем этим колоссальным богатствам суждено было попасть в руки грабителей.

Некрополь в Саккара и пирамида Джосера

В двадцати пяти километрах к югу от Каира тысячелетия назад находилась столица древнеегипетского государства – Мемфис. Этот город был основан в конце IV тысячелетия до н. э. и стал первой столицей объединенного Египта. Выгодное расположение в дельте Нила способствовало быстрому росту города. Мемфис стал не только столицей государства, но и центром его культуры. Мемфисские художники создали прекрасные памятники, оказавшие огромное влияние на формирование египетского искусства. Кроме того, город был центром торговли, речным портом, здесь находились корабельные верфи, ремесленники занимались чеканкой по золоту, металлу, производством оружия и керамических изделий.

Наибольшего расцвета Мемфис достиг при Рамсесе II. Несмотря на то

что ассирийцы, а затем персы разграбили Мемфис, во времена Геродота это был еще оживленный город с кварталами и храмами, населенный греками, финикийцами, ливийцами, арамеями, евреями. В нем насчитывалось около миллиона жителей. Древнеримский географ Страбон, посетивший Мемфис на рубеже новой эры, писал, что этот город «всех других больше и наряднее». Плиний был восхищен его пальмовыми рощами.

Основание Александрии положило конец дальнейшему развитию Мемфиса, но он продолжал сохранять свое религиозное значение. Окончательный упадок города был вызван упразднением культа бога Птаха. Тяжелый урон был нанесен Мемфису во время религиозных распрей III и IV веков н. э. Его храмы были опустошены, гигантские статуи богов и фараонов повалены, дворцы разграблены. Когда в город вошли арабы, они нашли здесь только огромное количество строительного материала, которого им хватило на много столетий. Арабский путешественник Абд аль-Лятиф в конце XII века еще застал развалины Мемфиса и восхищался ими («для их описания и самому красноречивому человеку не хватит слов»), но уже в XIV веке географ Абу-ль-Фида писал только об огромной площади, которую некогда занимал этот город. Потом разливы Нила стерли все следы существования древней египетской столицы.

Место, где стоял Мемфис, удалось найти лишь в начале XIX века. Первые заступы вонзили в его почву саперы наполеоновской экспедиционной армии, но ученые тогда еще не были вполне уверены в том, что местонахождение Мемфиса определено правильно. Только более поздние раскопки многое прояснили.

Оказалось, что даже сообщения древних авторов не могли передать всего величия древнего Мемфиса. Особенно поразительными оказались его размеры: пешеходу требовалось четыре часа, чтобы пройти из одного конца города в другой. Центр Мемфиса, очевидно, находился между нынешними деревнями Митрахине и Бедрашейн, где были обнаружены развалины кирпичных стен, оставшиеся, по всей вероятности, от знаменитой «белой стены», окружавшей крепость царя Мени. Эти развалины да одинокий сфинкс, высящийся среди моря песка, – вот вроде бы и все, что уцелело сегодня от некогда миллионного Мемфиса. Но это и не все. Потому что без Мемфиса не было бы того, что сегодня составляет славу Египта – знаменитых полей гробниц и пирамид. И самый известный такой некрополь расположен на южной окраине Мемфиса, в Саккара.

Равнина, на которой расположен мемфисский «Город мертвых» по площади практически равна древнему городу живых. В прошлом здесь был устроен некрополь Мемфиса, где покой умерших сторожил бог с телом

человека и головой сокола; звали его Сокар. Сегодня центральная часть древнего кладбища в радиусе около 8 километров принадлежит близлежащей деревне Саккара.

Некрополь в Саккара – самое интересное место в Египте. Это пустынное плато сегодня представляет собой море щебня и песка, изборозженное глубокими траншеями и усыпанное горами битых черепков. Это – следы раскопок, которые ведутся здесь уже более ста лет.

Над всем плато господствует гигантская ступенчатая пирамида Джосера, первого фараона III династии (2780 г. до н. э.). Это первое на земле монументальное сооружение из камня. Здесь же находятся и другие царские гробницы, причем некоторые из них еще древнее ступенчатой пирамиды.

Самыми ранними считаются мастабы – гробницы I династии, раскопанные на севере Саккара профессором Уолтером Б. Эмери в 1935–1956 годах. Это крупные прямоугольные сооружения, сложенные из кирпича-сырца. В центре каждой такой мастабы расположена усыпальница, а вокруг нее – множество маленьких комнат, где хранилась пища для загробной жизни покойника. Усопшего монарха сопровождали в мир иной рабы и дворцовые слуги. Во всяком случае, У.Б. Эмери обнаружил вокруг отдельных гробниц множество скромных погребений, в каждом из которых лежали скелеты умерщвленных людей. Этот варварский обычай вскоре исчез, потому что уже в последующий период вместо слуг начали хоронить маленькие статуэтки «ушебти» («ответчики»), которые заменяли настоящих слуг.

В Саккара было обнаружено немало гробниц I династии. На некоторых сохранились имена фараонов Гораха, Джера, Уаджи, Удему и Ка-а. Впрочем, Флиндерс Петри обнаружил гробницы с именами этих же фараонов в Верхнем Египте, в Абидосе, поэтому до сих пор неизвестно, где же в действительности они погребены – в Абидосе или в Саккара. Известно, что в тот период фараоны обычно имели по две гробницы – одну на севере, другую на юге, что символизировало их двойную власть над Нижним и Верхним Египтом. Профессор У.Б. Эмери полагал, что по-настоящему фараонов Первой династии хоронили в Саккара, а в Абидосе оставались только их кенотафы – ложные погребения.

От гробниц фараонов II династии, расположенных к юго-западу от пирамиды Джосера, уцелели только подземные покои. Наземные сооружения были полностью разрушены, по-видимому, фараоном Унасом, когда он строил свой погребальный храм. Печати, найденные в подземных галереях, сохранили имена двух фараонов II династии – Нинофера и

Ранеба. Однако от мумий и погребальной утвари не осталось ничего. Вместо этого много позднее подземные галереи были заполнены сотнями других мумий: за три тысячи лет, пока в некрополе продолжали хоронить умерших, разграбленные древние гробницы неоднократно использовались для новых погребений.

К началу правления Джосера, первого фараона III династии, относится поистине революционный переворот в древнеегипетском строительстве: изобретение каменной кладки. Согласно традиции честь этого великого открытия принадлежит Имхотепу, главному архитектору фараона Джосера. Впоследствии египтяне обожествили Имхотепа, а когда в Египет пришли греки, они отождествили Имхотепа со своим богом медицины Асклепием (Эскулапом). Как бы то ни было, именно пирамида Джосера считается на сегодняшний день самым древним каменным сооружением на Земле. Здесь мы подходим к самым истокам архитектуры – ведь это была первая попытка человека создать монументальное сооружение из камня!

Прообразом пирамиды Джосера стали огромные мастабы фараонов I династии, построенные из кирпича-сырца. Арабское слово «мастаба» буквально означает «скамья». Называются они так потому, что весьма напоминают глинобитные скамьи, какие можно часто видеть перед домами египетских крестьян. Позднее этот тип гробниц уступил место другому, в котором усыпальница и прилегающие покои вырубались уже в самой скале под землей и сообщались с поверхностью через глубокую шахту. Наземная часть гробницы представляла собой прямоугольное сооружение из кирпича-сырца, а впоследствии из камня.

Ступенчатая пирамида Джосера сначала тоже представляла собой обыкновенную каменную мастабу. В своем развитии она прошла пять стадий.

Сначала архитектор фараона выстроил большую мастабу, сходную с аналогичной гробницей, воздвигнутой для Джосера в Бет-Халлафе, в Верхнем Египте. Но если та мастаба была сооружена из необожженного кирпича, то мастабу в Саккара сделали уже из каменных блоков. За время правления Джосера ее расширили во все четыре стороны. Затем архитектор еще раз изменил свои планы и сделал гробницу продолговатой. Но, по-видимому, это не удовлетворило его господина или его самого, поэтому он в четвертый раз расширил постройку, а затем сделал нечто такое, чего не делал еще ни один строитель гробниц: на верхней площадке Имхотеп построил еще три мастабы, каждая из которых была меньше предыдущей. Так родилась первая ступенчатая пирамида, мать всех египетских пирамид.

Было ли превращение мастабы в ступенчатую пирамиду случайным?

По этому поводу высказывалось немало соображений. Так, например, американский археолог профессор Д. Брэстед считал, что пирамидальная форма гробниц фараонов имеет глубоко священное значение. Согласно другим предположениям, строя свою ступенчатую пирамиду, Джосер просто стремился создать памятник, который был бы выше гробниц всех его предшественников. Во всяком случае, ступенчатая пирамида была лишь промежуточной формой гробниц. Позднее она уступила место «настоящей» пирамиде.

Как показали раскопки, первоначально пирамида Джосера являлась центром огромного ансамбля каменных зданий. Имхотеп обнес пирамиду гигантской стеной размерами 277 × 545 м. Внутри этой ограды Имхотеп воздвиг целый комплекс каменных сооружений, облицованных известняковыми плитами с высеченными на них рельефами. Подобных резных плит в Египте не встречается больше нигде. Некоторые из них, очевидно, имели отношение к так называемому «Празднеству Сед» – ритуалу, восходящему к очень далеким временам. Подробности этой церемонии нам не известны, но, по-видимому, в нее входило жертвоприношение богам Верхнего и Нижнего Египта, после которого фараона короновали заново.

Усыпальница фараона располагалась не в самой пирамиде, а была высечена под ее фундаментом в скальном грунте. К ней вела квадратная шахта глубиной в 27,5 м. На дне ее была построена усыпальница из гранитных плит, доставленных из Асуана. В потолке усыпальницы строители оставили отверстие, чтобы через него можно было внести мумию. Позднее это отверстие закрыли массивной гранитной плитой весом в три с половиной тонны. Вход в шахту брал начало далеко за пределами пирамиды, из узкой траншеи, расположенной к северу от нее. Он вел глубоко вниз под пирамиду и обрывался в колодце. Впоследствии этот ход, а также сам колодец засыпали щебнем.

Вдоль восточной стороны первоначальной мастабы строители проложили несколько шахт глубиной более тридцати метров. Каждая из них заканчивается длинной горизонтальной галереей, идущей с востока на запад. Они предназначались для усыпальниц жены и других родственников фараона. В некоторых галереях английские археологи Фёрс и Квибелл обнаружили уцелевшие алебастровые саркофаги, однако все они были разграблены в позднейшие времена. Лишь в одном из саркофагов оказались куски разбитого деревянного позолоченного гроба с остатками мумии ребенка лет восьми.

Раскопки открыли и еще одно загадочное сооружение – так

называемую «южную гробницу Джосера». Тайна ее волновала многих египтологов, но раскрыть ее до конца пока так и не удалось.

В эту гробницу ведет точно такой же колодец глубиной 27,5 м, что и колодец под пирамидой. На дне его, как и под пирамидой, расположена гранитная усыпальница, но только она настолько мала, что в ней невозможно похоронить человека. Однако и здесь на стенах галерей были высечено имя Джосера и превосходные рельефы, изображающие его во время церемонии «Празднества Сед». В этих галереях, как и под пирамидой, стены частично облицованы синими глазированными плитками, имитирующими тростниковые циновки.

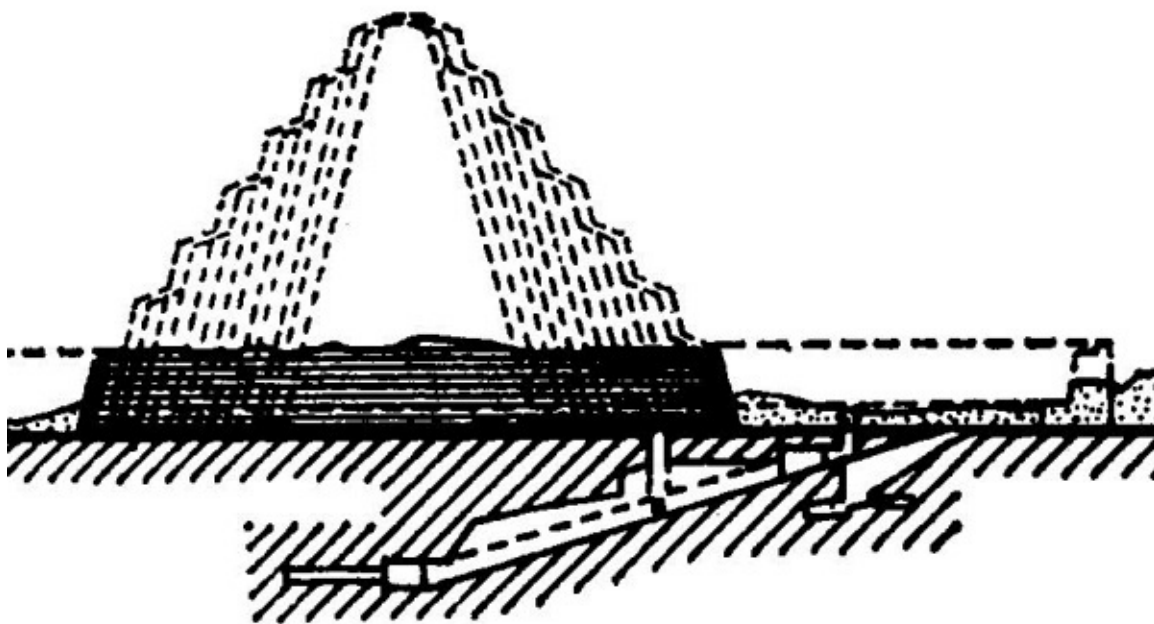
Для чего же была построена вторая гробница? И действительно ли это гробница?

Некоторые археологи полагают, что она предназначалась для захоронения канопа – священных сосудов с внутренними органами фараона, вынутыми из его тела во время бальзамирования. Однако ни одного такого сосуда найти не удалось. Следовательно, ничто эту теорию не подтверждает и не опровергает. Но существуют и другие объяснения.

Правитель Джосер не оставил в истории почти никакого следа, но творение его архитекторов и рабочих, первая монументальная постройка из камня на земле, стоит и поныне. Ступенчатая пирамида Джосера оказала значительное влияние на дальнейшее развитие египетской архитектуры. В первую очередь это влияние сказалось на пирамидах, воздвигнутых непосредственными преемниками Джосера, последующими фараонами III династии.

Мухаммед Закария Гонеим и загадка пирамиды Сехемхета

Весной 1951 года молодой египетский археолог Мухаммед Закария Гонеим был назначен главным инспектором некрополя в Саккара. Проводя много времени среди древних гробниц, Гонеим не мог не задуматься о тайнах, которые, возможно, еще скрывает саккарский некрополь. «Уже давно меня занимал один факт, – вспоминал позднее М.З. Гонеим. – Несмотря на то что время правления III династии представляет собой интереснейшую эпоху в истории Египта, мы почти ничего не знаем ни об одном фараоне III династии, за исключением Джосера».

Но ведь были же после Джосера и другие цари III династии! Известно, что после него правили как минимум четыре фараона. Но почему до сих пор никто не отыскал никаких следов их деятельности? Может ли быть, что от их эпохи не осталось совсем ничего?

Чем больше Гонеим размышлял об этой загадке, тем больше он укреплялся во мнении, что в Саккара погребены и другие фараоны III династии, но их гробницы давно позабыты. И археолог решил провести тщательное обследование всей территории некрополя.

После подробного изучения местности археолог остановился на

участке, расположенном сразу же за оградой пирамиды Джосера. Особенностью этого участка была большая продолговатая терраса, вытянутая с севера на юг. На всех картах эта терраса была обозначена как естественное плато. Однако ее характерные очертания, наличие многочисленных осколков обработанного известняка, гранита и алебастра, а также следы разрушенной каменной кладки говорили скорее об ее искусственном происхождении.

27 сентября 1951 года Гонеим приступил к работе. Начав копать на западной оконечности террасы, он и его помощники в первый же день наткнулись на массивную каменную стену высотой в 5,1 м и невероятной толщины – 18 м! Она была сложена из огромных глыб серого известняка. По-видимому, верхнюю ее часть растащили еще в глубокой древности.

Два месяца ушло на то, чтобы раскопать эту стену целиком. Оказалось, что она представляла собой ограду, выстроенную вокруг прямоугольного участка, протянувшегося приблизительно на 410 м с севера на юг и примерно на 210 м с запада на восток. «Чудовищная толщина стены, а также тот факт, что она не была облицована высококачественным известняком, подобно ограде пирамиды Джосера, вначале удивили меня, – писал впоследствии Гонеим – Но затем я понял, что в действительности это был только фундамент, основание, на котором когда-то стояла настоящая стена».

Дальнейшие раскопки в северной части прямоугольной террасы вскрыли еще множество стен из булыжника, идущих параллельно друг другу с востока на запад и соединенных подобными, только меньшими, поперечными стенками. Полностью обследовав это удивительное сооружение, Гонеим сделал для себя главный вывод: перед ним – основание древней постройки, близкой по времени строительства к ступенчатой пирамиде Джосера и принадлежавшей, вероятно, одному из преемников Джосера – может быть, даже кому-то из таинственных фараонов III династии! Об этом, в частности, свидетельствовала близость раскопанного сооружения к пирамиде Джосера.

Пора было приступать к решению главной задачи: поискам самой гробницы. Но где ее искать? Десятки раз Гонеим снова и снова изучал ограду пирамиды Джосера, особенно ее северную оконечность, надеясь по аналогии найти ключ к планировке вновь найденного сооружения.

«Мы заметили, что большая часть промежутков на участке заполнена обломками мягкой глины, по-арабски – тафл, которую обычно находят в развалинах подземных галерей, – писал Гонеим. – Это навело нас на мысль, что здесь тоже могут быть подземные галереи, ведущие, очевидно, к

гробнице, тем более что в северной части ограды Джосера под такими же стенами были обнаружены подземные ходы. И вот мы принялись искать вход в подземелье».

В первый день нового, 1952 года археологи натолкнулись на ряд звеньев огромной поперечной стены, пересекающей окруженный оградой прямоугольник с востока на запад. Эта стена оказалась совсем иной, чем найденная раньше. Она была облицована прекрасным белым известняком, с бастиянами и куртинами, как на ограде Джосера, и с такими же панелями. По каким-то соображениям ее не достроили, очевидно, в связи с изменившимися планами архитектора.

«Я начинал все больше осознавать, что мы совершили открытие первостепенного значения», – вспоминает Гонеим. Он был твердо уверен в том, что ему удалось найти новую, ранее неизвестную пирамиду фараона III династии. Найденная им стена состояла из толстого слоя серого известняка, облицованного снаружи обтесанным белым известняком. На поверхности известняковых глыб даже сохранились знаки и рисунки, сделанные древними строителями охрой и сажей. Это были знаки каменщиков, которые метили камни в карьерах на противоположном берегу Нила, изображения людей, животных и лодок с парусами и без парусов.

Весь остаток сезона 1952 года Гонеим продолжал откапывать «Белую Стену», как окрестили ее археологи. Уже можно было с уверенностью говорить, что, судя по размерам камней и способу их кладки, Белая Стена строилась позднее ограды пирамиды Джосера, однако еще во времена III династии. Гонеим был уверен, что Белая Стена первоначально являлась северной стороной всей ограды, но затем по каким-то неизвестным причинам архитектор решил раздвинуть участок дальше на север и поднять его на более высокий уровень. Внутри этой стены должно было существовать некое центральное здание, расположенное вблизи геометрического центра огражденного участка. Но никаких видимых признаков такого центрального сооружения не было!

Определив участок, где должно было находиться центральное здание, Гонеим распорядился начать рытье пробных шурфов. И по счастливой случайности рабочие сразу же наткнулись на южный угол погребенного под песком сооружения.

«В том, что это пирамида, я больше не сомневался», – пишет Гонеим. Найденное сооружение действительно было ступенчатой пирамидой, однако от нее сохранилась только самая первая, нижняя ступень. Все сооружение занимало площадь в 18 000 кв. м, то есть его основание было больше, чем у пирамиды Джосера. В таком незавершенном виде пирамида

достигала максимальной высоты примерно семи метров. Нигде не было видно следов внешней облицовки. Это означало, что строители успели возвести только внутреннюю основу пирамиды и что она так и не была достроена. Нашлись многочисленные подтверждения и того, что по крайней мере три тысячи лет, а может быть и больше, никто не нарушал покой этого памятника.

Гонейм стремился найти скрытый вход в подземелье – туда, где, по его расчетам, должна была находиться погребальная камера. Перспективы раскопок будоражили его: ведь, судя по всему, гробница фараона была никем не тронута – она была давно забыта! Неужели ему, молодому египетскому археологу, предстоит сделать такое же сенсационное открытие, какое в свое время сделал Говард Картер, открывший гробницу Тутанхамона?

«Я прежде всего, разумеется, начал искать вход в подземелье, – пишет Гонейм. – Однако поиски оказались безрезультатными. Тогда я передвинул раскопки еще дальше на север, продолжая держаться центральной оси пирамиды. Здесь в песке было какое-то странное углубление. Оно имело форму полумесяца, и, глядя на него, вполне можно было предположить, что под ним и находится подземелье.

Это побудило меня начать в углублении сплошные раскопки... Было очевидно, что мы приближаемся к входу в подземную часть пирамиды. Всех волновал один и тот же вопрос: “Что мы найдем? Нетронутый вход или нору, сквозь которую грабители могил уже проникли в пирамиду раньше нас?”»

Впрочем, о последнем Гонейм и его помощники старались не думать. Когда, наконец, последний камень был отброшен, перед археологами предстало высеченное в скале входное отверстие шириной в 1,93 м и высотой в 2,34 м. Вход был замурован и каменная кладка совершенно не тронута. Этот факт свидетельствовал о том, что владелец недостроенной ступенчатой пирамиды покоится здесь...

Сенсационная находка, о которой немедленно сообщили все газеты мира, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Открытие Гонейма стало первым значительным открытием в Египте после знаменитой находки Картера! В Каир немедленно ринулись толпы журналистов со всех концов планеты.

«9 марта в присутствии министра образования Аббаса Аммара, генерального директора Департамента древностей Мустафы Амера и других официальных лиц мы вскрыли пирамиду, – пишет Гонейм. – Министр сам сделал ломом первый пролом в стене, закрывающей вход.

Затем мои рабочие расширили отверстие... Мы находились в высокой, высеченной в сплошной скале галерее, полого уходящей в глубину».

Все участники волнующего события почти бегом бросились вглубь таинственного подземелья, стремясь поскорее проникнуть в тайну пирамиды. Внезапно всем пришлось остановиться. Гора камня и щебня заполняла подземный ход от пола до самого потолка, делая невозможным дальнейшее продвижение. Для того чтобы проникнуть в погребальную камеру, сперва предстояло разобрать заваленную галерею...

Гонейма заинтересовали причины завала. Оказалось, что в этом месте в потолке галереи находится квадратное отверстие шахты, сквозь которое щебень обрушился в коридор. Что это означает? Неужели вездесущие грабители опять сумели опередить археологов?

«Сердце мое упало, – вспоминал Гонейм. – Ведь это значило, что о пирамиде знали в более поздние времена, а следовательно, она уже разграблена». Однако страхи эти были преждевременны: как выяснилось, строители пирамиды сами обрушили шахту. Затем они заполнили образовавшийся колодец тяжелыми камнями, сброшенными сверху. Над завалом, по-видимому, было возведено какое-то сооружение, чтобы скрыть шахту. И теперь, чтобы проникнуть в галерею, ведущую в погребальную камеру, требовалось очистить всю шахту сверху донизу. Только после этого археологи двинулись дальше вглубь.

Начались находки. В подземной галерее археологи обнаружили сотни различных каменных сосудов, похожих на те, что были найдены в подземных коридорах пирамиды Джосера. Здесь слоями лежали кувшины из черного и белого порфира, алебастровые чаши и блюда. А дальше Гонейма ждала еще одна непредвиденная и чудесная находка. Когда археологи расчищали пол галереи, один из рабочих заметил у дальней стены коридора блеск золота. Осторожно отгребая глину, Гонейм извлек из нее 21 золотой браслет, наручные обручи и золотой жезл, деревянная сердцевина которого совершенно истлела. Однако жемчужиной этой коллекции была маленькая коробочка для притираний из чеканного золота, имеющая форму двустворчатой раковины. Кроме того, здесь были найдены пара иголок и щипчиков из электра, а также большое количество сердоликовых и глиняных бусин. Все эти предметы, очевидно, лежали в деревянном ларце, от которого осталось лишь несколько фрагментов золотой обшивки. Возможно, что они принадлежали знатной женщине из семьи фараона.

Найденные украшения – единственные известные образцы ювелирного искусства времен III династии. Вообще от всего Древнего

Царства осталось так мало золотых ювелирных изделий, что эту коллекцию можно по праву считать уникальной.

Следующая находка с точки зрения науки была гораздо важнее золотых украшений. Расчищая коридор, Гонейм и его помощники нашли маленькие глиняные сосуды темно-красного цвета, запечатанные сухой глиной. На ней было оттиснуто имя хозяина гробницы: «Могучий Телом» – Сехемхет. Такого имени нет ни в списке Саккара, хранящемся в Каирском музее, ни в списке фараонов из храма Сети I в Абидосе, ни в Туринском папирусе. Находка имени доселе не известного фараона одной из древнейших династий по своему значению равняется находке самой пирамиды!

А между тем главная галерея продолжала все глубже уходить под пирамиду. В течение мая археологи продвинулись на семьдесят два метра. Галерея уходила все ниже и ниже. Казалось, ей не будет конца. И вдруг неожиданное препятствие заставило археологов остановиться: перед ними возникла непреодолимая скала. Неужели, добравшись до этого места, древние строители по какой-то причине бросили работу?

Гонейм был в отчаянии. И тем не менее он нашел в себе силы продолжить работы. Несколько недель ушло на то, чтобы с максимальными предосторожностями удалить огромную глыбу. И когда она была, наконец, убрана, за ней показались очертания высеченного в каменной толще дверного входа. А за ней – массивная, третья по счету стена, наглухо закрывавшая галерею. Никто не сомневался: за ней скрывается – царская усыпальница!

Пришлось немало повозиться с разборкой стены – ее толщина составляла три метра! «Но вот наконец вынут последний камень, и я ползу на животе в узкую нору, сжимая в руке электрический фонарь, – вспоминал Гонейм. – Проделанное нами в стене отверстие выходило почти под самый обрез обширного сводчатого потолка. Внизу подо мной зияла черная пустота. Я нырнул в нее без колебаний и наполовину сполз, наполовину скатился на пол подземного покоя... Перед нами предстало великолепное зрелище: в середине грубо высеченной комнаты, словно приветствуя нас, сиял бледно-золотистый полупрозрачный алебастровый саркофаг».

Полированная верхняя часть саркофага была покрыта темным слоем пыли и мелких камешков, свалившихся с потолка. Кругом валялись гораздо более крупные камни; каждый из них мог бы при падении разбить или сильно повредить алебастровый ящик, однако каким-то чудом саркофаг остался невредим. Ближе к северному концу на нем лежали истлевшие и обуглившиеся остатки каких-то трав или веток кустарника. Они походили

на остатки погребального венка. Наверное, его возложил тот, кто поставил здесь саркофаг, четыре тысячи семьсот лет назад. Все было настолько чудесно, что даже не верилось!

Все участники раскопок были потрясены до глубины души – адская многомесячная работа завершилась просто феноменальным успехом! «Мы плясали вокруг саркофага, мы обнимались, и слезы текли по нашим щекам. Странная это была сцена в подземном покое на глубине в сорок метров под поверхностью пустыни», – писал Гонейм.

Саркофаг Сехемхета стоял в самом центре усыпальницы, расположенной, как потом показали измерения, точно под тем местом, где должна была бы находиться вершина пирамиды, если бы ее достроили. Саркофаг был целиком высечен из одной алебастровой глыбы. Его размеры составляли в длину – 2,37 м, в ширину – 1,14 м, в высоту – 1,08 м. На нем не было никаких надписей, рельефов и украшений. И вместе с тем этот древнейший образец древнеегипетского царского саркофага, с мягкой полупрозрачной фактурой алебастра, пронизанной тонкими прожилками, то золотистыми, то розовыми в зависимости от освещения, может по праву считаться одним из прекраснейших саркофагов, когда-либо найденных в Египте.

Усыпальница, в которой стоял саркофаг, имела прямоугольную форму размерами 9 × 5,2 м, высота камеры составляла около пяти метров. Пол покрывал толстый слой рыхлой глины. Вдоль восточной и западной стен тянулись грубо высеченные ниши неизвестного назначения. В том, что усыпальница осталась недостроенной, не было никаких сомнений. Стены были не отделаны и не отполированы, на плоском горизонтальном потолке хорошо были заметны следы кайла каменотесов. Все говорило о том, что по какой-то причине работа была неожиданно прервана – возможно, что ее остановила преждевременная смерть фараона, для которого предназначалась гробница.

Тщательно исследовав усыпальницу, Гонейм не нашел никаких признаков того, что здесь могли побывать грабители. По-видимому, с момента захоронения в усыпальницу никто не проникал. «Наконец-то последняя тень сомнения рассеялась! – писал Гонейм. – Теперь я мог с уверенностью сказать, что мы были первыми, кто вошел в усыпальницу после того, как ее покинули каменотесы тысячелетия назад».

Несмотря на то что сама погребальная камера была пуста, в нетронutom саркофаге фараона Сехемхета могли таиться необычайные сокровища. Для того чтобы присутствовать при вскрытии саркофага, в Египет специально приехали доктора Ганс Шток из Мюнхенского

университета, Эльмар Эдель из Гейдельбергского университета и хранитель египетского отдела музея Метрополитен в Нью-Йорке доктор Вильям Хейс.

«В тот день мы, по-видимому, приблизились к цели всех наших усилий, – вспоминает Гонеим – Мы почти не разговаривали, пока не вошли в усыпальницу, где покоился саркофаг. Я еще раз остановился, чтобы полюбоваться красотой этого простого алебастрового ящика, стенки которого отражали яркий свет установленных вокруг электрических ламп.

Наконец, все было готово, и я дал сигнал начинать. Двое из моих рабочих начали тянуть веревку, другие в это время поддевали панель ломami, стараясь просунуть их в щель между нижней частью панели и саркофагом. Люди напрягали все силы. Слышался скрежет металла по камню – и больше ничего. Панель намертво засела в пазах. Рабочие несколько раз возобновляли свои попытки, однако тяжелая каменная глыба противостояла всем нашим усилиям...

Панель оказалась такой тяжелой – она весила около 227 килограммов – и была так крепко зацементирована смесью гипсового раствора и клея, что понадобилось почти два часа, прежде чем она медленно поползла вверх. Я встал на колени и заглянул внутрь.

Саркофаг был пуст...»

Все присутствующие онемели. Гонеим был в отчаянии: и это итог его трехлетней работы? Не веря своим глазам, он опустил на колени и посветил внутрь яркой лампой. Саркофаг был пуст и чист. И чем дольше Гонеим изучал пустой саркофаг, тем яснее становилось, что мумии в нем никогда не было.

Что же произошло? Ограбление? Но как воры могли добраться до саркофага, если все три замурованных прохода были целы, а сам алебастровый саркофаг запечатан? С другой стороны, на его крышке лежал погребальный венок. Как все это объяснить?

Тайна пирамиды Сехемхета так и осталась неразгаданной. Было высказано множество гипотез. Из того факта, что пирамида осталась недостроенной, можно заключить, что фараона похоронили в другом месте. Или это была ложная усыпальница, предназначавшаяся для ритуального погребения? Известно, что фараоны первых династий строили себе по две гробницы. Этим же можно объяснить наличие нескольких усыпальниц в ряде пирамид. Но если мумии Сехемхета в саркофаге не оказалось, то где же в действительности он похоронен?

Загадке пирамиды Сехемхета посвящено множество работ. К сожалению, в развернувшейся дискуссии не смог принять участие ее первооткрыватель, Мухаммед Закария Гонеим: в 1957 году ученый

трагически погиб. Сегодня его мраморный бюст стоит перед Египетским музеем в Каире в числе скульптурных портретов других выдающихся археологов – исследователей Египта.

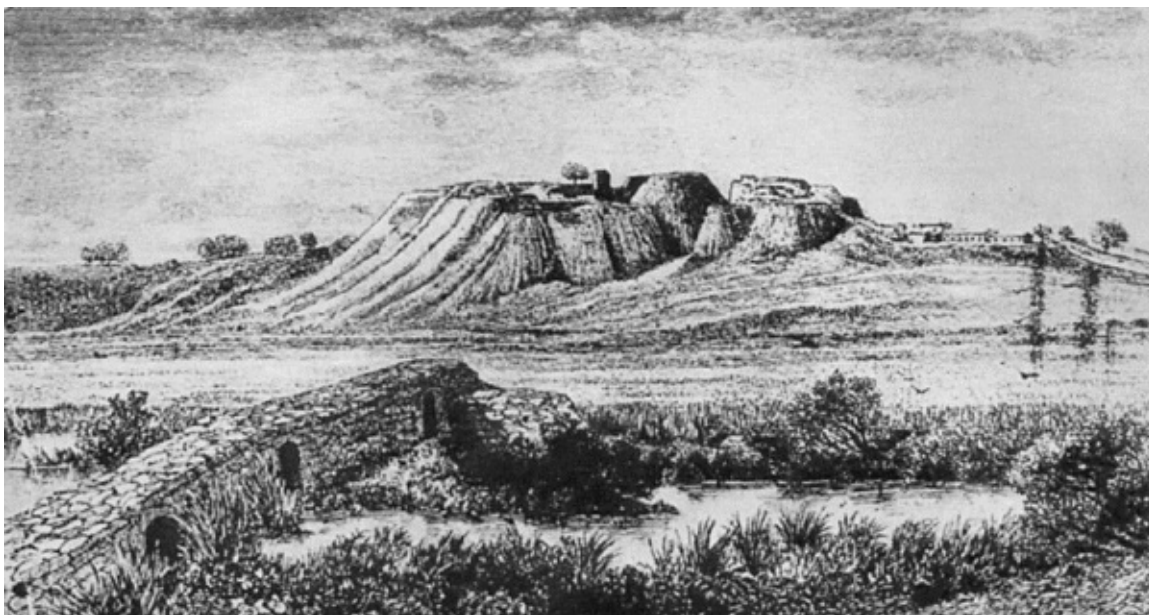
Средиземноморье

Генрих Шлиман ищет Трои

Много веков назад на южном берегу Геллеспонта (Дарданеллы) стоял древний город Троя, стены которого, по преданию, воздвиг сам бог Посейдон. Этот город, который греки называли Илионом (отсюда – название поэмы Гомера «Илиада»), лежал на морском торговом пути из Малой Азии к Понту Евксинскому (Черному морю) и славился своим могуществом и богатством. Последним правителем Трои был мудрый старец Приам.

Около 1225 года до н. э. воинственные греческие племена ахейцев объединились для большого военного похода в Малую Азию. Под предводительством царя Микен Агамемнона ахейцы, переплыв Эгейское море, осадили Трои. Только на десятый год, после ожесточенных битв, им удалось завладеть неприступным городом и разрушить его. Царь Трои Приам и множество горожан были убиты, царица Гекуба и прочие троянские женщины были проданы в рабство вместе со своими детьми...

Никаких письменных документов или свидетельств о Троянской войне не сохранилось – только устные предания и песни бродячих певцов-аэдов, воспевавших подвиги неуязвимого Ахилла, хитроумного Одиссея, благородного Диомеда, славного Аякса и других греческих героев. Несколько столетий спустя великий Гомер, взяв за основу сюжеты этих песен, сложил большую поэму под названием «Илиада». Долгое время поэма передавалась из поколения в поколение из уст в уста. Еще через несколько столетий был записан ее текст. Пройдя через несколько тысячелетий, войдя в жизнь множества поколений людей, эта поэма давным-давно стала частью мировой литературной классики.

Литературной – и все? Да. По крайней мере, до XIX столетия никто никогда не рассматривал «Илиаду» как исторический источник. В восприятии «серьезных ученых» и не менее серьезных обывателей это была всего лишь древнегреческая мифология, эпос. И первым человеком, кто поверил «сказкам слепого Гомера», стал немец Генрих Шлиман (1822–1890).

Еще ребенком он слышал от отца рассказы о героях Гомера. Когда он подрос, то сам прочел «Илиаду». Тень великого слепца смутила его душу и завладела им на всю жизнь. Еще в детстве Генрих Шлиман объявил отцу:

– Я не верю, что ничего не осталось от Трои. Я найду ее.

Так ариаднина нить легенд повела его в глубины тысячелетий...

Впрочем, есть все основания полагать, что вышеприведенный рассказ, взятый из автобиографии Шлимана, целиком выдуман им самим, и Троей и Гомером он увлекся гораздо позднее, уже в зрелом возрасте. С томиком Гомера в руках летом 1868 года Шлиман приехал в Грецию. На него огромное впечатление произвели руины Микен и Тиринфа – именно оттуда начался поход на Трою войска ахейцев во главе с царем Агамемноном. Но если Микены и Тиринф – реальность, то почему бы не быть реальностью Трое?

Приехав в Турцию и приступив к поискам, Шлиман сверял едва ли не каждый свой шаг по «Илиаде». Поиски привели его к холму 40-метровой высоты с многообещающим названием Гиссарлык («крепость», «замок»), вершина которого представляла собой ровное квадратное плато со сторонами в 233 м. Осмотр холма и привязка местности к указаниям

Гомера не оставили никаких сомнений – здесь скрыты развалины легендарной Трои...

Справедливости ради надо отметить, что Шлиман был не первым, кто намеревался искать Трою на южном берегу Дарданелл. Еще античные авторы знали, что Троя находилась где-то в окрестностях холма Гиссарлык. Геродот писал о том, что царь Ксеркс, владыка Персии, останавливался здесь и местные жители поведали ему историю осады и взятия Трои. Потрясенный Ксеркс принес в жертву тысячу овец и приказал жрецам окропить стены Трои вином в память великих героев прошлого.

Александр Македонский, остановившись в Трое, совершил ритуальный обряд: облив себя маслом, бегал голым вокруг «гробницы Ахилла» и надевал на себя древнее оружие, хранившееся в местном храме Афины Троянской.

Юлий Цезарь застал здесь одни руины – за сорок лет до этого город был разрушен римлянами. Он воздвиг на развалинах Трои алтарь и воскурил благовония, прося богов и древних героев помочь ему в борьбе с Помпеем.

Безумный император Каракалла, побывав в восстановленной под именем Нового Илиона Трое, пожелал воссоздать здесь сцену скорби Ахилла по погибшему Патроклу. Для этого он приказал отравить своего любимца Феста, соорудил огромный погребальный костер, лично убил жертвенных животных, возложил их вместе с телом убитого «друга» на костер и запалил его.

Император Константин, посетивший в 120-х годах н. э. руины Трои, пожелал основать здесь столицу Восточной Римской империи, но затем его выбор пал на Византий – так появился Константинополь.

Много воды утекло с тех пор. Постепенно точное местонахождение Трои было забыто. В 1785 году француз Шуазель-Гуфье, предпринявший несколько экспедиций в северо-западную Анатолию, сделал вывод, что Трою надо искать в районе Бунарбаши, в десяти километрах от Гиссарлыка. В 1822 году шотландский журналист Макларен опубликовал статью, в которой утверждал, что Троя – это холм Гиссарлык. Тот же Макларен лично побывал на месте в 1847 году, а в 1863 году снова издал свой труд, подтвердив высказанное ранее предположение. На Гиссарлык Шлиману указал и американец Фрэнк Калверт, британский консул в Дарданеллах и тоже большой поклонник Гомера, выкупивший половину Гиссарлыка в свою собственность. Калверт еще в 1863 году пытался убедить директора греко-римской коллекции Британского музея в Лондоне снарядить экспедицию на Гиссарлык.

...Раскопкам предшествовало томительное ожидание разрешения на их проведение. Когда же в апреле 1870 года работы, в конце концов, начались, стало ясно, что перед Шлиманом стоит очень нелегкая задача: чтобы добраться до руин «гомеровской» Трои, ему предстояло пробиться через несколько культурных слоев, относящихся к разным временам, – Гиссарлыкский холм, как оказалось, был настоящим «слоеным пирогом». Уже много лет спустя после Шлимана было установлено, что всего на Гиссарлыке имеется девять обширных напластований, вобравших в себя около 50 фаз существования поселений различных эпох. Самые ранние из них относятся к III тысячелетию до н. э., а самые поздние – к 540 году н. э. Но, как и у всякого одержимого искателя, у Шлимана не хватало терпения. Если бы он вел раскопки постепенно, освобождая пласт за пластом, открытие «гомеровской» Трои отодвинулось бы на много лет. Он же хотел добраться до города царя Приама немедленно, и в этой спешке он снес культурные слои, лежащие над ним, и сильно разрушил слои нижние – по этому поводу он сожалел потом всю жизнь, а ученый мир так и не смог простить ему этой ошибки.

Наконец, перед глазами Шлимана предстали остатки огромных ворот и крепостных стен, опаленных сильнейшим пожаром. Несомненно, решил Шлиман, что это – остатки дворца Приама, разрушенного ахейцами. Миф обрел плоть: перед взором археолога лежали руины священной Трои...

Впоследствии оказалось, что Шлиман ошибся: город Приама лежал выше того, который он принял за Трою. Но подлинную Трою, хоть и сильно попортив ее, он все же откопал, сам не ведая того, – подобно Колумбу, не знавшему, что он открыл Америку.

Как показали новейшие исследования, на Гиссарлыкском холме находилось девять различных «Трой». Самый верхний слой, разрушенный Шлиманом – Троя IX, – представлял собой остатки города римской эпохи, известного под именем Новый Илион, существовавшего, по крайней мере, до IV века н. э. Ниже лежала Троя VIII – греческий город Илион (Ила), заселенный около 1000 года до н. э. и разрушенный в 84 году до н. э. римским полководцем Флавием Фимбрием. Этот город славился своим храмом Афины Илийской, или Афины Троянской, который посещали многие знаменитые люди древности, в том числе Александр Македонский и Ксеркс.

Троя VII, существовавшая около восьмисот лет, была довольно незначительным поселком. Зато Троя VI (1800–1240 гг. до н. э.), скорее всего, и являлась городом царя Приама. Но Шлиман буквально пронесся сквозь него, стремясь докопаться до следующих слоев, так как был

убежден, что его цель располагается гораздо глубже. В результате он сильно повредил Трою VI, но наткнулся на обгорелые руины Трои V – города, существовавшего около ста лет и погибшего в огне пожара приблизительно в 1800 году до н. э. Под ним лежали слои Трои IV (2050–1900 гг. до н. э.) и Трои III (2200–2050 гг. до н. э.) – сравнительно бедных поселений бронзового века. Зато Троя II (2600–2200 гг. до н. э.) была очень значительным центром. Именно здесь в мае 1873 года Шлиман сделал свое самое важное открытие...

В тот день, наблюдая за ходом работ на развалинах «дворца Приама», Шлиман случайно заметил некий предмет. Мгновенно сориентировавшись, он объявил перерыв, отослал рабочих в лагерь, а сам с женой Софьей остался в раскопе. В величайшей спешке, работая одним ножом, Шлиман извлек из земли сокровища неслыханной ценности – «клад царя Приама»!

Клад состоял из 8833 предметов, среди которых – уникальные кубки из золота и электра, сосуды, домашняя медная и бронзовая утварь, две золотые диадемы, серебряные флаконы, бусины, цепи, пуговицы, застёжки, обломки кинжалов, девять боевых топоров из меди. Эти предметы спеклись в аккуратный куб, из чего Шлиман заключил, что когда-то они были плотно уложены в деревянный ларь, который полностью истлел за прошедшие столетия.

Позднее, уже после смерти первооткрывателя, ученые установили, что эти «сокровища Приама» принадлежали вовсе не этому легендарному царю, а другому, который жил за тысячу лет до гомеровского персонажа. Впрочем, это никак не умаляет ценности сделанной Шлиманом находки – «сокровища Приама» являются уникальным по своей полноте и сохранности комплексом украшений эпохи бронзы, настоящим чудом древнего мира!

Как только ученый мир узнал о находках, разразился грандиозный скандал. Никто из «серьезных» археологов и слышать не хотел о Шлимане и его сокровищах. Книги Шлимана «Троянские древности» (1874) и «Илион. Город и земля троянцев. Исследования и открытия на земле Трои» (1881) вызвали в научном мире взрыв возмущения. Уильям М. Колдер, профессор античной филологии университета штата Колорадо (США), назвал Шлимана «дерзким фантазером и лжецом». Профессор Бернхард Штарк из Иены (Германия) заявил, что открытия Шлимана не более чем «шарлатанство»...

Действительно, Шлиман был археологом по призванию, но не обладал достаточными знаниями, и многие ученые до сих пор не могут простить ему его ошибок и заблуждений. Однако, как бы то ни было, именно

Шлиман открыл для науки новый, до сих пор не известный мир, и именно он положил начало изучению эгейской культуры.

Микены и Тиринф

«Златообильные» Микены... Легендарный город, где правил победитель троянцев, «владыка мужей» царь Агамемнон. Именно сюда, следуя указаниям Гомера, отправился Генрих Шлиман после того, как раскопал на Гиссарлыкском холме руины древней Трои. И снова ариаднина нить легенд не подвела его...

В 1876 году Шлиман приступает к раскопкам в Микенах. В 1880 году он открывает сокровищницу царя Минии в Орхомене. В 1884 году он начинает раскопки в Тиринфе... Так шаг за шагом из глубины времен стали проступать и приобретать очертания древняя цивилизация, которая до этого была известна только из «сказок» слепого Гомера. Эта цивилизация была распространена на всем восточном берегу Греции и на островах Эгейского моря, а ее центр, вероятно, находился на острове Крит. Шлиман обнаружил только ее первые следы, но открыть ее истинные масштабы было суждено Артуру Эвансу.

Троя, судя по описаниям Гомера, была очень богатым городом. Микены были еще богаче. Именно сюда Агамемнон и его воины доставили богатую троянскую добычу. И где-то здесь, по мнению некоторых античных писателей, находилась гробница легендарного царя Агамемнона и его друзей, убитых вместе с ним.

В отличие от Трои задача Шлимана здесь во многом облегчалась тем, что Микены не нужно было искать. Место, где находился древний город, было видно совершенно отчетливо: остатки огромных сооружений вырисовывались на вершине господствующего над окружающей местностью холма. Непрístupный акрополь Микен защищали стены протяженностью 900 м и толщиной от 6 до 10 м. Они сложены из огромных, весом в 5–6 т, грубо отесанных глыб. Перед главным входом во дворец – «Львиными воротами» – до сих пор в изумлении застывают все, кому довелось их увидеть. Это грандиозное сооружение как будто воплотило в себе несокрушимую мощь Микенского государства.

Ворота, сложенные из четырех огромных монолитов, украшает

треугольная плита с рельефными изображениями двух львиц, охраняющих вход во дворец. В центре плиты высится колонна – священный символ микенских царей.

От ворот дорога поднимается на вершину холма, где некогда располагался царский дворец. В его центре был устроен мегарон – пиршественный зал размерами 12 × 13 м, с очагом посередине. По сторонам очага стояли четыре колонны, поддерживавшие крышу с отверстием для выхода дыма. Вокруг мегарона располагались жилые комнаты, кладовые, коридоры и ванны.

Шлиману удалось найти и исследовать девять купольных гробниц (в свое время их принимали за печи для выпечки хлеба). Самая известная из них носила название «Сокровищница Атрея» – по имени отца Агамемнона. Это было подземное куполообразное помещение высотой более тринадцати метров, своды которого были сложены из огромных камней, держащихся лишь силой собственной тяжести. Гробница глубоко врезана в склон холма, к ней ведет открытый коридор – «дромос», длиной 36 м и шириной 6 м. Десятиметровой высоты вход в гробницу когда-то украшали колонны из зеленого известняка и облицовка из красного порфира. Внутри – круглое помещение диаметром 14,5 м, перекрытое куполом диаметром 13,2 м. «Сокровищница Атрея» вплоть до сооружения римского Пантеона (II в. н. э.) являлась самым большим купольным сооружением древнего мира.

Греки верили, что эта гробница – хранилище несметных богатств микенских царей: Пелопса, Атрея и Агамемнона. Однако поиски Шлимана показали, что все девять гробниц в Микенах были разграблены еще в древние времена. Где же скрываются сокровища Агамемнона?

Найти эти сокровища Шлиману помог древнегреческий географ Павсаний, автор «Описания Эллады». В его тексте Шлиман отыскал одно место, которое считал неверно переведенным и неверно интерпретированным. И именно это указание стало отправной точкой поисков.

«Я приступил к этой большой работе 7 августа 1876 года вместе с 63 рабочими, – писал Шлиман. – Начиная с 19 августа в моем распоряжении находились в среднем 125 человек и четыре телеги, и мне удалось добиться неплохих результатов».

«Неплохими результатами» Шлиман называет пять шахтовых гробниц, относящихся к XVI веку до н. э. и расположенных вне крепостных стен. Уже первые находки, сделанные здесь, намного превзошли своим изяществом и красотой аналогичные находки Шлимана в Трое: обломки скульптурных фриз, расписные вазы, терракотовые статуэтки богини

Геры, формы для отливки украшений, глазурованная керамика, стеклянные бусы, геммы...

У Шлимана отпали последние сомнения. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон, Кассандра и их спутники».

6 декабря 1876 года была вскрыта первая могила. В течение двадцати пяти дней жена Шлимана Софья, его неутомимая помощница, рыхлила землю ножом и просеивала ее руками. В могилах были найдены останки пятнадцати человек. Они были буквально засыпаны драгоценностями и золотом, дорогим оружием. В то же время имелись совершенно явные следы поспешного сожжения тел. Те, кто хоронили их, даже не дали себе труда дожидаться, пока огонь полностью сделает свое дело: они просто забросали полусожженные трупы землей и галькой с поспешностью убийц, которые хотят замести свои следы. И хотя драгоценные украшения свидетельствовали о соблюдении погребального ритуала того времени, могилы имели такой откровенно неприличный вид, который мог уготовить своей жертве только ненавидящий ее убийца. Этот факт перекликается с древним преданием об убийстве Агамемнона его неверной женой Клитемнестрой.

«Я открыл для археологии совершенно новый мир, о котором никто даже и не подозревал», – писал Шлиман. Клад, найденный им в гробницах микенских владык, был огромен. Лишь много позже, уже в XX столетии, его превзошла знаменитая находка гробницы Тутанхамона в Египте.

В первой могиле Шлиман насчитал пятнадцать золотых диадем – по пять на каждом из усопших; там же были обнаружены золотые лавровые венки. В другой могиле, где лежали останки трех женщин, Шлиман собрал более 700 золотых пластинок с великолепным орнаментом из изображений животных, медуз, осьминогов, золотые украшения с изображением львов и других зверей, сражающихся воинов, украшения в форме львов и грифов, лежащих оленей и женщин с голубями. На одном из скелетов была золотая корона с 36 золотыми листками. Рядом лежала еще одна великолепная диадема с приставшими к ней остатками черепа.

В открытых им гробницах Шлиман нашел бесчисленное множество золотых украшений, украшения из горного хрусталя и агата, геммы из сардоникса и аметиста, секиры из позолоченного серебра с рукоятками из горного хрусталя, кубки и ларцы из чистого золота, выполненную из золота модель храма, золотого осьминога, золотые перстни с печатями, браслеты, тиары и пояса, 110 золотых цветов, около трехсот золотых пуговиц. Но

самое главное – он нашел золотые маски микенских царей и золотые нагрудные дощечки, которые должны были защищать усопших от врагов в потустороннем мире. Золотые маски запечатлели черты лиц древних владык Микен. Самая великолепная из них впоследствии получила название «маска Агамемнона». Впрочем, как и в случае с «кладом Приама», шлимановская датировка находок была неверна: не останки Агамемнона оказались в микенских гробницах – там были захоронены люди, жившие примерно на 400 лет раньше.

Вслед за Микенами Шлиман исследовал руины Тиринфа – города, считавшегося родиной Геракла. Его окружали такие же циклопические стены, что и в Микенах. Древнегреческий географ Павсаний сравнивал их с пирамидами. Рассказывали, что Проитос, легендарный правитель Тиринфа, призвал на помощь семь циклопов, которые и выстроили ему эти стены, отчего этот тип кладки (огромные глыбы без соединяющего их раствора и держащиеся только за счет своего веса) получил название циклопической. Впоследствии такие же стены были сооружены в других городах, и прежде всего в Микенах.

Во время раскопок Тиринфа Шлиман наткнулся на стены дворца, превосходящего своими размерами все, когда-либо до этого виденное. Он возвышался на известняковой скале, словно средневековый замок. Стены его были выложены из каменных блоков длиной в два-три метра, высотой и толщиной в метр. В нижней части дворца, там, где находились хозяйственные постройки и конюшни, толщина стен составляла семь-восемь метров. Наверху, где жил правитель, стены достигали одиннадцати метров в толщину, высота их равнялась шестнадцати метрам.

До сих пор о планировке ахейских дворцов, относящихся к эпохе Троянской войны, ничего не было известно. В Тиринфе же миру явился настоящий «гомеровский» дворец с залами, колоннадами, мегароном и пропилеями. Здесь можно было увидеть остатки банного помещения (пол в нем заменяла цельная известняковая плита весом в 20 тонн) – того, в котором герои Гомера мылись и умащивали себя благовонными мазями. Все помещения дворца были побелены, а стены украшали расписные фризy, протянувшиеся на высоте человеческого роста.

Одна из росписей представляла особый интерес: на голубом фоне был изображен могучий бык. Бешеные глаза, вытянутый хвост свидетельствуют о дикой ярости животного. А на быке, держась за его рог, то ли подпрыгивает, то ли танцует человек... Знакомый мотив, берущий свое начало во дворцах Крита, Ассирии, Месопотамии и уходящий корнями в культуры древних земледельцев Анатолии и Ближнего Востока.

Своего наивысшего подъема Микены достигли между XVI и XIII веками до н. э. – параллельно с угасанием Крита. Но уже спустя сто лет, в середине XII века до н. э., Микенское государство было сметено нашествием с севера: дорийцы – народ, родственник ахейцам, но находившийся на более низкой стадии развития, огнем и мечом прошли по Пелопоннесу. Из всех центров микенской цивилизации перед первым натиском устоял только акрополь Микен, но и он пал в конце XII века до н. э.

Великое открытие сэра Артура Эванса

Остров Крит расположен в самой крайней точке огромной горной дуги, протянувшейся через Эгейское море к Малой Азии. Легенды и мифы Древней Греции прославили этот остров сказаниями о богах и героях, прекрасных царевнах и о первом полете человека в небо.

На Крите, в пещере горы Дикта, родился верховный бог Олимпа Зевс – сын «Великой матери» Реи. Она бежала сюда, спасая своего сына от людоеда-отца, титана Кроноса, пожравшего всех своих остальных сыновей из опасения, что один из них, согласно предсказанию, свергнет его.

Сюда, в обетованный цветущий край, перенес Зевс по морю, превратившись в златорогого быка, похищенную им красавицу Европу – дочь финикийского царя. И здесь, на Крите, Европа родила от Зевса сына – будущего правителя острова, Миноса.

Легенды рассказывают, что царь Минос был столь жесток и высокомерен, что боги в наказание послали ему сына-чудовище. Это чудовище явилось плодом не менее чудовищного греха, совершенного женой Миноса – Пасифаей. Она отличалась неслыханным сластолюбием. Зная это, бог морей Посейдон подослал к Пасифае белоснежного быка, от которого она и родила Минотавра, человека с бычьей головой, питавшегося человеческим мясом.

Минотавр жил в огромном дворце – Лабиринте, построенном на Крите знаменитым зодчим Дедалом, с бесчисленными коридорами, столь хитроумно запутанными, что ни один смертный, раз попав во дворец, уже не мог выйти оттуда и погибал в пасти Минотавра. Каждые девять лет жители заморских земель, подвластные Миносу, присылали семь юношей и семь девушек в жертву Минотавру.

Отважный герой Тесей, сын афинского царя Эгея, убил Минотавра и благополучно выбрался из Лабиринта с помощью клубка ниток, который дала ему влюбленная красавица Ариадна, дочь царя Миноса.

Бесчисленны художественные произведения, созданные на эти сюжеты и в античном мире, и в эпоху Ренессанса. Имена их героев стали нарицательными. И возможно, этим легендам так и суждено было остаться легендами, если бы однажды на Крит не приехал сорокалетний хранитель Оксфордского музея Артур Джон Эванс. Тогда, в 1900 году, он не знал, что пройдут годы, и он станет всемирно известным ученым, почетным и действительным членом всевозможных академий и обществ, имя которого на протяжении многих лет не будет сходить со страниц газет и журналов. Именно ему, Артуру Эвансу, за исключительные заслуги перед наукой получившему от английского короля титул сэра, суждено было открыть одну из величайших цивилизаций древности, получившую название крито-минойской.

В первый же день пребывания на острове Эванс посетил развалины города Кносса. Невдалеке от руин, относящихся к античному времени, он увидел бугры, которые, как подсказала ему интуиция ученого, таили в себе остатки каких-то древних строений.

23 марта 1900 года Эванс приступил к раскопкам. Он сам впоследствии говорил, что не надеялся на крупные открытия. Все, однако, обстояло иначе. Убедиться в этом Эвансу и его помощникам пришлось в течение ближайших нескольких дней.

Буквально через несколько часов в раскопе появились очертания древнего здания. Двумя неделями позже изумленный Эванс стоял перед остатками строений, покрывавших площадь в два с половиной гектара...

Сорок лет Эванс посвятил раскопкам на Крите, ибо поверил – и настолько, что заявил об этом публично, – что обнаруженное им здание – развалины легендарного Лабиринта. Шли годы, а работам все не было конца. Все новые и новые стены вырастали из-под земли, образуя причудливые переходы, сложную систему комнат, залов, внутренних двориков, световых колодцев, кладовых, и нельзя было предугадать, что откроет следующий взмах лопаты.

Сейчас в любом труде, посвященном истории Крита, можно увидеть детальный план этого «Дворца Миноса», сделанный в результате раскопок Эванса, его учеников и коллег. 16 тысяч кв. м составляла его площадь. В нем было множество залов, пристроек, кладовых, соединенных бесконечными лестницами, коридорами, переходами. Своей планировкой Кносский дворец напоминал дворцы в Тиринфе и Микенах, более того – находился с ними в явном родстве, несмотря на то что внешне весьма от них отличался. В то же время его гигантские размеры и роскошь подчеркивали, что Тиринф и Микены могли быть только второстепенными городами, далекой провинцией.

...Когда рабочие раскопали небольшое помещение, где было устроено углубление в три метра длиной и два метра шириной, к которому вели вниз восемь ступеней, Эванс решил, что обнаружена ванная комната. Но рядом оказалось еще одно помещение, размерами примерно 4 × 6 м. С трех сторон в этой комнате у стен стояли каменные лавки, в четвертой стене – западной – была дверь, а возле обращенной на север стены археологи увидели нечто совсем неожиданное: высокий алебастровый трон – трон древнего правителя Крита!

Теперь можно было не сомневаться: они находились в самом центре дворца – в тронном зале царя Миноса.

Трон покоился на высеченных из камня стеблях каких-то растений, связанных в узел и образующих дугу. Он был весьма удобным: сиденье точно следовало формам человеческого тела. Высокая спинка с изображениями морских волн накрепко приделана к стене. На стене тронного зала находились изображения двух лежащих грифонов. Их лапы вытянуты вперед, головы гордо подняты. Между фигурами грифонов – гибкие стебли и цветы папируса.

Впоследствии Эванс восстановил Тронный зал. В таком частично восстановленном виде предстает ныне перед путешественниками Кносский дворец. Не дворец-крепость, а просто дворец – со всем великолепием, связанным с этим понятием.

Главным украшением дворцовых покоев была живопись. Стены залов покрывали великолепные фрески, краски которых остались спустя тысячелетия столь яркие и свежи, что, казалось, были нанесены лишь вчера. «Даже наши рабочие чувствовали их волшебное очарование», – писал Эванс. Эта живопись открывала дверь в совершенно новый, волнующий мир. Первыми среди народов, художественное творчество которых дошло до нас, критяне радостно залюбовались видимым миром – с восхищением, со страстным желанием запечатлеть его красоту.

Искусству Крита абсолютно чуждо прославление военных вождей и триумфаторов, здесь нет сцен кровавых битв и верениц пленников. Главная и единственная тема – мирная, цивилизованная жизнь. На фресках изображали юношей, собиравших на лугах крокусы и наполнявших ими вазы, и девушек среди лилий. У этих людей вполне европейское обличье. При этом мужчин было принято изображать с красновато-коричневой кожей, а женщин – с молочно-белой. Они танцуют в роскошных садах, пируют, держа в руках серебряные кубки и золотые чаши, оживленно беседуют, сидя в непринужденных позах на садовых скамейках. В их взорах и выражениях лиц – истинно французский шарм. «Парижанкой» назвал Артур Эванс одно из изображений молодой женщины, обнаруженное в Кносском дворце. Кажется невероятным, что эти люди жили несколько тысячелетий назад.

Еще одна любимая тема критских художников – море. Пленительны изображения летающих рыб, дельфинов, рыб – мотивы, почерпнутые из мира морских глубин. Эти мотивы очень часты и в живописи, и в замечательной критской керамике, как, например, в знаменитой «Вазе с осьминогом». Каждодневное созерцание моря, море как источник благ – все, что связано с морской стихией, нашло свое отражение в критском искусстве.

Среди многочисленных фресок, скульптур, рельефов один образ встречается с удивительным постоянством – образ быка.

Бык изображался на скульптурах и фресках, на сосудах, кольцах, в мелкой пластике, на изделиях из слоновой кости и глины, золота, серебра и бронзы. Сосуды для возлияний изготавливались в виде бычьих голов, а алтари украшались бычьими рогами. Фрески дворца в Кноссе запечатлели странный обычай, отголоски которого сохранились сегодня только в Испании и Португалии – игры с быком. Но действительно ли это была игра? А может быть, это – документальное свидетельство того, о чем повествует миф о Минотавре? Может быть, действительно существовал на Крите религиозный обряд, во время которого священному быку бросали на растерзание афинских юношей и девушек, и на этих фресках изображено жертвоприношение Минотавру, чье имя, возможно, буквально означало «бык Миноса»? А за этим кровавым ритуалом в окружении своих придворных наблюдал сам правитель Кносса с маской быка на лице...

Не является ли это доказательством того, что на Крите в какой-то период его истории был распространен древний земледельческий культ быка, ставшего прообразом Минотавра?

«Мы вступили в совершенно неизвестный мир, – писал Эванс. –

Каждый шаг вперед был шагом в неизвестное. Дворец затмил все то, что мы до этого знали о европейских древностях».

Сообщения о сенсационных раскопках на Крите появлялись во всех газетах и журналах Европы. Из непостижимых глубин тысячелетий вставала великая цивилизация – столь древняя, что уже для современников Гомера она была тысячелетней легендой. И когда Эванс по праву первооткрывателя дал этой цивилизации имя «минойская» – имя, взятое из легенды о царе Миносе, – никто не посмел оспорить его.

Сэр Артур Эванс умер в 1941 году в возрасте девяноста лет, заслужив признательность человечества открытием великой цивилизации, подлинно беспримерным по своему значению. Греческий миф повествует о том, что Европа была похищена быком-Зевсом от берегов Азии и увезена им на Крит. Ретроспективно Европа и Крит сходятся в одну точку: именно крито-минойская цивилизация стоит у истоков всей европейской культуры.

Древнейшие следы этой цивилизации прослеживаются еще на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. В конце III тысячелетия на острове появляются первые дворцы, а поселения становятся городами – первыми городами в Европе. Наиболее могущественным из них стал город Кносс на северном побережье острова. Именно в это время были заложены первые камни легендарного Лабиринта. И отныне почти на тысячелетие вся судьба не только Крита, но и большей части материковой Греции оказалась связанной с историей и судьбой этого гигантского дворца.

Кносский дворец был самым большим на Крите, но отнюдь не единственным. Примерно в 2000 году до н. э. в разных уголках Крита – Фесте, Малии, Гурнии – были воздвигнуты дворцы с большим числом комнат, со складскими помещениями, мастерскими. Стены дворцов украшали великолепные фрески. Владыки Крита имели мощный флот, надежно оберегавший подступы к острову, – только этим можно объяснить отсутствие крепостных стен вокруг критских дворцов и городов и сторожевых крепостей на побережье. Критский флот безраздельно господствовал в Средиземноморье, подчинив власти кносских царей «многие земли». Само географическое положение острова – между Европой, Северной Африкой и Малой Азией – отводило Криту значительную роль в международных торговых сношениях того времени.

Свой золотой век Крит переживает между 1600 и 1400 годами до н. э. Критская держава стояла в одном ряду с такими колоссами древнего мира, как Египетское, Хеттское и Вавилонское царства. Оказалось, что раскопанные Шлиманом циклопические крепости-города в материковой Греции – Микены и Тиринф, поразившие исследователей своим богатством

и мощью, первоначально были всего лишь провинциальными населенными пунктами минойской державы.

Казалось бы, ничто не могло поколебать могущество Крита. Но в конце II тысячелетия до н. э. происходит катастрофа – загадочная, до сих пор до конца не объясненная. В развалины превращаются города Кносс, Фест, Агия-Триада, Палекастро, Гурния. Одновременно, словно в один день, в один миг. От тысячелетиями копившейся мощи не осталось ничего. Великая империя пала – как Минотавр под мечом Тесея...

Проблема происхождения и гибели народа, населявшего Крит, и поныне остается загадкой для ученых. Кто же все-таки был создателем критской культуры, строителем дворцов? Кто жил на Крите до прихода греков?

Согласно Гомеру, остров населяли пять различных народов – критяне, кидоны, ахейцы, дорийцы, пеласги. По сведениям Геродота, критский царь Минос не был греком, однако Фукидид свидетельствует об обратном. Артур Эванс склонялся к гипотезе об африканско-ливийском происхождении населения Крита. Дерпфельд, бывший сотрудник Шлимана, предполагал, что критская культура зародилась в Финикии. Есть гипотеза о том, что предками критян являлись хетты, выходцы из Малой Азии, и критяне говорили на языке, близком к хеттскому, – то есть были индоевропейцами. Есть и прямо противоположная точка зрения – цивилизация Крита создана не индоевропейцами.

Нитью Ариадны, которая вывела бы из этого лабиринта, могла бы стать письменность. На Крите обнаружено несколько тысяч табличек со знаками линейного письма, в том числе архив Кносса. Эти знаки различны – существует линейное письмо «А», более древнее, и линейное письмо «Б», относящееся к XV–XIV векам до н. э. Последнее представляет собой тексты на греческом языке, записанные критскими знаками и в критской манере слогового письма. Это может означать только одно: в XV веке до н. э. Кноссом правили говорившие на греческом языке чужеземцы. Что касается линейного письма «А», то попытки его расшифровки до сих пор не увенчались успехом.

Возможно, что древнейшие жители Крита говорили на языке, который исследователи называют «минойским» и которые не был ни греческим, ни вообще индоевропейским и не состоял в родстве ни с одним из известных науке языков. Дополнительную сумятицу вносит еще один тип критского письма – иероглифический. Памятником этой письменности является знаменитый терракотовый диск диаметром в 15 см, найденный в 1908 году в одном из боковых строений дворца в Фесте. Уже более полусотни лет

тревожит он воображение ученых. На Фестском диске помещено более двухсот никому не понятных знаков, расположенных по спирали. Они разделены радиальными линиями на группы. Слова? Предложения? Надпись на диске, скорее всего, слоговая, то есть отдельные знаки обозначают слоги, а не буквы. При этом установлено, что знаки выдавлены с помощью специальных штампов. Неужели эти штампы изготовили только для одного-единственного диска?

Нет ответа.

Столь же неясным, как происхождение народа, населявшего Крит, и его письменности, предстает конец Критского царства. Он был неожидан и мгновенен. Что погубило великую цивилизацию? Землетрясение? Извержение вулкана? Вражеское нашествие? Ученые предлагают множество различных гипотез, по-разному объясняющих внезапную гибель могущественной островной державы.

Артур Эванс ясно различил три периода разрушения, с временным разрывом около 200 лет. Первая катастрофа произошла около 1700 года до н. э. Дворец в Кноссе был разрушен. Мы можем только гадать о причинах этого. Скорее всего, виновато землетрясение. Около 1600 года до н. э. жизнь вновь налаживается. Это было время второго, главного периода расцвета Крита. Из руин восстанавливаются старые дворцы, они перестраиваются и улучшаются.

Спустя двести лет пришел конец. Буквально в одно мгновение произошло что-то ужасное. Едва ли не до основания были разрушены целые города. Весь остров лежал в развалинах. После этого удара Крит уже не поднялся.

Эванс считал, что разрушение Кносского дворца явилось следствием мощного природного катаклизма. При раскопках он обнаружил те же признаки внезапной и насильственной гибели и разрушения, какие были в Помпеях, погибших в результате извержения Везувия: брошенные орудия труда, оставшиеся незавершенными различные изделия и произведения искусства, внезапно прерванная домашняя работа.

Катастрофа произошла около 1400 года до н. э. (с разницей плюс-минус пятьдесят лет). Месяц, когда произошла катастрофа, ученые называют почти точно: конец апреля – начало мая. Определить это помогли следы пожара, обнаруженные на остатках стен критских зданий. Оказывается, в это время дул сильный ветер, который сносил дым пожарищ почти горизонтально к северу. Такой ветер на Крите дует только во второй половине апреля – начале мая.

Вероятно, города Крита были разрушены мощным землетрясением.

Как следствие этого, возник пожар. «Люди, – пишет Эванс, – были захвачены врасплох. Судя по следам, все произошло чрезвычайно быстро. Вот, к примеру, тронный зал кносского владыки. Он был найден в состоянии полнейшего беспорядка. В одном из углов лежал опрокинутый большой сосуд от масла, рядом нашлись какие-то культовые сосуды. Вероятно, царь поспешил сюда, чтобы в последний момент свершить какую-то религиозную церемонию. Но не успел ее, очевидно, закончить. Следы насильственно прерванной работы видны и в домах ремесленников, художников».

Еще в 1939 году греческий археолог Спиридон Маринатос высказал предположение о том, что главной причиной гибели минойской цивилизации стала редкая, гигантская по масштабам природная катастрофа. В 130 км к северу от Крита, в группе Кикладских островов, лежит маленький остров Тира (Санторин). Геологи уже давно установили, что в древности здесь произошло извержение вулкана, повлекшее за собой проникновение морской воды внутрь вулканического конуса и, наконец, колоссальной силы взрыв самого Санторина, уничтоживший большую часть острова. Это случилось около середины II тысячелетия до н. э. В результате пострадала значительная часть Эгейского архипелага, включая остров Крит. Мощная волна-цунами, вызванная взрывом, произвела ужасающие опустошения на побережье и уничтожила критский флот. И тогда на ослабленную страну с материка двинулись полчища завоевателей – греков-ахейцев. Они нанесли решающий удар критской культуре. Раскопки показали, что и в Кноссе, и в Фесте, и в других местах – везде были разрушены и сожжены дворцы и поселения.

В последние годы наука нашла новые доказательства в пользу того, что именно ахейцы завоевали Кносс. Можно предположить, что легендарная победа Тесея была символическим изображением победы, одержанной прибывшим с материка завоевателем, который разрушил дворец Миноса. Как бы то ни было, факт остается фактом: около 1400 года до н. э. крито-минойская цивилизация прекратила свое существование.

Дворцы и скульптуры, фрески и украшения, вся блестящая материальная культура, созданная крито-минойцами, дважды сыграла огромную роль в формировании европейской и мировой культуры.

В первый раз – в период своего расцвета, когда она стала началом, основой многого из того, что и поныне дорого всем нам, передав свои знания и искусство пришедшей ей на смену древнегреческой цивилизации.

Второй раз – когда археологи извлекли на свет погребенные веками и, казалось, навсегда забытые следы этой культуры, когда человечество было

внезапно потрясено высоким совершенством заново открытой древней культуры и как будто стало припоминать свою кровную связь с ней, то называя «парижанками» пленительных критянских женщин, изображенных на стенах Кносского дворца, то сопоставляя все лабиринты мира с Лабиринтом Минотавра...

Спиридон Маринатос и тайна острова Санторин

Этот небольшой остров, входящий в группу Кикладских островов, что на полпути от Крита к материковой Греции, в разное время носил разные имена. Сейчас его называют Санторин – по имени его небесной покровительницы, Святой Ирины. Древние греки именовали его Тира – «Земля». В древности его называли также Стронгили («Круглый») и Каллисте («Прекраснейший»).

У путешественника, подплывающего к острову Санторин, возникает ощущение, будто встающая перед ним величественная панорама создавалась какими-то потусторонними силами. В центре огромной лагуны, протянувшейся на десять километров с севера на юг и на семь – с востока на запад, дымятся два черных островка лавы. Отвесные скалы на востоке острова, напоминающего по форме полумесяц, поднимаются из воды на высоту почти триста метров. На столько же уходит вниз дно лагуны, так что на якорь тут не станешь. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: лагуна Санторина – это заполненный водой кратер огромного вулкана, а окаймляющие его острова – остатки некогда окружавшей кратер стены. Фактически судно пересекает огромную чашу все еще живого вулкана. Последнее его извержение произошло в 1956 году, в результате чего за одну минуту погибло две тысячи домов. Земля острова покрыта толстым слоем окаменевшего вулканического пепла и пемзы. Под этим слоем скрыты многочисленные свидетельства трагедий, разыгравшихся здесь в древности.

Этим загадочным островом ученые заинтересовались еще в XIX столетии. В 1866 году французский вулканолог Фуке исследовал Санторин и соседний островок Тирасию. В 1870 году другой французский ученый, археолог Горсей, провел на Санторине первые раскопки. Оба специалиста, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу: в эпоху бронзы на Тире-Санторине существовала весьма высокоразвитая для своего времени культура, но ее остатки теперь погребены под мощным слоем вулканического пепла. Какая же трагедия разыгралась здесь?

Исследования Фуке и Горсея показали, что то, что ныне представляет собой архипелаг разрозненных островков, в древности являлось единым островом, диаметр которого составлял около 18 километров. Его венчала конусообразная гора высотой 1500 метров – вулкан Санторин (сейчас пик Святого Ильи, его высота – 566 м). Раскопки Горсея обнаружили здесь

каменные орудия, расписную керамику, жернова, миски и ступы, выдолбленные из окаменевшей вулканической лавы. В некоторых сосудах уцелели остатки ячменных зерен, горох, чечевица. Были найдены кости коз и овец. Судя по находкам, древние жители Санторина пользовались гирями, знали меры веса и длины, умели возводить своды. В одном из раскопанных домов была обнаружена даже фресковая роспись.

Первые результаты исследований Санторина были обобщены в книге «Санторин и его извержения», опубликованной Фуке в 1879 году. Ученый утверждал, что в эпоху бронзового века на острове существовала высокоразвитая культура, которая погибла в результате одного или нескольких катастрофических извержений вулкана Санторин. Эти извержения в итоге разрушили и сам остров.

Это открытие, хотя и любопытное, не содержало в себе ничего сенсационного. Сенсация состоялась лишь много лет спустя, и ее появление связано с именем греческого археолога Спиридона Маринатоса.

Еще в 1932 году, когда Маринатос был хранителем древностей на Крите, он предпринял первые самостоятельные раскопки на этом острове. Он нашел остатки древней виллы, украшенной когда-то великолепными фресками. Внимание археолога привлекли огромные каменные блоки, какой-то циклопической силой сорванные с места. Среди развалин строения, которое некогда было сложено из этих плит, ученый обнаружил толстый слой пемзы.

Пемза, как известно, является продуктом вулканических извержений. Следовательно, если здание засыпало пемзой, то это могло явиться только результатом извержения. Но на Крите нет и никогда не было действующих вулканов. Ближайший же находился только на острове Санторин...

Сэр Артур Эванс, открывший миру великую крито-минойскую цивилизацию, считал, что могуществу Крита положила конец какая-то грандиознейшая катастрофа – например, землетрясение. С этого времени начался упадок Крита. А что, если это было не землетрясение?

После соответствующих анализов и консультаций с геологами Маринатос выдвинул предположение, что вулканические осадки попали на Крит в результате извержения на острове Тира, и катастрофа, которая привела к гибели критскую державу, вероятно, связана именно с этим колоссальным по своим масштабам извержением.

«Честно говоря, – писал Маринатос впоследствии, – у меня не было иллюзий насчет того, что новая гипотеза будет принята на веру, без достаточно весомых доказательств». Требовалось найти факты, подтверждающие достоверность этих предположений. И Спиридон Маринатос нашел их.

Ученый был убежден, что тайну гибели крито-минойской цивилизации надо искать на Санторине. В 1967 году, после трех лет разведок и пробных

шурфовок, Маринатос приступил к раскопкам крупного древнего поселения, расположенного на южной оконечности Санторина, близ современного селения Акротери.

«Осенними и зимними утрами из Акротери виден берег Крита – не просто Крита, а матери цивилизации, частью которой была и колония на Тире! Как же тут было промолчать интуиции? Конечно, надо начинать раскопки на юге острова!» – писал Маринатос.

Уже через несколько часов работы в руки археологов попали первые черепки явно критского происхождения, а затем из-под земли стали появляться внутренние стены разрушенного дома. Толстый слой белого вулканического пепла, как саван, покрывал развалины. В толще пемзы и окаменевшего пепла вертикально торчал обуглившийся ствол дерева – оно было живым в тот миг, когда его залила раскаленная лава...

Так состоялось второе важнейшее открытие в истории крито-минойской цивилизации. Маринатос обнаружил остатки настоящих минойских «Помпей»: руины каменных жилых домов, дворцов и святилищ II тысячелетия до н. э., погребенных под слоем вулканического пепла и пемзы толщиной до пяти с половиной метров. Это был город с населением в 30 тысяч человек, со зданиями в два-три этажа, с отопительной системой, использовавшей теплые воды вулканического острова, с многочисленными мастерскими и складами. Большая часть этого города после катастрофического извержения вулкана погрузилась в море...

Чем дальше вели раскопки археологи, тем яснее вырисовывались перед ними улицы древнего города. Дома здесь напоминали критские постройки: удобные, просторные, с большими окнами, с ванными комнатами, всячески украшенные. Некоторые дома имели вестибюли со скамьями, были и дома с лоджиями.

Высокие оштукатуренные коридоры вели во внутренние комнаты со множеством выступов и ниш. Помимо жилых покоев, здесь были кухни с угловыми печами, посудными шкафчиками, кадками, большими глиняными ларями. В одном из домов археологи нашли целый набор совершенно целой расписной глиняной посуды – вазы, тарелки, кувшины. В другом доме были найдены обломки ткацкого станка.

Но все находки, сделанные на Санторине, бледнеют в сравнении с фресками, открытыми при расчистке одного из зданий, общая площадь которых составила 13,5 кв. м. Написанные яркими, даже спустя три с половиной тысячи лет не потерявшими своей первозданной свежести красками, эти фрески, без всякого сомнения, превосходят все то, что до сих пор было обнаружено в районе Средиземноморья. Одну из них назвали

«Фреска принцев». На ней изображены боксирующие юноши, их черные волосы свисают длинными прядями из-под голубых головных уборов. Некоторые исследователи считают, что эта фреска создана месопотамским художником, так как на Крите никогда еще не находили изображений голубых головных уборов, а клинописные шумерские таблички предписывали, чтобы волосы высокородной знати всегда изображались ляпис-лазурью.

На одной из фресок Санторина изображены пальма и голова юноши-африканца, на другом – синяя обезьяна. Как выразился профессор Маринатос, «обреченный народ Санторина обладал несомненным даром создавать божественные произведения здесь, на земле».

Как установили раскопки Маринатоса, культура минойского Крита была тесным образом связана с культурой Кикладских островов. Капитаны древних судов грузили на Кикладах – своеобразном международном зерновом центре – пшеницу, обсидиан, медь, олово, искусно изготовленные кувшины и мраморные статуэтки. Керамика, сработанная на Кикладах в XVIII веке до н. э., была обнаружена во Франции и на острове Майорка, что рядом с Испанией.

Катастрофа разразилась около 1500 года до н. э. Весь центр Санторина взлетел в воздух, и море тотчас же ринулось внутрь зияющего кратера. К подземным толчкам присоединились раскаленный пепел и вулканическая пыль, сжигавшие все на своем пути. Огненный град, упавший на землю, превратил землю в необитаемую пустыню. В результате катаклизма образовалась гигантская волна-цунами, снесшая на своем пути все гавани и затопившая обширные районы Средиземноморского побережья.

Взрыв вулкана Санторин стал причиной одной из самых крупных природных катастроф в истории человечества. Судя по археологическим и геологическим данным, этот взрыв совпадает по времени с одной из величайших предполагаемых катастроф, случившихся в Древнем мире, – гибелью крито-минойской цивилизации. Работы ученых самых различных специальностей – археологов, геологов, вулканологов – позволили заключить, что последствия взрыва вулкана Санторин для Крита, расположенного всего в 130 километрах от него, были просто ужасны. Удар цунами пришелся в основном по северным и восточным берегам Крита. Был уничтожен критский флот, разрушены дворцы, города и деревни, мощный слой вулканического пепла покрыл некогда плодородные поля. Подсчитано, что это по крайней мере на десять лет вывело из оборота огромные площади сельскохозяйственных земель, в результате чего экономика Крита была полностью разрушена.

Итак, тайна гибели минойского Крита оказалась раскрыта. Но открытия профессора Маринатоса позволили ученым высказать и еще одно, дополнительное предположение: а не отразилась ли катастрофа, произошедшая в Восточном Средиземноморье около 1500 года до н. э., в знаменитом мифе Платона об Атлантиде?

Вокруг этого мифа всевозможными любителями «непознанного» наворочено и продолжает наворачиваться столько всяческой белиберды, что один из ученых еще в XIX веке сказал, что рассказы об Атлантиде представляют собой каталог человеческой глупости. Геологи и геофизики, многие годы со всем тщанием исследующие Мировой океан и, в частности, дно Атлантического океана, не обнаружили никаких вещественных доказательств существования Атлантиды. Точно так же не может быть и речи о какой-то «высокоразвитости» мнимой цивилизации «атлантов»: в мифе Платона речь идет всего лишь о цивилизации бронзового века, причем довольно архаичной и куда более отсталой, чем время самого Платона. Но ведь крито-минойская цивилизация была именно такова!

Еще в 1872 году французский ученый Луи Фигье, опираясь на открытия Фуке и Горсея, сделанные ими на Санторине, предположил, что платоновскую «Атлантиду» следует искать в Эгейском море. Вероятно, что прообразом Атлантиды мог послужить Санторин, часть которого действительно была «в один миг и один час» затоплена морем.

Эта гипотеза затем не раз появлялась на страницах печати и научных трудов в самых различных версиях. В 1913 году ее поддержал крупный английский археолог профессор Фрост, впервые использовавший в своей работе результаты раскопок Артура Эванса на Крите. Погибшая цивилизация «атлантов», подчеркивал Фрост, обнаруживает значительные черты сходства с культурой минойского Крита. После Второй мировой войны горячими сторонниками этой гипотезы стали многие греческие ученые, которые выступили с утверждением, что в рассказе об Атлантиде нашла свое отражение какая-то сильнейшая катастрофа, потрясшая все Восточное Средиземноморье и докатившаяся до Египта. Но такой катастрофой мог быть только взрыв вулкана Санторин!

Этой же версии придерживался и Спиридон Маринатос. Еще в 1948 году он выступил с докладом, в котором обосновывал мысль, что в основе платоновской легенды об Атлантиде лежат события, относящиеся к истории различных народов: «Исторические коллизии, стихийные бедствия, происходившие на протяжении добрых 900 лет (с 1500 до 600 г. до н. э.), оказались в основе единого исторического мифа».

После раскопок Маринатоса на Санторине эта теория получила еще

более широкую поддержку. В 1969 году в Лондоне почти одновременно вышли две монографии: «Гибель Атлантиды», принадлежащая перу океанографа Дж. Люса, и «Атлантида. За легендой – истина», написанная директором Афинского института сейсмологии А. Галанопулосом и известным английским археологом Э. Бэконом (последняя книга переведена на русский язык^[4]). В той и другой книгах были обобщены все имеющиеся на тот момент данные, относящиеся к прошлому и настоящему Санторина. Конечный вывод, к которому приходят авторы обеих книг, идентичен: очень похоже, что колоссальное извержение вулкана и последовавшие землетрясения и сильнейшие цунами нанесли смертельный удар минойскому Криту. И все эти события легли в основу платоновского мифа об Атлантиде.

Справедливости ради надо сказать, что эта гипотеза встретила и возражения у целого ряда специалистов. Мы не будем приводить все аргументы «за» и «против» – это выходит за рамки нашей книги. Важно другое – открытия профессора Маринатоса дали науке необыкновенно ценный и важный материал, проливающий свет на многие страницы человеческой истории, до этого казавшимися темными и загадочными. К сожалению, трагический случай оборвал жизнь этого выдающегося археолога: в 1974 году Спиридон Маринатос погиб во время раскопок, засыпанный неожиданно обвалившейся землей.

Возвращение в Олимпию

Олимпия расположена в северо-западной части полуострова Пелопоннес, в живописной долине реки Алфея, у подножия горы Кронос. Этот город издавна был известен как крупнейший религиозный центр Греции, где почитался культ Зевса Олимпийского. Храм с оракулом Зевса в Олимпии являлся одним из самых популярных и почитаемых святилищ Эллады. Само название Олимпия связано со священной горой Олимп – обиталищем богов.

В период расцвета Древней Греции Олимпия имела всеэллинское значение. К здешнему оракулу Зевса Олимпийского обращались за советом греки самых различных областей античного мира. С этим священным городом связаны имена многих древних историков, философов, ораторов – Сократа, Платона, Демосфена. Олимпия была своеобразным историческим архивом, хранящим свидетельства о многих крупнейших эллинских событиях. Но прежде всего слава этого города определялась проводившимися здесь с 776 года до н. э. раз в четыре года общегреческими спортивными состязаниями в честь Зевса – Олимпийскими играми, начало которых было положено в основу греческого летосчисления.

Слава Олимпии не угасала вплоть до крушения античной цивилизации. С принятием христианства Олимпия пришла в упадок. Последние Олимпийские игры состоялись здесь в 369 году. Известно имя их победителя – армянского принца Варздата. В 394 году игры были запрещены, а в 395 году н. э. Олимпия была разгромлена и разграблена готами Алариха. В 426 году остатки великолепных построек Олимпии были сожжены и разрушены по приказу византийского императора Феодосия II.

Памятники святилища разрушались не только людьми, но и природой. Губительные землетрясения в IV веке уничтожили храм Геры и каменные стены, защищавшие город от наводнений. Теперь ничто не сдерживало

стихию рек, и половодья стали регулярно уничтожать развалины храмов и спортивных сооружений, оставляя каждый раз толстые слои речных наносов. Постепенно руины Олимпии оказались скрытыми под шестиметровым слоем земли.

О существовании Олимпии люди знали из письменных источников и в Средние века, и в Новое время. Однако место, где находился этот священный город Эллады, в точности никто указать не мог. Некоторые ученые, исходя из чисто теоретических рассуждений, высказывали уверенность, что Олимпия располагалась у подножия горы Олимп. Поэтому неудивительно, что задача поисков Олимпии встала уже в первые годы зарождения археологической науки.

Еще в 1723 году французский историк Б. Монтфакон высказал мысль о больших ценностях, которые могут быть открыты в Олимпии. Но первые находки на месте этого древнего святилища были сделаны только в 1766 году, когда путешествовавший по Греции англичанин Ричард Чэндлер обнаружил вблизи горы Кронос фрагменты стен огромного храма и обломки капителей колонн. Жители окрестных деревень разбирали эти руины, используя камень для собственных строительных нужд.

Открытие Чэндлера вызвало большой интерес. К подножию горы Кронос зачастили ученые и путешественники из разных стран. В 1787 году француз Фавель впервые описал руины храма Зевса Олимпийского в том виде, в каком они тогда находились. В 1788 году Бартеlemi опубликовал первый план Олимпии. В 1811 году Олимпию осматривал большой знаток античных древностей англичанин Чарлз Коккерель, а в 1813 году был составлен новый, подробный план руин Олимпии.

В 1829 году французская экспедиция под руководством Дюбуа начала здесь первые раскопки. В развалинах храма Зевса археологи нашли обломки мраморных плит с изображениями коней Диомеда, быков Гериона, Геракла, борющегося с критским быком, фрагменты рельефов, посвященных победе Геракла над немейским львом и стимфалийскими птицами. Эти находки были отправлены в Лувр. После этого в исследовании Олимпии наступил сорокалетний перерыв.

В 1875–1881 годах раскопки Олимпии вели германские археологи Э. Курциус и Ф. Адлер. На протяжении шести лет сотни рабочих вскрывали огромную площадь, покрытую многовековыми наносами. Результаты превзошли все ожидания: сто тридцать мраморных статуй и барельефов, тринадцать тысяч бронзовых предметов, шесть тысяч монет, до тысячи надписей, тысячи глиняных изделий были извлечены из земли. Находок было так много, что в 1887 году в Олимпии был выстроен специальный

музей, где экспонируются произведения искусства, найденные в развалинах Олимпии.

После состоявшихся в 1896 году в Афинах первых Олимпийских игр интерес к Олимпии во всем мире резко начал расти. С 1906 года раскопки древнего города возобновились и продолжались с перерывами до 1929 года. Ими руководил видный немецкий археолог В. Дерпфельд, издавший в 1935 году книгу «Древняя Олимпия», ставшую итогом многолетних исследований.

Раскопки Олимпии велись и в последующие годы, они продолжают и в наши дни. Сегодня уже известно, что начало человеческой деятельности на территории Олимпии восходит к III тысячелетию до н. э. На месте святилища Зевса археологи нашли сосуды эпохи ранней бронзы. Однако остатков сооружений самого раннего периода Олимпии не сохранилось. Дошедший до наших дней архитектурный ансамбль Олимпии в основном сложился в VII–IV веках до н. э. На священном участке площадью около 3 га размещались главные святыни города – храм Зевса Олимпийского и святилище Герайон Пелопса.

Центром Олимпии являлся храм Зевса, сооруженный в 468–456 годах до н. э. архитектором Либом из Элиды. Его строительство связано с решающей победой греков над персами при Платеях (479 г. до н. э.) и принятой вслед за этим программой возрождения греческих святынь. Храм Зевса Олимпийского воплощал в себе один из лучших образцов греческого храма раннеклассического стиля.

Храм в Олимпии славился огромной хризоэлефантинной (из золота и слоновой кости) статуей Зевса работы великого скульптора Фидия. Слава этой статуи в античном мире была исключительно велика. Более шестидесяти писателей древности упоминали этот выдающийся памятник. В списке семи чудес света древности, составленном Антипатром Сидонским (II в. н. э.), ему отведено второе место.

Судьба этого произведения Фидия в точности неизвестна. В письменных источниках упоминания о нем встречаются до 384 года. После этого все сведения о Зевсе из Олимпии исчезают. По некоторым сведениям, статуя была перевезена в Константинополь. Византийский историк Кедрен сообщает, что статуя находилась в 175 году в одном из дворцов Константинополя и сгорела там при пожаре. В 426 году н. э. император Феодосий II издал эдикт об уничтожении языческих построек, и храм Зевса, как утверждают источники, был сожжен, а его остатки разрушены землетрясениями. Следов алтаря Зевса не нашли даже археологи. Зато в 1954 году им удалось сделать другую чрезвычайно интересную находку:

остатки мастерской, где Фидий работал над своей знаменитой статуей.

Мастерская скульптора располагалась в западной части святилища. Она отчасти повторяла план самого храма: двойной ряд колонн делил помещение на три нефа. Точно такими же, как в храме, были расположение мастерской относительно стран света и освещение статуи через дверной проем. Мощные фундаменты, способные выдержать огромную нагрузку, свидетельствуют, что стены мастерской по высоте не уступали стенам самого храма.

При раскопках в мастерской археологи нашли остатки не пошедшей в дело слоновой кости, обломки бронзы, небольшие кусочки золота и полудрагоценных камней. Здесь же была обнаружена глиняная форма-матрица высотой 38,5 см, по-видимому, предназначавшаяся для изготовления складок одежды Зевса. Но самым неоспоримым свидетельством присутствия здесь великого скульптора стал небольшой чернолаковый кувшинчик, на донце которого была процарапана надпись: «Я принадлежу Фидию».

В Олимпии открыто много значительных памятников исторического и художественного характера. Все они отличаются мощью и величием, суровой простотой и монументальной торжественностью. Почти все раскопанные объекты оставлены на месте и, хотя и полуразрушенные, ныне красуются под привычным для них небом, на той же земле, где они были созданы. Не исключено, впрочем, что пока не раскопанные участки еще таят множество интересных и важных открытий.

Помпеи и Геркуланум

«На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом...» – записывал римский историк Корнелий Тацит. Не только он, но и все его соотечественники были потрясены разыгравшейся в 79 году н. э. трагедией: несколько итальянских городов, в том числе цветущие Помпеи, погибли в результате извержения вулкана Везувий...

На протяжении многих столетий Везувий считался вполне мирным. Воспоминания об его извержениях давно отошли в область легенд и преданий. Вот уже долгие века Везувий не проявлял себя как действующий вулкан, и люди спокойно селились у его подножия. Так в VIII веке до н. э. здесь образовалось небольшое поселение, которое, как предполагают, принадлежало роду Помпеев, имя которых навсегда закрепилось за городом.

Несколько веков пролетело над Помпеями. Город расцветал и приходил в упадок, изведal многие невзгоды, но беда пришла оттуда, откуда никто не мог ожидать.

В полдень 5 февраля 62 года н. э. жители города неожиданно услышали зловещий гул. Затем один за другим последовали подземные толчки необычайной силы. Везувий проснулся. Это первое пробуждение вулкана не вызвало большой тревоги. Жители Помпей, не подозревая, что самое страшное еще впереди, строили и украшали свой город, занимались торговлей и наслаждались отдыхом в поросших оливковыми рощами окрестностях Везувия, который ни единым дымком еще не выдал своего пробуждения...

Утро 24 августа выдалось необычайно жарким. Солнце светило вовсю, но до того момента, когда день превратился в ночь, оставались уже считанные мгновения.

Внезапно землю потряс подземный толчок невероятной силы, сопровождавшийся оглушительным грохотом. Вершина Везувия раскололась на две части, из образовавшегося жерла поднялся огненный столб. В небо летели огонь, куски пемзы, пепел, камни, комья земли и шлака. Адский дым и пепел скрыли солнце. Со склонов Везувия хлынули потоки раскаленной грязи. Вылетавшие из жерла вулкана каменные бомбы разрушали дома, горячий пепел засыпал развалины.

Спустя сорок восемь часов там, где красовались города Помпей, Геркуланум, Стабии, расстилось серое и безжизненное поле. В радиусе восемнадцати километров все было уничтожено и покрыто пеплом. О восстановлении Помпей не могло быть и речи. В первое время после катастрофы уцелевшие жители возвращались на развалины, пытаясь отыскать уцелевшие имущество и погибших родных. По распоряжению властей несуществующего города на площади форума были раскопаны и унесены статуи богов и почетных граждан. Однако со временем пробиться сквозь отвердевшую породу становилось все более затруднительным. И через многие годы само имя Помпей было забыто, а на том месте, где стоял город, уже зеленели луга и цвели сады.

В XVII веке на руины Помпей случайно наткнулся итальянский инженер Доменико Фонтана. Он не сумел понять масштабов своей находки, и даже найденная им латинская надпись «Помпей» не убедила его: Фонтана полагал, что нашел всего лишь усадьбу римского полководца Помпея.

Раскопки погибших городов, погребенных под многометровым слоем вулканических выбросов, начались в 1738 году по инициативе неаполитанского короля Карла III и его супруги, королевы Марии-Амалии. Работами руководил испанец Рокко де Алькубиерре. Несколько позднее

руководство раскопками взял на себя маркиз дон Марчелло Венути, хранитель королевской библиотеки. На развалинах древнеримского театра, обнаруженного под двадцатиметровой толщей застывшей лавы, ему удалось найти три мраморные статуи одетых в тоги римлян, колонны и бронзовое изваяние коня. Текст одной из надписей сообщал имя открытого города: Геркуланум.

Спустя десять лет, 1 апреля 1748 года, первый удар заступа положил начало освобождению Помпей. Этот город находился на значительно меньшей глубине, чем его собрат по несчастью Геркуланум. Уже в первую неделю раскопок была найдена великолепная большая стенная роспись. 19 апреля исследователи наткнулись на первые свидетельства разыгравшейся здесь трагедии: скелет человека, погибшего во время извержения. Он лежал, вытянувшись в последнем отчаянном стремлении вырваться из объятий смерти, а из его рук, застывших в судорожной хватке, выкатилось несколько золотых и серебряных монет.

Надо сказать, что раскопки Алькубиерре и его современников, по существу, мало чем отличались от разграбления. «Археологи» того времени смотрели на руины древних городов как на своего рода карьеры по добыче произведений античного искусства. Первым человеком, выступившим против такого варварского метода и фактически заложившим основы археологии как науки, стал немецкий ученый Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1767).

Посетив Помпеи и Геркуланум, познакомившись с найденными там произведениями искусства, Винкельман решительно выступил против хищнических методов раскопок. В своем «Послании об открытиях в Геркулануме» (1762) он впервые выступил с разъяснением истинного значения подобных находок для истории и культуры. Спустя два года появился другой, главный, труд Винкельмана – «История искусства древности», где он впервые изложил историю развития античного искусства. Наконец, летом 1767 года в Риме была издана знаменитая работа Винкельмана «Неизвестные античные памятники» в двух томах. Книги Винкельмана положили основание научному исследованию древностей. Недаром день рождения Винкельмана – 9 декабря – отмечается как день рождения археологической науки.

Но пока молодая наука еще только-только начинала завоевывать себе место под солнцем, «гробокопатели» продолжали вести случайные и бессистемные раскопки Помпей. Только в 1807 году руководство исследованиями было поручено ученому – Михаилу Ардити. В последующие годы раскопки приобретали все более масштабный характер,

а в 1868 году город был объявлен историческим памятником и под руководством археолога Джузеппе Фиорелли началась его полная расчистка.

Через двенадцать лет из-под груд затвердевшего пепла появились целые кварталы домов с улицами и переулками. Итальянские ученые даже сумели восстановить многое из разрушенного, так как рухнувшие колонны и перекрытия лежали рядом с теми местами, где им полагалось быть. Пустоты от сгнивших деревянных конструкций заливали гипсом, и полученные таким образом слепки служили образцами для изготовления новых балок, которые устанавливались в старые гнезда.

Археологи обратили внимание на часто встречающиеся в слоях затвердевшего пепла пустоты. Когда их, по предложению Дж. Фиорелли, заполнили гипсом, они оказались точными слепками тел людей, погибших во время катастрофы. Засыпанные пеплом, их останки истлели со временем, образовав пустоты в форме человеческих тел. Места гибели, позы, в которых застыли погибшие, выражение их лиц, лежащие рядом предметы, останки домашних животных – все это помогло исследователям в мельчайших подробностях, вплоть до имен погибших, воссоздать реальную картину последних часов города.

Гипсовые отливки, запечатлевшие душераздирающие сцены «последнего дня Помпеи», сегодня можно увидеть в музее Помпей и среди реставрированных развалин города, который сегодня сам по себе является огромным музеем под открытым небом. На его улицах зримо оживает прошлое, и кажется, что вот-вот из-за ближайшего угла выйдут люди в римских тогах или отряд легионеров...

Широкие – от 7,5 до 9 м – улицы города вымощены лавовыми плитами. Вдоль улиц расставлены фонтаны, украшенные рельефами с изображениями различных богов. На перекрестках стоят алтари, на которых сохранились окаменевшие остатки последних жертвоприношений.

От древности до наших дней в различных центрах древнего мира хорошо сохранились храмы, гробницы, крепости. Но только в Помпеях и Геркулануме, засыпанных пеплом Везувия, почти полностью уцелели жилые дома, где протекала повседневная жизнь горожан: знатных патрициев, ремесленников и торговцев. Эти дома считаются самым ценным открытием в Помпеях.

В центре Помпей расположен величественный форум. Вокруг его колоссальной, вымощенной каменными плитами прямоугольной площади, окруженной с трех сторон колонным портиком, находятся главные общественные и культовые здания города: храм Юпитера, обращенный

позднее в Капитолий, крытый продуктовый рынок – мацеллум, святилище городских богов-ларов, базилика и храм Аполлона Стреловержца.

Главная святыня города – храм Капитолийской триады (Юпитера, Юноны и Минервы), построенный в середине II века до н. э. Его руины высятся на северной стороне форума. Фоном для них служит силуэт Везувия, принесшего городу столько бедствий. От некогда величественного храма сохранился массивный цоколь высотой 3 м, на котором стоят остатки колонн входного портика и стен. В храме стояла огромная статуя Юпитера, голова которой была найдена археологами и теперь хранится в Национальном музее в Неаполе.

Пожалуй, только в Помпеях сегодня воочию можно познакомиться с повседневным бытом горожан римской эпохи. Только здесь можно увидеть десятки и сотни мелочей, из которых складывалась их жизнь. Многие из этих мелочей узнаваемы, многие вызывают улыбку или недоумение, многие просто непонятны. Вот, например, выложенная из гальки на пороге дома надпись «Have!» («Здравствуй!»), приветствующая всякого входящего. Или мозаичное изображение рычащей собаки на цепи с надписью «Save canem» («Берегись собаки!»). Многие дома Помпей сегодня носят названия, данные им археологами по находкам, сделанным в этих постройках: дом Хирурга, к примеру, назван так по найденным здесь хирургическим инструментам, дом Лабиринта – по мозаике, изображающей борьбу Тесея с Минотавром в Лабиринте. Великолепные мозаики обнаружены во многих домах Помпей. Среди них наиболее известны мозаики «дома Фавна», названного так по бронзовой статуе танцующего фавна, установленной во внутреннем дворике. За свое долгое существование этот дом принадлежал нескольким владельцам, одним из которых был Публий Сулла, племянник знаменитого римского диктатора.

В некоторых домах Помпей сохранились росписи, относящиеся к разным периодам. Сюжеты большинства росписей взяты из древнегреческой мифологии, многие из них являются повторениями прославленных произведений греческой живописи, не сохранившихся до наших дней. Самым лучшим образцом помпейской живописи являются росписи виллы Мистерий. Эта вилла находится за пределами Помпей, в уединенном месте, на склоне холма, спускающегося к Неаполитанскому заливу. Как предполагают исследователи, хозяйкой виллы была жрица Диониса. Культ этого бога, в свое время весьма распространенный в Италии, был запрещен специальным указом римского сената. Вероятно, это обстоятельство побудило жрицу Диониса поселиться не в Помпеях, а в городском предместье, подальше от любопытных глаз и длинных языков.

Среди шестидесяти комнат ее роскошной виллы выделяется «Зал дионисийских мистерий». На его стенах изображен ритуал посвящения в таинства культа Диониса. В этих великолепных росписях представлено двадцать девять персонажей, среди которых, как считается, есть и портрет хозяйки виллы. Богатая палитра, необыкновенная светозарность и прочность красок до сих пор остается секретом помпейских живописцев.

Этруски раскрывают тайны

Это открытие, подобно многим другим, произошло совершенно случайно. Весной 1828 года некий тосканский крестьянин вышел пахать землю. Во время пахоты его бык, тянувший плуг, неожиданно по самое брюхо провалился в какую-то яму. Передние ноги быка были сломаны, и до слез расстроенному крестьянину не оставалось ничего другого, как сбегать домой за ружьем и пристрелить несчастное животное. Вытаскивая тушу быка из злополучной ямы, крестьянин обратил внимание на то, что провал был чрезвычайно глубок и расходился куда-то в стороны. Заинтересовавшись, он взялся за лопату...

К вечеру в его руках была целая гора драгоценностей: золотые вазы и кубки, массивные золотые серьги, кольца, браслеты. Таинственная яма оказалась древним захоронением. Открытие безвестного крестьянина послужило толчком к развитию настоящей «золотой лихорадки». Дело дошло до хозяина здешних мест – Люсьена Бонапарта, князя Канино, родного брата Наполеона Бонапарта. Разогнав всех самодельных кладоискателей, он взял дело в свои руки. За два года нанятые им специалисты вскрыли несколько сотен гробниц и извлекли из них около двух тысяч античных ваз, сотни золотых украшений, статуэток, сосудов, кубков, браслетов...

С этого, по сути, и началось научное изучение древностей этрусков – народа, чья блестящая культура во многом стала предшественницей Древнего Рима. Как оказалось, «сокровища Люсьена Бонапарта» были добыты в некрополе Вульчи – одного из самых богатых и значительных городов древней Этрурии. В последующие, 1830–1840 годы раскопками были открыты другие центры этрусской цивилизации – Тарквинии, Черветери, Кьюзи.

Раскопки в Тоскане вызвали интерес не только при европейских дворах, но и в среде ученых. Первыми исследователями этой полузабытой итальянской цивилизации стали французский археолог Ноэль де Вержер и его коллега итальянец Франсуа Тоскан. Нельзя сказать, что об этрусках наука того времени не знала совсем ничего. Еще римский император Клавдий написал историю этого народа, дошедшую до наших дней в довольно больших отрывках. В XV веке монах-доминиканец Аннио де

Виттербе написал «Историю этрусских древностей», а сто лет спустя ирландец Томас Демпстер выпустил в свет фундаментальнейший труд, содержащий свод всех сохранившихся от античности сведений об этрусках, перечень и описание известных в то время этрусских древностей. Этрускам был посвящен и ряд научных трудов, созданных учеными XVIII века. Тем не менее только после открытий в Тоскане этрусская цивилизация стала обретать плоть и кровь.

Сегодня взяты на учет, описаны, сфотографированы руины сотен этрусских построек, разысканы остатки этрусских городов, раскрыты и изучены огромные некрополи. Достаточно хорошо известна и история этрусков, и причины гибели их цивилизации. Не до конца ясно, пожалуй, лишь происхождение этого народа – по поводу него в научном мире еще продолжают споры.

Руины некрополей, остатки древних городских стен, фрески, кое-где древние горбатые каменные мостики и водосбросы, проделанные в скалах, остатки городских ворот можно увидеть и в других местах Центральной Италии. Античная Этрурия охватывала не только Тоскану, но и некоторые районы Умбрии и весь северный Лациум – территорию в 200 километров с севера на юг и примерно в 150 километров с запада на восток, между Тирренским морем, рекой Арно и Тибром. Этрусские города и поселения располагались и на прилегающих землях.

Более двух веков экономическим и политическим центром этрусской конфедерации являлся Вульчи. В 1820-х годах, во времена Люсьена Бонапарта, здесь насчитывалось около шести тысяч гробниц. Сейчас их сохранилось не более десятка – все остальные уничтожены кладоискателями. От самого города сохранились лишь остатки крепостной стены и полуразрушенный скальный храм. Чуть больше уцелело от города Вейи, где некогда располагался большой, широко известный в Италии храм. Вал, которым был окружен город, еще и сейчас кое-где угадывается. Этот город пришел в упадок уже к началу нашей эры, и современник императора Августа писал: «Некогда ты был могуществен, на твоей площади стоял золотой трон. А сейчас в твоих стенах слышен лишь звук пастушьего рожка, и там, где лежат твои мертвые, собирают урожай злаков».

В свое время сенсацией стало открытие «этрусских Помпей» – города Спины, адриатического порта этрусков, погребенного под многометровыми наносами песка и ила. О том, что этот город некогда существовал, было известно давно. Товары сюда стекались чуть ли не со всех концов тогдашнего мира: с Балтийского моря доставляли янтарь, с Востока – ткани, домашнюю утварь, оливковое масло, египетское дерево, благовония.

Этрурия вывозила через Спину вино, хлеб, железные и бронзовые изделия.

В древности порт располагался в трех километрах от моря, с которым его соединял канал, прорытый в русле одного из рукавов реки По. Однако постепенно песчаные наносы и отложения ила заставили море отступить. Город стал угасать. К I веку н. э. Спина, затянутая болотами и занесенная илом, исчезла.

Мало кто из археологов верил, что удастся когда-нибудь разыскать Спину. И тем не менее город был найден, и произошло это благодаря упорству итальянского археолога Нерео Альфиери. На поиски Спины ушло более тридцати лет. Еще в 1922 году в дельте реки По, в болотах Комаккио, был случайно найден греко-этрuscoский некрополь. Можно было предполагать, что неподалеку находится и сам город. Поиски велись вплоть до 1935 года. Было найдено более тысячи захоронений, но города так и не нашли. Прерванные из-за обострения международной обстановки и начавшейся войны поиски возобновились в 1953 году и спустя три года увенчались успехом: Спина была все-таки найдена!

Руины города занимали площадь примерно в 350 гектаров. Первые же раскопки дали замечательные результаты. Были найдены фундаменты домов, тысячи расписных ваз, в основном греческих, сосуды, относящиеся к V веку до н. э. В 1955–1958 годах Нерео Альфиери вскрыл в Комаккио две тысячи могил, впоследствии их число дошло до четырех тысяч.

В противоборстве с греками, умбрами, лигурами, сабинами и другими племенами, населявшими Италию, этрусское государство наращивало свою мощь. И к середине V века до н. э. лишь Карфаген да материковая Греция – страны, лежавшие далеко от его границ, оставались для него реальными соперниками. И вряд ли правители Этрурии могли предполагать тогда, что главным, смертельно опасным ее соперником станет один из ее собственных городов: отнюдь не самый значительный и не самый большой. Четыре века спустя Рим превратится в грозное государство и захватит все Апеннины...

Влияние этрусков на Рим несомненно. Искусные металлурги, судостроители, торговцы и пираты, они плавали по всему Средиземноморью, усваивали традиции различных народов, создавая при этом свою высокую и своеобразную культуру. Мы знаем, что изобретательскому таланту этрусков римляне обязаны многим в гидравлике, в ирригации, что этруски изобрели якорь и что легион, знаменитая боевая единица римлян, был известен уже этрускам. Именно у них римляне заимствовали архитектуру храмов с облицовкой, ремесленную технику, практику строительства городов, тайные науки жрецов-

гаруспиков, гадавших по печени жертвенных животных, вспышке молнии и удару грома, и даже обычай отмечать победу полководцев триумфом. В Этрурию посылали учиться юношей из знатных семей, через Этрурию проникали в Рим греческие культы и мифы. И традиции этрусской культуры сыграли немаловажную роль в формировании культуры Древнего Рима.

Иран и Средняя Азия

Сузы, столица мира

Обширная плодородная долина рек Карун и Керха, расположенная на юго-западе современного Ирана, в древности носила название Сузиана, а вся эта страна называлась Эламом. Элам – один из очагов древнейших земледельческих культур. Уже на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. жители долины Каруна и Керхи выращивали ячмень и пшеницу-эммер. Окрестные горы были богаты строительным лесом и металлами, жители горных районов разводили скот. Через долину пролегли важнейшие торговые пути, соединявшие Элам с Двуречьем, с Северным и Восточным Ираном. И неудивительно, что возникший в этом благословенном краю, на пересечении торговых путей город Сузы вскоре стал столицей Элама и одним из крупнейших центров Древнего Востока.

Правитель Суз носил титул суккалмах – «великий посланец». Роскошные дворцы эламских суккалмахов возвышались на «акрополе» – искусственном холме, расположенном к северо-западу от Суз, на берегу Керхи. Этот гигантский «акрополь» был на 33 м выше уровня реки и на 6 м выше остального города. Отсюда суккалмах правил страной, опираясь на ниспосланные богами законы. А богов в эламском пантеоне было немало – только в одном из текстов, относящимся к XXIII веку до н. э., приведены имена 37 эламских божеств. Главным религиозным центром страны, местом обитания богов, также являлись Сузы.

Первоначально, как и у многих других раннеземледельческих народов, верховным божеством эламитов была Великая богиня-мать – они называли ее Пинекир. Покровителем Суз считался Иншушинак – темный бог преисподней. К середине II тысячелетия до н. э. главенствующее положение в эламском пантеоне занял бог Хумбан. А солнечный бог Наххунте, создатель дня, был небесным судьей, каравшим за неисполнение законов, данных богами...

Обо всем этом, а также о многом другом мы сегодня знаем благодаря многочисленным находкам текстов на эламском языке. Эламиты еще в начале III тысячелетия до н. э. изобрели собственное пиктографическое (рисуночное) письмо. Оно состояло из приблизительно 150 основных знаков, передававших целые слова и понятия, и оставалось в употреблении более 400 лет. Таблички с этим письмом – так называемым протоэламским

– найдены не только в Сузах и на территории Элама, но и далеко за его пределами – в Центральном и Юго-Восточном Иране, в Месопотамии. Это свидетельствует о широком распространении эламской культуры. Однако протоэламская письменность пока еще не расшифрована. Зато прочитаны эламские тексты, написанные другим письмом – так называемым линейным. Эта письменность возникла в Эламе во второй половине III тысячелетия, причем независимо от протоэламской. Она состояла из более чем 800 знаков, каждый из которых обозначал не слово, а слог. Материалом для письма служили камень, глина и металл. С конца III тысячелетия до н. э. эламиты также пользовались шумеро-аккадской клинописью.

История Элама была тесно связана с историей Месопотамии. В этой истории было всякое: кровопролитные войны, мирные договоры, и всегда – оживленные торговые и культурные связи. Случалось так, что Элам на какое-то время терял независимость и подпадал под власть правителей Двуречья, а случалось и наоборот – эламиты вторгались в Месопотамию и превращали тамошние города в прах. В середине XIV века до н. э. Элам был надолго завоеван вавилонянами. Однако около 1180 года до н. э. эламский царь Шутрук-Наххунте I восстановил независимость страны и, совершив победоносный поход в Вавилонию, разграбил ее города и увез оттуда в Сузы богатую добычу. Именно тогда эламиты перетащили из побежденного Вавилона ныне знаменитую стелу с текстами законов царя Хаммурапи, которая в самом начале XX столетия была обнаружена французскими археологами. Этот поход на Вавилон ознаменовал начало периода наивысшего расцвета Элама. Власть эламских царей простиралась от Персидского залива на юге до нынешнего иранского города Хамадан на севере. Однако в VIII веке до н. э. Элам в качестве союзника вавилонян оказался втянутым в бесконечные войны с ассирийцами. В ходе этих войн страна была обескровлена и в 642 году до н. э. понесла окончательное поражение. Сузы были захвачены ассирийцами и подверглись жестокому разгрому.

История Элама на этом фактически завершилась. Но – не история Суз!

«Вот дворец, который я построил в Сузах. Украшения его издалека доставлены. Земля была вырыта глубоко, пока я не достиг скального грунта. Когда [земля] была вырыта, был насыпан гравий, в некоторых [местах] 40 локтей в глубину, в других – 20 локтей в глубину. На этом гравии дворец сооружен. Земля была вырыта глубоко, гравий засыпан, сырцовый кирпич формован – вавилонский народ [все это] сделал.

Кедр доставлен с горы Ливан. Ассирийский народ доставил его до Вавилона, в Сузы его доставили карийцы и ионийцы. Тиковое дерево было

доставлено из Гандхары и Кармании. Золото, которое здесь использовано, доставлено из Лидии и Бактрии. Самоцветы, лазурит и сердолик, которые использованы здесь, доставлены из Согдианы. Бирюза, которая использована здесь, доставлена из Хорезма. Серебро и эбеновое дерево, употребленные здесь, доставлены из Египта. Украшения для стен доставлены из Ионии. Слоновая кость, которая использована здесь, доставлена из Эфиопии (Куш), Индии и Арахосии. Каменные колонны, которые здесь использованы, доставлены из селения Абираду в Эламе. Работники, которые тесали камень, были ионийцы и лидийцы. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидийцы и египтяне. Люди, которые инкрустировали дерево, были мидийцы и египтяне. Люди, которые формовали обожженный кирпич, были вавилоняне. Люди, которые украшали стену, были мидийцы и египтяне.

Говорит Дарий царь: в Сузах великолепное [дело] ведено было совершить [и] великолепным оно стало. Пусть Ахура-Мазда хранит меня и Вишtasпу, отца моего, и мою страну».

Это – текст строительной надписи, в которой персидский царь Дария I рассказывает о сооружении своего дворца в Сузах. Раскопки французского археолога Р. Гиршмана показали, что этот дворец был построен между 518–512 годами – спустя три десятилетия после того, как Сузы и весь Элам были захвачены персами. Царь Дарий I избрал Сузы столицей Ахеменидской державы – вероятно, памятуя о той славе, которой этот город пользовался в древние времена. И хотя персидский царский двор был «кочующим» – осень и зиму он проводил в Вавилоне, лето – в Экбатанах, весну – в Сузах, а время больших праздников – в Пасаргадах и Персеполе, весь центральный аппарат государственного управления находился в Сузах. Густая сеть дорог связывала Сузы со всеми провинциями-сатрапиями огромной империи. Персидские клинописные документы, относящиеся к рубежу VI–V веков, содержат обильную информацию о том, как из Суз во все области страны, от Египта до Индии, посылали гонцов с распоряжениями верховной власти. Сюда же, в Сузы, приходили все донесения, адресованные царю.

По свидетельству Страбона, каждый персидский царь строил в Сузах свой собственный дворец. Важную информацию о комплексе дворцовых зданий в Сузах содержит библейская «Книга Эсфирь», в которой упоминаются «внутренний двор», «дом царя» (царские покои), «дом женщин» (гарем). «Книга Эсфирь» сообщает также, что пол царского дворца в Сузах был вымощен красным, белым, черным и желтым мрамором.

В конце XIX века французским археологам предоставилась возможность проверить достоверность сообщений древних авторов. В 1884–1886 годах супруги Делафор вели раскопки на развалинах дворца царя Артаксеркса II в Сузах. Их находки – руины монументального дворца с прекрасными скульптурами и фризами, изображающими львов, – вызвали большой энтузиазм в научной среде. В 1897–1898 годах французский археолог Жак де Морган и его коллега Р. де Мекенем начали раскапывать «акрополь» в Сузах. Им удалось обнаружить культурные слои самого раннего периода существования Суз, относящиеся к началу III тысячелетия до н. э., а также установить ту степень разрушений, которым Сузы подверглись в VII веке до н. э. во время нашествия ассирийцев. Одной из главных находок археологов стали развалины огромного дворца Дария I – того самого, который строили мастера из семи стран и для которого двадцать стран тогдашней ойкумены прислали лучшие произведения своей земли.

Раскопки французских археологов в Сузах продолжались с перерывами более восьмидесяти лет. Но лишь к сезону 1973/1974 года окончательно прояснился план огромного комплекса ахеменидского периода: монументальные пропилеи, внутренний двор, царский дворец, приемный зал (ападана). Это огромное строительство, начатое при Дарии I, было завершено его преемником Ксерксом.

Раскопки показали, что дворец Дария стоял на прямоугольной террасе размером 400 × 260 м и занимал площадь 250 × 150 м. В нем было 110 комнат, коридоров и дворов, общая площадь которых составляла 20 675 кв. м. Их стены украшали обширные панно из глазурованных кирпичей с изображением воинов, различных животных и мифологических существ. К царским покоям примыкал огромный парадный зал – ападана, построенный по распоряжению Дария I, чтобы устраивать здесь торжественные приемы сановников и чужеземных послов. Потолок зала поддерживали шесть рядов колонн, вершины которых были украшены капителями в виде бычьих голов.

Развалины ападаны, занимавшей площадь 10 434 кв. м, были раскопаны и обследованы французскими учеными еще в 1890-х годах. А в сезоне 1969/70 года археологи нашли две таблички из серого мрамора с надписями, рассказывающими о сооружении ападаны: сначала был снят слой почвы до скального грунта, затем выровнена площадка для фундамента, на котором был возведен дворец из кирпича с каменными проемами дверей и окон и прочими деталями. Царская сокровищница, царские склады и мастерские располагались к югу от дворца. Все

дворцовые здания были окружены мощной стеной из сырцового кирпича. Монументально оформленный парадный вход – пропилеи – находился в восточной части террасы. Именно здесь в декабре 1972 года была найдена статуя Дария I.

Ее высота составляет 3,5 м. Голова не сохранилась, но высеченные на пьедестале надписи на трех языках – древнеперсидском, эламском и аккадском – исчерпывающим образом объясняют, кому посвящена статуя. Эту скульптуру изготовили в Египте тамошние мастера из местного камня, и она имела магическую цель гарантировать Дарию вечные благодеяния со стороны египетских богов. Царь изображен в образе египетского бога Атума, но в церемониальном персидском костюме. На пьедестале спереди и сзади выбита типичная для египетских статуй композиция – фигуры плодородия, а по сторонам – изображения коленопреклоненных представителей различных народов Ахеменидской державы (всего – 24 фигуры). У каждой из них в картуше египетскими иероглифами обозначено название народа. Первоначально эта статуя, вероятно, украшала один из египетских храмов в Гелиополе, а позднее ее по приказу Ксеркса перевезли в Сузы – город, который Дарий I когда-то сделал «столицей мира» и чьи развалины напоминают нам сегодня о бренности всех «вечных» и «тысячелетних» империй.

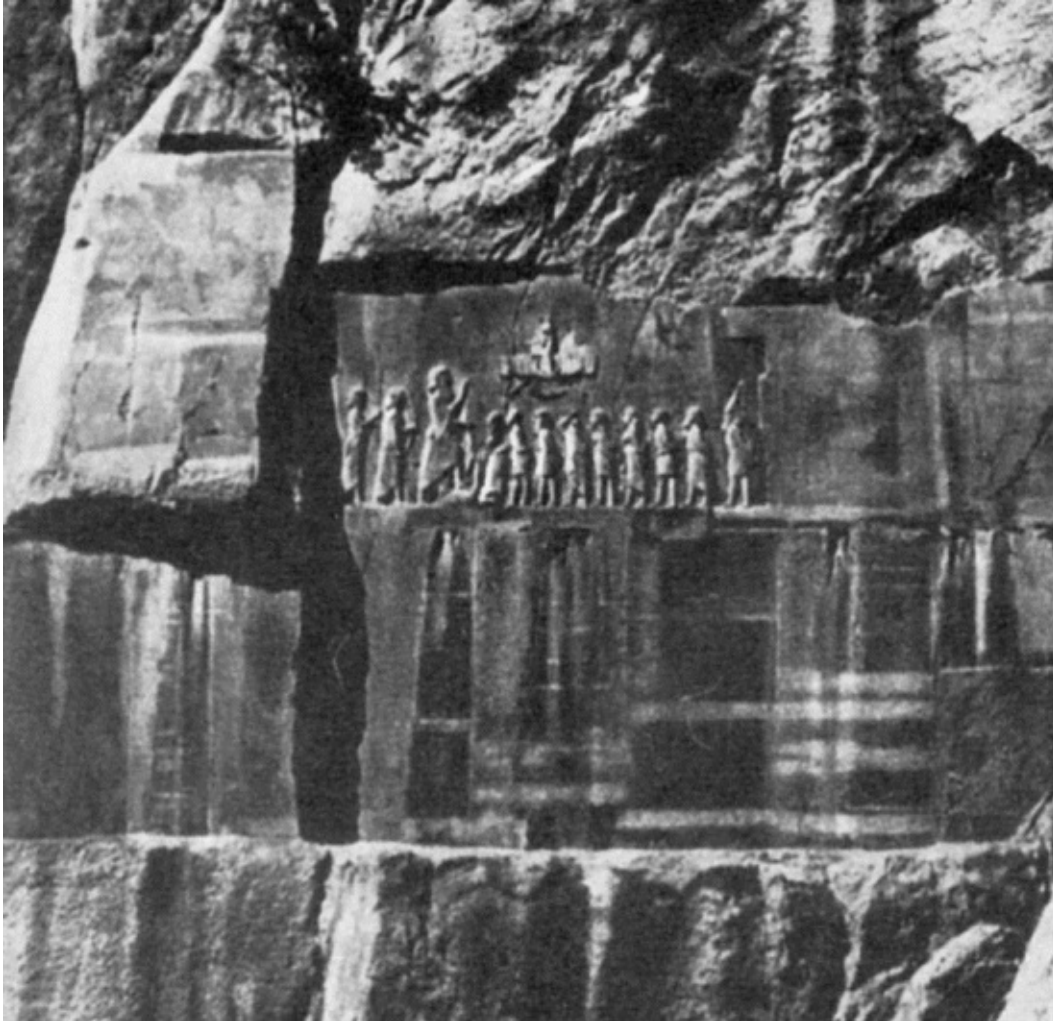
Генри Роулинсон и бехистунская надпись

Народ Древнего Ирана создал самобытную культуру, одним из великих достижений которой является древнеперсидская клинопись. В ней насчитывается всего 43 знака – в отличие от клинописи, скажем, аккадской, где число знаков превышает 600. Однако персидская письменность носила особый характер: она употреблялась в основном для торжественных надписей, которые украшали гробницы правителей, стены и колонны дворцов, вырезались на металлической посуде, оружии, каменных вазах и печатях.

Самой знаменитой из этих надписей является Бехистунская, высеченная на одноименной скале, расположенной между городами Хамадан и Керманшах. В древности у подножия этой 520-метровой отвесной скалы, считавшейся священной, проходила дорога, связывавшая Вавилонию с Мидией и другими странами к востоку от нее. За истекшие столетия по этой дороге двигались армии иранских правителей, фаланги Александра Македонского, полчища арабских завоевателей, солдаты обеих мировых войн. Все они с любопытством взирали, закинув головы вверх, на непонятные и загадочные клинописные знаки. Нередко солдаты стреляли по ним для развлечения во время коротких привалов.

Но ни человеческий вандализм, ни безжалостное время не смогли уничтожить бесценный памятник истории. До сих пор под косыми лучами солнца на скальной плоскости четко прослеживаются клинописные строчки. Надпись, расположенная на высоте 105 м, высечена на трех языках – древнеперсидском, эламском и аккадском – и рассказывает о событиях, относящихся к концу правления царя Камбиза (ум. в 522 г. до н. э.) и первым годам царствования Дария I (522–486 гг. до н. э.). Над текстами помещен рельеф: бог Ахурамазда, протягивая левую руку к Дарию, символически вручает ему царскую власть, а поднятой правой рукой благословляет царя. Дарий изображен в натуральную величину, в царской короне. Правая рука его в молитвенном жесте простерта к Ахура-Мазде, левой он опирается на лук.левой ногой Дарий попирает поверженного мага Гаумату, захватившего престол еще при жизни Камбиза. За Гауматой изображены еще восемь мятежников, поднявших восстание при восшествии Дария на трон, и непокорный вождь сакского племени тиграхауда. Руки пленников связаны за спиной, они скованы одной длинной цепью. За спиной Дария – двое его воинов, копьеносец Гобрий и лучник

Аспатин. По сторонам рельефа тянутся колонки текста. Общая высота надписи вместе с рельефом составляет 7,8 м, ширина —22 м.

Увидеть надписи и рельефы сегодня можно только издали – рассмотреть их с близкого расстояния невозможно. Около 2300 лет назад древние скульпторы, закончив работу, спустились вниз и разрушили за собой каменные ступени, чтобы исключить всякую возможность вновь подняться к памятнику. Может быть, именно поэтому Бехистунская надпись сохранилась до наших дней относительно хорошо: ничья святотатственная рука не коснулась ее. Это же обстоятельство имело и другой оборот: через сравнительно короткое время люди забыли, что, собственно говоря, здесь изображено. Уже древнегреческий врач и географ Ктесий, на рубеже V и IV веков до н. э. живший при персидском дворе, называл Бехистунский рельеф памятником вавилонской царице Семирамиде.

Первые известия об удивительных знаках на персидских скалах и

руинах проникли в Европу в XVII веке. Однако подлинное открытие древнеперсидской письменности связано с именем известного путешественника Карстена Нибура. Во время своего шестилетнего пребывания в странах Востока Нибур посетил Персеполь, где тщательно скопировал надписи, обнаруженные им в развалинах персидской столицы. Вернувшись в Европу, он опубликовал их в своей работе «Описание путешествия в Аравию и окружающие страны» (Копенгаген, 1774–1778).

Карстен Нибур пришел к выводу, что клинописные надписи Персеполя начертаны тремя разными видами письменности. Сопоставив их, он выделил клинописное письмо из 43 знаков – именно им, как мы теперь знаем, пользовались древние персы. Первые попытки расшифровать эту внешне простую письменность были предприняты сразу после выхода в свет книги Нибура. Однако понадобилось почти столетие, прежде чем в этой области были достигнуты сколько-нибудь значительные успехи. И связаны они прежде всего с именем англичанина Генри Кресвика Роулинсона (1810–1895).

Подобно многим другим пионерам археологии, Роулинсон был ученым скорее по призванию, чем по профессии. Военный, дипломат, политик, член британского парламента, он еще в молодости заинтересовался Персией – ее языком, историей, культурой. С 1833 года в чине майора английской армии он состоял на службе у персидского шаха. Это дало ему возможность познакомиться со многими древними памятниками этой страны. Особенно Роулинсон увлекся расшифровкой клинописи. К этому времени европейские ученые уже сумели значительно продвинуться в этом направлении. Немецкий исследователь Георг Гротефенд положил начало расшифровке надписей из Персеполя. И когда Роулинсон в 1836 году познакомился с публикациями Гротефенда, то с удивлением отметил, что и он, и немецкий ученый независимо друг от друга пришли к одним и тем же выводам!

Впрочем, Роулинсон, работавший непосредственно в Персии, продвинулся несколько далее Гротефенда, знакомого лишь с не очень хорошими копиями древнеперсидских текстов. Но это преимущество требовалось закрепить, и в 1837 году Роулинсон решается на отчаянный шаг: на длинной веревке он спускается по отвесной скале к Бехистунскому рельефу. Повиснув над головокружительной пропастью, Роулинсон тщательно зарисовывает клинописные знаки. Во время первого спуска ему удалось скопировать только древнеперсидский вариант текста. Два других Роулинсон зарисовал несколькими годами позднее. В итоге ему удалось сделать весьма качественную для того времени копию Бехистунской

надписи (допущенные им неясности в тексте удалось устранить лишь во 2-й половине XX века, после еще нескольких спусков к рельефу – уже с помощью более современных средств).

Того, что скопировал Роулинсон, было вполне достаточно для того, чтобы продолжить работу по расшифровке клинописи. Бехистунская надпись, превосходила по объему весь собранный до этого материал. И именно это стало настоящей ловушкой для исследователей!

Роулинсон сделал совершенно неожиданно открытие – оказалось, что в некоторых случаях один и тот же знак мог означать различные слоги и даже совершенно различные слова. И по мере дальнейшей дешифровки становилось ясно, что такие «некоторые случаи» являются скорее правилом, чем исключением: несколько знаков, объединенных в одну группу, теряют свое первоначальное значение и выражают совершенно иное понятие или имя.

Казалось, дешифровка зашла в тупик. Но тут неожиданно помог счастливый случай. Во время раскопок в Куянджике (Ниневии) были найдены сотни глиняных табличек – древних словарей, содержавших расшифровку значений клинописных знаков в их отношении к буквенному письму. Значение этой находки трудно переоценить – она существенно облегчала задачу ученых. И в 1846 году Роулинсон смог представить Лондонскому Королевскому Азиатскому обществу полный перевод Бехистунской надписи. Это был первый значительный, всеми признанный триумф дешифровки клинописи. Разгадка древнеперсидской письменности перестала быть проблемой. А через нее лежал путь и к расшифровке других древних языков. Уже в 1857 году в Лондоне вышла брошюра «Надпись Тиглатпаласара, царя Ассирии, переведенная Роулинсоном, Тальботом, д-ром Хинксом и Оппертом», ставшая одним из самых блестящих и убедительнейших доказательств возможности дешифровки клинописных текстов. А в 1862 году Фридрих фон Шпигель, профессор восточных языков университета в Эрлангене, опубликовал фундаментальный труд «Древнеперсидские клинописные надписи. Основной текст, перевод, грамматика и глоссарий». Путь к разгадке тайн древней клинописи был найден.

Персеполь

В 1767 году вернувшийся из семилетнего путешествия по странам Передней Азии ганноверец Карстен Нибур, состоявший на службе у датского короля Фредерика I, привез в Европу множество сенсационных сведений о древностях «Аравии и других прилегающих к ней стран». В их числе были копии клинописных текстов, обнаруженные им в семи милях северо-восточнее Шираза. Здесь находились гигантские развалины города, в котором Нибур, вслед за побывавшим в этих местах в 1620 году испанским путешественником Доном Гарсиа, опознал Персеполь – знаменитую столицу Персидской державы, сожженную Александром Македонским.

...36 лет правил Персией «царь царей» Дарий I из династии Ахеменидов. В 500-х годах до н. э. его власть достигла апогея. Около 515 года до н. э. по повелению Дария на плоскогорье Мерв-Дашт, у подножия горы Кух-и Рахмат («Гора Милосердия») была заложена новая столица страны – Парса, или, как ее называли греки, Персеполь – «город персов», призванная символизировать мощь и блеск огромной державы Ахеменидов. По имени этого города сначала греки, а затем и весь мир стали именовать Иран Персией – до тех пор, пока в 1936 году иранское правительство не обратилось ко всем странам с просьбой называть страну Ираном.

Более полувека строился город. Со всех концов огромной империи – Вавилонии, Малой Азии, Египта и Мидии – в Персеполь были свезены лучшие каменотесы, кирпичники, скульпторы, резчики. В результате столица Персии затмила своим размахом и роскошью все, что было создано в былые века в других странах Востока.

Постройки Персеполя занимали территорию в 135 тыс. кв. м. С трех сторон город был окружен мощной двойной крепостной стеной (с четвертой стороны находилась неприступная горная скала), за которой располагались резиденция царя, многочисленные парадные и хозяйственные помещения, казармы гвардии «бессмертных», конюшни. Все эти постройки возведены на гигантской искусственной террасе размерами 500 × 300 м, облицованной громадными блоками, которая возвышается над окружающей равниной на 13 м.

Стены Персеполя имели толщину 4,5–5,5 м и высоту от 11,5 до 15 м. В город можно было подняться по широкой парадной лестнице из двух

маршей в 111 ступеней, сложенных из массивных каменных блоков белого известняка. В юго-западном углу террасы располагался другой вход – служебный, по которому доставляли животных, продукты и т. д.

Центральное сооружение Персеполя – его знаменитая «ападана». Такое название получило оригинальное творение персидских зодчих: многоколонный парадный зал с целым лесом легких, стройных колонн, увенчанных тяжелыми капителями в виде бычьих фигур. Ападану в Персеполе, которую часто называют одним из самых величественных зданий Древнего мира, начали сооружать в 492 году до н. э. при Дарии I, а завершена она была в 481 году до н. э. уже при новом царе, Ксерксе I. Вход в ападану вел через великолепные «Врата всех стран», называемые также

«пропилеями Ксеркса». Это сооружение украшено фигурами быков и фантастических существ, над головами которых надписи на древнеперсидском, эламском и вавилонском языках сообщали о царях-строителях Персеполя – Дарии и Ксерксе.

Ападана, толстые стены которой были сооружены из кирпича-сырца, представляла собой квадратный зал размером 60 × 60 м (3600 кв. м). Он мог одновременно вместить 10 000 человек. С трех сторон ападану окружали двенадцатиколонные (по шесть в два ряда) портики, по углам возвышались массивные четырехугольные башни с лестницами, которые вели на крышу. Потолок зала и портиков поддерживали 72 тонкие и изящные каменные колонны высотой более 20 м (в других зданиях города колонны были деревянными, высотой до 7—11 м). До нашего времени от этого «леса колонн» уцелело лишь 13.

Пол ападаны поднят на 4 м, поэтому в зал поднимались по двум широким лестницам, украшенным многочисленными рельефами. Рельефами украшены и другие дворцы Персеполя. Среди этих изображений – Дарий I на троне, за которым стоят его сын и наследник Ксеркс и жрецы-маги; сцена торжественного приема Дарием сатрапа Мидии; сцены борьбы царя с крылатыми грифонами. Когда-то эти рельефы имели вставки из бронзы и пасты и были раскрашены в яркие цвета.

Ападану украшал и знаменитый майоликовый фриз с изображением царских телохранителей, ныне находящийся в Лувре. Греки называли этих гвардейцев Дария «бессмертными», так как их всегда было ровно десять тысяч. На других рельефах в несколько ярусов изображено шествие 33 покоренных народов, каждый из которых ведет сатрап – глава провинции, назначавшийся из числа знатных персов. Если эти рельефы растянуть в одну линию, они заняли бы 400 м в длину. Это настоящий этнографический музей с изображением всех характерных особенностей одежды и черт лица различных племен и народов. Здесь мидийцы, ведущие под уздцы коней, несущие золотые вазы и кубки, эламиты с прирученными львицами и золотыми кинжалами, нубийцы с жирафами, вавилоняне с быками, армяне с конями и пышно украшенными пиршественными рогами – ритонами, арабы с верблюдами.

Специальные коридоры связывали ападану с личными дворцами Дария и Ксеркса (в надписи Дария его дворец назван «тачара», а в надписях Ксеркса употребляется название «хадиш»). Дворец Дария I, квадратный в плане, состоит из центрального зала и множества отдельных помещений, связанных между собой открытыми дворами и воротами. Как и дворцы Ассирии, резиденция персидских владык была украшена огромными

рельефами. У входа во дворец стояли крылатые быки еще более внушительных размеров, чем в Дур-Шаррукине (Хорсабаде).

Восточную часть резиденции занимает дворец Ксеркса. По своей архитектуре он похож на дворец Дария, и украшающие его стены изображения слуг, несущих еду, мало чем отличаются от тех, которые изображены на фасаде дворца Дария. При Ксерксе в Персеполе было сооружено также здание гарема, где жили женщины царской семьи.

В 466 году до н. э. в Персеполе был построен Тронный зал (его называют еще Стоколонным залом), который считается одной из самых совершенных построек Персеполя. Он является самым большим после ападаны зданием в Персеполе, его размеры составляют 70 × 70 м. Потолок зала держался на ста колоннах высотой 20 м. Это здание, вероятно, было начато еще Дарием, хотя надпись на аккадском языке, найденная там, относит его сооружение ко времени правления внука Дария Артаксеркса I. В этом зале располагался дворцовый «музей», где были выставлены наиболее ценные царские сокровища. Здесь же происходили царские приемы и пиршества. Как полагают, именно сюда складывали в торжественной обстановке подарки, преподнесенные царю.

Хотя при Артаксерксе I строительство в Персеполе в основном закончилось, сотни мастеров должны были постоянно следить за сохранностью зданий из сырцового кирпича, чтобы стены не обвалились от частых между декабрем и мартом ливневых дождей, предохранять дренажную систему от наносов, а также ухаживать за садами, разбитыми на террасе и в окрестностях.

Несмотря на неслыханную роскошь и поистине царское величие, весь этот гигантский ансамбль оживал только один раз в году: весной, в день празднования иранского Нового года – Навруза, совпадавшего с днем весеннего равноденствия. Все остальное время царь проводил в двух других столицах – Сузах или Пасаргадах. Тем пышнее и торжественнее были церемонии, устраивавшиеся в Персеполе, когда 21 марта в этот храм-город прибывал сам царь в сопровождении обширной свиты и десяти тысяч «бессмертных», съезжались все вельможи огромной империи, вожди племен, военачальники и знать, делегации от многочисленных народов, входивших в империю Ахеменидов, – каждая с подарками, символизирующими богатства их стран.

Огромная процессия поднималась на террасу дворца по величественным лестничным маршам к подножию ападаны, и этой процессии вторило такое же ритмичное, торжественное и пышное шествие сотен солдат, вельмож, чиновников, жрецов, представителей различных

народов, высеченных на боковых стенах лестницы, на стенах ападаны, на стенах дворца. Ритуалу новогоднего праздника вторили и рельефы персепольских дворцов, на которых запечатлены мифы и обряды древних иранцев: борьба между старым и новым годом, между добром и злом, символизируемая битвой царя с чудовищами, надежды на благополучие в наступающем году, праздничные пиршества ...

Александр Македонский, завоевав Персеполь в 330 году до н. э., сжег дотла столицу побежденного персидского царства. Это произошло во время одного пиршества, «когда он, – как говорит Диодор Сицилийский, – уже не владел собой». Предание рассказывает, что во время этого пира афинская блудница Таис в неистовстве схватила с алтаря факел и швырнула его между деревянных колонн дворца, а пьяный Александр и его свита последовали ее примеру.

Рассказы древних авторов подтверждаются археологическими раскопками: среди руин ападаны, тронного зала и царской сокровищницы отчетливо видны следы пожара, а пол Тронного зала покрыт пеплом почти метровой толщины. Это – пепел от кедровых балок, когда-то поддерживавших потолок.

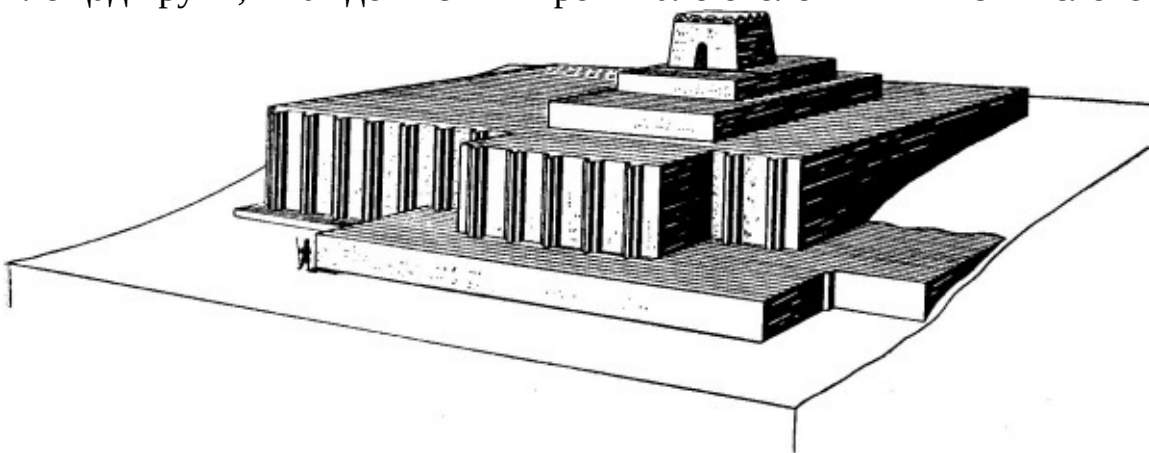
В Средние века остатки Персепольского дворца еще кое-как поддерживались и даже одно время служили резиденцией для местных эмиров, но затем пришли в окончательное запустение. Только в 1931–1934 годах Эрнст Херцфельд по поручению Восточного института Чикагского университета произвел первое настоящее обследование развалин дворца. Благодаря этому обследованию были приняты эффективные меры к предохранению остатков дворца от дальнейшего разрушения. Сегодня Персеполь является одним из наиболее хорошо изученных древних городов.

Алтын-Депе

Корни самобытных среднеазиатских культур древности уходят в эпоху бронзы, когда на рубеже III–II тысячелетий до н. э. на юго-западе Средней Азии сложилась протогородская цивилизация первых земледельцев. Ее основные центры – Алтын-Депе, Намазга-Депе, Улуг-Депе и другие – зародились еще в III тысячелетии до н. э., а к началу II тысячелетия до н. э. они достигли наивысшего расцвета. По названию наиболее изученного памятника эта древнейшая цивилизация Средней Азии получила название Алтын-Депе.

Для цивилизации Алтын-Депе, датируемой 2300–1900 годам до н. э., характерны многие черты, присущие культурам Древнего Востока. Она сложилась на основе развития местных земледельческо-скотоводческих общин, которые в V–IV тысячелетиях до н. э. освоили выплавку меди, начали разводить крупный рогатый скот, а затем и верблюдов. Для орошения полей сооружались каналы – так было положено начало ирригационному земледелию. Как установили археологи, уже в этот период у среднеазиатских земледельцев существовали тесные связи с древними очагами других цивилизаций Востока, прежде всего Передней Азии.

Крупнейшими центрами первой среднеазиатской цивилизации являлись два поселения городского типа – Алтын-Депе и Намазга-Депе. Эти «протогорода» были обнесены крепостными стенами из сырцового кирпича, с воротами, укрепленными мощными башнями-пилонами. Судя по площади руин, в каждом из них проживало около 11–12 тысяч человек.

«Подобно могущественному Вавилону, это глиняные города, насквозь прокаленные безжалостными лучами южного солнца. Из сырцового

кирпича возводились многоквартирные дома, объединенные в обширные кварталы, между которыми струились узкие извилистые улочки. В отдельных случаях можно установить, что каждая семья имела в своем распоряжении две-три жилые и столько же хозяйственных комнат. В небольшом дворике находились кухонный очаг, печь для изготовления лепешек и каменная зернотерка, предоставлявшая хозяйкам большие возможности для проявления их трудолюбия. Казалось бы, эта мельчайшая единица человеческого общества несла в себе мало нового по сравнению с эпохой примитивных земледельцев. Однако она составляла часть огромной городской общины, само возникновение которой свидетельствовало о качественно новом этапе в истории общества», – писал в 1981 году доктор исторических наук В.М. Массон, под руководством которого на протяжении почти тридцати лет велись раскопки Алтын-Депе и других раннеземледельческих поселений в Туркменистане^[5]. Эти исследования проводились силами Южно-Туркменистанской археологической экспедиции АН Туркменистана и Каракумской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Мы не знаем древнего названия этой страны и ее городов. Неизвестен и язык ее древних жителей. Оплывшие холмы, под которыми скрыты руины поселений первых среднеазиатских земледельцев, сегодня носят названия, родившиеся уже в гораздо более поздние времена. Под этими названиями они и вошли в археологическую литературу.

Руины Алтын-Депе располагаются на юго-западе Туркмении, в предгорьях Копет-Дага. Они занимают вершину 20-метрового холма, образованного мощными культурными напластованиями. Когда-то поселение было хорошо укреплено: его окружали мощные стены толщиной до 6 метров, сложенные из кирпича-сырца. Северную окраину занимали дома и мастерские ремесленников. Жилые кварталы располагались в западной части поселения.

Центром Алтын-Депе являлся монументальный храм с четырехступенчатой башней высотой около 12 м. Основанием ей служила массивная платформа размерами 27 × 10 метров. На вершине башни был устроен жертвенник.

Архитектура храма в Алтын-Депе напоминает аналогичные постройки Вавилона и Шумера. Вероятно, и сам облик массивной башни-платформы навеян образами месопотамских зиккуратов. Подобно многим храмам Месопотамии, храм в Алтын-Депе был посвящен богу Луны. В состав этого внушительного комплекса входили многочисленные хранилища, дом верховного жреца и гробница жреческой общины. При раскопках в

гробнице была найдена золотая голова быка с бирюзовой вставкой на лбу в форме лунного диска.

Другая линия культурных связей древних земледельцев Алтын-Депе ведет в долину Инда – в Мохенджо-Даро, Хараппу, другие города и поселения древней Хараппской цивилизации. В Алтын-Депе среди вещей, положенных в могилы, в кладах, замурованных в стены, были найдены хараппские изделия из слоновой кости, печати хараппского типа. А множество самых различных изделий местного происхождения – от глиняных сосудов до медных кинжалов и фаянсовых бус – напоминает продукцию ремесленников Древней Индии. Вероятно, индийские вещи были хорошо знакомы жителям среднеазиатских городов и пользовались большой популярностью, что вызвало к жизни целый ряд местных подражаний.

Все эти факты наглядно свидетельствуют о том, что цивилизация Алтын-Депе развивалась в тесном контакте с главными культурными центрами Древнего Востока, являясь своеобразным «мостиком» между Месопотамией и городами долины Инда. Торговые караваны уходили из Алтын-Депе и на юг, к цветущим городам Элама и Вавилонии, и на север, и на восток – в области, населенные полуварварскими кочевыми племенами. Изделия мастеров Алтын-Депе археологи находят на расстоянии 500–600 км от центра их производства – в Таджикистане, в Ферганской долине.

В Алтын-Депе жило и трудилось множество ремесленников самых различных специальностей. Руины ремесленных кварталов протянулись на многие десятки метров. Среди развалин квартала гончаров то и дело попадаются обвалившиеся своды массивных горнов для обжига глиняной посуды. «Их толстые стены прокалены почти насквозь – температура бушевавшего внутри пламени поднималась почти до 1400°. При такой температуре вполне возможно производство фаянса, и неудивительно, что древним гончарам удавалось делать сосуды, толщина стенок которых нередко всего несколько миллиметров. Их продукция являлась подлинным украшением повседневного быта древних горожан. Стройные вазы на высоких точеных ножках, легкие кубки с прихотливым изгибом стенок, изящные кувшинчики удлинённых пропорций характеризуют не только отточенное мастерство керамистов, но и наличие устойчивых канонов, своего рода моды на сервизы строго определенного состава. Тонкий звенящий черепок четырехтысячелетней давности нередко не уступает по качеству современному фарфору. Глиняная посуда, найденная археологами почти в сказочном изобилии, свидетельствует о высоком уровне керамического искусства первых горожан юга Средней Азии»^[6].

Большого искусства достигли литейщики Алтын-Депе. Из сплавов меди с мышьяком или свинцом (мышьяковистой и свинцовой бронз) или латуни – сплава меди и цинка – они изготавливали великолепные, нередко украшенные чеканкой и гравировкой кинжалы, сосуды, зеркала, булавки, кольца, браслеты, печати. Серебро шло как на мелкие украшения, так и на более массивные предметы.

Значительная часть жителей «протогородов» трудилась на полях, орошавшихся при помощи несложной системы ирригационных каналов. Обитатели Алтын-Депе уже пользовались колесным транспортом. Судя по многочисленным глиняным моделям повозок, преимущественно четырехколесных, в качестве тяговой силы использовались верблюды.

Рядовые общинники, ремесленники и земледельцы обитали в многокомнатных домах, состоявших из тесных каморок. Большие дома вождей и жрецов имели правильную планировку и занимали площадь 80 – 100 кв. м. В гробницах, располагавшихся в «квартале знати», археологи нашли разнообразные украшения, в том числе из золота и серебра, ожерелья из полудрагоценных камней, серебряные и бронзовые кольца и печати. В одном из погребений, открытом археологами, вероятно, была похоронена жрица или колдунья. Лежавшая на боку женщина средних лет сжимала в унизанной золотыми кольцами руке две женские статуэтки, рядом с ней лежала серебряная печать в виде фантастического трехглавого животного. Здесь же археологи нашли около сотни бусин из агата, сердолика, лазурита и золота.

В середине II тысячелетия до н. э. поселения этой древнейшей цивилизации Средней Азии приходят в упадок. Главный культурный очаг перемещается на восток, где в дельте реки Мургаб и по среднему течению Амударьи возникают новые поселения оседлых земледельцев. Многие черты этой культуры позволяют считать обитателей этих оазисов прямыми потомками создателей цивилизации Алтын-Депе. Но вместе с тем в их культуре появляется ряд новых, принципиально иных признаков.

Греция в... Афганистане

В 1964 году мир облетела сенсационная новость: в северном Афганистане, на самой границе с Таджикистаном, у слияния рек Пянджа и Кокчи французские археологи во главе с профессором Страсбургского университета Даниэлем Шлюмберже открыли... древнегреческий город!

Что же это была за странная находка?

Открытие Д. Шлюмберже возвращает нас в 20-е годы IV века до н. э., когда армия Александра Македонского, отправившаяся на завоевание Индии, захватила обширнейшие области Персии, Афганистана и Средней Азии. По сообщениям античных авторов, греки основали здесь ряд крупных городов. Споры о судьбе греков, пришедших в Среднюю Азию при Александре Македонском, велись в научном мире давно. Однако все аргументы в этих спорах строились на скурых сообщениях древних авторов и чисто умозрительных рассуждениях. Исходя в основном из последнего, большинство ученых полагало, что горстка греков, пришедших как завоеватели в страны с давно сложившимися культурными традициями и многочисленным населением, не была способна оставить после себя сколько-нибудь значительного наследия. Часть завоевателей после смерти Александра Македонского, вероятно, просто покинула покоренные области, а осевшие здесь греческие и македонские колонисты в силу своей малочисленности быстро растворились среди местного населения.

Противники этой точки зрения возражали: а как быть с вещественными находками, со следами греко-македонской культуры в местном искусстве? Ведь и в Афганистане, и даже в Северной Индии можно встретить следы культурного влияния, явно пришедшие из Греции, и это свидетельствует о факте длительного существования греческих поселений в глубинах Азии и о довольно тесных контактах греков с местным населением.

Проблема «греки на Востоке» долгое время оставалась самой сложной из всех проблем античной истории. Впрочем, в распоряжении ученых имелся некий ключик, с помощью которого при наличии соответствующего замка можно было бы ответить на некоторые загадки. Речь идет о монетах греко-бактрийских царей. Эти великолепные произведения античного медальерного искусства попали в Европу еще в XVIII веке и стали первыми материальными свидетельствами былого существования

эллинистического искусства в глубинах Азии. Именно в истории Греко-Бактрийского царства и таилась разгадка проблемы...

Греко-Бактрийское царство возникло на обломках державы Селевкидов. Антиох, сын и наследник Селевка, в 292 году до н. э. был назначен соправителем отца и наместником восточных провинций (сатрапий). Своей столицей Антиох избрал город Бактры (ныне Балх). Преемник Антиоха, бактрийский сатрап Диодот, около 250 года до н. э. объявил себя независимым правителем Бактрии^[7].

В состав Греко-Бактрии входили также области Согдиана со столицей Мараканда (Самарканд) и Маргиана со столицей Антиохия Маргиана (Мерв). Помимо этих крупных городов, в Греко-Бактрийском царстве было множество средних и мелких поселений. Один из греко-бактрийских царей, Эвкратид, даже гордо именовался «владыкой тысячи городов».

Это среднеазиатское государство с греческими царями во главе просуществовало более ста лет. Распространившись во время своего короткого расцвета (около 180 г. до н. э.) на север Индии, оно пало под ударами кочевников-саков во 2-й половине II века до н. э.

Вплоть до 1964 года в распоряжении ученых практически не было никаких археологических материалов, позволявших судить о культуре и истории этого уникального греческого царства в глубинах Азии. И лишь находка французских археологов приоткрыла перед ученым дверь в давно исчезнувший мир.

Первоначальное название города в долине Пянджа затерялось в глубине времен. В научной литературе за ним закрепилось местное наименование Ай-Ханум. Сегодня большинство специалистов полагает, что речь здесь идет об Александрии Оксиане (Окс – древнее название Амударьи, включавшей, по представлениям тогдашних географов, и нижнее течение Пянджа), известной по античным источникам.

Начиная с 1965 года здесь ежегодно велись раскопки под руководством французского археолога Поля Бернара. В них принимали участие и советские ученые. Судя по масштабам, Ай-Ханум, или Александрия Оксиана, являлся вторым после Бактр (Балха) крупнейшим городом Греко-Бактрии. Это был и наиболее типичный пример крупного греко-бактрийского города. Для его строительства было выбрано очень удачное место: он располагался в месте впадения реки Кокча в Пяндж, на высоком естественном холме с крутыми обрывистыми склонами. Вершину холма занимала цитадель – акрополь, внизу, вдоль берега реки, расположились кварталы Нижнего города, застроенного жилыми и общественными сооружениями. Через весь Нижний город пролегла прямая и широкая

главная улица длиной более 1700 м, а между нею и берегом Пянджа располагались комплекс дворцовых построек и «герайон» – мавзолей основателя города. Вся территория поселения была обнесена мощной стеной с башнями, сложенной из сырцовых кирпичей.

Несмотря на широкое применение в постройках Ай-Ханума кирпича-сырца, несмотря на многочисленные архитектурные аналогии персидским и местным бактрийским сооружениям, перед археологами предстал все же именно греческий город. Греческим здесь было едва ли не все: театр, рассчитанный до 6 тысяч зрителей, огромный гимнасий, в состав которого входили помещения для спортивных упражнений и для школьных занятий. Здесь же находился бассейн. На территории гимнасия была найдена греческая надпись с посвящением греческим божествам Гермесу и Гераклу, которые в Элладе являлись покровителями гимнасиев. И вообще все надписи, обнаруженные в Ай-Хануме, по своему написанию, языку и стилю чисто греческие. Почти целиком греческой является и найденная среди руин города керамика. По греческому образцу дома, построенные в основном из сырцового кирпича, были покрыты черепичными крышами. Планы зданий, технические приемы носят типично греческий характер. Греческими являются и формы каменного архитектурного декора. Они очень близки к таким же формам, встречающимся в эту эпоху в Греции и в Анатолии. Чисто греческими были и скульптуры, найденные при раскопках. Судя по всему, в городе работали опытные скульпторы-профессионалы.

Так ученые впервые смогли познакомиться с культурой греческого города, располагавшегося на самом краю тогдашней ойкумены. Ай-Ханум является самым удаленным от Средиземноморья и самым восточным из найденных греческих поселений в Центральной Азии. Этот город был основан в раннеэллинистический период македонскими и греческими колонистами. Из раскопок Ай-Ханума ученым удалось узнать о его жизни почти все – от начального периода вплоть до его падения.

Основателем города был, по-видимому, некий Киней, похороненный в «герайоне» – мавзолее, сооруженном по греческому образцу, но поставленном на ступенчатую платформу, подобно гробнице персидского царя Кира в Пасаргадах. Надписи на греческом языке, открытые в «герайоне», повествуют о том, что ученый Клеарх из Сол специально совершил путешествие из Ай-Ханума в священный греческий центр Дельфы, чтобы скопировать в тамошнем храме известные «максимы» – афоризмы, в которых в сжатой форме даются основные правила эллинского общежития. Клеарх привез копии этих «максим» в Ай-Ханум, и здесь они

были высечены на каменных плитах «герайона». Часть этих «максим» была найдена археологами. Еще более интересной находкой стал отпечаток на глине какого-то греческого текста, написанного на папирусе или пергаменте. Анализ немногочисленных уцелевших строк показал, что это отрывок философского трактата школы перипатетиков.

Почти треть территории города занимал огромный дворцовый комплекс, включавший в себя парадные, жилые и служебные помещения. В его облике чисто греческие черты сочетались с чертами, воспринятыми от Древнего Востока. Перед дворцом был устроен обширный открытый двор – перистиль (размерами 136 × 108 м), окруженный колоннадой. Парадный вход во двор обрамляли пропилеи, а с противоположной стороны располагался многоколонный дворцовый зал. Колонны всех портиков и дворцового зала выполнены в классических греческих нормах, греческими были и настенные рельефы, и техника каменной кладки – без соединительного раствора, с металлическими скобами в специальных гнездах. В то же время значительная часть стен всего комплекса была сооружена в местной технике – из сырцовых кирпичей.

К основному зданию примыкало здание сокровищницы. Судя по всему, она была разграблена захватившими город кочевниками, однако в ее руинах археологи нашли небольшое число монет и несколько финансовых документов, написанных китайской тушью на глиняных черепках.

Кроме дворца, археологами были исследованы остатки арсенала, в котором, судя по многочисленным находкам, хранилось оружие для многих сотен воинов; резиденции высших городских должностных лиц; жилые дома и храмы. Последняя группа построек оказалась наиболее интересной. Оказалось, что в городе, где власть принадлежала грекам, где основная часть населения была греческой, архитектура храмов не имела ничего общего с архитектурой традиционных эллинских святилищ! Архитектура храмов, построенных греками в Бактрии, являлась не бактрийской, а месопотамской. Более того! Как показали исследования археологов, и ритуалы, совершавшиеся в этих храмах, также не были похожи на греческие. При всем при том в этих храмах стояли типично греческие статуи божеств!

Это открытие пролило свет на истоки культурного взаимодействия Древней Греции и Востока. Греки, являясь политеистами, верили, что каждой стране покровительствуют свои боги, а потому, придя в чужую страну, необходимо поклоняться им. Отсюда – этот своеобразный религиозный синкретизм, ставший основой синтеза двух культур и рождения нового, греко-бактрийского культурного феномена и греко-

бактрийского искусства, которое, как теперь установлено, представляет собой самостоятельную главу в истории мирового искусства.

Раскопки Ай-Ханума позволили отчасти восстановить и картину политической жизни Греко-Бактрийского царства. Власть в Греко-Бактрии принадлежала завоевателям – грекам и македонянам. Приблизительно в 80-е годы II века до н. э. греки из Бактрии начали движение на юг и предприняли завоевание областей Индии. Но в это же время против законного царя Эвтидема восстал военачальник Эвкратид. Обширное государство, охваченное смутой, начало дробиться на отдельные мелкие владения. Нападение кочевников окончательно решило судьбу страны: Греко-Бактрия была сокрушена. Ай-Ханум (Александрия Оксиана) погиб, вероятно, около 130 года до н. э., и более на этом месте жизнь не возобновлялась.

Ай-Ханум – блестящий пример греческого города, возникшего в Центральной Азии в результате походов Александра Македонского. Его открытие позволило выйти на правильный путь в решении проблемы «греки на Востоке»: старые взгляды, согласно которым античные авторы якобы преувеличивали число основанных Александром и Селевкидами городов в Центральной Азии, были отброшены. Впрочем, история греческой колонизации Востока остается еще малоизученной, так что на этом пути исследователей, вероятно, еще ждут новые открытия.

Маргуш – Маргиана – Мерв

«Страна Маргуш стала мятежной. Одного человека по имени Фрада, маргушанина, они сделали [своим] вождем. После этого я послал [гонца] к персу по имени Дадаршиш, моему слуге, сатрапу в Бактрии, [и] сказал ему так: “Иди, разбей войско, которое не называет себя моим”. Затем Дадаршиш отправился с войском и дал бой маргушанам».

Это – фрагмент знаменитой Бехистунской надписи, рассказывающей о восстаниях, охвативших государство Ахеменидов при восшествии на престол Дария I в 522 году до н. э., и о победах Дария над мятежниками. Особенно ожесточенными были столкновения в Маргуше. Отправленное на подавление восстания войско сатрапа Бактрии Дадаршиша в решающем сражении 10 декабря 522 году до н. э. разбило маргушан. Повстанцы потеряли 55 243 человека убитыми и 6972 пленными. Такое число погибших и пленных ясно показывает, что восстание в Маргуше было действительно всеобщим.

Но что это за страна – Маргуш? Где она находилась?

Несколько столетий спустя после Дария греко-римские авторы сообщали о существовании на Востоке страны Маргиана. Известно, что на рубеже IV–III веков до н. э. Антиох Сотер, сын и соправитель Селевка I – основателя государства Селевкидов, заложил на подвластных ему землях город, названный им Антиохией Маргианской. Этот город долгое время являлся столицей богатой Маргианы.

Значит, искать Маргиану следовало в пределах бывших владений Антиоха Сотера, некогда распространявшихся на север современного Афганистана, юг Таджикистана, юго-восток Туркменистана и северо-восток Ирана. Немаленькая территория!

Впрочем, имелась одна «подсказка»: на крайнем востоке Туркмении

течет река Мургаб. Маргуш – Маргиана – Мургаб... Не кроется ли за этим нечто большее, чем простое сходство названий?

Еще в начале XX века американская экспедиция, получившая право на проведение археологических раскопок на территории Российской империи, предприняла попытку найти Маргуш. Обследовав пустынные районы восточного Туркменистана, американские ученые зацепились за огромное городище Гяур-кала («Город неверных»), расположенное в Мервском оазисе. Потом, уже много лет спустя, археологи выяснили, что этот холм скрывал в своих недрах руины Антиохии Маргианской. Но тогда американцам удалось лишь провести незначительные по масштабам раскопки, и разгадка тайны страны Маргуш была отодвинута на несколько десятилетий. Лишь после Второй мировой войны на берега реки Мургаб пришли советские археологи.

Уже первыми раскопками были обнаружены поселения, где люди обитали задолго до того, как имя страны Маргуш было упомянуто в Бехистунской надписи. В 1950-х годах в районе древней дельты реки Мургаб в 70–80 км к северу от Байрам-Али были найдены крупные поселения эпохи бронзы – Тахирбай и Аучин-депе. В 1972 году в Каракумах, к северу от Байрам-Али, начала работать экспедиция Института археологии Академии наук СССР.

«Первые раскопки мы начали на большом, видимо, столичном поселении, расположенном за первой барханной грядой, – пишет руководитель экспедиции доктор исторических наук В.И. Сарианиди. – Рядом с огромным холмом находится древняя крепость с мощными кирпичными стенами и округлыми оборонительными башнями. Пока шли раскопки на самом памятнике, параллельно проводились маршрутные разведки вокруг него, так что с каждым днем на схематической карте древнего оазиса появлялись все новые точки, отмечающие бывшие деревушки, поселки, крепости. Дожди и ветры веками раздували и размывали давно заброшенные поселения, так что некогда заботливо спрятанные вещи со временем оказались на поверхности. Нужно было лишь терпение и некоторый профессионализм, чтобы за очередным всхолмлением вдруг обнаружить терракотовую статуэтку древней богини, рассыпавшееся бирюзовое ожерелье, распавшийся бронзовый браслет, колечко, серьгу...»^[8].

В 1972 году и последующие раскопочные сезоны в песках к северу от Байрам-Али археологи выявили более 20 древних поселений и крепостей. Новые находки расширяли и дополняли представления о культуре открывающейся древней страны. С каждым годом в руках ученых

оказывалось все больше и больше фактов, свидетельствующих о том, что эта страна была той самой таинственной «страной Маргуш», о которой говорит Бехистунская надпись.

Самые ранние следы городской цивилизации, обнаруженные в районе древней дельты Мургаба и в мервском оазисе, относятся к IX – VI векам до н. э. Раскопки показали, что страна Маргуш имела развитую культуру, о чем свидетельствуют находки керамических и металлических печатей, терракотовых статуэток, амулетов и сосудов, в том числе ритуального назначения. В IX веке до н. э. здесь уже развивалась ирригация и был построен магистральный канал.

Исследования древнего поселения на холмах Яз-Депе, расположенных к северу от Байрам-Али, открыли мощную цитадель, которая некогда была сооружена на высокой восьмиметровой платформе из сырцового кирпича и окружена оборонительной стеной. Поселение Яз-Депе занимало площадь 16 га. В южной части Яз-Депе удалось обнаружить остатки монументального дворца с прямоугольным центральным залом, четырьмя коридорами и толстыми стенами. Возможно, этот дворец был даже двухэтажным. Возникновение этого относительно небольшого, но хорошо укрепленного поселения специалисты относят к IX веку до н. э. Судя по всему, оно было столицей древней Маргианы или резиденцией ее правителя.

Раскопки в Мервском оазисе позволили пролить свет на многие страницы истории Средней Азии, ранее остававшиеся неясными или вообще неизвестными. Долгое время, например, оставался дискуссионным вопрос о сходстве культур Маргианы и Древней Бактрии, основные центры которой находились на территории современного Афганистана. В Бехистунской надписи глухо упомянуто о том, что страна Маргуш входила в состав Бактрии. Но что это означало? Входила ли Маргиана в состав Бактрии как завоеванная страна или у народов этих областей имелась и культурная общность?

Многолетние работы совместной советско-афганской экспедиции и открытия в древней дельте Мургаба в 1970-х годах доказали, что культуры Бактрии и Маргианы были близки, если не идентичны, еще три с половиной тысячелетия назад. Они были созданы родственными племенами, пришедшими сюда в середине II тысячелетия до н. э., которые освоили вначале территорию будущей страны Маргуш, а затем – Бактрии. И еще за тысячу лет до того, как на Бехистунской скале была высечена знаменитая надпись, в долинах Мургаба и Амударьи уже существовала одна из древнейших цивилизаций Земли.

Исследования Мервского оазиса позволили археологам буквально по годам «прочитать» историю этой древней страны. Гигантские холмы оплывшей глины, высящиеся на месте древних городов, поражают до сих пор. Скрывая руины крепостных стен, дворцов и мечетей, они уходят за горизонт. Под холмом Эрк-Кала спят остатки Мерва эпохи Ахеменидов. Городище Гяур-Кала таит руины античной Антиохии Маргианской. Громадное городище Султан-кала представляет собой руины средневекового Мерва.

Холм Эрк-Кала располагается значительно южнее Яз-Депе, соседствуя со средневековым Старым Мервом. В VI–IV веках до н. э., во времена господства персидских царей, здесь располагался укрепленный город, занимавший площадь в 12 га. Он был обнесен толстой – 6,5 м в основании – крепостной стеной. Раскопки обнаружили на Эрк-Кале слои, относящиеся ко временам царя Дария и Александра Македонского. Стены этой крепости, которая позднее превратилась в цитадель разросшегося города, даже будучи полуразрушенными, местами достигают высоты 3–4 м. Когда город разросся, его территория была обведена новой стеной с массивными квадратными башнями. Эта стена, сложенная из сырцовых кирпичей и сегодня похожая на оплывший вал, охватывала площадь почти в 4 кв. км.

Во II веке до н. э. Маргиана вошла в состав Парфии. Являясь отдаленной провинцией, она служила местом ссылки пленных римских легионеров, захваченных парфянами во время бесконечных войн с Римом. При парфянских царях из династии Аршакидов Маргиана вступила в полосу нового расцвета. Однако и в первые века нашей эры культура Маргианы довольно заметно отличалась от культуры Парфии, по-прежнему тяготея к Бактрии. Господствующей религией здесь был зороастризм (близ селения Мунон-Депе археологи открыли зороастрийский некрополь). Были в Маргиане популярны и небольшие терракотовые статуэтки, изображавшие каких-то местных женских божеств.

На рубеже I–II веков Маргиана обособилась от Парфии. Здесь правили свои собственные цари, представители младшей ветви династии Аршакидов. Памятниками этого времени являются многочисленные монеты с надписями на греческом и парфянском языках и обозначением «А», означавшим, что эти монеты чеканились в Антиохии Маргианской.

В это же время в Маргиану начал проникать буддизм, а вместе с ним – элементы индийской культуры. В юго-восточной части городища Гяур-Кала археологами были обнаружены остатки крупного буддийского святилища, относящегося к II–III векам. Центром всего комплекса являлась большая

ступа, перед которой возвышалась огромная, 5-метровой высоты фигура Будды, вылепленная из глины. Судя по остаткам краски, первоначально лицо Будды было окрашено в розовый цвет, позднее – в желтый, и третий раз перекрашено в буровато-красный. Находившаяся рядом ступа была сложена из кирпича-сырца и стояла на квадратной платформе размерами 13 × 13 м и высотой 4 м. С южной стороны ступы располагались кельи для монахов. Вероятно, в V веке этот буддийский комплекс был разрушен, скорее всего – во время какого-то нападения. В 1962 году археологи нашли среди развалин монастыря большую, почти полуметровой высоты расписную вазу, замурованную в тайнике, в которой почти полторы тысячи лет хранились спрятанные монахами во время набега сокровища: «синеволосая» голова Будды и древние рукописи, написанные на санскрите.

Вплоть до VIII столетия в Мервском оазисе, как и во всей Средней Азии, мирно уживались самые различные религии. Археологи нашли на городище Гяур-Калы и остатки христианского монастыря, сооруженного в V столетии, и маздаистского храма «великого священного огня», относящегося к середине VII века. Здесь же находился древний зороастрийский храм Кей-Мазрубан, до прихода арабов являвшийся главной городской святыней. Все начинает меняться на рубеже VII–VIII веков, с приходом сюда арабских завоевателей. В IX веке Мерв попадает под власть бухарской династии Саманидов, а уже в 1040 году в Хорасане воцаряются Сельджукиды, выходцы из тюркской кочевой среды. Государство Сельджукидов распространилось от Сирии и Малой Азии до Самарканда. Столицей этой огромной страны стал Мерв.

С периодом, когда город являлся столицей Сельджукидов (1040–1221), связан расцвет средневекового Мерва. В ту эпоху он был городом-гигантом, одним из величайших городов мира с населением больше миллиона человек. Его называли «городом, на который опирается мир».

Лежащий на маршруте Великого шелкового пути, Мерв вел обширную торговлю. Отсюда караваны шли через области Хорезма и Согда на восток – в Китай, и на юг, через Нишапур и Герат – в Индию. Город славился искусством своих многочисленных ремесленников, ткачей, гончаров и был широко известен как центр культуры и науки. По свидетельству арабского географа Якута ибн-Хамови, жившего и работавшего в Мерве, только одна из городских библиотек (а всего их было десять) насчитывала 120 тысяч томов.

В город вели четверо ворот. На центральной площади высился пышный дворец Сельджукидов. По приказу одного из них, султана

Санджара (1118–1157), зодчий Мухаммед ибн-Атсиз из Серахса построил для себя величественный мавзолей Санджара, названный «Домом будущей жизни» – шедевр мировой архитектуры. Это самый большой мавзолей в Средней Азии. С восточной стороны к мавзолею примыкала мечеть с минаретом, которую арабский хронист XV века Исфазари назвал его «одной из величайших построек царств вселенной».

Сегодня мавзолей султана Санджара, увенчанный куполом-чашей, одиноко высится над развалинами Мерва мрачной кирпичной громадой. Этот мавзолей и еще несколько полуразрушенных построек – все, что уцелело сегодня от средневекового Мерва. Все остальное покоится под громадным, протянувшимся на несколько километров холмом Султан-Кала, усыпанным битыми черепками, осколками цветного стекла и керамики. Культурный слой здесь достигает двенадцати метров.

В 1221 году младший сын Чингисхана, царевич Тули, всего с восьмьюдесятью тысячами всадников осадил почти полуторамиллионный город, окруженный мощными укреплениями. Мерв сдался практически без боя. Сорок дней длилась резня. После разгрома города в живых осталось всего четыре человека. Мервский оазис запустел на долгие два столетия.

Дворцы и крепости в песках Хорезма

Расположенный в низовьях Амударьи Хорезм занимает особое положение в древней истории. Наряду с Греко-Бактрией и Парфией он являлся одним из важнейших культурных центров Средней Азии. Здесь довольно рано сложилась развитая городская культура. Отделенный от Греко-Бактрии и Парфии песками пустынь, Хорезм остался вне сферы досягаемости их воинственных царей. В то же время довольно тесными были связи Хорезма с кочевыми племенами Казахстана и Южной Сибири.

Богатейший материал по истории древнего Хорезма дали раскопки в Топрак-кале – прославленном археологическом памятнике, расположенном на правом берегу Амударьи. Исследования Топрак-калы, начатые еще в конце 1930-х годов, велись советскими учеными (С.П. Толстовым и другими) на протяжении нескольких десятилетий.

Во 2-й половине III – начале IV века Топрак-кала являлась резиденцией хорезмийского царя. Обширный замок, занимавший площадь 500 x 350 м, был обнесен валом и крепостными стенами с башнями. Через всю его территорию пролегла широкая (до 10 м) парадная магистраль. Четкая сеть продольных и поперечных улиц делила город на правильные

кварталы. В северо-западном углу располагался огромный трехбашенный царский дворец, сооруженный на кирпичной платформе 12-метровой высоты. Это была постройка, не имевшая себе подобных ни в Хорезме, ни в Средней Азии вообще.

По первоначальному замыслу строителей дворец был построен квадратным в плане, со сторонами длиной в 80 м. Чуть позднее к основному зданию были пристроены три квадратные башни, каждая размером 40 × 40 м. В результате получилась чрезвычайно величественная и оригинальная композиция. Высокие и глухие наружные стены придавали всему дворцовому ансамблю вид суровой и неприступной твердыни.

В центральном корпусе топрак-калинского дворца располагалось множество различных – жилых, парадных, хозяйственных и подсобных – помещений, часть из которых занимала два этажа. Все эти помещения четко делились на несколько самостоятельных комплексов определенного назначения, отделенных друг от друга мощными стенами. Среди руин археологи обнаружили более ста хозяйственных документов, сделанных арамейской письменностью на хорезмийском языке.

Многие комнаты дворца были украшены настенными росписями и глиняной скульптурой, но особенно выделялся своим убранством огромный (до 280 кв. м) центральный парадный зал – «Зал царей», вдоль ярко расписанных стен которого стояли глиняные статуи хорезмийских правителей – каждая размером вдвое больше натуральной величины. К сожалению, эти скульптуры сохранились только в обломках. Среди фрагментов торсов, рук, ног, голов не уцелело ни одного лица – видимо, они были намеренно уничтожены кем-то из завоевателей. О том, что эти статуи олицетворяли именно царей, свидетельствуют находки двух скульптурных корон, известных по изображениям на монетах.

Каждого царя, изображенного сидящим, окружали стоящие фигуры женщин – цариц и принцесс, мужчин – принцев и приближенных вельмож, и детей. Настоящая «портретная галерея»! Впрочем, и от этих скульптурных портретов до нас дошли лишь две сильно поврежденные головы – женщины («супруги царя Вазамара») и юноши-принца. Несмотря на повреждения, в их облике заметно стремление скульптора передать индивидуальные черты изображаемых им лиц.

Не менее интересным и богатым было убранство «Зала воинов». Это обширное (около 60 кв. м) помещение также украшала глиняная скульптура. Однако планировка и устройство «Зала воинов» полностью повторяли обычные для топрак-калинского дворца планировку и устройство жилых помещений. Это позволило ученым предположить, что

«Зал воинов» служил царской опочивальней. У одной из стен «Зала воинов» был устроен очаг-камин. В нишах вдоль стен стояли большие глиняные статуи царей, а в промежутках между ними, на специальных подставках – фигурки воинов с оружием в руках.

Еще одно парадное помещение топрак-калинского дворца получило у археологов название «Зала танцующих масок». Убранство этого зала было посвящено культу Диониса – древнегреческого бога вина и веселья, популярного не только в античном мире. Украшавшие стены зала барельефы изображали вакхические танцы. Возможно, танцующие были в дионисийских масках – при раскопках археологи нашли голову одного из персонажей, с длинной черной бородой и козлиными ушами.

Относительно небольшой, но богато отделанный «Зал оленей» получил свое название из-за украшавших его глиняных рельефов с фигурами пасущихся ланей, переданных в почти натуральную величину. Судя по уцелевшим остаткам раскраски, лани были коричневого цвета, а фон – синий. Изображения ланей дополняли деревья, обвитые виноградными лозами, ветви с плодами гранатов.

Комнаты меньшего размера – вероятно, они являлись жилыми – украшала многокрасочная стенная живопись. Одно из таких помещений получило название «Зал арфистки» – по найденному здесь изображению молодой женщины с арфой. Другая комната («Зал червонных дам»), вероятно, входившая в комплекс помещений гарема, была украшена изображениями женщин на светлом фоне, покрытом красными сердечками.

Если топрак-калинский дворец с уверенностью можно считать царской резиденцией, то назначение древнехорезмийского комплекса в Кой-Крылган-кале в полной степени еще не определено. Это обширное городище, расположенное на правом берегу Амударьи, в 22 км к северо-востоку от каракалпакского города Турткуля, привлекло к себе внимание археологов еще в 1938 году. Первые раскопки в Кой-Крылган-кале вела Хорезмская экспедиция под руководством С.П. Толстова. После Великой Отечественной войны исследования продолжились, и в 1951–1957 годах этот памятник был полностью раскопан.

Загадочное сооружение в Кой-Крылган-кале было возведено в IV–III веках до н. э. После первого этапа его существования и функционирования последовало длительное – вплоть до рубежа эр – запустение. Затем сооружение вновь «ожило» и просуществовало до IV века н. э.

На первом этапе ансамбль Кой-Крылган-калы представлял собой круглое двухэтажное здание диаметром 44,4 м. Его окружала оборонительная стена с девятью башнями, расположенными на равном

расстоянии друг от друга. В одной из башен находился вход со сложной системой переходов, выводящих в итоге сразу на второй этаж центрального здания, где располагалась круглая открытая площадка. Первый его этаж занимали две изолированные группы помещений по четыре комнаты в каждой. Возможно, комплекс в Кой-Крылган-кале был связан с погребальными обрядами: помещения нижнего этажа предназначались для захоронения останков хорезмийского царя и его супруги, а площадка на втором этаже – для предназначенного к сожжению погребального инвентаря.

Ряд исследователей полагает, что сооружение в Кой-Крылган-кале являлось не только гробницей, но и храмом, посвященным культу обожествленного царя. Здесь, вероятно, производились также астрономические наблюдения. И всем известные замечательные достижения средневековой среднеазиатской астрономии имели, видимо, своим далеким истоком те наблюдения, которые делались в таких сооружениях, как хорезмийская Кой-Крылган-кала.

Старая Ниса

«Старая Ниса возникает еще в отдалении. На фоне острого силуэта Копет-Дага, выделяясь желто-бурой громадой среди зелени предгорий, массив древнего города манит величавым покоем. Сами горы определяют его масштаб... Крепостные валы, когда поднимаешься по двухметровому пандусу к единственным воротам, встречают тебя выставленными грудью вперед быкообразными башнями. Когда-то их стояло сорок три на пятигранном обводе крепостных стен.

С гребня вала открывается огромная чаша, с внутренними всхолмлениями, изрезанными археологическими раскопками. Сравнение с лунным кратером здесь особенно уместно.

Строения древней Нисы трудно угадать в поросших выгоревшей щетинкой травы покатых холмах. Различим, пожалуй, только “Квадратный зал”, и то благодаря остаткам поваленных набок четырехлопастных кирпичных колонн, рухнувших еще в V веке во время очередного жестокого землетрясения».

Так искусствовед Ю.Я. Халаминский^[9] в 1970-х годах описывал руины Нисы – первой столицы Парфянского царства, возникшего в III веке до н. э. и вскоре ставшего одной из четырех великих империй начала нашей эры, грозным соперником Рима.

Рост территории Парфянского царства начался при Митридате I (171–138 гг. до н. э.). К концу правления Митридата II (123—88 гг. до н. э.) Парфия окончательно утвердилась в статусе «великой державы» древности. Впрочем, Парфянское царство так и не смогло достичь того уровня экономического, социального и культурного единства, которого достигла Римская империя. Оно представляло собой не единое государство, а скорее конфедерацию восемнадцати полуавтономных царств. Ниса, древняя метрополия, в силу своей культурной слабости не могла претендовать на роль объединяющего начала и сохраняла свое значение лишь как сакральный центр, родовую вотчину правящей династии Аршакидов. Столица страны была перенесена в Месопотамию – в Ктесифон, а Ниса стала хранилищем древних царских святынь.

В III веке аршакидская Парфия полностью распадается. Одна часть древней столицы Парфии (ныне городище Новая Ниса) на много веков пережила государство Аршакидов. Поселение на этом месте существовало еще в XVIII веке. Расположенный рядом древний Митридатокерт – ныне городище Старая Ниса – погиб вместе с парфянской династией. Вероятно, в конце 1-й четверти III века он был разграблен и разрушен.

Оба этих городища располагаются в 18 км к западу от современного Ашхабада. Археологические раскопки здесь начались после Великой Отечественной войны и продолжались на протяжении многих лет. Ученые

Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой обнаружили здесь замечательные памятники архитектуры, скульптуры, прикладного искусства.

Оба поселения, несмотря на их названия, современны друг другу. Новая Ниса представляет собой собственно город, Старая Ниса – царскую резиденцию Митридатокерт. Для простых смертных доступ в эту укрепленную цитадель был закрыт. Неудивительно, что именно эта «святая святых» парфянских царей подарила археологам самые значительные и неожиданные открытия.

Одной из самых интересных и важных находок стал архив царского хозяйства – около 2,5 тысячи глиняных черепков с текстами, содержащих по преимуществу документы хозяйственной отчетности. В их числе советские востоковеды В.А. Лившиц и И.М. Дьяконов обнаружили и прочитали «памятную записку», содержащую важные сведения о восшествии на престол парфянских царей и родословном древе первых Аршакидов.

Одной из главных построек Старой Нисы являлся так называемый «Квадратный дом» (так окрестили его археологи). Первый камень в фундамент «Квадратного дома» был заложен, по-видимому, одновременно с основанием Митридатокерта. Здание представляло собой сложенную из кирпича-сырца замкнутую постройку с обширным внутренним двором (площадью 38 × 38 м) и двенадцатью кладовыми, располагавшимися по периметру здания – по три с каждой стороны двора. Глухие стены здания были обращены наружу, внутрь вел только узкий вход, расположенный сбоку, в юго-западном углу здания.

Первоначальное назначение «Квадратного дома» не вполне ясно; М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова полагали, что это – хранилище для инвентаря, сопровождавшего в загробный мир погребенных где-то поблизости первых парфянских царей. В последние же годы существования Митридатокерта «Квадратный дом» являлся царской сокровищницей. Об этом неоспоримо свидетельствуют весьма ценные находки, сделанные археологами среди его развалин.

Судя по всему, сокровищница была разграблена еще в древности – скорее всего тогда, когда погибла, разрушенная противниками Аршакидов, Старая Ниса. Однако немалое число художественных сокровищ осталось лежать под развалинами, дожидаясь своего часа. Значительная их часть, судя по всему, в свое время привезена из западных областей Парфянской державы и даже из еще более далеких областей и стран. Среди этих

находок – мраморные статуи, остатки парадной мебели, монеты античных причерноморских городов, позолоченные терракоты, изящные серебряные статуэтки, изображающие Афины, Эрота и других античных богов. Но самой сенсационной и значительной находкой в Нисе стали великолепные ритоны – сосуды для вина в виде рога, сделанные из слоновой кости. Всего их было найдено, считая с обломками, около сорока.

Ритоны из Нисы – выдающиеся и исключительно интересные образцы искусства древних резчиков по кости. Эти крупные, до 40–60 см в высоту, сосуды (археологи датируют их II в. до н. э.) служили для ритуальных возлияний. Вероятнее всего, из них проливалось вино над жертвенником или священной чашей. Острый конец рога завершался резными фигурками богов, грифонов, крылатых слонов или изображением человека-быка Гопатшаха, могущественного покровителя вод и стад. Раструб ритона опоясывал широкий фриз, украшенный многофигурными сценами.

Сами ритоны, фигурки крылатых грифонов и других фантастических существ, завершающие их, являются персидскими. Такой своеобразный тип сосудов хорошо известен на Востоке, в частности, в ахеменидском искусстве. Но рельефы, украшающие верхнюю часть ритонов, по сюжетам и по стилю чисто греческие. На одном из ритонов сохранилась даже надпись с именем греческого божества, сделанная греческими буквами. Таким образом, ритоны из Нисы можно считать сосудами персидского типа с греческим декором.

Одной из важнейших монументальных построек Старой Нисы являлся так называемый «Квадратный зал». Его назначение до конца не прояснено. Предполагается, что во времена первых Аршакидов это был храм огня. Позднее, когда столица Парфии переместилась и Ниса осталась лишь почитаемой древней резиденцией, этот храм стал родовой святыней царской династии, где возжигался огонь в честь усопших и обожествленных парфянских царей. Предположения о том, что «Квадратный зал» мог служить залом официальных приемов, остаются пока неподтвержденными. Впрочем, несомненно, что здесь проводились какие-то важные церемонии – уж слишком пышно и торжественно был оформлен этот зал. По своему устройству он представляет собой типичный иранский «храм огня», но в его внутреннем убранстве заметны греческие черты.

Все сооружение возвышалось на сплошной двухметровой платформе из кирпича-сырца. Площадь зала, в который вели три прохода, составляла 400 кв. м (20 × 20 м), высота – 10 м. Зал перекрывала плоская деревянная кровля с большим световым люком в центре, опиравшаяся на четыре

центральных столба, сооруженных из кирпича особой лекальной формы. Стены трехметровой толщины делились на два яруса: нижний был оштукатурен и побелен, а верхний выкрашен в темно-красный цвет. Капители пристенных колонн пестрили голубым, розовым, кремовым и малиновым цветами, стены расписаны бело-красно-черным орнаментом. Между колоннами в нишах верхнего яруса стояли 2,5-метровые глиняные статуи мужчин в латах, плащах и шароварах, и женщин, задрапированных в длинные, ниспадающими складками, белые мантии и облаченных в ярко-красные головные уборы. Вероятнее всего, это были изображения обожествленных предков парфянских царей.

В ансамбль священных построек Старой Нисы входил и так называемый «Круглый храм» – цилиндрическое здание, покрытое высоким черепичным шатром и стоявшее на массивном квадратном основании. Возможно, это была усыпальница парфянских царей: хотя никаких погребений здесь не было обнаружено, сам тип постройки восходит к очень древним концепциям погребальной архитектуры. По своему построению и ряду деталей «Круглый храм» напоминает греческий храм Арсинойон на острове Самофракия (II в. до н. э.), посвященный культу Великих богов-Кабиров. Впоследствии этот культ слился с почитанием божественных близнецов Диоскуров, которые считались покровителями династии Селевкидов.

Второй храм Старой Нисы, «Башенный храм», сохранился хуже всего. В одном из его святилищ на постаменте высилась статуя. Высказывалось предположение, что это могло быть изображение основателя династии парфянских царей Аршака. Но самую большую известность среди скульптур, найденных в Нисе, получила так называемая «Родогуна».

Эта невысокая (около 60 см) мраморная фигура обнаженной женщины, несомненно, была привезена в парфянскую столицу из Средиземноморья – вероятнее всего, из Александрии. Женщина изображена в позе Афродиты, выжимающей мокрые волосы. Однако ее суровое и властное лицо навело Г.А. Пугаченкову на мысль, что скульптор изобразил здесь не греческую богиню любви, а переданную в ее облике парфянскую царевну, отважную дочь Митридата I – Родогуну.

Образ Родогуны был чрезвычайно популярен в парфянской среде. Она была женой сирийского наместника. Однажды, когда принцесса мыла волосы, пришла весть, что восстало одно из покоренных племен. Кое-как скрутив узлом незнакомые пряди, Родогуна надела доспехи, вскочила на коня и кинулась в бой, дав обет domыть волосы лишь после победы...

Раскопки в Старой Нисе, древнейшем из парфянских поселений,

открыли археологам многие тайны своеобразнейшей культуры Парфии. И не только Парфии – по мнению специалистов, Ниса дала об эпохе греческого господства больше сведений, чем сами греческие поселения. В то же время раскопанные постройки Старой Нисы типологически отражают как иранские, так еще более древние восточные традиции. Даже на поселениях Греко-Бактрии археологи не встречали ничего подобного! Синтез местных и греческих начал проявился в Парфии гораздо сильнее, и исследования в Старой Нисе со всей отчетливостью высветили эту особенность парфянской культуры.

Кушан – забытая буддийская империя

Вначале были монеты. Как правило – медные, реже – золотые, с изображениями грозных бородатых царей и божеств, один перечень которых ставил ученых в тупик: иранский бог солнца Митра, среднеазиатские Вадо – бог ветра, Ардохшо – богиня плодородия, Мах – божество луны, индийский Шива, ближневосточная богиня-мать Нана, греческие Гелиос и Селена, египетский бог Серапис, и, наконец, Будда... Где, когда и в каком государстве мог существовать такой причудливый пантеон?

Не менее странными были и надписи на монетах. Некоторые из них были греческими, другие – индийскими, но в большинстве случаев они были выполнены греческими буквами на неизвестном языке.

Первые такие монеты попали в руки ученых еще в 1820-х годах. Спустя несколько десятилетий ими весьма заинтересовался англичанин Александр Каннингем – военный инженер, служивший в Индии, страстный любитель древностей и нумизмат. Впоследствии он стал первым руководителем Археологической службы Индии.

Естественно, что сперва Каннингем попытался разобраться в более знакомых ему греческих и индийских надписях. Они повторяли друг друга и содержали титулы и имена трех загадочных царей – Кудзулы Кадфиза, Вимы Кадфиза и Канишки. В некоторых случаях наряду с титулом «царь царей» упоминалось название народа или страны – Кушан.

Из трех прочитанных имен Каннингеми было знакомо одно: Канишка. Об этом мудром правителе древности, великом покровителе буддизма, сообщалось в буддийских текстах Индии, Тибета и Китая, его имя было знакомо выдающемуся среднеазиатскому ученому Средневековья Абу Рейхану аль-Бируни. Но никто никогда не упоминал о том, что этот знаменитый древний царь был кушанским государем! И что это за страна такая – Кушан?

Вплоть до 2-й половины XIX столетия ученый мир не знал о существовании Кушанской империи. А между тем, как впоследствии выяснилось, в древних текстах сохранилось довольно много разрозненных сообщений о ней. О могучем Кушанском царстве писали китайские летописцы, путешественники, странствующие буддийские монахи. О ней знали римские географы и историки. Название этой страны в персидском варианте – Кушаншахр – встречается в надписях сасанидских царей Ирана,

о войнах Сасанидов с кушанами писали армянские и сирийские авторы.

Среднеазиатские кочевые племена, сокрушившие Греко-Бактрийское царство, обосновавшись на землях Бактрии, образовали пять отдельных владений. Кочевники довольно быстро восприняли традиции оседлой культуры. В I веке до н. э. они уже начинают сооружать новые ирригационные каналы, восстанавливать города. Один из пяти правителей по имени Герай начинает чеканку собственных монет, в надписях на которых он впервые именует себя кушанцем. Совокупность изображенного на монетах Герая вооруженного всадника и греческой надписи была призвана символизировать связь двух начал: традиций кочевой степи и

эллинистической государственности Греко-Бактрии.

По прошествии ста с небольшим лет, вероятно в I веке н. э., преемник Герая Кудзула Кадфиз (Кадфиз I; приблизительное время правления – от 25 г. до н. э. до 35 г. н. э.) подчинил своей власти четыре других княжества, создал новое государство – Кушанское царство и принял пышный титул «царя царей». Его сын и преемник Вима Кадфиз (Кадфиз II; приблизительное время правления – 35–62 гг. н. э. или несколько позже) завоевал значительную часть Северо-Западной Индии. При Кадфизе I ядром Кушанского государства являлась Бактрия, а столицей, скорее всего, был город Бактры (Балх). В дальнейшем политический центр страны переместился на юг, в город Пурушапура (ныне Пешавар).

Самым известным кушанским правителем был третий царь – Канишка, с именем которого связан расцвет империи, подъем экономики и культуры, утверждение и распространение буддизма. Память об этом выдающемся правителе сохранилась во множестве поздних буддийских сказаний, рисующих Канишку как ревностного буддиста и мудрого правителя. В середине II века Канишка избрал буддизм в качестве государственной религии страны. В главных центрах империи – Балхе, Бамиане, Газни, Баграме – были созданы огромные буддийские комплексы, где в окружении многочисленных ступ поднимались величественные статуи загадочно улыбающегося Будды. Проходившие с караванами через Афганистан китайские пилигримы-буддисты с восхищением писали о множестве существовавших здесь монастырей и буддийских храмов, которые попидавшие мир странствующие монахи признавали самыми величественными из всего, что им доводилось видеть.

При Канишке Кушанская империя превратилась в одно из сильнейших государств древнего мира. Наряду с Римской империей, Парфянским царством (а позднее – Сасанидским Ираном) и Китаем она входила в четверку «великих держав» поздней античности, распространивших свое влияние практически на весь Старый Свет – от Атлантического до Тихого океана. Позднее историки назовут этот период (I–IV вв. н. э.) «имперским». Эти четыре империи были тесно связаны между собой сложными политическими, торговыми и культурными нитями.

Среди преемников Канишки наиболее известными были цари Хувишка и Васудева. При Васудеве Кушанское царство начало клониться к упадку. Его наследникам пришлось вести длительную борьбу как с Сасанидским Ираном, так и с местными династиями, утвердившимися в различных районах Индии. Наиболее ожесточенный характер война с Ираном приобрела к середине III века. Шах Шапур I (241–272 гг.) захватил

западные области Кушанской империи. Спустя сто лет сасанидские войска вторглись в сердце страны – на территорию Бактрии, и шахские наместники этой области стали именоваться «царями кушан». В руках законных кушанских царей оставалась лишь Гандхара – область на северо-западе Индии. Остатки некогда могучей империи вскоре были покорены индийским государством Гуптов. От великого государства не осталось практически ничего, кроме надписей на монетах да кратких индийских текстов...

Ничего?

«Этот акрополь – храм в честь Канишки Победителя, которым господин царь почтил Канишку. И вот, когда первоначально было закончено сооружение акрополя, тогда высохли внутри него находящиеся хранилища воды, в результате чего акрополь остался без воды. И когда от сильного летнего зноя наступила засуха, тогда боги из их гнезда были унесены – и изображения их и скульптуры их. И акрополь опустел – до тех пор, пока в 31-м году управления, в месяце нисан, пришел сюда к храму канаранг – наместник Ноконзок, любимый царем, наиболее дружественный к царю, сиятельный, старающийся, делающий добро, полный добродетелей, чистый помыслами по отношению ко всем существам. Затем он акрополь обнес стеной, вырыл колодец, провел воду, выложил колодец камнем так, чтобы акрополь не испытывал недостатка в чистой воде и чтобы в случае засухи, возникающей от сильного летнего зноя, боги не были бы унесены из их гнезда, чтобы акрополь не опустевал. А над колодцем был устроен подъемник для воды, было сооружено также водохранилище. И благодаря этому колодцу, и благодаря этому водоподъемнику весь акрополь стал процветающим. И этот акрополь и это... сделали Хиргоман, Бурзмихр, сын Кузгашки, Астилганциг и Ноконзок, канаранги, послушные приказу царя. И написал эту надпись Евман вместе с Михраманом, сыном Бурз-михра, и Амихраманом».

Это – текст высеченной на камне надписи, относящейся к временам правления царя Канишки. Ее нашли в 1950-х годах французские археологи во главе с Даниэлем Шлюмберже, раскопавшие большой кушанский храм в Сурх-Котале (Северный Афганистан). В руки исследователей впервые попал длинный, связный, хорошо сохранившийся кушанский текст, выполненный четкими греческими буквами. Впрочем, прочитать его оказалось не так-то просто: надпись была сделана на неизвестном языке, который, по-видимому, и являлся государственным языком Кушанской империи. Лишь после многолетних усилий и новых открытий, сделанных археологами – прежде всего советскими, внесшими огромный вклад в

разгадку тайны Кушан, – надпись удалось прочесть. Сделал это советский исследователь Владимир Лившиц, один из крупнейших знатоков древних языков Средней Азии. Расшифровка надписи из Сурх-Котала позволила определить и язык кушанской Бактрии: это было одним из восточноиранских наречий, близкое согдийскому и хорезмийскому.

Прочтение сурх-котальской надписи открыло новый этап в истории изучения загадочной империи. Впервые наряду с именами царей зазвучали имена зодчих, писцов, строителей – людей, населявших Кушан и создававших великую культуру этой страны. А именно высокий уровень культуры и стал едва ли не наиболее значительным достижением кушанской эпохи. «В кушанской культуре (при всех ее локальных и временных различиях) в творческом единстве были сплавлены достижения местной цивилизации древневосточного типа, лучшие традиции культуры эллинизма, утонченность искусства Индии и особый стиль, принесенный кочевыми племенами из просторов Азии»^[10].

Одним из самых ранних по времени возникновения памятников Кушанского царства был Халчаян – центр одного из кочевнических владений на севере Бактрии, расположенный в долине Сурхандарьи (Таджикистан). Здесь в 1959–1963 годах советские археологи под руководством Г.А. Пугаченковой открыли небольшой, богато украшенный дворец правителя, в облике которого «чисто азиатские» архитектурные формы тесно переплелись с эллинистическими. В Халчаяне воочию можно увидеть истоки замечательной кушанской культуры.

В сохранившихся фрагментах росписей и скульптур присутствуют одновременно и детали иранских костюмов и причесок, и явные признаки эллинистического влияния. Здесь были найдены изображения античных божеств Ники и Афины, сатиров, обнаженных амуров с гирляндами – все обычные элементы греческих декоративных росписей. Однако основной идеей декоративного убранства халчаянского дворца является прославление царствующей династии. Какой? Г.А. Пугаченкова предположила, что дворец в Халчаяне принадлежал Гераю – тому во многом загадочному князю, которого принято считать основателем Кушанской империи.

О том, как культура Кушан усваивала и творчески перебатывала различные традиции, позволяют судить результаты раскопок на холме Кара-тепе близ Термеза, начатые в 1961 году совместной экспедицией Государственного Эрмитажа, Музея искусств народов Востока и Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации Министерства культуры СССР. На протяжении

полутора сезонов работ здесь были раскрыты остатки огромного буддийского культового комплекса кушанской эпохи. Широкое распространение буддизма у кушан связано с периодом правления Канишки. Находки в Кара-тепе позволили установить, что уже в те времена этого вероучения придерживались не только царь и придворная знать, но и самые широкие слои населения империи. Комплекс памятников Кара-тепе включал в себя до 25 сооружений ритуального характера – ступ, пещерных храмов и наземных святилищ. Среди руин были найдены многочисленные обломки буддийских статуй и рельефов, а также фрагменты стенных росписей. Они стали одним из важнейших источников для изучения истории буддизма за северными пределами Индии.

Великолепные образцы буддийского искусства, относящиеся к кушанской эпохе, найдены археологами во всех областях Афганистана. Ко временам Кушанского царства относились и знаменитые Будды Бамиана, разрушенные дикарями весной 2001 года. В облике бамианских Будд тоже отразилось влияние различных культур: статуи были облачены в одеяния, напоминающие греческие туники. Легкая драпировка складок одежды, покрывающей фигуры, вызвала в памяти образы классических античных скульптур.

Еще одним значительным памятником кушанского периода является святилище Матхура (Северная Индия) – крупный художественный центр Кушан, где археологами был найден целый ряд царских статуй. В их числе – ныне знаменитая статуя Канишки, ставшая сегодня своеобразным символом исчезнувшей Кушанской империи: от скульптуры уцелела лишь нижняя часть, приблизительно до уровня груди. Головы нет, и облик легендарного царя остался для нас загадкой, как остаются нераскрытыми еще многие другие страницы истории Кушан...

Открытие Согдианы

Весной 1932 года пастух Джур-Али Махмед-Али, пасший овец недалеко от таджикского кишлака Хайрабад, нашел полусгнившую корзину, полную кожаных свитков, покрытых непонятными письменами. Он отнес ее в селение Варзи-Минор и отдал секретарю местного райкома. Тот отвез загадочные свитки в Душанбе, где ученые распознали в одном из документов не известные дотоле согдийские письмена. Это было открытие мирового значения.

К месту находки – горе Кала-и-Муг, что в переводе означает «Замок колдунов», – немедленно отправилась археологическая экспедиция. На вершине горы высились остатки крепостных стен – руины древнего замка. Вероятно, когда-то это было грозное укрепление. И все же, как показали уже первые раскопки, замок был разрушен, разграблен и сожжен. Но когда и кем? Об этом могли рассказать древние кожаные свитки. Но их никто не мог прочесть: в то время письменность согдийцев была еще не дешифрована.

Лишь после Великой Отечественной войны началось планомерное исследование замка на горе Муг. Вскоре раскопки охватили и древнее городище Пенджикент, расположенное на окраине современного одноименного города. Когда в 1946 году сюда пришли археологи в главе с профессором А.Ю. Якубовским, перед их взором предстали сглаженные и оплывшие глиняные бугры – остатки древних строений и стен. Их было очень много – целый город...

Раскопки Пенджикента велись на протяжении четверти века. После смерти А.Ю. Якубовского ими руководил А.М. Беленицкий. В Пенджикенте археологам представился редкостный случай: им не пришлось пробиваться через множество культурных наслоений, добираясь до самого древнего. Они сразу же «вошли» в VIII век нашей эры. Сделанные здесь находки не перестают поражать воображение. Остатки многочисленных зданий, бесценные произведения живописи и скульптуры открыли облик древних согдийцев, своеобразие их культуры...

Согдиана (Согд) на протяжении многих веков являлась одной из важнейших областей Средней Азии, заметно выделяясь по уровню своего развития. Главным городом Согда была Мараканда, руины которой расположены на окраине современного Самарканда. В политическом отношении Согд представлял собой конгломерат мелких княжеств, среди которых выделялись несколько более сильных и влиятельных.

Столицей одного из княжеств являлся Пенджикент. Площадь города была невелика: в общей сложности всего 19 га. На западе возвышалась хорошо укрепленная цитадель – кухендиз, еще выше поднималась сторожевая башня, соединенная с крепостью и городом коридором оборонительных стен. Центральная площадь собственно города – шахристана – с одной стороны была сплошь застроена двух- и трехэтажными домами знати. С другой стороны возвышались украшенные скульптурой и многоцветными росписями открытые портики двух городских храмов. Как показали раскопки, один из этих храмов был покинут еще в древности, а второй погиб в огне огромного пожара. В результате в первом храме относительно хорошо сохранились стенные росписи, но сгнили или были растащены все деревянные детали архитектуры, а во втором безвозвратно погибла стенная живопись, но зато уцелело обугленное дерево.

Каждый храм состоял из обширного прямоугольного двора, окруженного стеной, и центральной части, поднятой на высокую

платформу. Храмы выходили на площадь широкими, открытыми на восток порталами – айванами.

Один из двух храмов Пенджикента – северный, тот, что был по каким-то причинам покинут, – как установили исследователи, был посвящен местному культу обожествленных природных стихий. Его центральный айван украшали раскрашенные глиняные рельефы, по технике и по характеру изображений напоминавшие произведения кушанского искусства. Рельефы тянулись вдоль всего айвана, обтекая дверной проем и переходя с одной стены на другую. Лучше сохранилась левая, южная половина. Здесь располагалась рельефная композиция, изображающая обожествленную реку Зеравшан, называвшуюся по-согдийски Намик – «Несущий воды». Из каменистого грота бежали окрашенные синей краской струи воды со спиральными завитками волн. В воде плавают всевозможные существа, среди которых – зубастое чудовище, заглатывающее двух небольших рыб, фигура мифического тритона – существа с телом человека и рыбьими хвостами вместо ног, бога воды с трезубцем в правой руке. Несмотря на то что изображения сильно повреждены, все же достаточно ясно можно понять, что перед нами персонажи, известные еще по памятникам кушанского искусства. Зубастое чудовище – макара – пришло сюда из индийской мифологии, а изображения тритона, дельфина, Посейдона (Нептуна) и Нереиды заимствованы из античного (греческого) искусства.

В южном храме, погибшем в огне большого пожара, уцелели остатки стенной живописи, и в их числе – ныне знаменитая «сцена оплакивания». В сюжете этой росписи А.Ю. Якубовский видит легенду о Сиявуше – божестве в облике прекрасного юноши, олицетворявшего ежегодно умирающую и воскресающую природу.

На ложе под балдахином покоится тело умершего юноши. Его оплакивают боги и люди. Древний художник, пользуясь темно-красной, коричневой, черной и белой красками, проложенными по алебастровому грунту, живо передал разнообразные позы людей, характерное различие в их лицах. Скорбя по ушедшему, плачущие наносят себе удары, рвут на себе волосы, царапают лица, надрезают длинными ножами мочки ушей. Одни из этих людей – светлокожие, с овальными лицами – несомненно, согдийцы. Лица других выкрашены в желто-коричневый цвет, у них подчеркнуты выступающие скулы и удлинённые раскосые глаза: это, по-видимому, турки. В оплакивании принимают участие и божества, чьи изображения располагались по сторонам от центральной группы. Справа находились божества мужские, слева – женские. Их изображения по размеру

значительно больше, чем фигуры людей, вокруг их голов видно сияние нимба, а одна из богинь изображена многорукой.

Пенджикентские храмы – блестящие памятники своеобразного и неповторимого согдийского искусства. Еще более ярко черты этой самобытной художественной культуры отразились в убранстве жилищ городской знати. Центром каждого дома служила гостиная – просторный и очень светлый зал. Его убранству придавалось особое значение. В центре плоского потолка между четырьмя деревянными колоннами устраивался большой световой люк, дававший свободный доступ свету и воздуху. Вдоль стен тянулись лежанки-суфы, покрытые пестрыми тканями и подушками, а прямо против входа обычно устраивалось почетное место. Деревянные колонны и балки были щедро покрыты резьбой и раскрашены. Резьба по дереву включала в себя геометрические и растительные узоры, изображения божеств, людей и животных, выполненные в виде барельефов или почти объемных статуй. Среди резных изображений можно встретить сасанидские, кушанские, ближневосточные, эллинистические и индийские мотивы.

Всю поверхность стен парадных залов занимали многоцветные росписи, редкостные по качеству исполнения, краскам и сюжетам. Остатки стенных росписей обнаружены во многих десятках домов Пенджикента, а занимаемая ими площадь насчитывала, вероятно, сотни кв м. Росписи Пенджикента – самые замечательные произведения древнего среднеазиатского искусства. Создававшие их художники восприняли ряд приемов, образов и композиций из искусства Греко-Бактрии, Кушан, Индии, Ирана и других стран Востока. Но впитав все это, согдийские мастера создали своеобразные и совершенно неповторимые произведения, отличающиеся от живописи других стран и народов.

Сегодня хорошо известен фрагмент росписи одного из пенджикентских домов, изображающий знаменитую «арфистку» – необычайно изящную женщину с нимбом вокруг головы, задумчиво перебирающую струны арфы. Художник тщательно изобразил все детали легкой нарядной одежды арфистки, богатый головной убор, серьги в ушах и браслеты на руках, прическу с двумя косичками, спускающимися вниз по обеим сторонам лица.

Пенджикент, являвшийся центром самого восточного из согдийских княжеств в долине Зеравшана, вовсе не был каким-то культурным феноменом. Раскопки других городов Согдианы показали, что обилие деревянной резьбы и стеной живописи было характерно для согдийских жилищ вообще. Великолепные росписи были открыты во дворце правителя

Согда в Самарканде (на городище Афрасиаб), в резиденции бухарских владетелей в Варахше и во дворце правителей Усрушаны в Шахристане. Любопытно, что среди сюжетов росписей последнего была сцена с изображением волчицы, кормящей двух младенцев, – едва ли не точная копия римской Капитолийской волчицы, вскормившей Ромула и Рема!

Уникальный характер носило живописное убранство парадного зала дворца в Варахше. Специалисты окрестили его «индийским залом». Его стены покрывали росписи, изображающие жизнь Индии. Согдийский художник написал здесь сцены охоты царя на барсов, тигров и грифонов. Царь изображен верхом на слоне, на голове слона сидит значительно меньший по размеру слуга. Несмотря на то что Индия не столь уж далека от Согдианы, живописец, судя по всему, никогда в жизни не видел живого слона и изобразил его одного размера с барсами и тиграми, причем бивни у него растут не из верхней, а из нижней челюсти. На слона надета обычная конская сбруя с удилами и со стремянами, изображенная, кстати, с необычайной тщательностью – здесь-то художник знал, что рисовал!

Произведения архитектуры, живописи и скульптуры, найденные в Пенджикенте и других согдийских городах, демонстрируют необычайно высокий уровень культуры Согдианы конца IV – середины VIII века. Согдийцы единственными среди других народов Средней Азии сохранили древние художественные традиции, восходящие еще к эпохе эллинизма – такие, например, как производство терракот. Согдийские мастера изготавливали великолепные, весьма разнообразные серебряные чаши, блюда и кувшины, в которых заметно влияние греческих образов, умели хорошо обжигать посуду, ткать шелк, выделять кожу, изготавливать красивую, отличного качества утварь. Рассчитывая в значительной мере на международную торговлю, согдийские ремесленники нередко украшали свои изделия в персидском, китайском и византийском вкусе.

Раскопки древнего Пенджикента дали наиболее полную картину культуры и быта согдийского города накануне арабского завоевания. В начале VIII века Согдиана подверглась иноземному нашествию, прервавшему естественный ход развития страны. Борьбу с захватчиками возглавил правитель Пенджикента Диваштич. Потерпев поражение, он с небольшой группой уцелевших воинов укрылся в замке на горе Муг. Однако замок не был приспособлен к длительной осаде. Это побудило Диваштича прекратить оборону и сдаться врагам, пообещавшим ему неприкосновенность. Арабы сперва с почтением отнеслись к пленному пенджикентскому князю, но затем Диваштич был распят. Его отрубленную голову и левую руку отправили халифу. Замок на горе Муг был разгромлен.

Варварскому разрушению подвергся и Пенджикент. С 20-х годов VIII века жизнь в городах Согдианы замерла. Только много лет спустя сюда пришли ученые. И крепость на горе Муг, последний оплот согдийцев, стала первым найденным памятником древней культуры, заново открывшей человечеству свои сокровища.

Пояс степей

Сокровища «степных пирамид»

За три тысячелетия в причерноморских степях сменилось множество народов, оставивших после себя высокие курганы с каменными идолами на вершинах. Эти «степные пирамиды» на протяжении столетий привлекали к себе внимание грабителей могил и кладоискателей. И только во второй половине XVIII столетия к ним стали проявлять интерес ученые.

Появление самых больших и самых знаменитых причерноморских курганов связано со скифами – ираноязычным кочевым народом. На протяжении всего VII века до н. э. скифские военные отряды активно участвовали в политической жизни Передней Азии. Позже, потерпев ряд поражений, скифы осели в Северном Причерноморье, и с этого периода начинается четырехсотлетний период их господства в причерноморских степях. Именно к этому времени относится абсолютное большинство исследованных археологами скифских памятников. Это по преимуществу погребальные курганы. Их размеры колеблются в значительных пределах: над погребениями рядовых воинов сооружались небольшие насыпи, которые теперь – после многовековой распахки и выветривания – едва возвышаются над уровнем земли; зато над могилами племенных вождей или царей сооружались гигантские земляные холмы, порой с применением и каменных конструкций.

Открытие древностей скифов относится к началу XIX столетия. Подобно многим другим важным открытиям, оно было сделано совершенно случайно – археология знает немало примеров подобного рода.

В последних числах декабря 1820 года некий грек – житель Керчи, искавший в окрестностях города пригодный для строительства камень, неожиданно наткнулся на склеп, сооруженный из тесаных камней. Пробравшись в него, он был буквально ослеплен множеством находившихся в нем золотых предметов...

Местные власти отправили находки генерал-губернатору Новороссийского края графу Ланжерону. Известно, что в их числе были массивный шейный обруч из электра (сплав золота и серебра), украшенный на концах львиными головками, два золотых браслета, небольшая электровая статуэтка и множество золотых бляшек с дырочками по краям – нашивные украшения одежды. Однако судьба этих находок осталась неизвестной. Считается, что от графа Ланжерона они поступили в Одесский музей, но на самом деле их там нет и никогда не было. Так что

первое важное открытие скифских древностей – а то, что в склепе под Керчью был похоронен какой-то знатный скиф, сомнений нет – фактически прошло незамеченным для науки. О нем вспомнили лишь через десять лет, в связи с новой находкой, также сделанной случайно. Это новое открытие поразило современников и стало одной из главных археологических сенсаций 1-й половины XIX века. Речь идет о знаменитом кургане Куль-Оба.

В первых числах сентября 1830 года на Куль-Обе работали солдаты Воронежского пехотного полка, заготавливавшие строительный камень. При этих работах в качестве наблюдателя присутствовал смотритель керченских соляных озер Павел Дюбрюкс, археолог-любитель, на протяжении четырнадцати лет раскапывавший курганы в окрестностях Керчи. Чутье и накопленный опыт исследователя подсказывали ему, что и Куль-Оба представляет собой не естественный холм, а является творением рук человеческих. Но в таком случае под насыпью должна была находиться древняя гробница!

Интуиция не подвела исследователя: 19 сентября перед его взором открылся угол склепа, сооруженного из тесаного камня. Еще несколько взмахов лопат – и из-под завалов земли предстал узкий коридор-дромос, ведущий в склеп, а в конце – вход, заложенный камнями. Но спуститься в

коридор никто не отважился: над ним нависал тройной ряд огромных камней, которые подпирались полуистлевшими бревнами и едва держались, грозя вот-вот рухнуть.

Три дня ушло на то, чтобы разобрать каменный свод. Лишь вечером 22 сентября археологи наконец смогли войти в склеп. В тусклом свете свечей перед исследователями предстала картина полного хаоса. Неужели склеп был ограблен еще в древние времена? Однако этот вывод оказался преждевременным. Погребение оказалось совершенно нетронутым!

Как оказалось, в склепе были похоронены три человека. Главное захоронение принадлежало знатному воину, лежавшему на деревянном катафалке. Это был человек очень высокого роста. Покойник был облачен в праздничный роскошный наряд. На голове – остроконечная войлочная шапка в форме башлыка, богато украшенная золотыми бляшками. На шее – массивная золотая гривна весом 461 г, скрученная в виде жгута из шести толстых проволок; концы ее украшены скульптурными фигурками всадников-скифов. На руках и ногах – золотые браслеты тончайшей ювелирной работы. Вся одежда была расшита множеством золотых тисненых бляшек. Рядом лежало оружие: меч, лук и стрелы. Рукоять и ножны меча, а также горит – футляр для лука и стрел – были обложены золотыми пластинами с вытисненными на них изображениями борющихся зверей и фантастических животных. Рядом с оружием лежали рукоять кожаной нагайки, оплетенная золотой лентой, точильный камень в золотой оправе и роскошная золотая чаша весом 698 г, украшенная многократно повторяющимися чеканными изображениями бородатой головы скифа и маски медузы Горгоны. Все свидетельствовало о том, что погребенный здесь воин был лицом самого знатного происхождения, возможно, даже скифским царем.

Рядом с ним лежал скелет женщины – очевидно, его жены или наложницы. Некогда ее тело покоилось в саркофаге из кипарисового дерева с росписью, украшенном пластинами из слоновой кости. Часть этих пластин орнаментирована поразительными по тонкости и изысканности исполнения гравированными рисунками. На них изображены сцены из древнегреческой мифологии, сцены охоты и т. д. «Царица» была похоронена в роскошном наряде, расшитом множеством золотых бляшек, число которых достигало нескольких сотен. Голову ее украшала электрова диадема с тяжелыми золотыми подвесками, украшенными изображениями головы богини Афины Партенос в шлеме. Здесь же были обнаружены еще две пары золотых подвесок – подлинных шедевров античного ювелирного искусства. Они сделаны столь поразительно тонко, что изображения на них

можно рассмотреть лишь через сильное увеличительное стекло.

Шею «царицы» украшали ожерелье и тяжелая золотая гривна весом 473 г. Рядом лежали два широких золотых браслета и бронзовое зеркало, ручка которого обложена золотым листом. Здесь же была сделана самая выдающаяся находка Куль-Обы – ныне всемирно известный круглый электровый сосуд, украшенный четырьмя сценами из скифского военного быта (сейчас он хранится в Государственном Эрмитаже). С поразительным реализмом и этнографической точностью художник передал внешний облик скифов, их костюм, предметы вооружения. Изображения на сосуде из Куль-Обы впервые дали реальное представление об этом исчезнувшем народе, об их облике, одежде, вооружении.

Помимо электровой вазы, изображения скифов имелись на ряде других предметов из погребения в Куль-Оба. Таким образом, куль-обские находки впервые подтвердили реальность сообщений древних писателей о скифах и их обычаях. Легко представить, какое впечатление произвели сокровища Куль-Обы на современников. Это было крупнейшее археологическое открытие на территории тогдашней России.

Блеск сокровищ Куль-Обы, украсивших собой собрание Эрмитажа, вызвал настоящий ажиотаж. В молодой в ту пору русской археологии начался затяжной период «золотой лихорадки», закончившийся весьма плачевно. Как писал директор Керченского музея А.Е. Люценко, «из сотни раскопанных курганов едва ли найдется десять разрытых порядочно; производили раскопки без всякой системы, беспрестанно переходя с одного места на другое. В описаниях раскопок редко определяли с точностью положение разрытых курганов и даже самих местностей, так что, обозревая их теперь на пространстве более 100 квадратных верст, невозможно судить, когда и кем они были раскопаны, что найдено было в них замечательного и все ли они расследованы как должно».

Однако новые сокровища «степных пирамид» были все же обнаружены. Только уже не в Крыму, а гораздо севернее – у днепровских порогов.

...Около двух с половиной тысяч лет назад верстах в двадцати от нынешнего Никополя был погребен скифский царь. С ним, по обычаю, зарыли жену, рабов, лошадей и имущество, а над могилой насыпали огромный курган, столетия спустя получивший название Чертомлыцкого. Он удивлял многих позднейших ученых и путешественников: его высота достигала почти 20 м, а окружность составляла около 350 м!

26 мая 1862 года к раскопкам Чертомлыка приступил И.А. Забелин (1820–1908), один из крупнейших русских археологов XIX столетия. Объем

выполненных им одних только земляных работ потрясает до сих пор: чтобы пробиться к центру громадного кургана, рабочим пришлось извлечь более 17 000 куб. м грунта. Лишь на второй сезон раскопок удалось добраться до могильной ямы, достигавшей глубины 12 м от уровня материка. Но самым ужасным было то, что могила оказалась совершенно пустой – она была ограблена начисто!

Грабители, прорыв подземный ход, проникли сюда уже вскоре после царских похорон. Однако едва они подступились к царским сокровищам, как обвалилась земля, и грабители вынуждены были бежать, оставив одного своего товарища под завалом. В 1863 году Забелин натолкнулся на следы этой древней трагедии: под грудой обвалившейся земли стояло ведро с собранными грабителями золотыми украшениями, а рядом, прямо на месте преступления, лежал скелет неудачливого кладоискателя. Возле его останков археологи нашли множество золотых бляшек – украшений одежды, шесть мечей с обложенными золотыми листьями рукоятями, а также золотую обкладку деревянных ножен меча с чеканными изображениями битвы греков со скифами. Но самой значительной и богатой находкой в грабительском ходе стала золотая обивка горита. Тонкая золотая пластина украшена несколькими поясами чеканных рельефов, изображающих сцены борьбы диких животных, и различными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев – легендарного Ахилла. Мастером, изготовившим этот горит, несомненно, был выдающийся греческий художник, работавший в одном из греческих городов-колоний в Северном Причерноморье.

Можно понять степень разочарования И.А. Забелина и его коллег, когда им стало ясно, какие несметные богатства таились в ограбленной могиле, если даже то, что не успели унести грабители, было столь ценным. Неужели весь их двухлетний труд был напрасным?

Однако терпение археологов, все же продолживших исследовать разграбленное погребение, было щедро вознаграждено. Как оказалось, погребальная камера Чертомлыцкого кургана представляло собой сложное подземное сооружение: от каждого из углов центральной могильной ямы отходили в стороны большие ниши, которые оказались грабителями не тронутыми. В трех нишах археологи наткнулись на новые захоронения, в каждом из которых были найдены сотни золотых и серебряных предметов. Самой выдающейся находкой стала большая серебряная с позолотой ваза, известная сегодня во всем мире как «Чертомлыцкая амфора». Она, подобно вазе из Куль-Обы, украшена чеканными рельефными сценами из жизни скифов. Художник с удивительным мастерством и большим знанием дела

изобразил все этапы процесса ловли и приручения лошадей – одного из важнейших занятий в жизни степных кочевников-скифов.

Как оказалось, Чертомлык, поразивший мир богатством своих сокровищ, был далеко не единственным «царским» курганом на берегах Днепра. Здесь расположены сотни курганов; некоторые по величине немногим уступают Чертомлыку. Особое внимание археологов привлекал огромный (высотой более 18 м) курган Солоха, расположенный на левом берегу Днепра, неподалеку от Никополя, вблизи села Большая Знаменка. Его исследования начались в 1912 году и связаны с именем профессора Петербургского университета Николая Ивановича Веселовского (1848–1918). Это был один из самых удачливых и трудоспособных русских археологов. За 29 полевых сезонов он раскопал и исследовал десятки курганов на Днепре, в Крыму, на Кубани и Дону. Раскопки Солохи (1912–1913 гг.) стали своеобразной «лебединой песней» этого замечательного ученого.

Пробившись сквозь толщу курганной насыпи, археологи обнаружили огромную могильную яму площадью около 27 м и глубиной до 6 м. Как и следовало ожидать, она была ограблена. О том, что погребение было весьма богатым, свидетельствовали рассыпанные грабителями золотые бляшки, украшавшие погребальные одежды, золотая иголка, серебряная чаша для вина с выгравированной на ней греческой надписью. Судя по всему, здесь была похоронена знатная скифская женщина, возможно, даже царица. Опытный Веселовский, знакомый с погребальными обычаями скифов, предположил, что под курганом может находиться, по крайней мере, еще одна могила – могила царя.

Эта могила была найдена в следующем, 1913 году. И ее открытие стало настоящей сенсацией – впервые было обнаружено абсолютно нетронутое, неразграбленное погребение скифского царя!

Исследователи были буквально ослеплены обилием золота и серебра. Рядом с погребенным лежал меч с золотым эфесом в обложенных золотом ножнах, украшенных чеканными изображениями зверей. Руки мертвеца украшали пять золотых браслетов, на шее – золотая гривна с львиными головками на концах, покрытыми цветной эмалью. У головы царя лежал бронзовый греческий шлем. Царское оружие было сплошь украшено обкладками из благородных металлов, одежда расшита золотыми бляшками с рельефными украшениями. Здесь же стояли шесть серебряных сосудов. На одном из них были изображены сцены охоты конных скифов на львов. Но самой выдающейся находкой в кургане, прославившейся на весь мир, был золотой гребень, лежавший у изголовья царя, – уникальный шедевр

древнегреческого искусства, не имеющий себе равных во всем мире.

Массивный гребень (ныне хранится в Государственном Эрмитаже) весит 294 г. Его высота составляет 12,3 см, а ширина – 10,2 см. Девятнадцать длинных четырехгранных зубьев соединены фризом из фигур лежащих львов. Над ним – скульптурная группа, изображающая трех сражающихся воинов-скифов – двух конных и пешего. Один из всадников уже вынужден продолжать сражение пешим – раненый конь его лежит на земле, истекая кровью. Фигуры людей и животных исполнены с поразительным реализмом. Греческий мастер, изготовивший гребень, постарался передать даже мельчайшие детали. Сражающиеся воины длинноволосы и бородаты, одеты в характерные скифские кафтаны, длинные шаровары, обуты в мягкие сапоги. У двоих поверх кафтанов надеты панцири, а у конного скифа – по-видимому, царя – на голове греческий шлем.

Сокровища Солохи вызвали огромный интерес во всем мире. К сожалению, начавшаяся в 1914 году Первая мировая война и последовавшие затем большевистская смута и разруха надолго приостановили изучение скифских древностей Северного Причерноморья. Ученые вернулись к ним лишь спустя четыре десятилетия. Новые раскопки «степных пирамид» принесли новые открытия.

Одним из первых исследованных в послевоенное время объектов стала курганный группа «Пять братьев», располагавшаяся в дельте Дона. Эти курганы давно привлекали к себе внимание исследователей. Еще в 1871 году их пытался раскапывать член Археологической комиссии П.И. Хицунов, однако предпринятые им работы дали скорее «антирезультат» – за «Пятью братьями» закрепилась репутация ограбленных еще в древности и не представляющих интереса для науки. Несмотря на это в 1954 году к исследованиям «Пяти братьев» приступила совместная экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения, которую возглавил В.П. Шилов. Приступая к раскопкам, Шилов познакомился с отчетами П.И. Хицунова и предположил, что его предшественник, пожалуй, излишне поспешно поставил крест на «Пяти братьях». Имело смысл попытаться счастья еще раз.

Когда была снята земляная насыпь толщиной 6,75 м, показался каменный склеп – большая квадратная камера, к которой примыкал длинный коридор-дромос. Стены гробницы, сложенные из необработанных блоков известняка, достигали высоты до 2 м. Сверху сооружение было перекрыто накатом из толстых дубовых бревен диаметром 60 см.

В склепе был погребен немолодой мужчина, останки которого

сохранились очень плохо: археологи нашли лишь расплюснутый череп и кости ног. Гробница, действительно, была ограблена. Однако гробокопатели побывали здесь уже после того, когда перекрытие склепа рухнуло внутрь камеры, и это спасло ее от полного ограбления. После расчистки погребальной камеры оказалось, что в ее северной части уцелело второе, совершенно не потревоженное захоронение!

Здесь покоились останки молодого воина в роскошном царском убранстве. Один лишь головной убор его был расшит 78 золотыми бляшками. Шею погребенного украшали золотое ожерелье и массивная золотая гривна с фигурками лежащих барсов на концах. На пальцах – золотые перстни. Возле останков воина лежало его оружие: три копья, дротики, кинжал и обложенный золотом горит, в котором, судя по наконечникам, когда-то было 108 стрел; железный меч с золотой рукоятью и в деревянных ножнах, обложенных золотым листом. Вся поверхность золотой обкладки ножен покрыта рельефами, изображающими сцены битвы скифов с греками.

В могилу были также положены драгоценные серебряные сосуды: ваза и чаша для вина – килик. Около входа в камеру в беспорядке лежала целая куча золотых пластинок и бляшек с различными рельефными изображениями, разнообразных бусин и т. д. Всего здесь было найдено 1273 золотых предмета.

Вслед за открытием царского захоронения в Пятибратней группе курганов последовали новые находки. В первую очередь они были связаны с тем, что в 1960-е годы началось сооружение гигантских мелиоративных систем на юге Украины. Перед археологами была поставлена задача исследования памятников, попадающих в зоны обводнения. В их число входили сотни скифских курганов, из которых некоторые, судя по размерам, вполне могли быть «царскими».

Исследования курганов вели несколько археологических отрядов, но наибольший успех выпал на долю Северо-Рогачикской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством А.И. Тереножкина, исследовавшей курганы в Запорожской области. В 1970 году сотрудниками этой экспедиции во главе с киевским археологом В.И. Бидзилей был вскрыт и исследован огромный (высота – более 8 м, диаметр – 70 м) курган Гайманова могила. Здесь, при расчистке ограбленной еще в древности погребальной камеры (судя по всему, являвшейся семейной царской усыпальницей), археологи нашли тайник, а в нем – огромной ценности изделия из золота и серебра: чаши, кубки, килики, большой серебряный ритон с широким золотым орнаментированным раструбом и золотым

наконечником.

Следующий год принес новую сенсацию: при раскопках кургана Толстая могила, расположенного всего в 10 км от знаменитого Чертомлыка, киевский археолог Б.Н. Мозолевский (при его непосредственном участии были открыты сокровища Гаймановой могилы) нашел еще одно неразграбленное погребение молодой женщины – возможно, скифской царицы. Ее погребальный наряд являлся самым богатым из когда-либо открытых в скифских царских курганах. Головной убор был расшит крупными золотыми пластинами, вся одежда и обувь – золотыми бляхами. На шее покоилась массивная золотая гривна весом в 478 г, украшенная на концах семью фигурками львов. На висках – крупные золотые подвески с изображением сидящей с поднятыми руками богини; на руках – три широких золотых браслета. Все пальцы рук царицы были унизаны золотыми перстнями, а на один палец были надеты даже два перстня.

Рядом с «царицей» археологи нашли останки ребенка, которому, судя по размерам костей, в момент смерти едва ли было больше двух лет. По-видимому, это был малолетний царевич – наследник престола.

Когда исследование гробницы царицы и царевича было завершено, археологи приступили к раскрытию центрального погребения, очевидно, предназначавшегося для царя. То, что в нем уже побывали грабители, было ясно с самого начала: в гробницу вел грабительский ход длиной 22 м. Хотя археологам и досталось множество золотых бляшек и пуговиц от парадной одежды царя, все главное – парадная утварь, украшения, оружие – было унесено грабителями. И тем не менее самые сенсационные находки, принесшие Толстой могиле всемирную славу, были сделаны именно здесь, в центральной гробнице.

В погребальной камере грабители перерыли все. Но свод ведущего в нее коридора-дромоса частично рухнул, и под ним они ничего искать не стали – знали, что там ничего быть не должно. Но именно там, всего в 30 сантиметрах от входа и лежали – причем не в тайнике, а скрытые лишь обвалившейся землей – главные сокровища Толстой могилы. Это был меч с обложенной золотом рукоятью, в ножнах, также покрытых золотой обкладкой с рельефными украшениями. И золотая пектораль – парадное нагрудное украшение похороненного здесь царя, гениальное творение античного искусства.

Вес пекторали составляет 1150 г, диаметр– 30,6 см. Три полукруглых фриза, образующих пектораль, заполнены растительным орнаментом, многочисленными, литыми из золота изображениями людей и животных. В центре нижнего фриза – три сцены терзания коней грифонами, по сторонам

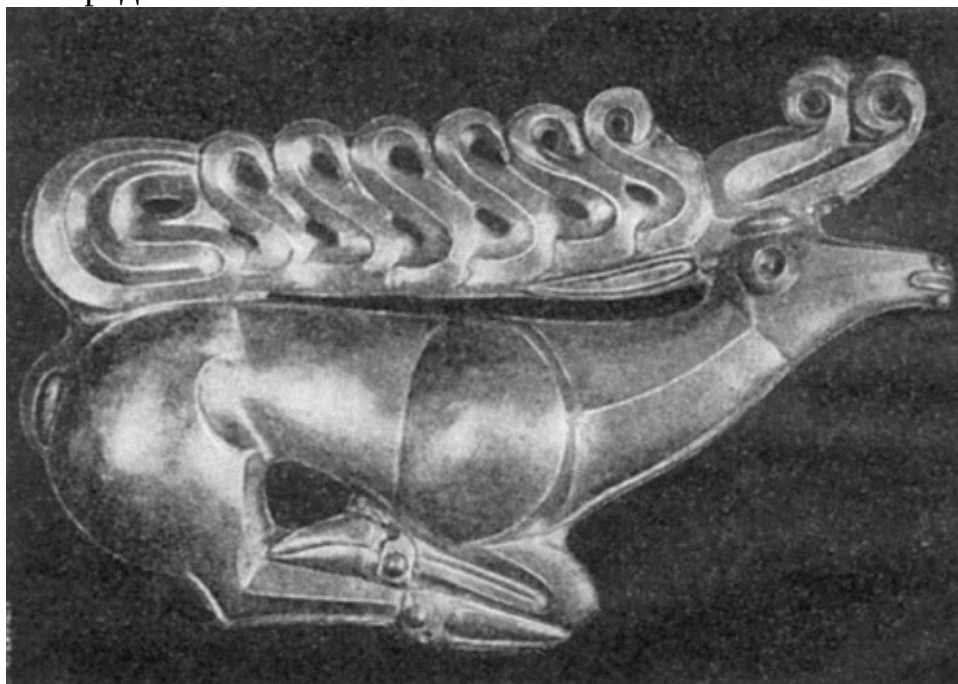
– лев и леопард, нападающие на оленя и на дикого кабана, погоня собак за зайцами и, наконец, по два сидящих друг против друга кузнечика. В верхнем ярусе помещены изумительные по реализму и тонкости исполнения сцены мирной жизни скифов. В центре два обнаженных по пояс скифа, снявшие свои гориты с луками, шьют меховую рубаху. Лица и прически их настолько отличны, что можно предполагать в них представителей разных этнических групп разных племен. По обе стороны этой сцены – мирно стоящие животные с детенышами, жеребенок, сосущий кобылу, юный скиф, доящий овцу, и другой, сидящий. Одной рукой он держит амфору, в другой что-то зажато. Возможно, он намеревается заткнуть амфору со слитым в нее надоенным молоком, возможно – сбивает молоко. Картина завершается летящими в разные стороны птицами.

Каждая из миниатюрных скульптурок пекторали является подлинным шедевром, а вся она в целом – непревзойденным творением выдающегося греческого мастера, жившего в одном из городов Северного Причерноморья (скорее всего – в Ольвии или Пантикапее) в середине IV века до н. э.

Толстая могила – богатейший из известных в настоящее время скифских царских курганов. Общий вес золотых изделий, найденных в нем, составляет четыре с половиной килограмма, что намного превышает вес золота, найденного в самом богатом до того кургане – Куль-Обе.

На земле Меотиды

Скифская культура распространялась не только на Северное Причерноморье. Это была культура огромного мира кочевых и полукочевых племен, в I тысячелетии до н. э. обитавших на Кубани, на Алтае и в Южной Сибири – словом, на территории, простирающейся от Дуная до Великой Китайской стены. На юге и юго-западе эта культура соприкасалась с античной, на западе – с культурой кельтов, а на востоке – с культурами Средней Азии и Китая.

В сферу культурного влияния скифов входили и их ближайшие соседи – племена меотов, относившиеся к иберо-кавказской языковой семье. В I тысячелетии до н. э. они обитали на территории Прикубанья и Восточного Приазовья. Античные авторы впервые упоминают об этом народе в VI веке до н. э.

Остатками обширного скифо-меотского наследия являются сегодня многочисленные курганы, разбросанные по всему Северному Кавказу. Их раскопки дали археологам богатейший материал. Здесь были найдены многие выдающиеся произведения искусства, ныне хранящиеся в Государственном Эрмитаже и других российских музеях.

В недрах громадного – высотой более десяти метров – Майкопского кургана археологи обнаружили богатейшее погребение конца III – начала II

тысячелетия до н. э. Это погребение содержало множество художественных произведений, в том числе бусы из сердолика и бирюзы, происходящие из Передней Азии. Над прахом покойника был водружен балдахин (ныне хранящийся в Эрмитаже), украшенный нашивными бляшками в виде львов и бычков, полотнище которого держалось на серебряных столбиках с литыми из золота фигурками бычков. Эти удивительно реалистические фигурки, вероятно, выполнены талантливым местным мастером и свидетельствуют о высоком художественном уровне скифо-меотской культуры. В то же время нашивные бляшки явно исполнены либо в самой Месопотамии, либо под влиянием месопотамского искусства.

Один из прославленнейших шедевров, найденных на земле древней Меотиды, – небольшая (35,1 × 22,5 см) золотая фигура оленя из кургана у станицы Костромская (VI в. до н. э.). Это рельефная пластина некогда украшала круглый железный щит, найденный в погребении вождя. Образ оленя был связан у скифов с представлением о солнце, свете. Вся фигура оленя подчинена особенному, напряженному ритму. В ней нет ничего случайного, лишнего; трудно представить себе более законченную, продуманную композицию. Зверь словно застыл, настороженно прислушиваясь к малейшему шороху, но в нем такой порыв, такое стремление вперед, что кажется, будто его подняло с земли и он летит как стрела, рассекая воздух. Все в этой фигуре условно и в то же время предельно реалистично. Мы даже не замечаем, что у оленя не четыре ноги, а две, так плотно поджатые друг к другу, что создают впечатление четырех.

Еще одна знаменитая находка – золотая пантера из кургана близ станицы Келермесской. Как и ее «современник», олень из Костромского кургана, эта пантера служила украшением щита. Фигура зверя стилизована, причем условность доходит до того, что хвост и лапы, в свою очередь, украшены фигурами свернувшихся хищников. И, однако, выразительность звериного образа такова, что эту бляху следует признать произведением не только декоративного, но и изобразительного искусства.

Очень интересные находки были сделаны близ адыгейского аула Уляп, где археологическая экспедиция под руководством А.М. Лескова исследовала комплекс меотских курганов и святилищ IV века до н. э. Одно из святилищ оказалось особенно богатым: помимо многочисленных костей, здесь были найдены бронзовые котлы, античные амфоры, орудия труда, детали конского убора, предметы вооружения, разнообразные золотые украшения. Среди последних особенно выделяются две крупные золотые пластины, изображающие шагающих оленей. Уляпские олени – один из лучших образцов скифо-меотского звериного стиля. Голова, гордо

посаженная на могучей шее, увенчана ветвистыми рогами, удивительно пропорциональное тело зверя на длинных стройных ногах как бы устремлено вперед. Реалистическая трактовка фигур животных сочетается с условно переданными рогами в виде стилизованных головок грифонов.

Самыми значительными находками из этого святилища стали два скульптурных навершия, когда-то, вероятно, увенчивавших древки штандартов или бунчуков. Одно из них изображает лежащего кабана с вытянутым вперед рылом. Фигура сделана из двух массивных штампованных серебряных пластин, соединявшихся с помощью серебряных гвоздиков с золотыми шляпками. Пластины с изображениями кабана в скифском искусстве не редкость, однако навершия в виде кабана ранее известны не были. Точно так же до сих пор археологам не встречалась круглая скифская скульптура, причем созданная с применением разных материалов и технических приемов – штамповки, гравировки, пайки. Поэтому находку в Уляпе следует считать уникальной.

Второе навершие изображает оленя. Голову оленя, посаженную на стройную длинную шею, увенчивают массивные ветвистые рога. Эта скульптура, созданная без всякой условности и стилизации, отличается редкой выразительностью и представляет собой один из лучших образцов скифо-меотского искусства.

На ритуальной площадке, расположенной на вершине одного из уляпских курганов, был обнаружен целый комплекс находок: три бронзовых античных сосуда, серебряная чаша, золотые гривна и бляшки, два богато украшенных ритона – золотой и серебряный. Золотой ритон, основание которого украшает скульптурное изображение головы пантеры, судя по ряду деталей, был привезен из Ирана или Малой Азии. Второй ритон, серебряный, увенчивает крылатый конь Пегас. Его крылья, грива, ремни оголовья и ряд других деталей щедро позолочены, глаза некогда были инкрустированы янтарем. Среднюю часть сосуда опоясывает позолоченный фриз, на котором неизвестный художник изобразил в технике рельефа сцены из древнегреческого мифа о борьбе богов и гигантов. В числе противоборствующих персонажей легко узнаются Зевс-громовержец, Гермес с кадуцеем в левой руке, бог-кузнец Гефест. Судя по всему, ритон был создан не позднее середины V века до н. э., в эпоху расцвета античной культуры. Эта находка принадлежит к числу уникальных произведений древнего искусства, обнаруженных на территории России.

Скифы оставили в истории мировой культуры заметный и самобытный след. Но ни один из народов не уходит с исторической сцены бесследно.

Его культурное наследие переходит к его преемникам, в конечном счете становясь достоянием всего человечества. Отголоски скифо-меотской культуры сегодня можно встретить у разных народов Северного Кавказа, среди которых в первую очередь следует назвать осетин – ираноязычный народ, родственный если не самим скифам, то близким к ним племенам.

Пазырык

Раскопки, произведенные советскими археологами в тех частях пояса степей, которые располагались к востоку от Скифии, позволили выявить культурную близость обитателей степей и причерноморских скифов, хотя каждый из народов этого круга обладал специфическими, лишь ему присущими культурными чертами. Курганы близких к скифам племен были обнаружены и исследованы в низовьях Сырдарьи и в Центральном Казахстане, на Тянь-Шане, Алтае, в Минусинской котловине и в Восточном Туркестане.

Наибольший интерес представляют памятники так называемой пазырыкской культуры, обнаруженные в Горном Алтае. Раскопки огромных курганов в урочище Пазырык, расположенных на высоте 1600 м над уровнем моря, велись археологами С.И. Руденко и П.М. Грязновым.

Раскопки алтайских курганов (Пазырыкских, Туэктинских и Башадарских) дали замечательный по сохранности и разнообразию материал. В чем уникальность пазырыкских находок? Дело в том, что

здешние климатические условия и особенности конструкции погребальных сооружений привели к образованию в подкурганном пространстве локальных линз вечной мерзлоты. В результате глубокие могилы оказались заполнены чистым льдом, сохранившим ткани, войлок и дерево. Как известно, от этих материалов при других условиях почти ничего не остается. Труд археологов был тут совершенно необычным: их главным орудием являлась не лопата, а ведро горячей воды.

Во льду пазырыкских могил прекрасно сохранились одежда погребенных, украшения и утварь из резного дерева, войлочные и ворсовые ковры. Вечная мерзлота сберегла и тела похороненных здесь людей, украшенные замысловатыми татуировками. Сегодня в Государственном Эрмитаже можно видеть целиком перенесенный сюда из Пазырыка огромный сруб, в котором был похоронен алтайский вождь, его высохшие, почерневшие останки и останки его боевых коней.

Эрмитажная экспозиция включает в себя и самые древние из дошедших до нас ковров, древнейшие художественные изделия из дерева и войлока. Войлочное полотнище шатра, обнаруженного в одном из Пазырыкских курганов, покрывает стену музея от пола до потолка, производя впечатление огромной росписи. Но это не роспись, а цветные аппликации, изображающие горделивых всадников перед сидящими загадочными богинями. Возможно, здесь запечатлены сцены неизвестного нам эпоса.

Но, пожалуй, еще изумительнее мелкие предметы из курганов Пазырыка. Вот крохотный деревянный олень с вырезанными из толстой кожи рогами, которые больше его самого. Кажущиеся исключительно мощными, они образуют необыкновенно гармоничный ажурный узор. В этой 12-сантиметровой фигурке глубокое чувство пропорций доведено просто до совершенства!

Фантастическими масками, изображающими головы оленей или грифонов, древние алтайцы украшали коней, как бы превращая их в таинственных божеств. Деревянные, кожаные и войлочные украшения, чепраки, сбруйные и поясные бляхи – все эти изделия превращены в настоящие произведения искусства и полны редкой выразительности. Особенно интересны аппликации со вставками литого золота, меха или крашеного конского волоса, изображающие голову оленя, рогатого волка, фантастического петуха, горного козла, крылатого тигра. Одна из аппликаций на седле изображает тигра, терзающего лося. По драматизму, силе и совершенству эта композиция представляет собой вершину древнего искусства. А сколько изящества в войлочных фигурках лебедей, некогда

украшавших шатер алтайского вождя!

Пазырыкский мир являет нам один из удивительных ликов скифского, а точнее – алтайского «звериного стиля», декоративно-утонченного и изящного. Эти изделия – одно из замечательных достижений всего мирового декоративного искусства. Суровая природа Алтая сохранила эту красоту, а археологи раскрыли ее, обогатив культурное достояние всего человечества.

Минусинская котловина – «царство археологии»

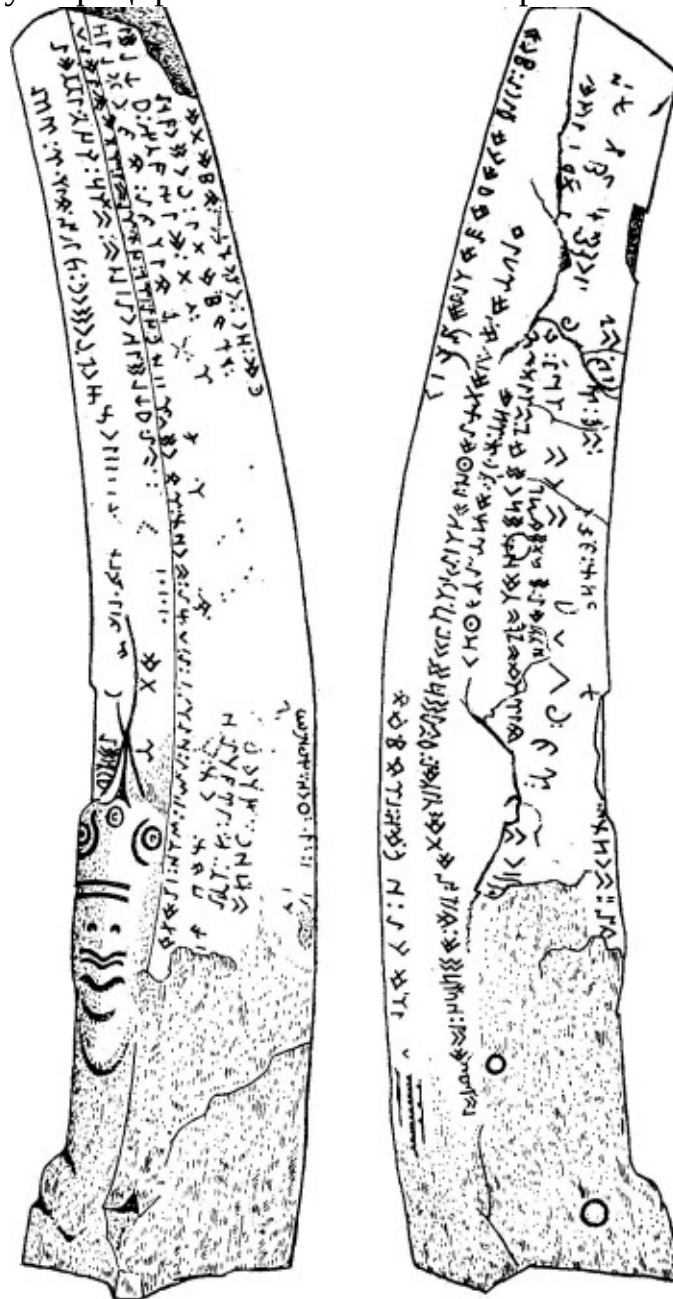
Земля Минусинской котловины – настоящее «царство археологии»: люди разных эпох и разных культур оставили здесь после себя многочисленные могильники, остатки жилищ, рудники, оросительные каналы, руины крепостей, наскальные рисунки и каменные изваяния.

Еще в XVIII веке внимание первых ученых-исследователей Сибири привлекли скульптуры загадочных «каменных зверей». Однако лишь сравнительно недавно новые археологические открытия помогли приоткрыть завесу тайны над этими удивительными монументами. Сейчас известно около ста пятидесяти гранитных и песчаниковых изваяний. Одни выполнены в виде плоских стел, другие в виде горельефов и достигают в высоту 2,5 и даже 4 м. Еще не так давно они были разбросаны по хакасским степям, главным образом – в междуречье Абакана и его притоков.

Наибольшее внимание привлекает группа стел с личинами, отмеченными звериными чертами: рогами, бычьими глазами и ушами, зачастую – с третьим глазом на лбу. Они увенчаны или были увенчаны высокими головными уборами. Среди этих изваяний самая известная и выразительная – так называемая «Ширинская баба», украшенная внизу маской хищного зверя с устрашающей раскрытой пастью, а сверху – реалистическим изображением человеческого лица. Центральной фигурой изваяния является маска человека-зверя с солярным знаком и широкой полосой с треугольниками, обрамляющей всю личину. Что означали эти рельефы и рисунки, образующие гармонически уравновешенную композицию, воспринимаемую почти как орнамент?

Ответ на этот вопрос заключен в самой проблеме происхождения енисейских стел. Лишь в 1960-х годах ученым удалось узнать, что основная их масса была создана племенами так называемой окуневской культуры, существовавшей в Минусинской котловине в начале II тысячелетия до н. э. Свое название эта культура получила по раскопкам у Окунева улуса в Хакасии. Теперь уже общепризнано, что енисейские изваяния – не могильные памятники и не изображения реальных людей. Это божества, которым поклонялись и которые сочетали в себе культ тотемов – охранителей рода, культ девы-прародительницы и солнечный культ. А зверообразные черты личин могли отражать, с одной стороны, верования в старых охотничьих духов, с другой – становление новых культов

одомашненных животных. По мнению ученых, на енисейских каменных изваяниях мы видим изображения людей в ритуальных шаманских масках. Поперечные полосы на них означают татуировку, следы которой археологи обнаружили на мумифицированных телах в захоронениях того же времени.

Не менее, чем каменные изваяния, известны наскальные рисунки – знаменитые енисейские писаницы. В Минусинской котловине на скалах вдоль русла Енисея их обнаружены сотни, причем самых разных эпох. Среди них – изображения реальных и фантастических животных, солярные

знаки, «рогатые личины», человеческие фигуры в высоких шапках и с птичьими клювами. Самыми известными являются знаменитые писаницы Боярского хребта в районе реки Сухая Тесь – притока Енисея. Впервые их открыл и скопировал А.В. Адрианов в 1904 году. Исследователи называют Боярские писаницы живописным рассказом прошлых поколений о самих себе. Эти наскальные рисунки образно повествуют о жизни создавших их племен, причем иногда даже более полно, чем об этом могут рассказать сохранившиеся материальные следы. Выбитые острым орудием в скальной породе, писаницы изображают жизнь некогда существовавших здесь поселков: выстроились дома, рядом в котлах варится пища, стоят люди в молитвенных позах, всадники на лошадях и оленях гонят стада животных. Облик домов очень напоминает обыкновенные рубленные из бревен крестьянские жилища более позднего времени. В одном из домов через открытую дверь виден очаг, топившийся, очевидно, по-черному. А рядом стоят чумы, подобные хакасским юртам. Возможно, срубные постройки были зимним, а юрты – летним жилищем полукочевых скотоводческих племен тагарской культуры (VII–III вв. до н. э.), современников авторов Боярских писаниц.

Земля Минусинской котловины хранит память о кипевшей ранее бурной жизни: археологи раскрывают здесь все новые следы поселений, оросительных каналов, крепостей, могильников. Самые крупные курганы оставили здесь люди тагарской эпохи. «В степях Среднего Енисея нет, кажется, такого места, где не было бы видно курганов тагарской культуры», – пишет советский археолог М.П. Грязнов. Оплывшие от времени конусообразные земляные насыпи окружены вертикально поставленными камнями. Среди них привлекает внимание своими размерами Большой Салбык – самый крупный курган в Южной Сибири, сооруженный приблизительно в III веке до н. э. Одиннадцатиметровая насыпь была устроена над могилой знатного старейшины рода или племени, вместе с которым были похоронены еще несколько человек.

Курган Большой Салбык был раскопан археологами в 1954–1956 годах. Здесь и в других курганах Могильной степи были обнаружены изделия, ныне украшающие собой коллекции российских музеев. Тагарские мастера были искусными бронзолитейщиками. Выделывая оружие, конскую упряжь, фигурные зеркала, рукояти мечей и кинжалов, бляхи, подвески, пряжки и другие, казалось бы, чисто утилитарные предметы быта, они украшали их замечательной по выразительности орнаментикой в «зверином стиле». На изделиях тагарских мастеров можно видеть лежащих, бегущих, борющихся или свернувшихся в клубок животных.

Среди них – кони, олени, бараны, быки, сказочные птицы.

Могильники служат одним из самых важных источников современных представлений о художественной культуре народов, населявших Минусинскую котловину. Их трансформация является одним из признаков смены культур. Именно исследования могильников позволили археологу С.А. Теплоухову в 1920-х годах выделить памятники таштыкской культуры. Она сменила в I веке до н. э. тагарскую и просуществовала до V века н. э. Свое название эта культура получила по раскопкам у села Батени на реке Таштык к северу от Абакана.

В таштыкских захоронениях находят множество украшенных золотом вещей, богатое оружие, церемониальные зонты, предметы шаманского ритуала. Скульпторы того времени были не только портретистами, изготавливавшими погребальные маски, но и умелыми анималистами. Известны статуэтки животных – оленей, быков, коней, баранов, вырезанные из дерева и покрытые золотыми листочками или росписью. Но наиболее характерны для таштыкской культуры погребальные керамические маски. Искусство их изготовления прошло длительный путь развития – от примитивных оттисков с мумифицированного лица до создания целых «портретных галерей», где каждой маске, являющейся подлинным произведением пластического искусства, приданы индивидуальные черты лица.

В III–V веках нашей эры на земле Минусинской котловины складывается первое государство древних хакасов – «земля хягас», впервые упоминаемая в источниках в VI веке. Высшим достижением этой культуры стала орхоно-енисейская письменность, основанная на местном варианте древнетюркского алфавита.

Открытие енисейской письменности связано с именем доктора Д.Г. Мессершмидта, возглавлявшего небольшую экспедицию, в 1721–1722 годах исследовавшую глубинные районы Сибири, но расшифрована эта письменность была лишь спустя 170 лет. Ключ к расшифровке таинственных знаков нашел в 1893 году датчанин Вильгельм Томсен, профессор Копенгагенского университета. Он доказал, что этой письменностью пользовались тюркоязычные народы Южной Сибири, создавшие в VI веке древнехакасское государство. Первые переводы древнехакасских текстов были опубликованы академиком В.В. Радловым в 1895 году. Эти надписи, служившие эпитафиями удачливым воинам и грозным правителям, сегодня являются источниками интереснейших сведений о жизни древнего хакасского государства.

Земля Минусинской котловины хранит множество памятников

древнехакасского государства IX– начала XIII века. Накануне монгольского ига государство – «Страна Хирхиз» – включало в себя не только область Минусинской котловины, но и обширные территории Саяно-Алтайского нагорья, Тувы, прилегающих земель Южной Сибири вплоть до Прибайкалья. В этот период совершенствовались оросительные системы, снабжавшие водой засушливые территории междуречий, возводилось множество курганов с каменными оградками, развивалось металлургическое производство. Особенно славились здешние оружейники, изделия которых шли на продажу в соседние страны. Они выделывали прекрасные щиты, кинжалы, мечи, пластинчатые панцири и наколенники, шлемы, наконечники стрел и копий. На наскальных рисунках этого периода можно увидеть всадников в полном вооружении типичных средневековых рыцарей.

В родовых усыпальницах местной знати обнаружены выдающиеся образцы ювелирного искусства, приобретшие мировую известность. На чашах, кубках, оружии, украшениях древние мастера создавали тончайшую инкрустацию золотом и серебром. Даже бытовые вещи из рядовых скромных захоронений украшены орнаментом. В рисунках заметны отголоски скифского «звериного стиля», но одновременно в них угадываются черты, роднящие их с хакасским искусством более позднего времени.

К раскопкам городов и замков, относящихся к средневековой истории Минусинской котловины, археологи приступили лишь в конце 1960-х годов. Постепенно из-под напластований земли стали подниматься руины крепостей, когда-то возвышавшихся на кромке отвесных скал, раскрываться фрагменты огромных зданий общественного назначения. В 1974–1978 годах в дельте реки Уйбат археологи под руководством Л.Р. Кызласова раскопали остатки мощного замка, стоявшего в центре поселения IX–XIII веков. Эта построенная из кирпича-сырца цитадель, возможно, являлась резиденцией верховного правителя «Страны Хирхиз». Эта страна была разорена ордами Чингисхана, вторгшимися в Минусинскую котловину и принесшими сюда величайшую из трагедий, когда-либо пережитых населявшими ее народами. И лишь много лет спустя археологи буквально по крупицам восстановили и продолжают восстанавливать древнюю историю этой земли.

Индия, Китай, Юго-Восточная Азия

Таинственные города Инда

В 1856 году англичане Джон и Вильям Брайтоны строили Восточно-Индийскую железную дорогу между Карачи и Лахором (ныне это территория Пакистана). Им требовался материал для подсыпки колеи, и местные жители подсказали выход из положения: близ селения Хараппа возвышался огромный холм, буквально напичканный какими-то древними зданиями из кирпича. Строители пустили на подсыпку десятки тысяч этих кирпичей, и никому сперва и в голову не пришло, что этим кирпичам – более четырех тысяч лет...

С этого трагикомического эпизода началось открытие цивилизации долины реки Инд – одной из самых загадочных в мировой истории. Даже сейчас, спустя полтора века после первых находок в Хараппе, наука мало продвинулась в понимании того, кем же были люди, основавшие города Инда. С полным основанием можно утверждать одно: это была одна из самых высокоразвитых цивилизаций древности.

Надо сказать, что братья Брайтоны были не первыми европейцами, наткнувшимися на руины Хараппы. Еще в 1834 году их видел путешественник Александр Бернс. Но только в 1921 году индийский археолог Раи Бахадур Даия Рам Сахни начал раскопки в Хараппе. В результате миру были явлены руины обширного города, сооруженного в III тысячелетии до н. э. Ничего более древнего ни до, ни после в Индии обнаружено не было.

Приблизительно в четырехстах милях от Хараппы, возле селения Мохенджо-Даро («город мертвых»), в 1922 году археологическая экспедиция под руководством Р.Д. Банерджи обнаружила еще одно поселение, которое оказалось практически двойником первого. О холмах Мохенджо-Даро местные жители рассказывали, что некогда здесь существовал большой город, который погиб из-за своего нечестивого правителя – своим безнравственным поведением он восстановил против себя богов. Мохенджо-Даро сохранился лучше Хараппы, и это с самого начала привлекло к нему большее внимание. Именно Мохенджо-Даро стал главным местом раскопок.

Раскрытая раскопками площадь Мохенджо-Даро составляет 260 гектаров. В древности город был, несомненно, больше. Его окраины сегодня погребены под илистыми отложениями Инда.

Города долины Инда были построены из кирпича – но не сырца, которым пользовались шумеры, а из кирпича обожженного. Этот факт, а также остатки огромных плотин, защищавших города от наводнений, и густая сеть сточных канав, ясно свидетельствовали о том, что пять тысяч лет назад проливные дожди в долине Инда были весьма частыми, причем настолько, что обилие воды создавало угрозу городским постройкам. Шумеры могли строить свои города из кирпича-сырца, поскольку дожди в Южной Месопотамии – явление редкое. Жители долины Инда, наоборот,

явно имели избыток воды – и это тем более удивительно, что сегодня это одно из самых засушливых мест на планете.

Мохенджо-Даро и Хараппа очень схожи. Они сооружены по одному плану и, вероятно, в одно и то же время. Существует даже гипотеза, что эти города – столицы-близнецы одного государства. Города долины Инда тщательно распланированы и благоустроены. Простота и четкость линий – вот что характерно для них. Широкие (10–12 м), прямые, как стрела, улицы пересекались под прямым углом, разделяя города на ровные квадратные кварталы, при этом углы многих зданий, стоявших на перекрестках, были закруглены, чтобы на поворотах не зацеплялись повозки. Ни один дом не выступал вперед за «красную линию» зданий. Тупиков и закоулков, характерных для старых городов и на Западе и на Востоке, здесь не было вообще.

При этом улицы, вдоль которых тянулись глухие стены домов и ограды, имели довольно аскетический вид. Не было никаких «архитектурных излишеств», облик улиц лишь отчасти оживляли торговые лавки. Дома были в основном одноэтажными, но встречались и двух-трехэтажные, с плоскими крышами. В некоторых больших домах археологи нашли глубокие стенные ниши-шкафы, но обычно вместо шкафов употреблялись большие глиняные кувшины. Везде, исключая разве что совсем нищие хибары, находившиеся за пределами города, имелись ваннные комнаты. Ванны, как и дома, делались из кирпича, и стояли они в каждой квартире, независимо от того, каким был дом – многоквартирным или многоквартирным. Повсеместно имелись устроенные на высоком техническом уровне водопровод и канализационные стоки. Нигде в Древнем мире подобного не было. За исключением одного: дворца критского царя Миноса в Кноссе. И, подобно дворцу в Кноссе, в просторных каменных домах Мохенджо-Даро и Хараппы не было окон: вместо них была устроена технически совершенная система вентиляции.

Устройство городов долины Инда выглядит таким «застывшим», что создается впечатление, что они были сооружены раз и на века: археологи практически не улавливают каких-либо изменений городской структуры на протяжении целого тысячелетия существования этих городов! Единственное, что удалось обнаружить ученым, – это «рост» городских сооружений ввысь: из-за нарастания культурного слоя приходилось надстраивать ограждения колодцев, внешние стены жилищ, наращивать стенки канализационных стоков.

Особенностью городов долины Инда было практически полное отсутствие храмов и иных культовых построек, а также дворцов или каких-

либо других сооружений, которые могли бы являться местом жительства правителя. А ведь именно храм и дворец – резиденция божества и резиденция владыки – как раз и являются главными и типичными признаками цивилизаций Древнего Востока. Но индская цивилизация, кажется, не знала ни того, ни другого!

Что касается храмов, то тут, возможно, пока просто нет полной ясности: Хараппа была сильно разрушена, а в Мохенджо-Даро, на холме, скрывающем остатки какого-то большого сооружения – может быть, как раз искомого храма, – в последующие века возвели буддийскую постройку.

Не все ясно и со дворцом. Похоже, что города долины Инда были поселениями приблизительно равных в материальном и социальном отношении горожан, которые и являлись господствующей прослойкой. Им подчинялись те, кто жил за пределами городских стен – крестьяне-земледельцы, пастухи, рыбаки и т. п. Еще один подвластный горожанам слой населения – возможно, рабы – выполнял в самом городе всю необходимую черную работу. При этом в среде городского населения имелась своеобразная аристократия, дома которой располагались в Мохенджо-Даро внутри укрепленной крепости-цитадели, стоявшей на невысоком холме и отделенной от остальных построек города мощной крепостной стеной. Были найдены и несколько строений внушительных размеров – не то дворцы, не то какие-то административные здания, – но однозначно сказать, что вот здесь или вот здесь жил правитель города, пожалуй, не возьмется никто. Скорее всего, каждым городом и всей страной управлял совет, аналогичный сенату Римской республики.

Индская цивилизация хранит множество неразгаданных загадок. Сегодня ее просто называют «цивилизацией долины реки Инд» – мы не знаем, как в действительности она называлась. Забыты имена ее таинственных городов. Неизвестно, как называл себя народ, населявший эти города. Неизвестен его язык, и до сих пор остаются нерасшифрованными индские иероглифы – знаки этого языка.

В индской письменности присутствует тот же феномен, что и в облике индских городов: от начала до конца – за весь тысячелетний период! – стиль начертаний иероглифов остался неизменным. Никаких сдвигов, никакого намека на эволюцию! Все создавалось раз и на века. Подобного «отсутствия эволюции», отсутствия движения нет даже в практически изолированных от Старого Света культурах Америки. А между тем факты свидетельствуют, что индские города изолированными не были: наоборот, они были вовлечены в самые активные связи со всеми государствами Древнего мира. Нити этих связей тянутся на запад – до Трои и Крита, на

восток – до Китая. Но наиболее тесная связь существовала между долиной Инда и Месопотамией. Археологами установлено, что Индское государство было крупной морской державой: здесь имелись обширные речные и морские порты со складскими помещениями, доками, причалами.

Упадок цивилизации долины Инда начинается в XVII–XV веках до н. э. О причинах ее заката существует множество версий, но все их авторы сходятся в одном: это произошло не в один день, не в один год и по разным причинам. Города индской цивилизации гибли по-разному и угасали далеко не одновременно. Мохенджо-Даро был застигнут какой-то катастрофой врасплох. Другие города пришли в запустение в результате длительного постепенного упадка. Этот период ухудшения, как показывают археологические раскопки, длился несколько столетий. Немаловажную, а то и главную роль в этом сыграл... обожженный кирпич. Дело в том, что для обжига миллионов кирпичей, из которых построены Мохенджо-Даро и Хараппа, потребовалось много топлива. Самое дешевое – дерево. 5000 лет назад долина Инда была покрыта могучими лесами. Затем пришли градостроители и начали вырубать деревья, превращая их в дрова. Тысячелетиями пылали угли, а леса редели. Строители, скорее всего, сами и превратили долину в пустыню. А медленные изменения в климате, возможно, ускорили этот процесс.

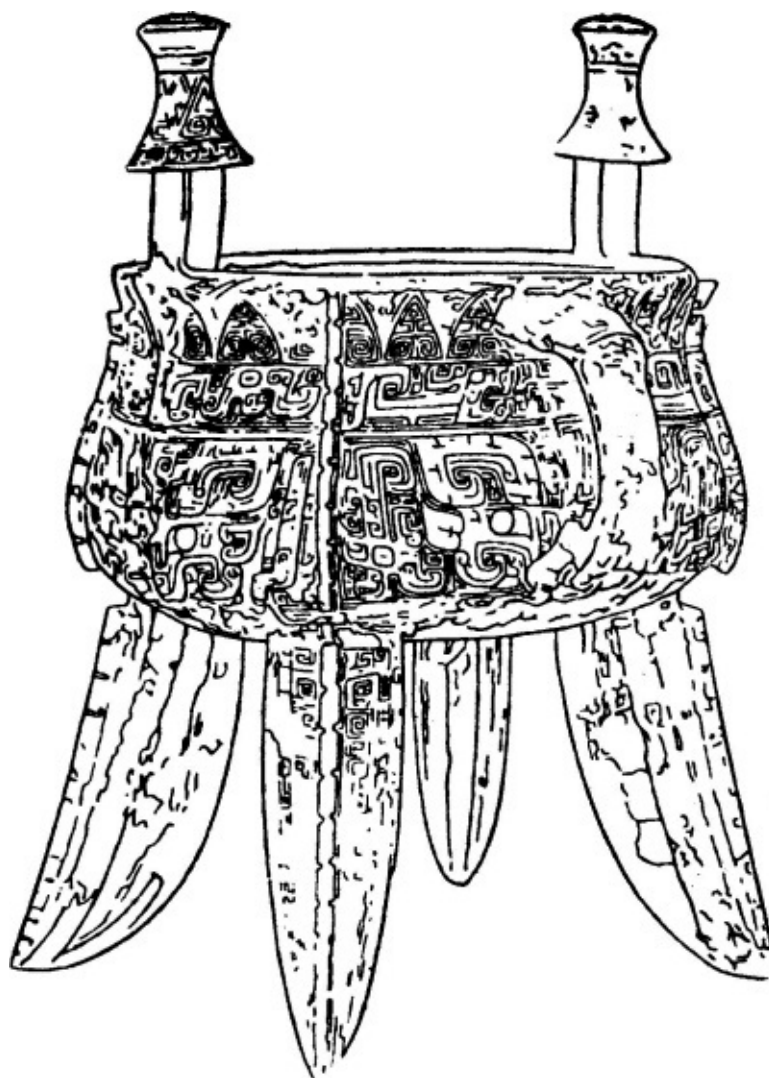
Сравнительно недавно антропологи, исследуя костные останки древних обитателей долины Инда, пришли к выводу, что причиной гибели многих из них стала малярия. Эта эпидемия буквально выкосила жителей многих населенных пунктов.

Определенное влияние на внутреннее положение хараппских поселений, и в первую очередь торговых городов, несомненно, оказало то, что изменилась политическая карта Передней Азии: двинулись на восток индоиранские племена. К чему это привело? Прежде всего, к нарушению нормальной торговли, изолированности, разрыву связей. Свидетельства торговых отношений между Индом и Шумером исчезают примерно в 2000 году до н. э. Какое-то время сохраняются лишь следы торговли между городами Инда и Персией, но и они обрываются на рубеже 1500 года до н. э. А после 1500 года до н. э. все признаки торговых связей между городами Инда и внешним миром теряются.

Великий город Шан

Открыть памятники древнейшей цивилизации Китая ученым помогла... традиционная китайская медицина. Все началось с того, что в 1899 году Ван Ижун, главный секретарь императорской Академии наук, заболел малярией. Среди снадобий, прописанных ему врачами, были «кости дракона», которые полагалось принимать в истолченном виде. И однажды Ван Ижун увидел на еще не истолченных «костях дракона» таинственные знаки, напоминавшие письмена! Изучая их, он заметил, что некоторые знаки напоминают иероглифы «гадать», «счастливое предзнаменование» и тому подобные. А не являются ли «кости дракона» древними гадательными костями?

Гипотеза Ван Ижуна, поддержанная его коллегами, оказалась верной. Древние китайцы обращались за помощью к духам и узнавали их волю, гадая при помощи костей и черепаших панцирей. Эти кости, часто находимые на местах древних поселений и могильников, крестьяне принимали за «кости дракона», которые, по понятиям традиционной китайской медицины, обладали целебной силой. «Кости дракона» охотно покупали аптеки, торговавшие различными снадобьями. И вот теперь эти аптеки становились отправной точкой в поисках неизвестной древней цивилизации...

Расспросы аптекарей – из каких мест доставляют им гадательные кости? – в конце концов привели ученых к деревушке Сяотунь, находившейся в трех километрах от города Аньян. В 1928 году археологи из Института истории и филологии Китайской академии наук начали здесь раскопки. Они продолжались десять лет (1928–1937) и открыли миру великолепные памятники древней культуры. Перед археологами предстали развалины иньской столицы – «великого города Шан», как его именуют «гадательные надписи». Из-под земли поднялись фундаменты дворцов и храмов, основания рухнувших колонн, разрушенные мастерские ремесленников, жилища знати и простого люда. Археологи вскрыли множество захоронений, в том числе большие царские гробницы. В них были найдены сотни хорошо сохранившихся человеческих скелетов, остатки колесниц, костяки лошадей, многочисленные бронзовые сосуды,

великолепные мраморные скульптуры, о существовании которых прежде никто не подозревал.

Исследования «великого города Шан» были прерваны начавшейся в 1937 году японской интервенцией. Лишь после 1949 года стало возможным продолжить раскопки иньской столицы. Работа археологов возобновилась весной 1950 года.

Первоначально иньцы называли свою страну «Шан». Название «Инь» появилось позднее. Это государство занимало территорию, охватывающую нынешнюю провинцию Хэнань. По преданию, иньцы сделали своей столицей город Шан в XIV веке до н. э. после того, как пять раз переносили столицу с места на место. Вокруг города лежали плодородные земли и тучные пастбища. Столица была обнесена стеной и располагалась на площади более шести квадратных километров. Часть города занимали дворцовые здания. К ним примыкали кварталы ремесленников. Простолюдины и рабы ютились в землянках высотой примерно в рост человека. Совсем по-иному выглядели дворцы правителя и знати. Они сооружались на высоких террасах из плотно утрамбованной земли. Их основу образовывали три параллельных ряда деревянных колонн, увенчанных двускатной крышей. Колонны покоились на каменных или бронзовых основаниях. Стены, по-видимому, возводились из утрамбованной земли и расписывались разноцветными красками. Деревянные части здания покрывались искусной резьбой и инкрустировались кабаньими клыками. Из горного озера по деревянным желобам в жилища знати подавалась вода.

Неподалеку от дворцового комплекса располагался храм с так называемым «иньским оракулом», где археологами найдены тысячи надписей на костях животных и черепаховых панцирях, применявшихся для ритуала гадания. Система религиозных взглядов у иньцев была уже довольно развита. Наряду с древним культом животных-тотемов у них существовали женские божества – Женщина-дракон, Западная мать, Восточная мать. Из стихий особенно почитался ветер, именовавшийся «Царем-ветром» или «Посланцем Ди». Бог Ди или Шан-ди был, по-видимому, верховным божеством древних китайцев. Слово «ди» обычно переводят как «владыка». Позднее оно стало обозначать титул императора. Гадая, древние китайцы обращались к Верховному владыке за советами. Его спрашивали об урожае, о дожде, о военном счастье.

Выдающуюся роль в религии иньцев играло поклонение предкам. Считалось, что после смерти человек становится духом, который обитает где-то на небе, и что духи предков имеют огромную власть над делами и

жизнью людей. Даже племена, подчиненные иньцам, и их враги боялись могущественных китайских предков, сила которых неоднократно доказывалась им с помощью оружия. Культ предков прошел через всю дальнейшую историю Китая, став неотъемлемой частью китайской народной религии.

С поклонением предкам были связаны погребальные обычаи иньцев. Своих правителей и представителей аристократических родов они хоронили в роскошных гробницах, напоминавших перевернутую усеченную пирамиду. Эти гробницы были так велики, что некоторые из них достигали размеров трехэтажного дома. С двух или четырех сторон были устроены входы. Широкие лестницы с земляными ступенями вели в зал-саркофаг, располагавшийся на многометровой глубине. Стены его, возводившиеся из бревен и утрамбованной земли, иньцы покрывали резьбой и яркими росписями, расцвечивали красной, белой и черной красками. В зале-саркофаге непременно хоронили убитого воина или собаку, которые должны были охранять покойника от злых духов. В центре зала устанавливали гроб с телом усопшего. В дар ему приносились мраморные скульптуры, изделия из нефрита, резного камня, расписной кости, золота, раковины каури, оружие и шлемы, сосуды из бронзы и белой глины. Над саркофагом настилали бревенчатый потолок и насыпали слой земли, поверх которого укладывали раскрашенные резные доски. Иногда над залом-саркофагом находился еще один, верхний зал. В нем хоронили жен и приближенных знатного покойника: вдоль одной стены – мужчин, вдоль другой – женщин. Часто возле них укладывали вещи, лично принадлежавшие им: бронзовое оружие, утварь, драгоценные украшения и безделушки. Нередко в гробницах вместе с покойником хоронили тела убитых рабов.

После похорон гробницу засыпали землей. У входов погребали собак, коней, воинов, охранявших доступ в гробницу. Иногда вдоль стен верхнего зала зарывали отрубленные человеческие головы, которые тоже должны были сторожить гробницу.

Нередко близ главной гробницы правильными рядами располагались захоронения, очень похожие друг на друга. По-видимому, они принадлежали тем, кто были убит после смерти знатного покойника, чтобы сопровождать его на тот свет. Многие десятки людей были обезглавлены и погребены ничком, часто со связанными на спине руками, по несколько человек в одной яме. Вероятно, головы этих людей и зарывались в стенах верхнего зала.

Менее знатных и богатых иньцев хоронили в могилах среднего

размера. Дорогие предметы в такой могиле насчитывались единицами. Гроб отсутствовал. Тело, завернутое в циновки, клали ничком, а рядом с ним ставили глиняную чашу с куском жертвенного мяса.

Находки в гробницах дали ответы на многие вопросы иньской истории. Благодаря им была выявлена социальная структура древнекитайского общества, получены важные сведения о культуре, экономике, международных контактах, повседневной жизни иньцев.

Шанский город-государство стоял во главе довольно крупного политического объединения. Правитель страны носил название «ван». Родственники вана, крупные чиновники, военачальники, правители областей, вожди и старейшины племен, подвластных иньцам, а также предсказатели и жрецы составляли аристократический слой иньского общества. Внизу общественной лестницы находились простолюдины, общинники-земледельцы. Еще ниже стояли рабы.

Иньцы прославились как непревзойденные мастера бронзового литья. Из малахита они выплавляли медь, добавляли к ней олово и получали бронзовый сплав. Бронза шла на производство мечей, шлемов, боевых топоров, наконечников для копий и стрел, предметов хозяйственного назначения. С большим мастерством древние китайцы отливали бронзовые сосуды, придавая им различную форму: то перевернутого шлема, то кубка с широким раструбом, то чаши, опирающейся на три массивные ножки. Эти бронзовые сосуды, украшенные орнаментом, а также изображениями птиц и животных, являлись великолепными произведениями искусства. Они поражают благородством своих пропорций, мастерством изображений, красотой узоров. Изделия из бронзы эпохи Инь являются великолепными произведениями искусства. Если античная Греция дала миру лучшее, что можно было изваять из мрамора, то иньский Китай создал совершеннейшие произведения из бронзы.

«Великий город Шан» занимает исключительное место в китайской археологии. Благодаря проведенным здесь раскопкам удалось ответить на вопрос об истоках древнекитайской цивилизации. Прежде некоторые ученые утверждали, что культура бронзы была принесена в Китай пришельцами с Запада. Они поработили местное население, еще жившее на стадии неолита, и образовали слой китайской аристократии. Теперь доказано, что это мнение было ошибочным. Антропологи, изучавшие обнаруженные в иньских могилах скелеты, не нашли признаков, указывавших, что в этих могилах похоронены люди иного антропологического типа, чем те, которые обитали в Северном Китае. Таким образом, подтвердилось местное происхождение иньской

цивилизации.

В XII веке до н. э. государство Шан было завоевано чжоусцами, пришедшими с северо-запада. Это вторжение положило предел существованию иньского государства. На его развалинах чжоусцы создали новое государственное образование, которое традиция называет Западным Чжоу.

Глиняная армия китайского императора

В 210 году до н. э. всемогущий владыка Китая император Цинь Шихуанди скоропостижно ушел из жизни. Находясь в зените славы и могущества, последние одиннадцать лет своего правления – с 221 по 210 год до н. э. – император прожил скрытно и уединенно. Он почти не покидал императорский дворец и страшился даже тени ближних своих: они, казалось ему, только и помышляют о том, как бы лишиться его царства и жизни. Впрочем, основания для этого у него были: за годы своего правления Цинь Шихуанди пережил три покушения

За одиннадцать лет правления объединенным Китаем Цинь Шихуанди основал централизованное государство и утвердил карающую законодательную систему. Он окружил себя сильной армией и повелел построить на севере империи мощную систему укреплений. По воле

императора было уничтожено все вооружение, захваченное у поверженных соперников. Лишь один вид оружия был разрешен – тот, которым была вооружена его многочисленная армия.

Благодаря Циню, стремившемуся к превосходству во всем, столица империи, город Сиань, украсилась величественными постройками. А в двадцати километрах от столицы шло строительство огромного и необычного подземного сооружения – последнего пристанища императора Циня.

Цинь Шихуанди был одержим страстной, граничившей с навязчивой идеей, мечтой о бессмертии. По его приказу лучшие врачи Китая пытались отыскать рецепт волшебного эликсира бессмертия. А когда стало ясно, что их поиски тщетны, император Цинь повелел построить для себя грандиозный подземный мавзолей, под стать созданному им государству. Согласно легенде главный зал мавзолея представлял собой миниатюрную модель великой империи Цинь, пересеченной сотней рек, в том числе полноводными Янцзы и Хуанхэ, русла которых в модели воспроизведены до мельчайших подробностей и вместо воды заполнены ртутью, как и море-океан, обрамляющий империю с востока. Потолок зала, как гласит легенда, был усыпан драгоценными камнями, воспроизводящими небесные светила.

Цинь Шихуанди искренне верил, что сможет править своей империей даже из потустороннего мира. А для этого, считал он, ему понадобится армия. И он забрал с собой в мир иной 8 тысяч глиняных истуканов, полагая, что в них переселятся души императорских солдат... Во всяком случае, так гласит старинное китайское предание.

Император умер, когда подземный дворец был готов лишь наполовину.

Основоположник китайской историографии Сыма Цянь – его классический труд «Ши цзи» («Исторические записки») был создан полтора века спустя после смерти Цинь Шихуанди – сообщает, что тело покойного императора положили в бронзовый саркофаг, установленный посреди озера ртути, которую приводила в движение специальная механика. Согласно другим описаниям тело Цинь Шихуанди обрядили в золото и яшму, в рот ему положили крупные жемчужины, гроб же его плавал по ртутным волнам.

Наследникам Цинь Шихуанди, увы, недолго было суждено стоять у кормила правления: через четыре года после смерти Циня власть в империи перешла к династии Хань. Однако новые правители не стали рушить то, что создал их предшественник. Напротив, они упрочили империю, равно как и свою власть, подкрепив ее целым сводом политико-философских законов, которые строго соблюдались в Китае на протяжении многих веков

– вплоть до начала нашего столетия. А первый император Китая Цинь Шихуанди между тем спал вечным сном в своей огромной гробнице, скрытой многометровой толщей лессовых наслоений, под охраной своих глиняных солдат...

...В 1974 году сон императора впервые за две тысячи лет потревожили китайские археологи во главе с профессором Юанем Джунгуем. И первое, что поразило ученых, а за ними и весь мир – это стоящие в боевых порядках воины из глины и бронзы.

Усыпальница императора Циня оказалась размером с огромный подземный город. По предварительным подсчетам археологов, она занимает площадь 56 квадратных километров. Ее строили 700 тысяч человек, согнанных со всех уголков великой империи. С помощью спектрального анализа в толще погребального кургана действительно было зафиксировано наличие огромного количества ртути – так подтвердилось свидетельство Сыма Цяня.

Попасть в подземное царство императора Циня оказалось не так просто: подступы к нему были защищены хитроумной системой смертельных ловушек – каменных мешков и автоматически срабатывающих арбалетов и копьёметательных механизмов. И все это – для того, чтобы ни один смертный не посмел нарушить покой подземных дворцов и храмов, напичканных сокровищами, с которыми Цинь не хотел расставаться и после смерти.

Впрочем, несмотря на ловушки и западни, археологам все же удалось проникнуть в глубь холма Ли – одного из многих, венчающих обширное погребение.

Подступиться к глиняным воинам-истуканам было намного проще. Они стояли там же, где их некогда поставили, – внутри трех подземных залов. Четвертый зал оказался пустым – вероятно потому, что его не успели достроить. Крепкие деревянные колонны подпирают не менее прочные, покрытые толстой коркой водонепроницаемой глины своды извилистых коридоров, скрытых под трех-четырёхметровым слоем просевшей от времени почвы.

Большая часть пеших воинов находится в главном зале площадью 210 × 60 кв. м. Рост рядовых пехотинцев составляет от 1,75 до 1,85 м – под стать человеческому. Офицеры выше – их рост соответствует чину и рангу.

Воины и кони искусно вылеплены из глины, а воинские доспехи и оружие отлиты из бронзы. Все лица солдат обращены строго на север, в сторону усыпальницы императрицы. На внутренней стороне полых статуй сохранились отпечатки пальцев и инструментов императорских мастеров-

керамистов. Эти следы помогли археологам воссоздать древнюю технологию изготовления статуй. Сначала лепилось туловище. Нижняя часть статуи была монолитной и, соответственно, более массивной – на нее приходился центр тяжести. Верхняя часть была полый. Голова и руки крепились к туловищу уже после того, как оно было обожжено в печи. В завершение скульптор покрывал голову дополнительным слоем глины и лепил лицо, придавая ему индивидуальное выражение. Одновременно у воина «вырастали» уши, борода. После чего он наконец облачался в доспехи. Обжиг длился несколько дней, при постоянной температуре не ниже 1000 градусов Цельсия. В результате глина, из которой вылепливали воинов, становилась крепкой, как гранит.

Первые ряды воинов образуют три походные шеренги, развернутые в сторону одиннадцати подземных коридоров. Коридоры тоже заполнены солдатами: впереди пеших следуют боевые колесницы, запряженные четверками лошадей. Колесницы, в отличие от глиняных воинов и лошадей, были вытесаны из дерева, поэтому от них почти ничего не осталось. Расположенные вокруг них пехотинцы вооружены шестиметровыми бамбуковыми копьями, не позволявшими врагу близко подступить к лошадям.

На двух колесницах когда-то стояли сигнальные колокол и барабан – колокольным и барабанным боем подавались сигналы. В двух коридорах, северном и восточном, также стоят солдаты – они охраняют подступы к основным частям с флангов. Как и у большинства пехотинцев, у них нет щитов. Армия Циня Шихуанди состояла из крепких и бесстрашных воинов – они не боялись смерти и не носили ни щитов, ни шлемов. Головы офицеров обычно венчали круглые шапочки, а рядовых – пучки накладных волос.

Хотя глиняные воины должны были служить своему императору после его смерти, стоят они большей частью не наизготовку, а, выражаясь современным языком, в положении «вольно», но будто готовые перестроиться в боевой порядок по первому же сигналу.

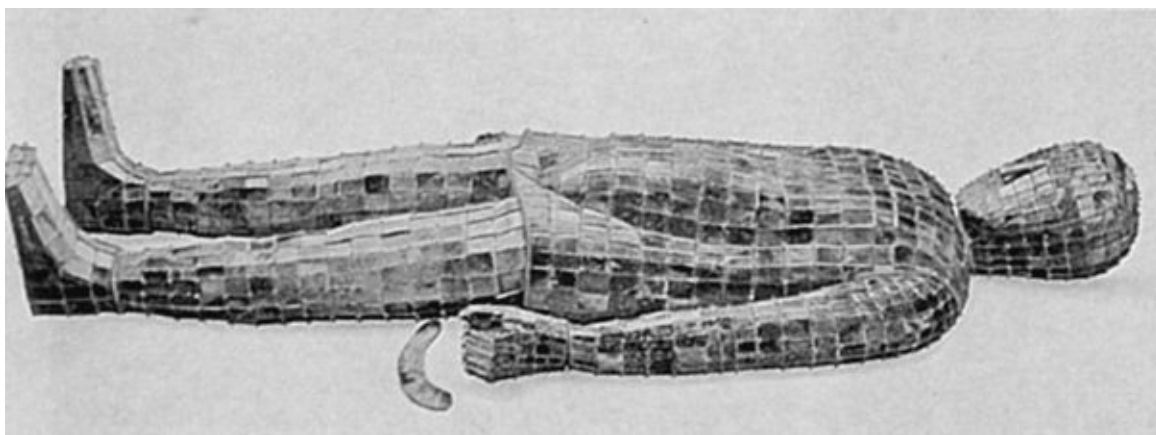
В последние годы раскопки производились в основном во втором подземном зале, расположенном в двух десятках метров от первого. На сегодняшний день археологи насчитали там 1400 глиняных воинов и лошадей, отличающихся от тех, что были установлены в первом зале.

Так, в первых рядах здесь стоят коленопреклоненные лучники в доспехах. А за ними – пехотинцы с копьями наперевес. Есть там всадники и колесницы – и те и другие занимают строго определенные боевые порядки. Впрочем, раскопки во втором зале еще не завершены, а стало

быть, есть основания полагать, что археологи обнаружили там лишь часть армии, поскольку, как известно, лучники всегда шли впереди пехотинцев, конников и колесниц, составлявших главную ударную силу императорского войска. Но даже столь мощная армия не уберегла династию Цинь от гибели, хотя заложенные ею государственные основы пережили века.

Подземные дворцы в китайской «Долине Царей»

Город Сиань (Чанъань) был столицей Китая на протяжении почти всего I тысячелетия н. э. В окрестностях Сианя сегодня находится множество гробниц китайских императоров различных династий. Обширная равнина между реками Вейхэ и Цзиньхэ, расположенная близ города, представляет собой настоящую китайскую «Долину царей» – по аналогии со знаменитой египетской. Она была выбрана для царского некрополя, исходя из законов древней китайской геомантии «фэн-шуй», согласно которым «хорошее» местоположение могилы может приносить удачу и благосостояние родственникам покойного. Тут сохранились целые династические комплексы погребений – например, гробницы девяти из одиннадцати императоров династии Западная Хань (202 – 9 гг. до н. э.). Неудивительно, что окрестности Сианя стали настоящей археологической Меккой, и года не проходит без того, чтобы здесь не было сделано очередное громкое открытие, весть о котором немедленно облетает весь мир.

Именно в этой китайской «Долине царей» в руинах дворца, построенного во времена династии Цинь (221–202 г. до н. э.) была обнаружена древнейшая из известных на сегодняшний день настенных китайских росписей. На этой первой китайской фреске, если ее можно так назвать, изображена повозка, запряженная четверкой лошадей. Вроде бы ничего особенного, но почтенный возраст фрески делает ее уникальной.

Главные находки в сианьской «Долине царей» все же связаны не с руинами дворцов, а с гробницами императоров, членов их семей и вельмож. Знатных людей хоронили в подземных сооружениях из дерева,

камня и кирпича. Каждая такая гробница представляет собой настоящий подземный дворец, размеры которого зависели от сана покойного. К гробнице, как правило, вела аллея духов – охранителей могилы, обрамленная скульптурами крылатых львов. В погребальный комплекс входили и небольшие наземные храмы-цытаны, посвященные культу усопшего.

Подземные залы гробниц делились на отдельные залы и комнаты. У дверей безмолвно высились фигуры каменных стражей гробниц, капители колонн украшались позолоченными фигурами драконов, стены покрывали рельефы, изображающие различные мифологические сцены. Исполненные мрачного величия погребальные залы заполняли тысячи предметов: бронзовые зеркала, курильницы, светильники, сосуды, ткани, расписные глиняные фигуры танцовщиц, музыкантов, слуг, глиняные модели усадеб, многоэтажных домов и башен. Китайская «Долина царей» широко прославилась находками «глиняных армий», из которых наиболее знаменита армия императора Цинь Шихуанди. Но она отнюдь не единственная. Отряды глиняных воинов, каждый высотой около полуметра, охраняли гробницы по крайней мере семи императоров, похороненных в окрестностях Сианя. В 1970 году китайские археологи обнаружили гробницу императора Гаоцзу, основателя династии Западная Хань. Вход в нее стерегла целая армия раскрашенных глиняных фигур, каждый солдат которой имел высоту 45 см.

Для гробниц ханьских императоров характерна особая пышность. Но всех их затмила находка, сделанная в 1968 году в Маньчэне (провинция Хэбэй). Во время строительных работ солдаты Народно-освободительной армии Китая случайно обнаружили некий подземный ход. Вслед за бойцами сюда немедленно пришли археологи. Туннель привел их к нескольким гротам, которые, как оказалось, являлись... комнатами огромного подземного деревянного дворца, крытого черепицей. Подземные залы этого удивительного дворца включали в себя все необходимое правителю в загробной жизни, при этом погребальный инвентарь был изготовлен с подобающей роскошью. Перед взором ученых предстали конюшни, кладовые для мяса, зерна, фруктов и овощей, парадный зал для пиршеств и торжественных церемоний (его свод уходил ввысь на семь метров), а также купальня. Рядом находилась сама усыпальница, где стоял деревянный гроб, покрытый лаком и украшенный нефритом.

Две тысячи лет назад здесь был погребен Лю Чен, брат тогдашнего императора Уди (140—87 гг. до н. э.) и правитель одной из провинций Срединной империи. Для своей супруги, принцессы Ду Ван, он также

велел возвести похожий мавзолей в ста двадцати метрах от своей усыпальницы. Сановную семью снабдили множеством предметов, которые будут надобны ей на пути в вечность. Оба подземных дворца оказались прямо-таки кладезями сокровищ: в этих погребениях археологи обнаружили двухколесные повозки, бронзовые лампы и курительницы, шелковые ткани и нефритовые безделушки. Тогдашние властители могли позволить себе такую роскошь. Время распрей, раздиравших страну, миновало. В эпоху правления императора Уди были окончательно подавлены сепаратистские устремления высшей аристократии – ванов, правителей провинций. Китайские земли огнем и мечом были сплочены в единую империю, нападения северных кочевников-сюнну отражены. Наступила эпоха процветания, и дары, принесенные брату императора и его супруге, ярко свидетельствуют об этом.

Особенно поразил ученых погребальный наряд принцессы Ду Ван. Он был «сшит» из 2156 нефритовых пластинок, скрепленных золотыми нитями. По тогдашним поверьям, нефрит уберегал тело усопшего от тления. Подобно египтянам, китайцы верили, что душа человека будет жить вечно, если тело его сохранится нетленным. Ради этой благой цели все «телесные отверстия» были надежно «замкнуты» нефритом.

Судя по всему, Лю Чен так жаждал бессмертия, что даже за гробовой чертой решил не отказываться от услуг сведущих врачей. Китайские археологи обнаружили в его гробнице золотые и серебряные иглы для акупунктуры, а также бронзовую чашу для приготовления настоев из целебных трав. Властитель, избавленный от забот на этом свете, был убережен от страданий и в жизни иной.

Ангкор

Сегодня, глядя на громадные башни Ангкора, трудно представить себе, что это грандиозное сооружение несколько столетий было скрыто от человеческих глаз непроходимой стеной джунглей. И только полтора века назад началась новая жизнь этого огромного храмового комплекса.

О том, что в джунглях северо-запада Камбоджи скрываются остатки гигантских каменных сооружений, в Европе впервые узнали от испанского миссионера Марсело Рибандейро. В 1601 году, блуждая в джунглях близ озера Тонлесап, он неожиданно натолкнулся на развалины огромного древнего храма. Но ведь традиции кхмеров не позволяли строить каменные здания! В поисках ответа на загадку Рибандейро обратился к местным жителям и королевским чиновникам. Они знали о циклопических постройках в глубине джунглей, но объяснить их происхождение не могли, вместо этого рассказав миссионеру множество легенд и преданий. Все это только укрепило Рибандейро во мнении, что увиденные им постройки принадлежат цивилизации, не имеющей никакого отношения к кхмерам. В своей книге о путешествиях по странам Юго-Восточной Азии Рибандейро писал: «Есть в Камбодже руины древнего города, который, по мнению некоторых, был построен римлянами или Александром Македонским. Примечательно, что никто из туземцев не может жить в этих руинах и они служат прибежищем диким зверям. Эти язычники считают, по традиции, что город должен быть восстановлен чужеземным народом».

Открытие Рибандейро сенсации в Европе не вызвало, и о его находке вспомнили только два с половиной столетия спустя, после выхода в свет в 1868 году книги французского путешественника Анри Муо «Путешествие в королевства Сиама, Камбоджи, Лаоса и другие области Центрального Индокитая».

...Углубившись в джунгли в нескольких километрах от города Сиамреап, Муо неожиданно заблудился. Несколько дней – без пищи, страдая от приступов малярии, – он бродил в бесконечных лесных дебрях, пытаясь найти обратную дорогу. И, когда уже начали таять последние надежды, лес неожиданно расступился и Муо вышел на широкую, залитую солнечным светом поляну...

В первое мгновение Муо подумал, что у него от долгих скитаний начались галлюцинации: прямо перед ним, освещенные розовыми лучами заходящего солнца, над бескрайними джунглями возвышались три

стройные башни, напоминавшие бутоны лотоса. Их стройные, изящные силуэты отчетливо вырисовывались на фоне закатного неба. И только когда его ладонь коснулась шероховатого прохладного камня, Муо поверил в реальность этой внезапно выросшей из лесных зарослей каменной сказки...

Так 22 января 1861 года был открыт Ангкор Ват – крупнейший в мире храм, именем которого впоследствии была названа целая эпоха в истории Камбоджи – эпоха Ангкорской цивилизации.

Название Ангкор («столица») происходит от санскритского понятия Nagara («город») и является заимствованным словом в кхмерском языке. Это слово часто встречается в составных камбоджийских топонимах, как, например, в названии местечка Ангкор-Борей к югу от Пномпеня. Основателем Ангкорской империи и родоначальником династии ангкорских царей был король камбоджийского государства Ченла Джаяварман II, основавший около 850 года близ озера Тонлесап свою столицу Амарендрапура. Его преемник, король Сурьяварман II (1113–1150), воздвиг огромный храм Ангкор Ват. Датой окончания строительства храма иногда называют 1150 год.

Многочисленные археологические находки и древние надписи многое рассказали ученым о минувших временах. Подобно Риму, комплекс Ангкора строился не в один день. Изумленный путешественник, посетивший равнину Ангкор (она занимает площадь 300 кв. км.), откроет для себя многовековую историю храмового комплекса, которая начинается в VIII столетии строительством храма Ак-Юм и завершается в XIV веке возведением храма Мангаларта. Всего же в комплекс Ангкора входит 200 храмов, расположенных на площади около 260 кв. км.

Начиная с IX века на территории современного «парка Ангкор», в различных его частях, последовательно были сооружены не менее семи столиц, которые назывались в основном в честь первого основателя кхмерской столицы Джаявармана I: «Джасодхарапура», «Город славных». Ради осуществления этих грандиозных проектов, от которых в наше время практически не осталось следа, затевались коренные преобразования и соответствующим образом менялся ландшафт. Лишь в конце XII столетия, когда великий царь Джаяварман VII велел обнести свою столицу мощными стенами, в регионе установился относительный покой. Под прикрытием городских стен воздвигались новые религиозные сооружения, пока, наконец, в 1431 году не произошло падение Ангкора.

Историю Ангкора, который был надолго забыт кхмерами, ученым пришлось реконструировать шаг за шагом. Еще и сегодня наши знания о

нем изобилуют лакунами. Важнейшими сведениями об этом комплексе мы обязаны прежде всего французским исследователям, которые еще в конце XIX века приступили к изучению храмовых сооружений кхмеров и надписей, оставленных ими на камнях. А вот от других построек, в том числе от царских дворцов, не сохранилось ничего, кроме разве что нескольких кирпичей, разбросанных тут и там. Ведь кхмеры жили в деревянных домах, которые давным-давно истлели. Значит, надлежало восстановить жизнь и историю целого народа исключительно на основании некоторых немногочисленных памятников его религиозных верований.

Важнейшими источниками изучения цивилизации кхмеров по-прежнему остаются религиозные постройки, то есть многочисленные храмы различной величины. Главной особенностью кхмерской архитектуры является ее космологический характер. Каждый храм представляет собой Вселенную в миниатюре, является ее магическим символом. В наибольшей степени это относится к знаменитому храму Ангкор Ват.

Ангкор Ват посвящен индуистскому богу Вишну и служит одновременно святилищем и усыпальницей короля Сурьявармана II. В Ангкорском королевстве бытовал культ Вишнураджи, в котором объектом поклонения стал сам король: древние кхмеры считали его земным воплощением Вишну. А храм Ангкор Ват являлся символом небесного дворца, в котором пребывает дух правителей страны. Вместе с тем внешний облик Ангкора символизирует священную гору Меру в индийской мифологии – «центр Вселенной и местожительство богов».

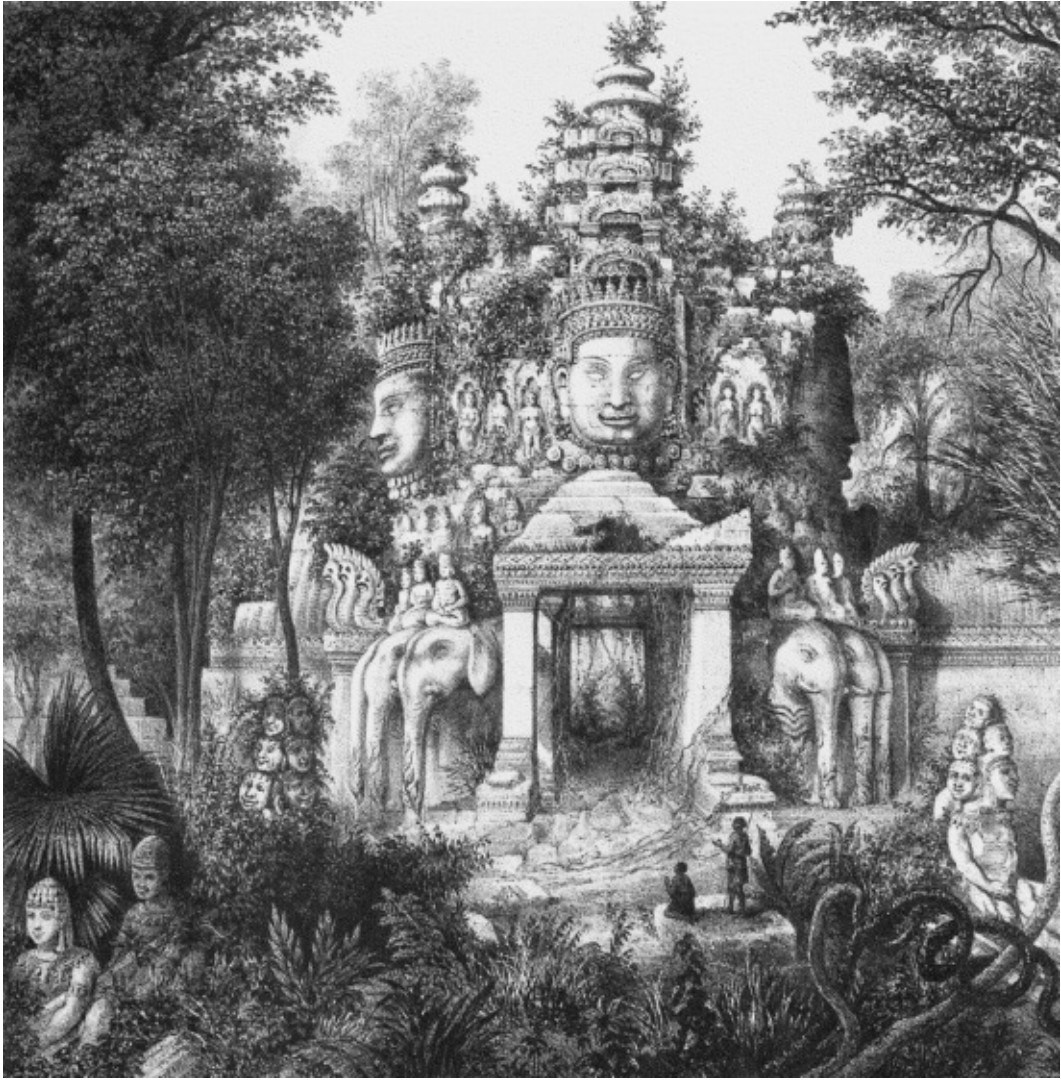
Все элементы храма, будь то архитектурные (алтарные помещения, крепостные стены, входные павильоны, библиотеки и различные залы) или декоративные элементы (дверные перемычки, фронтоны, пилястры, декоративные колонны и т. д.), должны были отвечать, помимо эстетических, еще и символическим требованиям. К сожалению, все кхмерские тексты, трактующие эту тему, утрачены. В политических неурядицах погибло обширное наследие прошлого – книги, рукописи и даже устные предания. Поэтому приходится довольствоваться лишь изучением аналогичных индийских трактатов об архитектуре.

Огромный трехступенчатый храм с остроконечными башнями – это чудо симметрии. Можно только удивляться, как удачно при такой строгости геометрических форм здесь скомпонованы строительные материалы и пространство. И это при том, что кхмерские зодчие не знали элементарных законов строительства, их строительная техника была весьма неразвитой, и специалисты долго не могли понять, почему Ангкор стоит и не разрушается

– ведь его строители не знали элементарных правил обработки камня и законов равновесия! Но в результате впечатление от храма таково, что просто захватывает дух.

Подсчитано, что на постройку Ангкор Вата пошло столько же камней, сколько на пирамиду фараона Хефрена в Древнем Египте. Если же учесть, что в Ангкоре вся эта масса камня была не просто сложена в кучу, а тщательно обработана и покрыта удивительной по совершенству и многообразию сюжетов резьбой, то труд, который был затрачен на это в течение всего лишь одного царствования, покажется еще более впечатляющим. При это каждая скульптура, каждый рельеф представляют собой произведение искусства. Сцены из индийской мифологии и исторические персонажи из прошлого кхмеров, высеченные в камне, кажутся резьбой по дереву. Впрочем, светлый песчаник, из которого высечены изображения, почти так же легко поддается резцу, как и дерево.

Освобожденный из плена джунглей, Ангкор Ват является сегодня объектом восхищения тысяч туристов и предметом самого пристального изучения со стороны специалистов со всего мира. Величайшая драгоценность Камбоджи, Ангкор внесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Африка и Аравия

Львиные храмы страны Куш

Куш – так египтяне называли далекую, населенную чернокожими африканцами страну, расположенную на юге, за нильскими порогами и непроходимыми песками. Большая часть этой области сейчас находится на территории Республики Судан. Богатое и обширное государство Куш просуществовало по крайней мере тысячу лет.

Упоминания в текстах античных авторов страны Куш и ее полулегендарных столиц – Напаты и Мероэ – заставили первых европейских исследователей еще в 1820 году отправиться на поиски в глубь африканского континента. Французские ученые Фредерик Кайо и Пьер Леторсе, примкнув к отряду египетских солдат, достигли Судана, где обнаружили следы таинственной цивилизации, которую они с полным основанием связали со страной Куш. Перед их взором предстали целые поля полуразрушенных пирамид, засыпанные песком статуи богов и правителей, руины огромных храмов. Кайо и Леторсе тщательно зарисовали увиденные ими находки и по возвращении в Европу издали несколько книг и альбомов с рисунками. Научный мир был ошеломлен: из небытия вставала еще одна великая цивилизация древности!

Книги Кайо и Леторсе на долгие годы стали руководством для всех последующих исследователей страны Куш. Однако новая экспедиция в этот труднодоступный и опасный в ту пору край состоялась лишь в конце XIX столетия. Бейярд Тейлор – американский журналист и любитель древностей, посетил области, лежащие на Верхнем Ниле, и составил своеобразный путеводитель по древностям Куша, озаглавив его «Жизнь и пейзажи от Египта до негритянских царств Белого Нила». Этот очень добросовестный труд, однако, еще более укрепил распространившееся в ту пору в научных кругах заблуждение, согласно которому цивилизация Куша рассматривалась как окраина Древнего Египта и дальний форпост египетской культуры.

Подлинное открытие страны Куш и ее тайн связано с именем американского археолога Джеймса Брэстеда – профессора египтологии Чикагского университета.

В 1906 году Брэстед отправился в путешествие вверх по Нилу, сопровождаемый фотографом Хорстом Шлипаком и ученым-египтологом Норманом де Гари Давье. Путешествуя на лодках и на верблюдах, ночуя под открытым небом или в древних гробницах, Брэстед и его коллеги

проделали путь протяженностью 1600 км и исследовали огромное количество памятников древней цивилизации. Они привезли с собой 1100 фотографий и зарисовок, до сих пор представляющих огромную научную ценность. С этой поры и вплоть до наших дней область Верхней Нубии прочно вошла в число важнейших археологических зон. Благодаря работам многочисленных экспедиций из разных стран – США, Великобритании, Германии, Польши и др. – была приподнята завеса тайны над древней цивилизацией Куша, располагавшейся на самом краю ойкумены.

Сегодня нам известно, что история Куша тесно переплелась с историей Египта. Хотя археологические находки свидетельствуют о том, что люди жили здесь еще в эпоху неолита, первое письменное свидетельство об этой стране – это египетская надпись, высеченная на скале у 2-го порога на Ниле. В ней говорится о том, что царь Зер завоевал в 3000 году до н. э. Нижнюю Нубию. Другая надпись сообщает, что в 2750 году до н. э. фараон Снофру совершил в эти земли военный поход. Снофру похваляется добычей, которую он привез из Куша, особенно гордясь количеством пленных и числом голов крупного скота.

В течение последующих 800 лет Куш становится объектом египетской экспансии. Фараоны отправляли сюда сначала военные экспедиции, затем торговые миссии, а еще позже основывали на этой земле крепости и фактории. Наконец, примерно в 1570 году до н. э. Куш был присоединен к Египту.

Главной целью походов египетских фараонов в Нубию являлись золотые рудники. Кроме золота, Египет получал из Куша эбеновое и камедное дерево, слоновую кость, страусовые перья и яйца (их скорлупа использовалась в ювелирном деле), красную охру, благовония и масла, зерно, скот, живых леопардов и леопардовые шкуры, живых жирафов и кончики жирафьих хвостов, собак и обезьян-бабуинов.

Завоевание Куша Египтом ускорило египтизацию страны. Фараоны строили храмы и города на территории Куша вплоть до города Кургуса, стоявшего в 350 милях к югу от Асуана. У подножия священной горы Джебель-Баркала располагалась столица Куша – Напата, где египтяне возвели несколько великолепных храмов. Здесь находилась резиденция египетских наместников, которые назначались преимущественно из числа детей местных нубийских вождей. Их еще в раннем детстве отбирали у родителей и держали при египетском дворе – и как заложников, и как будущих сателлитов Египта. Им давали высокие чины и воспитывали как царей. Это в итоге привело к тому, что выходцы из Куша около 730 года до н. э. овладели египетским тронem и основали XXV династию фараонов.

Эта династия правила до 663 года до н. э., когда Египет был захвачен ассирийцами. На протяжении последующего тысячелетия все 66 царей Куша – потомков последнего фараона XXV династии Танветамани – продолжали величать себя «царями Нижнего и Верхнего Египта».

Заимствовав титул фараонов, правители Куша приняли и египетские погребальные обряды. Соревнуясь с фараонами, они строили гробницы-пирамиды, хотя в самом Египте от них давно уже отказались. Подобно фараонам, они сооружали колоссальные храмы, прославлявшие богов и обожествленных правителей страны Куш. При этом цивилизация Куша была продолжением египетской цивилизации – в государственном устройстве и дворцовых церемониях, религии и искусстве, архитектуре и письменной традиции, – но в ней чувствуется сильная струя африканского влияния. А провинциальность Куша, его удаленность от основных культурных центров способствовали тому, что Куш стал своеобразным заповедником архаических черт египетской культуры, которые продолжали существовать и даже расцветали, в то время как в самом Египте уже давно поменялись и времена, и нравы.

Главным религиозным центром Куша была священная гора Джебель-Баркала. Здесь возвышался величественный храм Амона, значительно перестроенный царем Пианки. Великим строителем был фараон Египта и Куша Тахарка, умерший в 664 году до н. э. в возрасте 64 лет. За четверть века своего правления он восстанавливал храмы, строил новые, возвел самые большие пирамиды в Напате и высек скальный храм в Джебель-Баркале – копию знаменитого храма Рамсеса II в Абу-Симбеле. Статуи этого храма, изображающие правителя Куша, достигали высоты 7 м.

Потомки Тахарки, изгнанные из Египта, надеялись снова занять трон фараонов. Когда фараон Нехо II в 605 году до н. э. начал войну с Вавилоном, царь Куша снова решил попытать счастья. В ответ египетские войска разорили Напату, после чего столица Куша была перенесена на юг, за 5-й нильский порог – в Мероэ. К эпохе Мероэ относится время расцвета местного искусства, получившего по имени столицы название мероитского.

Город Мероэ расположен на восточном берегу Нила, между 5-м и 6-м порогами, примерно в 120 км от современного Хартума. Сегодня его величественные развалины можно видеть даже из окон поезда, следующего по железной дороге из Хартума. Чуть дальше находятся пирамиды Западного некрополя, где хоронили именитых жителей Мероэ. А еще примерно в километре от этого места возвышаются гряды холмов, в которые встроены царские пирамиды. Здесь погребены цари и царицы, правившие Кушем с 300 года до н. э. К дальней стороне гряды примыкает долина, на которой тоже выстроились ряды пирамид. Это – усыпальницы многочисленных родственников правителей XXV династии. Они частично раскопаны археологами. В некрополях Мероэ найдены останки царей, цариц и принцев, изучен их образ жизни.

Главным божеством Куша был львиноголовый бог войны Апедемак. Он изображался в виде человека или змеи с львиной головой. В честь

Апедемака во всем Куше сооружались Львиные храмы. Такие постройки сохранились сегодня в Мероэ, Мусавварат эс-Суфра, Наке. Свидетельства того, что в Куше процветал культ льва, встречаются повсеместно.

Львиный храм в Мероэ воздвигнут, вероятно, во время правления царя Арнекамани (235–211 гг. до н. э.). На его рельефах мы видим царскую супружескую пару в тесных, похожих на шлемы шапках, с узкими лентами над бровями. На предплечьях, локтях и запястьях – браслеты. На шее – ожерелья из больших шарообразных бусин. На одном из пальцев царя – кольцо (такие часто находят в кушитских гробницах). При этом царь держит меч и декоративную булаву, а царица – по мечу в каждой руке! Египетские царицы никогда не изображались с подобным оружием в руках. На других изображениях царь сокрушает своих врагов, получает цветок победы от солнечного божества и в час своего триумфа красуется в забавных наколениках в виде львиных голов.

Огромный Львиный храм, посвященный Апедемаку, раскопан археологами в Мусавварат эс-Суфра. Очевидно, это был большой общегосударственный религиозный центр, который служил местом массовых паломничеств. Он включал в себя окруженные оградой храмовые постройки, дворцы, террасы, крытые переходы. Есть свидетельства того, что в Львином храме в Мусавварат эс-Суфра содержались дрессированные львы – живые воплощения бога-льва Апедемака. Огромный рельеф с изображением этого божества высечен на стене храма – существо с львиной головой, высотой в человеческий рост, возглавляет процессию других богов и получает дань от царя.

По всему Кушу сохранились величественные храмы, дворцы, бани, гробницы, оборонительные сооружения, жилые дома и некрополи. Самыми выдающимися в этом смысле являются города Нури, Джебель-Баркала и Курру, где развалины гигантских пирамид до сих пор напоминают о былой славе Куша.

В 30 году до н. э. римляне завоевали Египет и установили свои посты на границе с Кушем в районе Сиены. Приблизительно в 23 году до н. э. римляне захватили и разрушили древнюю столицу Куша Напату, однако этот набег не стал смертельным ударом. В правление царя Нетакамани в стране строились новые храмы и гробницы. После Нетакамани в Куше правили еще 22 царя, однако страна все больше погружалась в нищету и забвение. Что вызвало окончательную гибель Куша? По мнению ученых, одним из факторов стало разрушение почв, подорвавшее экономику страны. Это разрушение явилось результатом продолжительного экстенсивного выпаса скота. Другим фактором стало обнищание Египта во

времена владычества римлян, что полностью подорвало торговлю Куша со своим северным соседом.

Падение Куша было ускорено и внешним давлением. Около 350 года н. э. Эзана, царь Аксума (Эфиопия), разбил кушитов и провозгласил себя царем Куша. С этого момента имя страны Куш исчезает со страниц хроник.

Земля царицы Савской

Большую часть Аравии занимают пустыни и горы. Трудно поверить, что когда-то античные авторы именовали этот край Arabia Felix – «Счастливая Аравия». Впрочем, это название относилось не ко всему полуострову, а лишь к его южной оконечности – к стране, где, по преданию, правила царица Савская, та самая, которая, как сообщает Библия, прослышав о великой мудрости царя Соломона, совершила путешествие в Иерусалим во главе огромного каравана, нагруженного благовониями и золотом.

Страна царицы Савской располагалась на территории современного Йемена. Здесь, на узкой полосе побережья Аравийского моря, произрастали деревья и кустарники, дающие ладан, мирру и другие благовонные смолы, которые пользовались высоким спросом в странах Ближнего Востока и Средиземноморья. Разведение благовонных деревьев и производство ладана, мирры стало источником процветания «Счастливой Аравии».

Сообщения античных авторов о былом богатстве этой древней страны давно привлекали внимание ученых. Есть ли под этими легендами реальная почва? Какие памятники древности сохранились в этих местах? Ответить на эти вопросы было очень и очень не просто. Только в середине XIX века исследователям удалось впервые побывать в Южной Аравии. Первым европейцем, ступившим на землю Йемена, стал француз Том Арно. В июле 1843 года он сумел проникнуть в древнюю столицу страны Мариб, где снял копии с 56 древних надписей и опубликовал первое достоверное сообщение о памятниках города.

В 1869 году в Йемен отправился другой французский ученый, Жозеф Алеви. Переодевшись в одежду бедуина, он тайно проник в эту страну и после утомительного 300-километрового путешествия достиг Мариба. Ему удалось скопировать более 600 надписей, сохранившихся на руинах древних построек. Это были тексты на сабейском языке и образцы неизвестного до того времени минейского языка.

Систематические раскопки в Йемене начались лишь в 1950 году, когда сюда прибыла американская археологическая экспедиция под руководством Уэнделла Филиппса. Большую научную поддержку оказал известный лингвист Уильям Ф. Олбрайт, руководитель восточного семинара в университете Джона Хопкинса. Именно Олбрайт впервые указал на сходство южноаравийских языков с древнееврейским. К тому времени в

распоряжении ученых уже находился огромный корпус текстов, собранных в Южной Аравии. Как оказалось, «страна царицы Савской» была настоящей «страной надписей», что свидетельствует о чрезвычайно широком распространении письменности. Писали все: цари и знатные люди, рабы и купцы, строители и жрецы, погонщики верблюдов и ремесленники, мужчины и женщины. Писали на самых различных материалах: камне, деревянных дощечках, глиняных табличках, отливали надписи в бронзе, процарапывали на скалах. Среди обнаруженных надписей – описания исторических событий, статьи законов, посвятельные и строительные тексты, эпитафии, деловая переписка, копии закладных документов и т. д.

Древние обитатели Южной Аравии говорили на языках отдельной подгруппы семитских языков и пользовались особым письмом, унаследованным ими от алфавитной письменности Восточного Средиземноморья. Как свидетельствуют археологические материалы, семитские племена начали проникать на территорию Южной Аравии в конце III – начале II тысячелетия до н. э. Из-за особенностей природных условий Южной Аравии – изрезанность рельефа, узкие долины, пригодные для земледелия, контрастные климатические зоны – пришельцы селились отдельными группами. Так в Южной Аравии возникло несколько культурных очагов: Маинское (Минейское) и Сабейское царства, царство Катабан, Хадрамаут. Начиная со II тысячелетия до н. э. вплоть до VI века н. э. эти государства Южной Аравии прошли сложный путь развития, то достигая вершин цивилизации, то поворачиваясь в прах.

Не позднее VII века до н. э. сабейцы захватывают территорию современной Северо-Восточной Эфиопии, а с VII века до н. э. вся Юго-Западная Аравия переходит под власть Сабейского царства. Вероятно, именно к этому периоду относится рождение легенд о Билкис, царице Савской (Сабейской) – правительнице могущественного государства, богатого золотом и благовониями.

Столицей Сабы в XI–II веках до н. э. являлся Мариб. Впечатляющую панораму этого древнего города дополняют поднимающиеся слева от него 12-метровые пилоны, частично засыпанные песком. Это – руины храма лунного бога Илумкуху (Альмакаху), раскопанные в 1951–1952 годах американскими археологами. Они установили, что это святилище построено около середины VII века до н. э. (по мнению некоторых других исследователей, – в IV в. до н. э.). Традиции поклонения лунному божеству принесены сюда с Ближнего Востока.

С северо-востока к главному зданию храма, обнесенному стеной, пристроен перистиль – открытый двор, окруженный колоннадой. Вдоль стен перистиля сохранились каменные монолитные столбы, испещренные сабейскими письменами. Возможно, что место около храма служило не только для отправления религиозных культов, но и для жилья. Об этом свидетельствует толстый культурный слой, в котором были найдены кости домашних животных, черепки глиняной посуды, предметы домашнего обихода, пепел очагов.

Великолепные постройки из камня, испещренные надписями обелиски, крепости, сооруженные на искусственных холмах, – все это говорит о высоком уровне цивилизации сабейцев. Но более всего подданные царицы Савской прославились как непревзойденные строители гигантских оросительных систем.

Еще в 1928 году Карл Рафьенс сообщил о знаменитой плотине Мариба – одном из чудес Древнего мира. Построенная в VIII веке до н. э., она перегораживала ущелье Вади-Дана и задерживала воду, поступавшую из системы рек, благодаря чему пустыня вокруг Мариба превратилась в цветущий сад. Параллельно плотине тянулся заметный до сих пор ирригационный канал длиной около километра, некогда орошавший сады левого берега Вади-Дана.

Главное сооружение канала имело два находящихся на разных уровнях отверстия, через которые из водохранилища в канал поступала вода. С высоты одного из склонов горы Балак-эль-Кибли видна сохранившаяся часть основной плотины, пересекавшей Вади-Дана в юго-восточном направлении. На правом берегу заметны сооружения второго отводного канала, орошавшего сады правого берега. Даже по тем развалинам Марибской плотины, которые сохранило нам время, можно судить о большом инженерном мастерстве древних сабейцев.

Длина плотины составляла примерно 600 м. Тело плотины, наклоненное под углом 45 градусов к поверхности воды, состояло из земляной дамбы, укрепленной щебенкой и облицованной сверху обтесанными базальтовыми плитами. В каждой плите на определенном расстоянии были сделаны углубления, в которые забивали свинцовые пальцы, выступавшие на десять см над поверхностью плиты. При наложении одной плиты на другую отверстия, выдолбленные в последней, надевались на пальцы первой, и тем самым плиты скреплялись навечно. В VI веке н. э. плотина разрушилась в результате сильного паводка, вода ушла, а вместе с водой ушли люди, оставив некогда цветущие сады и поля. Природные, а затем и политические катаклизмы вызвали гибель Сабейского царства.

Таинственный Зимбабве

До тех пор пока богатства Америки не были интегрированы в европейскую экономику после испанских завоеваний XVI века, самым важным источником золота для Европы оставалась Африка, обеспечивая две трети его мировых поставок. На золоте выросли практически все древние центры Черного континента, в том числе и Великий Зимбабве – огромный и во многом остающийся загадочным город народа шона. Его руины находятся примерно в трехстах километрах к югу от Хараре, нынешней столицы Республики Зимбабве.

Зимбабве возник в XI столетии, когда спрос на африканское золото начал стремительно возрастать и арабские парусники-доу все чаще стали

наведываться к побережью Мозамбика. Период расцвета города приходится на конец XIV – начало XV века.

В переводе с языка шона «зимбабве» означает «дом большого человека», «жилище вождя». Руины Зимбабве расположены в уникальной по сочетанию благоприятных факторов области. Великий Зимбабве также занимает стратегическую позицию на пути к побережью Индийского океана, куда в Средние века приходили за желанным металлом корабли арабских купцов.

Великий Зимбабве включает в себя несколько комплексов. Отдельно стоящая огромная постройка, названная первыми европейскими исследователями «храмом», а ныне именуемая Эллиптическим зданием, доминирует над долиной. Она окружена несколькими концентрическими оградами, за которыми на территории площадью 4600 кв. м высится коническая каменная башня, имеющая высоту более 9 м, и остатки по крайней мере еще сорока каменных построек. Внешняя стена Эллиптического здания достигает в длину 244 м, в толщину 5,2 м и в высоту 9,8 м. Один из археологов подсчитал, что на строительство всех сооружений этого комплекса пошло около 120 тысяч тонн гранитных блоков. Вероятно, Эллиптическое здание, как самая крупная и наиболее внушительная постройка, являлась дворцом правителя Зимбабве – мвене мутапы.

На соседней вершине высится «Акрополь», или «Руины на Холме». Он занимает площадь около 2600 кв. м. Мощь и протяженность его колоссальных полуразвалившихся каменных стен, возвышающихся в одиночестве посреди безлюдной саванны, производят огромное впечатление. Они служат зримым свидетельством могущества и славы древнего царства.

Самой поразительной чертой Великого Зимбабве является то, что его планировка повсюду соотнесена с пространством обитания семьи. Здесь нет улиц, а есть просто тропинки между частными жилищами; нет площадей для общих собраний, нет никаких монументальных зданий или рынков, никаких торговых или производственных зон. Городские постройки сооружались бессистемно, в соответствии с потребностями в жилье, а не по некоему общему плану. Здесь не было общегородских крепостных стен – место обитания каждой семьи было защищено собственной стеной. Эти круглые каменные стены, чьи уцелевшие фрагменты высятся тут и там, окружали группы глиняных хижин с характерными конусообразными деревянными крышами, крытыми соломой. Они образовывали семейный жилой комплекс – с отдельными

хижинами для жен и детей, для сна, приготовления еды и встречи гостей. Во дворах между ними женщины занимались домашней работой, другие участки предназначались для труда ремесленников. Всего же, по подсчетам ученых, в городе проживало до восемнадцати тысяч человек.

Стены построек Великого Зимбабве сложены из глыб дикого камня, которые сами откалывались и падали с голых гранитных холмов, что окружают поселение. С наружной стороны каменные глыбы несут следы грубой обработки. Все сооружения построены методом циклопической кладки, без скрепляющего раствора, и воспроизводят формы деревянных оград, которые можно увидеть в любом африканском поселке.

В постройках, относящихся к более позднему времени, блоки лучше пригнаны и уложены горизонтальными рядами. Каждый ряд чуть отступает назад по сравнению с нижним, и, таким образом, вся стена постепенно отклоняется назад. По углам оград возводились террасы с платформами, башенки и низкие цилиндрические алтари.

Археологические исследования Великого Зимбабве показали, что город являлся крупным центром ремесел. Здесь работали с золотом, медью и железом. В «Руинах на Холме» и Эллиптическом здании археологи нашли множество золотых бусин, золотую проволоку и тонкие золотые пластинки, которыми покрывали деревянные резные изделия. Были найдены также железные крыцы и остатки плавильных печей.

Из стеатита – мыльного камня – местные жители вырезали скульптурные изображения стилизованных птиц, статуэтки домашних животных и плоские, широкие блюда. Их украшали резным узором: орнаментом в виде витых пересекающихся нитей, изображениями длиннорогого скота, зебр или обезьян-бабуинов. Изделия мастеров Великого Зимбабве, наряду с золотом и железом, вывозились на побережье Индийского океана и продавались чужеземным купцам, а точнее – обменивались. Потоки золота, меди, железа, слоновой кости, рабов и многих других товаров в течение столетий текли к морю и возвращались, превратившись в персидские стеклянные изделия, индийский и индонезийский бисер, аравийские украшения и китайский фарфор.

Уникальный склад самых разнообразных и экзотических товаров был обнаружен в 1902 году в ограде за Эллиптическим зданием. В их число входили большой запас железных мотыг местного производства, витая проволока из железа, меди, бронзы и золота; золотые пластины и бусины, медные слитки и медные украшения, три железных гонга, являющиеся знаком отличия вождя племени. Вместе с этим на складе хранилась небольшое, но весьма примечательное собрание чужеземных безделушек.

Многие из этих вещей относились к тем видам, которых не находили больше нигде во внутренних частях Африки. Среди них – железная ложка, железный подсвечник, кусочки коралла, бронзовые колокольчики, медные цепочки, раковины каури, гравированное сирийское стекло, персидская фаянсовая миска с арабской надписью, китайский фарфор, каменные сосуды и десятки тысяч стеклянных бусин. Эта коллекция, скорее всего, являлась данью, которую окрестные племена преподнесли правителю Великого Зимбабве.

Когда в 1871 году Карл Маух открыл руины Зимбабве, Европа была изумлена: как! Отсталые африканцы, живущие в соломенных хижинах, – и величественный каменный город? Нет, это дело рук каких-то пришельцев, скорее всего – финикийцев или египтян. Сегодня в результате многолетних исследований полностью доказано, что руины Зимбабве – выдающийся памятник строительного искусства народов тропической Африки.

Зимбабве начал приходить в упадок в середине XV века. Торговые контакты с побережьем были прерваны. Окончательному падению Зимбабве способствовало то, что исторические торговые пути, перешедшие в руки португальцев, пришли в запустение.

Гипотез о причинах внезапной гибели Зимбабве было высказано много, но все они спекулятивны и ничего не прибавили к разгадке тайны. Устные предания народа шона, подтверждаемые почти современными описанным событиям сообщениями португальских мореплавателей, утверждают, что в середине XV века правитель Зимбабве покинул свой «дом на юге» и переселился в долину Замбези, «из-за недостатка соли». Это туманное объяснение можно воспринять как намек на какие-то проблемы, возникшие в области сельского хозяйства, которые оказались неразрешимыми. Некоторые исследователи полагают, что это может также отражать династические споры, возникшие внутри правящей верхушки Зимбабве. Ни то, ни другое объяснение пока не нашло документальных подтверждений, так что руины Великого Зимбабве продолжают хранить свою тайну.

Америка

Загадки «каучуковых людей»

Около трех тысячелетий назад на берегу Мексиканского залива возникла индейская культура, получившая название ольмекской. Это условное наименование было дано по имени ольмеков – небольшой группы индейских племен, живших на этой территории гораздо позже, в XI–XIV веках. Само название ольмеки, что означает «каучуковые люди» – ацтекского происхождения. Ацтеки называли их так по имени области на побережье Мексиканского залива, где производился каучук и где жили современные им ольмеки. Так что собственно народ ольмеков и народ ольмекской культуры – совсем не одно и то же. Иногда, чтобы различить эти понятия, народ ольмекской культуры именуют «археологическими ольмеками».

Цивилизация «археологических ольмеков» берет свое начало во II тысячелетии до н. э., а ее существование прекратилось в первые века нашей эры и за полторы тысячи лет до расцвета империи ацтеков. Ольмекскую культуру называют иногда «матерью культур» Центральной Америки.

Впервые о народе ольмеков в Европе стало известно из труда монаха-францисканца Бернардино де Саагуна, прибывшего в Мексику в 1529 году. Саагун передал в нем рассказы ацтеков об ольмеках. Естественно, что ацтекские рассказчики могли рассказать Саагуну лишь о том народе, который жил в ту пору рядом с ними, а не о тех таинственных «археологических ольмеках», с которыми связана одна из самых ярких культур Америки. Тем не менее Саагун узнал, что ольмеки некогда были «значительным народом», а их тропическая родина на побережье – Ольмекан – была богата и славилась золотом, серебром, бирюзой и нефритом.

В Европе сообщение Саагуна об ольмеках, некогда обладавших высокой культурой, долгое время относили к разряду полуфантастических. Интерес к этому народу возник и стал расти лишь после того, как в 1806 году экспедиция французского археолога Дюпе нашла на побережье Мексиканского залива первые следы некогда существовавшей здесь цивилизации. Но подлинное открытие «археологических ольмеков» произошло лишь в 1930-е годы, когда на побережье Мексиканского залива начала работать экспедиция Смитсоновского института под руководством американского археолога Мэтью Стирлинга.

Сегодня установлено, что четырьмя главными центрами ольмекской культуры были Трес-Сапотес, Ла-Вента, Серро-де-лас-Месас и Сан-Лоренсо, расположенные на территории нынешних штатов Веракрус и Табаско. Подлинные ольмекские названия этих древних поселений нам, к

сожалению, неизвестны.

Главными отраслями хозяйства ольмеков являлись земледелие и рыболовство. До наших дней дошли остатки культовых сооружений этой цивилизации – алтарей, саркофагов, каменных стел. Известно, что ольмеки практиковали человеческие жертвоприношения. Каменных храмов и дворцов ольмеки не строили, но зато они высекали из камня массивные скульптуры. Некоторые из них изображают огромные головы, известные сегодня как «головы ольмеков». Эти каменные головы – самая большая загадка этой древней цивилизации.

Монументальные скульптуры высотой до 2,5 м и весом до 30 тонн, вытесанные из монолитной глыбы базальта, изображают головы людей с несомненно негроидными чертами лица. Это практически портретные изображения африканцев в плотно прилегающих шлемах с ремешком на подбородке. Мочки ушей проткнуты. Лица ярко выраженного негроидного типа прорезаны глубокими морщинами по обеим сторонам носа. Уголки толстых губ загнуты вниз.

Несмотря на то что расцвет ольмекской цивилизации приходится на 1500–1000 годы до н. э., уверенности в том, что головы были высечены именно в эту эпоху, нет, поскольку радиоуглеродная датировка кусочков угля, найденных рядом, дает лишь возраст самих угольков. Возможно, каменные головы намного моложе.

Первую каменную голову обнаружил в 1930-е годы уже упоминавшийся Мэтью Стирлинг. Стирлинг сделал и еще одно открытие – он обнаружил детские игрушки в виде собачек на колесиках. Эта невинная, на первый взгляд, находка на самом деле явилась сенсацией – ведь считалось, что цивилизации доколумбовой Америки колеса не знали. Но, оказывается, на древних ольмеков это правило не распространяется...

Впрочем, вскоре стало известно, что подобный подход к колесу практиковали и индейцы майя, южные современники ольмеков – они тоже делали игрушки на колесиках, но колесо в своей хозяйственной практике не применяли. Большой загадки тут нет – корни такого игнорирования колеса уходят в менталитет индейцев и в их «кукурузную экономику». В этом плане древние ольмеки мало отличались от других индейских цивилизаций.

Помимо голов «археологические» ольмеки оставили многочисленные образцы монументальной скульптуры. Все они высечены из базальтовых монолитов или другого прочного камня. На ольмекских стелах можно видеть сцены встречи двух явно различных человеческих рас. Одна из них – африканцы. А в одной из индейских пирамид, расположенных близ

мексиканского города Оахака, находится несколько каменных stel с высеченными на них сценами пленения индейцами бородатых белых людей явно семитского типа (финикийцы?) и... африканцев.

Таким образом, ольмекские головы и изображения на стелах представляют собой физиологически точные образы реальных представителей негроидной расы, чье присутствие в Центральной Америке 3000 лет назад до сих пор вызывает загадку. Но откуда могли появиться африканцы в Новом Свете до Колумба? Может быть, они были в числе коренных обитателей Америки? Существует свидетельство палеоантропологов, что в составе одной из миграций на территорию американского континента во время последнего ледникового периода действительно попали люди негроидной расы. Эта миграция происходила около 15000 года до н. э. Есть и другое предположение – о том, что в древности между Африкой и Америкой осуществлялись контакты через океан, который отнюдь не был препятствием для древних мореходов.

Наряду с гигантскими головами в ольмекских «городах» найдены базальтовые алтари, вырубленные в каменной глыбе-монолите, высокие стелы и богато украшенные каменные саркофаги. Сейчас есть основания предполагать, что «археологические ольмеки» (как они сами себя называли, мы не знаем) были авторами большинства «изобретений» доколумбовой Америки, в том числе письменности. Ольмекское письмо – старейшая из известных письменностей американских индейцев. Письмо это было иероглифическим и близко позднейшей письменности майя: около 35 процентов всех ольмекских иероглифов являются архаическими вариантами майяских иероглифов.

Как это ни странно, несмотря на все усилия археологов, нигде в Мексике, как и вообще в Америке, до сих пор не удалось обнаружить никаких следов зарождения и эволюции цивилизации ольмеков, этапов ее развития, места ее возникновения, как будто эта культура появилась уже сложившейся. Очень мало известно о социальной организации ольмеков, об их верованиях и ритуалах – кроме человеческих жертвоприношений. Мы не знаем, ни на каком языке говорили ольмеки, к какой этнической группе они принадлежали. А чрезвычайно высокая влажность в районе Мексиканского залива привела к тому, что не сохранилось ни одного скелета ольмеков. Впрочем, надо помнить, что само изучение ольмекской культуры началось сравнительно поздно, так что, возможно, что самые главные открытия здесь еще впереди.

Цивилизация ольмеков прекратила свое существование в последнее столетие до нашей эры. Но их культура не погибла – она органично вошла в

позднейшие культуры майя и ацтеков.

Мексиканские «Помпеи»

Плодородная долина Мехико издавна манила к себе людей. Ее земля буквально нашпигована памятниками самых разных эпох. Приблизительно 25–20 тысяч лет назад долину освоили первобытные охотники. Позднее эта долина стала местом рождения трех последовательно сменявших друг друга древних цивилизаций Мексики – теотиуаканской (I тыс. н. э.), тольтекской (X–XIII вв.) и ацтекской (XIII–XVI вв.). И каждый народ, каждая культура оставляли после себя руины городов, селений и могильников. Именно это и создавало дополнительные трудности для исследователей, пытавшихся проникнуть в далекое прошлое доколумбовой Америки. Ведь прежде всего требовалось установить последовательность развития местных культур. Однако письменная история индейских народов Мексики не уходила глубже X века н. э. Первым исследователям древностей долины Мехико из старинных хроник были известны только ацтеки и тольтеки. Им первоначально и приписывались все обнаруженные древности. Однако позднее, по мере накопления опыта и знаний, ученые все чаще стали выделять среди находок остатки древних культур, о которых индейские хронисты не знали. Таким образом, у предков современных мексиканцев отыскивались все более и более дальние предшественники.

Еще во второй половине XIX века французские солдаты из экспедиционного корпуса Наполеона III привезли в Европу найденные в Центральной Мексике грубые глиняные статуэтки весьма архаичного облика. А в 1907 году американский археолог Селия Нутталь приобрела у рабочих, добывавших камень в окрестностях Мехико, почти такие же грубые глиняные статуэтки. По словам рабочих, такие фигурки регулярно попадались им на лавовом поле Эль-Педрегаль, расположенном на окраине мексиканской столицы. Большей частью это были фигурки обнаженных женщин 5–10-сантиметровой высоты с высоко поднятыми руками, совершающих своеобразные, как бы танцевальные движения. В научной литературе они получили название «танцовщиц из Тлатилько».

То, что статуэтки были найдены под слоем окаменевшей лавы, свидетельствовало об их весьма почтенном возрасте. Заинтересовавшись этим, мексиканский археолог Мануэль Гамио в 1910 году начал раскопки на лавовом поле. Результаты превзошли все ожидания. Под слоем лавы толщиной в 6–8 м были найдены остатки древних зданий и гробниц. По глубине залегания находок археологи установили, что по времени они

намного старше и тольтекской, и ацтекской цивилизаций. Так была открыта новая эпоха в истории доколумбовой Мексики.

В 1922 году исследованиями этой ранее неизвестной культуры занялся американский археолог Байрон Кэммингс. Ему посчастливилось сделать поистине сенсационное открытие: отыскать под слоем окаменевшей лавы... целую пирамиду!

Внимание Кэммингса привлек одинокий, заросший густым кустарником холм, располагавшийся в нескольких милях к югу от Мехико. Местные жители называли его Куикуилько. Правильная круглая форма и некоторые другие внешние признаки позволяли предполагать, что этот холм имеет искусственное происхождение. Однако пробиться к тайне было очень сложно: склоны холма покрывал толстый слой окаменевшей лавы.

Девять месяцев – с июля 1924 по сентябрь 1925 года – потребовалось Кэммингсу на то, чтобы пробиться через этот чрезвычайно прочный «панцирь». Даже кирки, не говоря о простых лопатах, быстро тупились на твердом камне. Поэтому Кэммингсу пришлось неоднократно прибегать к методу, весьма неодобряемому археологами: рвать лаву динамитом. И, хотя и медленно, работы продвигались вперед. Постепенно из-под слоя лавы все отчетливее выступали очертания огромной ступенчатой пирамиды. При этом ее форма было совсем непривычной – круглой! Пирамида представляла собой усеченный конус из четырех постепенно уменьшающихся ярусов. Диаметр ее основания составлял около 135 м, высота —24 м. Основой сооружения служила насыпь из глины и песка, грубо облицованная снаружи глыбами лавы, булыжником и кирпичом-сырцом. Широкая каменная лестница вела наверх, к плоской платформе с устроенным на ней полукруглым алтарем. От пирамиды лучами расходились десятки гробниц: очевидно, могилы умерших должны были располагаться как можно ближе к средоточию культа.

Примитивная техника строительства, отсутствие регулярной каменной кладки указывали на глубокую древность пирамиды. Но каков был ее действительный возраст? Геологи, исследовавшие лаву, которой была покрыта пирамида, дали весьма расплывчатый ответ: извержение вулкана, погубившего сооружение, произошло от 2000 до 7000 лет назад. Хорошенькая разница! Лишь в 1950-х годах благодаря появившемуся радиоуглеродному методу датировки удалось установить, что пирамида в Куикуилько была сооружена в самом конце I тысячелетия до н. э.

Круглая пирамида в Куикуилько – одно из самых ранних монументальных сооружений доколумбовой Мексики, и в этом смысле ее вполне можно поставить в один ряд с пирамидой Джосера в Египте: так же,

как и ее египетская «сестра», киукуильская пирамида стала прототипом последующих мексиканских построек. Кроме того, киукуильская пирамида является не только свидетельством значительного развития архитектуры в эпоху «доклассических» мексиканских культур, но и показателем возросшей роли религии в жизни общества той эпохи. Судьба этой постройки оказалась печальной: заваленная горами вулканического пепла и залитая потоками лавы, пирамида погибла в результате катастрофического извержения расположенного поблизости вулкана Шитли (ныне уже потухшего). Вместе с ней было уничтожено и большое поселение древних земледельцев, существовавшее вокруг нее. Разбушевавшийся вулкан затопил раскаленной лавой весь обширный район на юге долины Мехико. Памятником этой древней катастрофы сегодня остается лавовое поле Эль-Педрегаль площадью более восьми тысяч гектаров, скрывающее остатки древних индейских поселений – дома, святилища, могилы, оружие и утварь. Настоящие «американские Помпеи»!

Обитатели этих поселений – первые земледельцы Мексики – успели

достичь многого. Они создали сложную систему религиозных верований, преуспели в развитии всевозможных ремесел. Они умели изготавливать из глины разнообразную посуду, строили прочные глинобитные жилища и пирамидальные храмы. Но сделать следующий шаг в своем развитии им так и не пришлось. Произошло то, что принято называть исторической нелепостью: в судьбу этого народа вмешались стихийные силы...

После катастрофы население южной части долины Мехико вынуждено было спешно оставить обжитые земли и искать спасения. Основной поток переселенцев устремился на север и северо-восток, к Теотиуакану. Вероятно, именно это событие способствовало становлению в начале I тысячелетия н. э. теотиуаканской цивилизации. Во всяком случае, расцвет Теотиуакана начался вскоре после описанной выше природной катастрофы.

Теотиуакан

К северу от мексиканской столицы, у отрогов горной цепи Восточной Сьерра-Мадре, находится Теотиуакан, в I тысячелетии нашей эры – крупнейший культурный центр Мексики. До сих пор точно не установлено, что за народ создал в III–II веках до н. э. теотиуаканскую культуру. Предполагается, что это были предки науа – индейских племен юто-ацтекской группы. Один из народов группы науа, тольтеки, создал в Центральной Мексике крупное государство, которое в X – XI веках сменило государство ацтеков, также народа группы науа.

Когда ацтеки пришли в долину Мехико, города Теотиуакана уже не существовало. Было только множество заросших травой холмов, над которыми возвышались две могучие пирамиды, по преданию, отмечающие «место рождения Солнца и Луны». Истинное название древнего города неизвестно, а позднее наименование «Теотиуакан» на языке науа обозначает «место превращения богов». Ацтеки не имели ни малейшего представления о строителях города – Теотиуакан погиб задолго до их прихода. Тогда, видимо, и появилась легенда о том, что грандиозные сооружения мертвого города могли построить только боги.

Между тем первые поселения возникли в этих местах еще в V веке до

н. э. По данным археологических раскопок, город Теотиуакан был основан в конце I века н. э., а в V столетии он уже являлся крупнейшим городом Центральной Америки. По некоторым оценкам, число его жителей достигало 200 тысяч человек.

Работавшая в Теотиуакане в течение одиннадцати лет – с 1955 по 1966 год – археологическая экспедиция под руководством Л. Сежурне осуществила раскопки на площади 1 кв. км и обнаружила ряд великолепных древних строений, фрески и цветную керамику. Л. Сежурне впервые описала и принципы теотиуаканской архитектуры.

Центр Теотиуакана состоит из двух длинных перекрещивающихся «проспектов», ориентированных по сторонам света. С севера на юг тянется длинная (до 3,5 км) и широкая (до 50 м) «Улица мертвых» (Calle de los Muertos). На ее северном конце расположен гигантский массив Пирамиды Луды – пятиярусного сооружения с плоской вершиной. Основание пирамиды составляет 150×130 м, высота 42 м.

К востоку от «Улицы мертвых» возвышается главный храм Теотиуакана, Храм Солнца – серая усеченная пирамида громадных размеров. По совершенству форм и их умелому расположению в пространстве Храм Солнца в Теотиуакане считается эталоном мировой архитектуры. Эта третья по высоте пирамида в мире. Гениальные создатели храма мощью творческого замысла и художественностью исполнения и сегодня продолжают вдохновлять современных мексиканских архитекторов, создающих образы Мексики XXI века. Храм Солнца в Теотиуакане стал своеобразной визитной карточкой Мексики, его изображения можно увидеть на мексиканских монетах и банкнотах.

По оценкам исследователей, Храм Солнца строился около двадцати лет, и на его постройке трудилось не менее двадцати тысяч человек. Они проделали огромную работу: объем пирамиды составляет 1 миллион 300 тысяч кубометров, то есть немногим меньше, чем объем пирамиды Хеопса. Храм Солнца сложен из земли, камней и высушенного на солнце кирпича-сырца. В начале 1970-х годов в толще пирамиды археологами были обнаружены погребальные камеры, а под пирамидой – естественная пещера, разделенная на несколько помещений, соединенных между собой туннелями. Они, очевидно, предназначались для культовых церемоний. По традиции индейских храмов, пирамида завершается площадкой, на которой некогда находилось главное святилище, посвященное богу Солнца (ныне оно разрушено). Храм венчала каменная статуя-монолит, украшенная полированным золотым диском, который ослепительно сверкал в солнечных лучах. Этот «идол язычников» был разрушен по приказу

первого епископа Мехико Сумарраги. Многие пострадали и от неумелой работы первых археологов – исследователей пирамиды Солнца. Ее раскопки начались в 1884 году, и они, как и последовавшая в 1905–1910 годах реставрация, проводились без тщательного и всестороннего исследования.

Все пространство вдоль теотиуаканской «Улицы мертвых» застроено величественными зданиями – храмами, дворцами, общественными сооружениями. В самом центре города «Улица мертвых» упирается в обширный комплекс построек, известных под названием «Сьюдадела» («Цитадель»). Это гигантская четырехугольная платформа около 400 м длиной, на вершину которой с западной стороны ведет широкая лестница. К «Сьюдаделе» примыкают еще четыре платформы, меньших размеров, ориентированные строго по сторонам света, на каждой из которых стоят по четыре пирамиды. На внутренней площади «Сьюдаделы» расположен один из главных храмов Теотиуакана – Храм Кецалькоатля. Эту шестиярусную каменную пирамиду украшают скульптуры Пернатого Змея – Кецалькоатля.

К западу от «Сьюдаделы» находится так называемый «Большой комплекс» – обширная площадь, окруженная платформами и зданиями преимущественно светского характера. Один из исследователей Теотиуакана, американский археолог Р. Миллон, предположил, что «Сьюдадела» – это «текнан» (дворец) правителя города, а «Большой комплекс» – главный городской рынок.

Севернее «Сьюдаделы» «Улицу мертвых» пересекают под прямым углом «Западный» и «Восточный» проспекты. Все остальные улицы тянутся параллельно этим проспектам, образуя правильную сетку кварталов, застроенных почти одинаковыми по размерам (57–60 м длиной) дворцами. Многие из них украшены великолепными фресками и колоннадами с пышной резьбой. На фресках из теотиуаканских дворцов можно видеть не только богов и жрецов, но и персонажей в воинских доспехах, с оружием в руках. Здесь найдены также терракотовые статуэтки воинов в шлемах наподобие головы орла. Это свидетельствует о наличии в городе значительной прослойки светской военной знати, которой и принадлежало большинство пышных дворцов в центральной части города.

К аристократическому центру примыкали тесно застроенные кварталы рядового населения Теотиуакана – торговцев, ремесленников, земледельцев, охотников и т. д. Однако основную массу рядового населения Теотиуакана составляли земледельцы. По подсчетам Р. Миллона, они составляли до 75 % всех жителей города.

Судя по археологическим данным, Теотиуакан погиб в эпоху своего

наивысшего расцвета (450–650 гг. н. э.). Гибель города наступила мгновенно, по некоторым версиям – от нашествия тольтеков. Во времена тольтеков главным городом Центральной Мексики стал Толлан, а при ацтеках – Теночтитлан. А древний Теотиуакан на долгие годы был заброшен, и только древние пирамиды продолжали одиноко возвышаться над равниной, отмечая место рождения Луны и Солнца.

Сокровища Монте-Альбана

Монте-Альбан – археологический заповедник, расположенный в южной части Мексики, близ города Оахака. На протяжении почти двух тысячелетий здесь находился один из крупнейших центров доколумбовой Америки – древний индейский город, имя которого история не сохранила. Сегодня он носит название Монте-Альбан – по имени поросшего лесом холма, на протяжении многих веков скрывавшего развалины огромного индейского поселения. В 1931 году оно было раскопано мексиканским археологом Альфонсо Касо, и это открытие многие приравнивают к открытию Трои Генрихом Шлиманом.

«Мексиканская Троя» оказалась городом, в котором жили люди удивительно высокой культуры. Они строили великолепные храмы, они умели обрабатывать горный хрусталь и изготавливать золотые вещи и другие драгоценности необыкновенной красоты. Этот талантливый народ назывался сапотеками.

Возникновение Монте-Альбана относится приблизительно к IV веку до н. э. В пору своего расцвета (в 200–700 гг. н. э.) город занимал площадь 40 кв. км, а его население превышало 20 тысяч человек. На искусственно выровненной гигантской площади на вершине холма и сегодня высятся ступенчатые пирамиды с площадкой для игры в мяч. На спускающихся террасами склонах сохранились остатки дворцов, стелы с надписями, каменная лестница шириной 40 м и другие сооружения. Стены зданий были украшены мозаиками, фресками, рельефами.

Главным богом сапотеков был бог дождя Косихо. Ему была посвящена главная пирамида города, венчающая вершину холма. Но гораздо больший интерес, чем храмы, дворцы и стелы, представляют знаменитые гробницы Монте-Альбана. Эти гробницы построены из камня и каждая из них накрыта сверху большой каменной плитой. Подобная конструкция воспроизводила образ тех пещер, в которых в более древние времена индейские народности южной Мексики погребали своих вождей и жрецов. Сапотеки верили, что их предки на заре истории появились на свет из больших пещер. Следовательно, тем же путем им и следовало возвращаться в мир усопших.

Открытие гробниц Монте-Альбана стало настоящим потрясением для ученых. Во-первых, оказалось, что сапотеки – что совершенно необычно для индейцев – украшали свои «искусственные пещеры» богатой

настенной росписью. А во-вторых, эти «пещеры» оказались битком набитыми неслыханными по красоте и ценности золотыми изделиями!

Нигде в Америке ничего подобного больше не было. Эту находку позднее сравнивали с открытием гробницы фараона Тутанхамона, со знаменитым золотом Трои, с находками в царских гробницах в Уре.

Первую гробницу Монте-Альбана археологи обнаружили осенью 1931 года. А 9 января следующего года, в 16 часов 30 минут, Альфонсо Касо и его ассистент Хуан Валенсуэло увидели настоящее чудо. Когда Валенсуэло пробрался через узкое отверстие во вновь обнаруженную гробницу (она получила порядковый номер семь) и включил электрический фонарик, то подумал, что теряет рассудок: он увидел огромный клад, пролежавший под землей нетронутым более восьмисот лет...

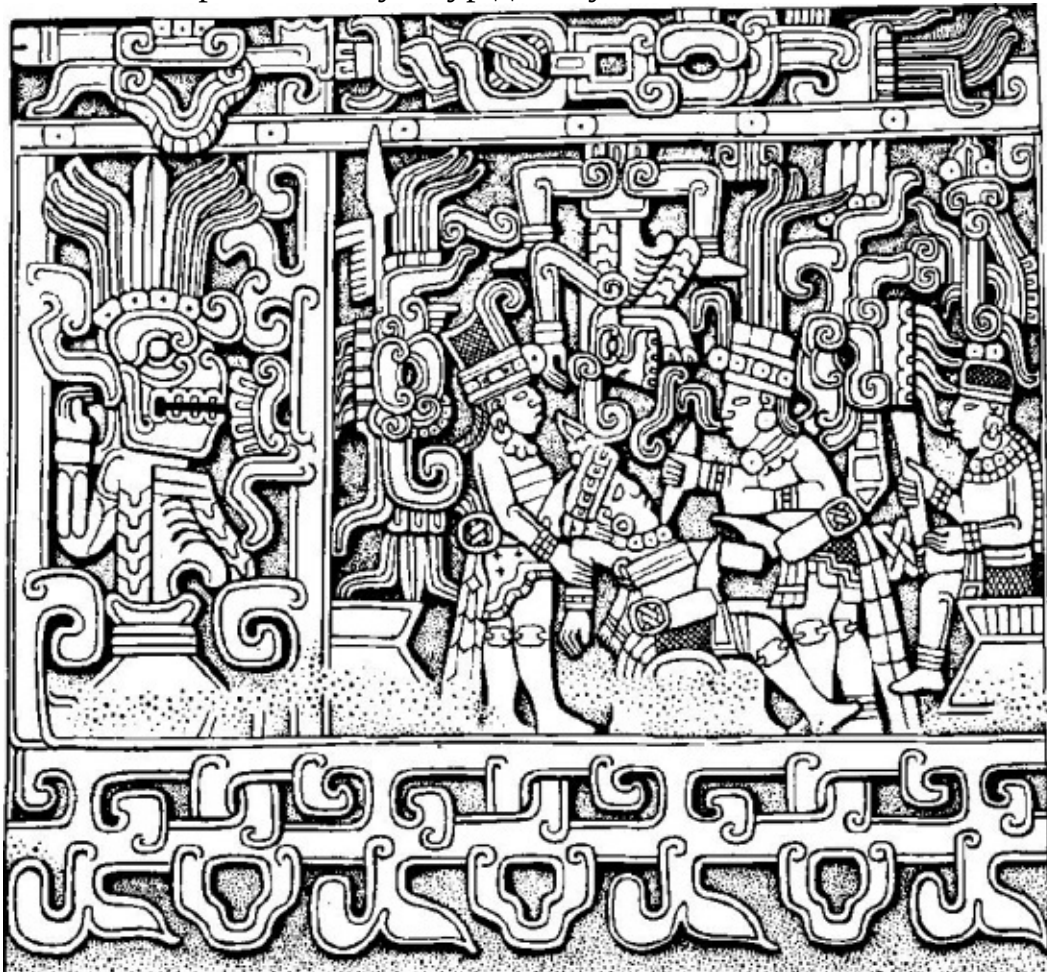

Семь суток потребовалось для того, чтобы вынести из «гробницы № 7» хранившиеся здесь сокровища. Всего здесь было найдено около пятисот предметов, и в их числе – великолепная золотая маска бога Шипе Тотека, нос и щеки которой были обтянуты человеческой кожей; ожерелья из необычайно крупных жемчужин, серьги из нефрита и обсидиана, золотые чеканные браслеты с выпуклым орнаментом, золотые ожерелья, состоящие из 900 звеньев, табакерка из позолоченных тыквенных листьев, застёжки и пряжки из нефрита, бирюзы, жемчуга, янтаря, кораллов, обсидиана, зубов ягуара, костей и раковин.

Более полутора сотен гробниц обнаружили археологи в Монте-Альбане. Но ни одна из них по своему богатству уже не превосходила знаменитой «гробницы № 7».

Эль-Тахин

Последние следы «археологических» ольмеков теряются в конце VI столетия н. э. Но семена ольмекской культуры уже всходили на землях их ближайших соседей, и первыми наследие ольмеков восприняла новая, хотя и не достигшая их славы, культура индейцев-тотонаков. Тотонаки создали одну из наиболее развитых культур доколумбовой Мексики.

Этот народ обитал на побережье Мексиканского залива, на территории нынешнего штата Веракрус. Первой столицей тотонаков был город Эль-Тахин, руины которого находятся в 8 км к юго-востоку от мексиканского города Папантла. Он был населен с момента возникновения тотонакской культуры (около 500 г. н. э.) и вплоть до начала XIII века.

Материалы археологических раскопок, начатых в 1934 году, свидетельствуют, что Эль-Тахин являлся крупнейшим религиозным

центром цивилизации тотонаков. Городские сооружения расположены в узкой долине и на склонах обрамляющих ее гор, занимая площадь 959 га. Они состоят из двух групп зданий, построенных в разное время.

Центр долины занимает храмово-дворцовый комплекс, площадь которого составляет около 60 га. Большинство построек возведено в 600–900 годах н. э. Наиболее интересное сооружение города – семиэтажная, высотой 18 м, пирамида «Эль-Тахин» с сотнями ниш, украшенных рельефными изображениями змей. По имени этой пирамиды город и получил свое название.

Квадратная в плане пирамида ориентирована по сторонам света. Ее ядро состоит из скрепленных глиной валунов, облицовка выполнена из тесаного камня. Вертикальные этажи-уступы прорезают 364 глубокие ниши, что выделяет эту пирамиду из подобных ей сооружений древней Америки.

На восточной стороне пирамиды сооружена лестница, насчитывающая 364 ступени – по числу дней в году. У тотонаков, как и у всех доколумбовых индейских культур, вся жизнь была строго подчинена календарю. Последний день – триста шестьдесят пятый – знаменовала собой площадка на вершине пирамиды, на которой, видимо, приносились человеческие жертвы.

Среди других археологических памятников Эль-Тахина – различные площадки и платформы, семь стадионов для ритуальной игры в мяч. Здесь найдены также резные рельефы с криволинейными завитками, характерными для этой культуры. С религиозными обрядами тотонаков, очевидно, связаны загадочные предметы, которые очень часто находят во время раскопок тотонакских городов. Это каменное ярмо, похожее на то, которое надевают на запрягаемых ослов, но украшенное богатым рельефом. Как правило, эти предметы имеют форму подковы длиной до полуметра и шириной до 30 см. Их назначение связывают с жестокими тотонакскими ритуалами – вероятно, с помощью такого ярма приносимый в жертву человек закреплялся в «правильном положении», либо ярмо сжимало шею жертвы, не позволяя ей пошевелиться.

Не меньшие споры вызывают так называемые тотонакские каменные «пальмы» – обрядовые секиры, напоминающие по форме пальмовый лист. Они выполнены в виде трехгранной призмы с отверстием внутри, но в то же время каждой секире придан образ стилизованного животного или человека. Поскольку эти «пальмы» чаще всего находят в гробницах тотонакских вельмож и особенно жрецов, можно полагать, что они были призваны помочь душе умершего преодолеть препятствия на пути в

загробный мир.

С кровавыми ритуалами тотонаков удивительным образом контрастирует еще один присущий этой культуре предмет: изображение смеющегося человеческого лица. Нигде больше в Америке подобное изображение не встречается.

Тотонаки населяли земли на побережье Мексиканского залива с VII века н. э. вплоть до прихода испанцев. Но с XIII столетия их культура вступила в период упадка, и европейцы застали уже агонию тотонакской цивилизации.

Маунды

На востоке Северной Америки до наших дней сохранились одни из самых поразительных и загадочных сооружений древних индейцев – маунды. Иногда это слово переводят как «курганы» – перевод близкий по смыслу, но не вполне точный. В общих чертах маунды – это весьма разнородные земляные насыпи и различные сооружения из глины или камня. Некоторые из них действительно являлись курганами – то есть земляными насыпями над захоронениями. Другие представляют собой искусственные холмы, на которых возводился деревянный храм. К таким «храмовым маундам» принадлежит, например, одна из самых известных групп маундов, обнаруженная в 1925 году близ города Этова в штате Джорджия. Маунды третьего типа выглядят как ступенчатые земляные пирамиды. Таков, например, маунд Кахокия (штат Иллинойс). Эта самая большая «пирамида» Северной Америки. Она имеет размеры основания 350×210 м и в высоту достигает 30 м.

Наиболее интересную группу составляют так называемые фигурные маунды, распространенные в штатах Висконсин, Огайо и ряде других мест США. Они представляют собой обширные насыпи, очертания которых воспроизводят многократно увеличенные контуры тела какого-либо животного. Так, в штате Огайо сохранились два маунда, сооруженные в виде изгибающегося тела змеи. Один из них – Большой Змеиный Маунд – имеет более 300 м в длину, при этом «змея» несколько раз изгибается и заканчивается гигантской спиралью.

«Крокодилий маунд», расположенный неподалеку от поселка Ликинг (штат Висконсин), имеет протяженность около 60 метров и изображает, как это ясно из его названия, крокодила (точнее, аллигатора). «Большой маунд» в Южной Дакоте выполнен в форме черепахи. А близ городка Крауфорд (Висконсин) находится группа из шести маундов, изображающих гигантских птиц с распростертыми крыльями. Всего же американские исследователи выявили 24 маунда в форме птиц, 11 оленьих маундов, 16 маундов, изображающих кролика, 20 медвежьих и т. д. При этом в одном только штате Висконсин открыто 483 маунда.

Для чего строились маунды? Кем и когда? Загадка этих таинственных сооружений (а их на востоке США обнаружено несколько тысяч) волнует уже несколько поколений ученых. Однозначного ответа на вопрос о назначении маундов невозможно дать хотя бы потому, что эти сооружения,

несмотря на общее название, явно отличаются друг от друга. С маундами-могильниками вроде бы все просто – они являлись кладбищами. «Фигурные маунды», изображающие птиц, ланей и бизонов, очевидно, служили религиозным целям. Возможно, сооружая их, древние жители Америки стремились воспроизвести образы тотемных животных – своих мифологических предков.

Некоторые маунды (например, маунд Эншент, или Древний Форт, в штате Огайо, представляющий собой вал протяженностью около пяти с половиной километров, причем высота земляных насыпей колеблется от 2 до 6 м), вероятно, могли быть оборонительными постройками. Но для создания таких сооружений требовалось огромное число рабочих рук. Так, например, для сооружения пирамиды-маунда Кахокия потребовалось около 635 тысяч кубометров земли. И это при том, что индейцы Северной Америки в ту пору, судя по всему, вообще не знали, что такое лопата!

Исследования американских ученых, ведущиеся вот уже более ста лет, позволили пролить свет на многие загадки маундов. Во-первых, сегодня с полным основанием можно утверждать, что строители разных видов маундов сами отличались друг от друга. Во-вторых, удалось установить, что древнейшим типом маундов являются, безусловно, маунды-могильники. В Северной Америке они появились около трех тысяч лет тому назад. Их создателями были люди так называемой аденской культуры. Подобно многим древним племенам, люди аденской культуры исповедовали культ предков. Над могилами умерших они сооружали погребальные маунды, некоторые из которых (например, Грейв Крик Маунд в штате Вирджиния) достигают 25 м высоты.

Традиции аденской культуры переняла и развила новая культура – хоупвеллская, просуществовавшая приблизительно до VIII–X веков н. э. Ее представители не только насыпали огромные курганы, но и впервые начали использовать их для погребальных обрядов, которые совершались на вершине маунда. Для этих целей верх кургана делался плоским, и на нем нередко возводилось святилище. К числу подобных сооружений относится, например, восьмигранный маунд в Ньюарке (штат Огайо). Фигурные маунды, обнаруженные в северных районах США, также относятся к хоупвеллской культуре. Люди этой культуры были оседлыми земледельцами, выращивавшими кукурузу. Как и во всех раннеземледельческих культурах, большую роль в их жизни играли аграрная магия и культ предков. Соответственно, в этот период особенно выделяются те, кто руководил религиозными обрядами, – то есть жрецы.

На смену хоупвеллской культуре пришла культура Миссисипи. Именно

люди этой культуры сооружали гигантские храмовые маунды и земляные ступенчатые пирамиды. Нередко маунды возводились в центре обширных земледельческих поселений-«городов», некоторые из которых были значительны даже по современным меркам. Так, поселение Кахокия насчитывало не менее 30 000 жителей, то есть было самым крупным из известных сегодня поселений доколумбовых индейцев Северной Америки.

Для строительства гигантских маундов нужно было собрать тысячи, а возможно – и десятки тысяч рабочих, и руководить их трудом. Но к этому времени в миссисипском обществе уже явственно выделилась светская и духовная знать. Это расслоение распространялось и на загробную жизнь: в одном из маундов Кахокии был найден скелет вождя или жреца, покоившийся на подстилке из 12 тысяч жемчужин и ракушек. Мертвого сопровождали в последний путь обильные дары и, кроме того, шесть мужчин – очевидно, его слуги. Неподалеку от могилы этой высокопоставленной особы в общей яме были обнаружены скелеты пятидесяти трех женщин – вероятно, жен погребенного, убитых, когда умер их муж.

Жители Кахокии и других подобных «маундовых городов» очень близко подошли к созданию настоящих городов-государств. Однако по каким-то причинам этот процесс был прерван. Во всяком случае, эти города и вся культура Миссисипи представляют собой самую высокую ступень культурного развития, достигнутую в доколумбовы времена в этой части Северной Америки.

Значение миссисипской культуры для истории этой части континента настолько велико, что естественным образом возникают вопросы: кем были ее творцы? Откуда в бассейн Миссисипи пришли эти удивительные культурные импульсы?

Кто только не занимался проблемой маундов – от школьных учителей и владельцев хлопковых плантаций до президентов США. Многие из этих исследователей, будучи в большинстве своем дилетантами в науке, тем не менее навеки вписали свои имена в историю американистики. Весьма серьезно занимался изучением маундов один из первых американских президентов, Томас Джефферсон. Другой президент США, Уильям Генри Гаррисон, даже посвятил проблеме маундов вполне научную работу «Рассуждение об аборигенах долины Огайо». Именно Гаррисон впервые высказал гипотезу о том, что строителями маундов, вероятно, были древние мексиканцы – ацтеки. Эта точка зрения получает сейчас все большее признание. По поводу гипотезы Гаррисона о том, что маунды возводились пришельцами с юга, больших споров нет – обсуждается преимущественно

вопрос этнической принадлежности этих пришельцев из Центральной Америки. Так, например, известный американист Поль Рэдин приписывает строительство самых крупных маундов не ацтекам, а майя.

Несомненно и участие в формирование культур строителей маундов каких-то групп североамериканских индейцев – например, натчезов. Многие исследователи предполагают, что представители натчезской аристократии, которых еще застали пришедшие после Колумба белые, являлись прямыми потомками выходцев из Мексики. Придя во второй половине I тысячелетия н. э. в бассейн Миссисипи, они подчинили себе местные племена и начали строить великолепные памятники, используя существовавшую здесь еще в I тысячелетии до н. э. традицию возведения

погребальных курганов-маундов.

Скальные города Аризоны

Около трех с половиной тысячи лет назад североамериканские индейцы кочизи начали выращивать кукурузу. Вслед за этой первой земледельческой культурой Северной Америки возникла еще одна – культура «баскет мейкерз» – «корзинщиков» (приблизительно 200 г. до н. э. – 400 г. н. э.). Она получила свое название от особого вида водонепроницаемых корзин, имевших форму горшка, которые «корзинщики» плели, чтобы варить в них еду. При этом, чтобы приготовить пищу, они не разводили под корзиной огня, а бросали в нее раскаленные на костре камни.

«Корзинщики» еще жили в пещерах, но внутри этих пещер они уже строили настоящие дома. Основным местом обитания этих индейцев была Аризона. Здесь, особенно в каньоне Мертвого человека, в различных пещерах были найдены многочисленные следы этой культуры.

Сухой воздух законсервировал ряд предметов материальной культуры «корзинщиков». А по сохранившимся остаткам деревянных балок их хижин ученые примерно определили время, когда эти пещеры были обитаемы. Так, например, дерево построек «корзинщиков» близ Фолл-Крик в южном Колорадо относится к 242–330 годам н. э. Типичным селением

«баскет мейкерз» является расположенное в Нью-Мексико городище Шабилешчи – «Место изображения солнца», названное так по обнаруженному неподалеку наскальному петроглифу.

В VII–VIII веках н. э., в эпоху заката культуры «корзинщиков», в Аризоне складывается новая культура – так называемых «клиф-двэллерс» – жителей скальных городов. Европейцы впоследствии дали им имя пуэбло (pueblo – по-испански «народ»).

Индейцы пуэбло сооружали свои города под обрывистыми скалами, либо в глубоких речных каньонах, либо, наконец, прямо в скалах. Их дома, при постройке которых широко использовались естественные пещеры, разрастались по горизонтали и по вертикали, до четырех-пяти ярусов, втискивались в углубления скал и громоздились друг на друга. Для возведения стен, как правило, применялись высушенные на солнце кирпичи.

Множество таких удивительных поселений сохранилось в Аризоне в каньонах рек Менкос и Рио-Гранде-дель-Норте, еще больше – в каньоне Колорадо. А самое крупное из известных нам скальных поселений – знаменитая Меса-Верде (штат Колорадо).

Впрочем, понятие «город» применимо к аризонским сооружениям весьма условно. На самом деле строители этих поселений в скалах возводили не город, а скорее один большой дом-улей: каждое помещение лепилось вплотную к другому, ячейка к ячейке, а все вместе они представляли собой гигантскую постройку, похожую на пчелиные соты и насчитывавшую несколько десятков, а то и сотен жилых помещений и святилищ.

Так, скальный город Пуэбло-Бонито в каньоне Чака имел 650 жилых помещений и 37 святилищ («кив»). Этот полукруглый дом-город является крупнейшим сооружением всей доколумбовой Северной Америки. Впрочем, ему мало уступали огромные дома-города Пуэбло-Пеньяска-Бланка (в пяти километрах от Пуэбло-Бонито), Пуэбло-Пинтадо (в каньоне Чака), Бетатакине (Аризона) и др. В небольших поселениях, таких, как, например, Уекар-Дельта, что в глубине Большого каньона, пуэбло жили группами по несколько семей. При этом создается впечатление, что между крупными и мелкими селениями не существовало отношений зависимости или власти одних над другими.

Повсеместно в индейских скальных городах рядом с прямоугольными жилыми помещениями встречаются круглые постройки. Это – святилища, носившие название «кива». Они же являлись и своего рода «мужскими домами». Хотя строили их исключительно женщины, входить туда им

категорически запрещалось.

Большое число святилищ свидетельствует о том, что развитие земледелия здесь шло параллельно с развитием религии. Ни один из скальных городов не имел «форума» – площади собраний или просто большого дома для решения общественных вопросов. Однако в каждом из них существовали десятки храмов.

Расцвет культуры пуэбло приходится на X – XIV века н. э., а закат ее обозначился к 1400 году. По не вполне ясным причинам индейцы оставляют свои удивительные города, выдолбленные в скалах или укрытые в речных каньонах. Свои новые поселения они строят на плоских, круто обрывающихся возвышенностях, именуемых месами (mesa – по-испански «стол»).

Новые поселения во многом сохранили черты древних скальных городов. Они тоже формировались подобно пчелиным сотам: дом прирастает к дому, и так образуется огромный «город», ослепительно-белые стены которого видны издалека. Сегодня жителей таких городов, независимо от их языковой принадлежности, также принято называть индейцами пуэбло. Их культура явилась последней, высшей ступенью в развитии доколумбовых культур Северной Америки.

Таинственные города майя

В то время когда в Европе набирала силу Великая Римская империя и легионы Юлия Цезаря уходили на покорение Галлии и Британии, на другом краю Земли, в Новом Свете, появилась одна из величайших цивилизаций Америки – цивилизация майя. Просуществовав более тысячи лет, создав блестящие образцы архитектуры, живописи и скульптуры, эта цивилизация, пережив свой расцвет в VI–VIII веках н. э., пала под ударами завоевателей с севера – тольтеков. Белокаменные города майя были заброшены и долгие столетия зарастали сельвой. И только сто пятьдесят лет назад эта Атлантида древней Америки, поглощенная океаном тропических лесов, начала постепенно приоткрывать завесу своих тайн...

«Город был необитаем. Среди древних развалин не сохранилось никаких следов исчезнувшего народа, с его традициями, передаваемыми от отца к сыну и от поколения к поколению. Он лежал перед нами, словно корабль, потерпевший крушение посреди океана. Его мачты сломались, название стерлось, экипаж погиб. И никто не может сказать, откуда он шел, кому принадлежал, сколько времени длилось его путешествие и что послужило причиной его гибели».

Эти строки принадлежат перу Джона Ллойда Стефенса – человека, в XIX столетии открывшего руины великих городов майя. Стефенс написал их о Копане – первом майяском городе, обнаруженном им в джунглях Центральной Америки.

Дж. Л. Стефенс и его коллега Ф. Казервуд, сопровождаемые проводниками-индейцами, отправились на поиски заброшенных городов в 1839 году. Их путь был необычайно труден. Но Стефенс упрямо вел караван к цели. Его интриговали слухи о том, что где-то в долине реки Рио-Копан, по рассказам индейцев, находится древний город. Настойчивость исследователей увенчалась успехом: прорубая дорогу в лесных зарослях, они вдруг наткнулись на четырехугольную каменную стелу, украшенную замысловатым орнаментом. Этот обелиск был выполнен в такой художественной манере, которую до сих пор не встречали нигде – ни в Европе, ни на Востоке, ни тем более в Америке.

«Ничего похожего нам видеть еще не приходилось», – писал Стефенс. Четырехугольный обелиск имел в высоту 3 м 90 см, в ширину —1 м 20 см и в толщину – 0,9 м. Он был сплошь покрыт скульптурными изображениями. В их выщербинах еще сохранились следы краски, некогда, вероятно, покрывавшей эти изваяния снизу доверху. На фасаде выделялось рельефное изображение какого-то мужчины. «Его лицу было придано торжественно-серьезное выражение, способное внушить страх». По бокам обелиск был испещрен загадочными иероглифами.

За первой стелой последовали вторая, третья... В общей сложности Стефенс и Казервуд обнаружили четырнадцать диковинных, украшенных скульптурами обелисков, один удивительнее другого. А за ними – огромный храм-пирамида! Каменные ступени вели к террасе, настолько заросшей, что определить ее размеры было невозможно...

Так был открыт Копан – первый из затерянных в сельве городов майя.

Открытие Стефенса стало толчком к открытию других затерянных в джунглях Юкатана городов майя. Вслед за временем первопроходцев пришло время ученых – археологи, историки, этнографы, искусствоведы стали постоянными гостями древних городов. Но о чем могли рассказать эти руины, из которых уже давно ушла жизнь?

Ученые полагают, что уже во II–I тысячелетиях до н. э. майязычные

народы населяли земли нагорья юго-запада Гватемалы и занимались возделыванием маиса. Там, где ныне безраздельно властвуют непроходимая сельва, вулканические горы, болотистые земли и полузасушливые долины, индейцам майя удалось покорить природу и создать величайшую цивилизацию, которая просуществовала более тысячи лет. За пятнадцать веков до Колумба майя изобрели точный солнечный календарь и создали единственную в Америке развитую иероглифическую письменность, использовали в математике понятие нуля, предсказывали солнечные и лунные затмения. Уже в первые века нашей эры они достигли поразительного совершенства в архитектуре, скульптуре и живописи. Но при этом майя не знали металлов, плуга, колесных повозок, домашних животных, гончарного круга. Фактически, если исходить лишь из набора их орудий, они оставались людьми каменного века. Блестящее подтверждение тому, что творческий гений человека не зависит от технического уровня цивилизации!

VII–VIII века н. э. – время наивысшего расцвета, «золотой век» классической культуры майя. Но затем происходит непонятное. К концу IX века жизнь в большей части городов либо прекращается совсем, либо едва-едва тлеет. Не возводятся новые храмы и дворцы. Покинутые города зарастают лесом. На протяжении каких-нибудь 100 лет самая густонаселенная и развитая в культурном отношении область Нового Света приходит в упадок, от которого она никогда уже не оправилась вновь. И когда Кортес шел со своими войсками от Мексики до северного побережья Гондураса, все это великолепие уже шесть или семь веков находилось погребенным под неумолимой сельвой.

Причины упадка великой цивилизации – одна из тайн в истории майя. Существует немало теорий, пытающихся объяснить причины этого явления – землетрясения, климатические катаклизмы, эпидемии малярии и желтой лихорадки, интеллектуальное и эстетическое истощение, военное ослабление, социальные потрясения и т. д. Во многих городах майя археологи нашли многочисленные и вполне определенные свидетельства того, что в VIII–IX веках н. э. многие майяские города были захвачены какой-то группой чужеземцев, связанных по своей культуре с побережьем Мексиканского залива и с Центральной Мексикой. В таких городах майя, как Паленке, Алтар де Сакрифисьос, Сейбаль, Иашчилан, Пьедрас-Неграс, Тикаль, Копан и других, было зафиксировано внезапное и массовое появление культурных комплексов, лишенных каких-либо местных корней, но зато несущих очевидные характерные признаки центральномексиканских культур: керамики с оранжевой поверхностью,

вычурных каменных изделий, известных под условными названиями «ярмо» и «топор» (эти изделия служат одним из наиболее специфических признаков цивилизации тотонаков и других племен, живших на территории современных мексиканских штатов Веракрус и Табаско), и терракотовых статуэток, имеющих центральномексиканские черты. Физический тип, одежда, украшения и оружие этих статуэток совершенно не похожи на майяские.

Сегодня большинство исследователей считает виновниками гибели классической цивилизации майя различные центральномексиканские народности. Период угасания культуры майя совпадает с миграцией на юг племен Мексиканского нагорья. Эти народы, в свою очередь, переживали период всеобщего смятения в связи с вторжением с севера варварских племен, теснивших их к югу. Удалось установить и исходный район, откуда двинулись в поход завоеватели – прибрежные районы мексиканских штатов Веракрус, Табаско и Кампече.

Первая волна завоевателей пришла из Теотиуакана – столицы могущественного государства, созданного на рубеже нашей эры предками индейцев науа. В VII веке н. э. Теотиуакан был разрушен в результате нашествия варварских племен с севера, а его население бежало на юг. Именно выходцы из долины Мехико и явились первой волной пришельцев на земли майя.

Вторая волна нашествия связывается с племенами «пипиль». В конце VIII века н. э., когда ольмеки захватили город Чолулу, его жители вынуждены были бежать на побережье Мексиканского залива (в южной части современных штатов Веракрус, Табаско и Кампече). Здесь они подверглись влиянию тотонаков, чья столица Эль-Тахин также была разрушена ольмеками. Именно для тотонаков характерны каменные «топоры» и «ярма». Теснимые ольмеками, племена «пипиль» двинулись на юго-восток, в области майя. Это и была та самая волна завоевателей, которая принесла с собой оранжевую керамику, каменные «ярма» и «топоры». Нашествие «пипиль» на земли майя происходило с 800 по 950 год н. э.

Третью волну завоевателей составили тольтеки, во главе с Топильцином Кецалькоатлем вторгшиеся на территорию майя в конце X века и на несколько веков установившие свое господство над Юкатаном.

Орды захватчиков, непрерывно приходившие с севера на протяжении почти пятисот лет, постепенно опустошили земли майя. Однако не исключено, что свою роль в гибели классической культуры майя могли сыграть и внутренние социальные потрясения (восстания, мятежи,

междоусобицы и т. д.), и какой-то серьезный хозяйственно-экономический кризис (упадок земледелия и ремесел, нарушение системы торговых связей и т. д.). Иными словами, упадок цивилизации майя, во-первых, не был внезапным, а во-вторых, был вызван многими причинами, из которых трудно, а вероятно, и невозможно выделить какую-то главную. Так что история гибели классической цивилизации майя и поныне остается загадкой для ученых.

Если на юге города майя пришли в полный упадок, постепенно разрушались и зарастали сельвой, то на Юкатане – в северной области майя – вторжение тольтеков способствовало созданию здесь своеобразной культуры, причудливо соединившей в себе майяские и тольтекские черты. В истории юкатанских майя начался новый период, получивший в научной литературе название «мексиканский» (X – XIII вв.). В этот период главным городом Юкатана являлась Чичен-Ица – блестящая столица завоевателей-тольтеков на землях майя. Однако в XV веке в результате ожесточенной междоусобной борьбы Юкатан был разделен на полтора десятка мелких городов-государств.

Это была уже агония некогда великой цивилизации. Часы истории неумолимо отбивали свой срок. А на горизонте уже маячили паруса испанских кораблей, несших с собой гибель всему прежнему укладу жизни индейцев...

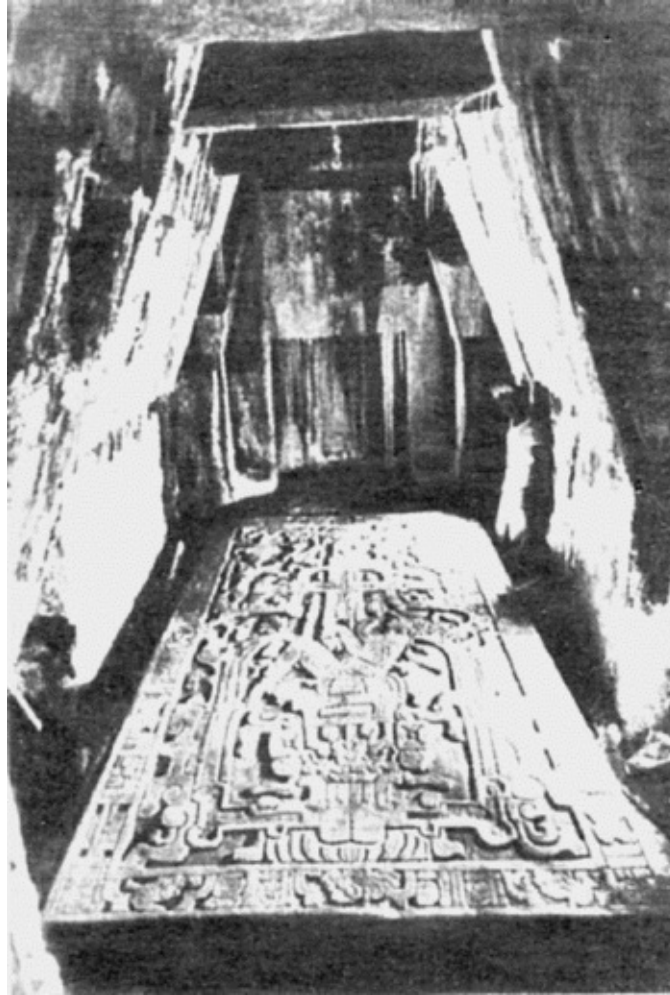
Культура майя, несомненно, стала одним из величайших творений человека на Американском континенте. Выдающийся мексиканский ученый, обнаруживший знаменитую царскую гробницу в Паленке, А. Рус Луилье, писал, что майя достигли высшего уровня цивилизации из всех, кого знала доколумбова Америка.

Альберто Рус Луилье и царская гробница в Паленке

Паленке – древний и, пожалуй, самый известный город майя, расположенный в северной части мексиканского штата Чьяпас. Этот огромный храмовый центр случайно обнаружил воинский патруль, заблудившийся в чьяпасских джунглях. Впервые после того как европейцы увидели главный город инков Куско и главный город ацтеков Теночтитлан, была открыта новая великолепная индейская столица! Но только в 1784 году, через двадцать пять лет после этого открытия, колониальная администрация послала для изучения необыкновенного города первую экспедицию, давшую блестящие результаты.

Особое место среди древних памятников Паленке занимает легендарный «Храм Надписей». В ясную погоду белокаменная пирамида храма видна с равнины за многие километры. Свое название «Храм Надписей» получил от его первооткрывателей, Дж. Стефенса и Ф. Казервуда – они называли его так из-за обилия иероглифических надписей на стенах, лестнице, на скульптурных колоннах. Среди храмовых надписей исследователи отыскивали несколько дат, одна из которых – 692 год.

Девять ярусов пирамиды прорезает многоступенчатая лестница – в ней более семидесяти ступеней. Лестница ведет к верхней платформе, на которой расположено венчающее пирамиду храм-святилище – прямоугольное сооружение из трех комнат, надежно покоящееся на верхушке мощной пирамиды. В западную стену его центрального помещения вмурованы три большие серые плиты, на которых рядами, как фигуры на шахматной доске, вырезаны 620 иероглифов. Слева вниз уводит крутая каменная лестница. Там, в глубине пирамиды, было сделано одно из крупнейших открытий в истории изучения цивилизации майя...

Первоначально в среде ученых сложилось мнение, что пирамидальные храмы в городах майя являлись лишь постаментами для увенчивавших их святилищ. Но в 1952 году было сделано открытие, опрокинувшее подобные представления и ставшее мировой сенсацией. Его автором стал мексиканский археолог, руководитель экспедиции Национального института антропологии и истории Альберто Рус Луилье.

Исследуя святилище «Храма Надписей» в Паленке, Рус обратил внимание на то, что пол в нем выложен из тщательно пригнанных каменных плит. Это было необычно для майяских построек – как правило, полы в них покрывались толстым слоем штукатурки. Рус еще раз внимательно осмотрел комнату и обнаружил деталь, на которую не обратили внимания его предшественники: стены комнаты продолжались ниже уровня пола. Значит, внизу находится еще одно помещение?

Рабочие вскрыли пол храма. Под ним обнаружился узкий ход, забитый щебнем. Когда его расчистили, показалась лестница, сделанная из

каменных плит. Она вела вниз, в самое сердце пирамиды. Никогда прежде в постройках майя не встречалось ничего подобного!

Завороженный этим неожиданным открытием, Рус твердо решил исследовать подземный ход до конца. Завершить расчистку лестницы ученым удалось лишь в следующем сезоне раскопок. 66 уходящих в толщу пирамиды ступенек привели в коридор, перегородженный толстой стеной из плотно уложенных каменных блоков. Разобрав ее, исследователи наткнулись на еще одну каменную стену. Прямо перед ней стоял квадратный каменный ящик. В ящике находились великолепные нефритовые украшения – бусы и серьги, большие раковины, наполненные красной краской, глиняные вазы. Ниже лежали две расписные глиняные таблички и крупная жемчужина диаметром в полтора сантиметра. Эти предметы, несомненно, представляли собой ритуальные дары. Но кому?

Разгадка тайны явно находилась за преградившей туннель второй стеной. Пробив ее, археологи сразу же наткнулись на грубый каменный ящик. Снова сокровища? Увы, нет. В ящике лежали скелеты пяти юношей и девушки, явно погибших насильственной смертью. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустации на зубах говорили об их знатном происхождении. Этих молодых людей из лучших семей города явно принесли в жертву по какому-то важному и особо торжественному случаю.

Всеобщее возбуждение достигло предела. Все понимали, что лестница, дары и человеческие жертвоприношения, а вероятно, и сама пирамида имели для майя особое значение. Скорее всего – А. Рус мог судить об этом только по находкам в Старом Свете – в толще пирамиды таилась царская гробница. Но ведь еще никто никогда не находил погребений в майяских пирамидах!

В великом волнении археологи шаг за шагом шли вниз по ступеням сводчатого коридора. Неожиданно они уперлись в глухую стену. Тщательно исследовав коридор, А. Рус обнаружил в его северной стене треугольное отверстие, заложенное огромным камнем. Рабочие разбили его и расширили входное отверстие. За ним открылся погруженный в темноту склеп.

Все происходящее удивительным образом напоминало вступление Говарда Картера в гробницу Тутанхамона. Взволнованные люди столпились в тускло освещенном коридоре. Погруженную во мрак гробницу осветил луч фонаря, и Альберто Рус заглянул в нее...

«Из густого мрака неожиданно возникла сказочная картина фантастического неземного мира, – писал он впоследствии. – Казалось, что

это большой волшебный грот, высеченный во льду. Стены его сверкали и переливались, словно снежные кристаллы в лучах солнца. Как бахрома огромного занавеса, висели изящные фестоны сталактитов. А сталагмиты на полу выглядели, словно капли воска на гигантской оплывшей свече. Гробница напоминала заброшенный храм. По ее стенам шествовали скульптурные фигуры из алебаstra. Потом мой взор упал на пол. Его почти полностью закрывала огромная, прекрасно сохранившаяся каменная плита с рельефными изображениями... Мы были первыми, кто увидел гробницу тысячу лет спустя!»

Высокий потолок гробницы уходил вверх, и его своды терялись в темноте, которую никак не мог рассеять слабый свет фонарей. На стенах склепа, через завесу выросших за века сталактитов и сталагмитов, были видны очертания девяти человеческих фигур, облаченных в одинаковые пышные костюмы: головной убор из перьев птицы кетцаль, причудливая маска, плащ из перьев и нефритовых пластин, набедренная повязка, пояс с украшениями в виде человеческих голов, кожаные сандалии из ремешков.

В центре гробницы стоял большой каменный саркофаг. Его резные каменные опоры словно вырастали из земли и были выполнены в виде сказочных персонажей в богатых одеждах. Их оплетали ветви растений, увешанные плодами какао, тыквы и гуайявы.

Саркофаг был закрыт прямоугольной плитой размерами 3,8 × 2,2 м, сплошь покрытой тонкой резьбой. Края каменной плиты окаймляла лента иероглифов. Позднее Русу удалось расшифровать две календарные надписи. Они соответствовали 603 и 633 годам н. э.

Эта плита является одним из самых выдающихся произведений искусства майя. По высочайшей технике исполнения ее сравнивают с работами европейских мастеров эпохи Возрождения. На плите изображена глубоко символическая сцена, на языке образов сжато излагающая мифологию майя. Сложная символика этого изображения до конца не разгадана, но общий смысл композиции – традиционная для ранних земледельческих культур аграрная заклинательная символика: солнце – вода – жизнь – смерть. Вечный круговорот жизни в природе...

Теперь археологам предстояло разгадать главную тайну гробницы: вскрыть прикрытый плитой саркофаг. Он представлял собой огромный каменный блок, покоящийся на шести опорах. Когда с помощью домкратов и бревен археологи подняли весящую почти пять тонн плиту, под ней оказалась еще одна каменная плита меньшего размера, со странной выемкой, напоминающей рыбу или кувшин с широким горлышком. Эту выемку плотно закрывала специальная крышка точно такой же формы.

«Мы работали, затаив дыхание от волнения, – пишет А. Рус. – Каждый раз, когда огромная резная крышка поднималась на дюйм выше, мы подкладывали под нее доску на тот случай, чтобы, если соскочит домкрат, массивная плита не упала. Когда мы приподняли ее примерно на 15 дюймов, я уже не мог совладать со своим любопытством...

Прежде всего я увидел мозаику зеленого, красного и белого цветов. Затем я стал различать ее детали – зеленые нефритовые украшения, окрашенные в красный цвет кости и зубы и обломки маски. Я смотрел на погребальную маску человека, ради которого люди выполнили всю эту колоссальную работу – склеп, скульптуры, лестница и огромная пирамида с увенчивающим ее храмом. Передо мной стоял первый саркофаг, найденный когда-либо в пирамидах майя.

В каменном гробу лежали останки индейского вождя. Хотя кости почти истлели и стали настолько хрупкими, что мы не смогли сделать точных наблюдений по определению физического типа погребенного, он производил впечатление крепкого, довольно рослого (174 см) мужчины лет сорока – пятидесяти. Его зубы, окрашенные в красный цвет, хорошо сохранились. Этот знатный человек, по-видимому жрец, не имел золотых украшений. Но рядом находилось множество предметов из нефрита – бус, колец, браслетов, серег и изящно вырезанных статуэток. Шею и плечи покрывало огромное ожерелье из нефрита. На черепе сохранились остатки погребальной маски, тоже сделанной из мельчайших кусочков нефрита. Глаза маски были из раковин, а зрачки – из кусочков обсидиана».

Кем был этот человек? Многочисленные атрибуты власти, найденные в гробнице, – скипетр, маска, щит с изображением бога солнца, – говорят о том, что это – «халач виник», верховный правитель Паленке, обожествленный еще при жизни. Иероглифические надписи на боковых гранях надгробной плиты имеют несколько плохо различимых календарных дат, соответствующих середине VII века. Вероятно, именно тогда «халач виник» с необыкновенной пышностью был погребен в «Храме Надписей».

Открытие А. Руса в Паленке по своему значению сопоставимо с крупнейшими археологическими сенсациями XX века – такими, как находка нетронутой гробницы фараона Тутанхамона в Египте или же раскопки некрополя шумерских царей в Уре.

Тайны священного Сенота

В течение трех столетий Чичен-Ица являлась главным городом всего майяского мира. Закат этого «майяского Парижа» начался в конце XII столетия. Около 1200 года правитель города Майяпан Хунак Кеель разгромил Чичен-Ицу, и после этого разорения город уже оправиться не смог. В 1441 году он был оставлен жителями. Но, в отличие от большинства майяских городов, Чичен-Ица была известна уже во времена испанского завоевания Центральной Америки, и еще с тех пор этот город притягивал к себе внимание европейцев.

Одним из самых загадочных памятников Чичен-Ицы долгое время оставался знаменитый «Колодец Жертв» – священный сенот, главный естественный водоем и сердце Чичен-Ицы. Сеноты (от майяского слова «цо-нот») играли особую роль в жизни майя. На Юкатане, в отличие от лесистого юга, нет ни рек, ни даже ручейков – известняк, покрывающий всю территорию полуострова, чрезвычайно порист, и потому вода просачивается сквозь него, как через песок. Но, проникая сквозь известняковую кору, вода сливается с подземными реками, заполняет провалы и воронки – и так по всему Юкатану образовались глубокие природные водохранилища, сеноты. Во многих майяских городах они почитались как священные места – ведь от воды полностью зависело хозяйство майяских земледельцев.

Громадный сенот Чичен-Ицы (его диаметр – около 60 м, глубина, включая многометровую толщу ила, достигает 58 м) являлся местом ритуальных жертвоприношений и паломничества. По преданию, в числе даров, приносимых сюда, были и человеческие жертвы: с соответствующими торжественными обрядами в сенот бросали девственниц. Эта красивая легенда привлекла в Чичен-Ицу Эдварда Герберта Томпсона, американского консула в Мериде. Он приехал сюда в 1904 году, горя желанием разгадать тайну «священного сенота».

Долгие дни и недели Томпсон проводил на берегу сенота, размышляя, как лучше подступиться к сложной задаче. Наконец, у него созрел дерзкий план. Прежде чем приступить к его выполнению, Томпсон отправился в Бостон, где рассчитывал изучить водолазное дело и познакомиться с различными видами подводного снаряжения. Он сконструировал и построил портативный подъемный кран и специальный землечерпательный снаряд. Это приспособление легко можно было установить у края колодца

и приводить в движение ручной лебедкой. Землечерпалку и все необходимое для ее работы оборудование в намеченный срок доставили в Чичен-Ицу и установили на платформе, почти на самом краю сенота.

Первые дни работы не принесли никакого результата. Тяжелый стальной ковш приносил с глубины лишь грязь и истлевшее дерево. «Временами, – писал Томпсон, – как бы дразня меня, землечерпалка поднимала наверх черепки глиняных сосудов, относившиеся, несомненно, к глубокой древности. Но я решительно отбросил мысль, что эти черепки – те доказательства, которые я искал. Обломки сосудов, доказывал я себе, вымытые из верхних слоев дождями, можно найти в любом уголке древнего города».

Наконец, упорство Томпсона было вознаграждено. Ковш землечерпалки поднял со дна колодца два желтовато-белых, округлых комочка священной смолы копал. Вероятно, они были брошены в колодец вместе с другими приношениями, упоминавшимися в преданиях. Начиная с этого момента, ковш землечерпалки вместе с илом каждый раз приносил все новые и новые предметы – десятки крошечных колокольчиков, статуэток, подвесок, топоров и дисков, сделанных из меди и золота. «Среди них, – писал Томпсон, – встречались предметы почти из чистого золота, литые, кованые и выбитые на листовом золоте, но их оказалось довольно мало, и они играли сравнительно небольшую роль. Большинство же так называемых „золотых“ предметов изготовлено из низкопробных сплавов, в которых больше меди, чем золота».

С помощью землечерпалки и водолазного снаряжения Томпсону удалось поднять со дна колодца не только многочисленные украшения из нефрита, золота, меди и множество других предметов, но и останки по крайней мере сорока двух человек, когда-то брошенных в сенот. Так подтвердились сообщения старых летописей о человеческих жертвоприношениях. Впрочем, из 42 извлеченных черепов, как оказалось, 13 принадлежали взрослым мужчинам в возрасте от 18 до 55 лет, 8 – женщинам в возрасте от 18 до 54 лет и 21 – детям от 1 до 12 лет. Три из восьми женщин имели еще при жизни серьезные травмы головы – видимо, от тяжелых ударов по черепу, у одной женщины был сломан нос. Такие же прижизненные травмы имели и многие мужчины, брошенные в сенот. Очевидно, что эти люди не пользовались среди майя каким-либо уважением и почитанием, и являлись, скорее всего, пленниками или рабами. Красивая легенда о юных девственницах, увы, так и осталась легендой: результаты исследования найденных в колодце человеческих костей свидетельствуют о том, что детей приносили в жертву чаще, чем взрослых.

Работы Томпсона в Чичен-Ице открыли новую главу в истории археологической науки – они заложили фундамент подводной археологии.

Тикаль

Тикаль – наиболее крупный и наиболее изученный памятник классической эпохи майя. Этот город находится на севере Гватемалы в департаменте Петен, в зоне влажных тропических лесов, занимая широкую известняковую равнину, пересеченную цепями каменистых холмов, болотами и оврагами. В 50 километрах от Тикаля расположен старейший майяский город Вашактун, с которым его соединяет древняя «сакбе» – мощенная белым камнем дорога.

Еще в 1699 году руины Тикаля посетил священник Андрес де Авенданьо. Но только в середине XIX века Амбросио Тут, губернатор департамента Петен, заново открыл этот огромный город древних майя. В 1956–1967 годах в Тикале работала археологическая экспедиция Музея Пенсильванского университета (США). Была составлена подробнейшая карта всех руин и произведены раскопки в различных районах города. Раскопки показали, что Тикаль являлся крупнейшим городом классического периода, причем не только в области майя, но и во всем Западном полушарии.

В VIII веке н. э., в пору своего наивысшего расцвета, Тикаль занимал довольно значительную территорию. По подсчетам исследователей, в период расцвета (VIII в.) в Тикале проживало 11,5—12 тысяч человек, а вся площадь города с округой (в которую входили еще семь городков и селений в пределах внешней линии укреплений и два – вне ее) составляла от 123 до 160 кв. км.

Окружавшая центр города жилая застройка раскинулась на 7–7,5 кв. км. Из-за обилия болотистых низин, оврагов и холмов жилые районы Тикаля распадались на отдельные изолированные кварталы и районы, точное число которых до сих пор не установлено. При такой разбросанности здесь, разумеется, нет и не могло быть длинных прямых улиц. Различные постройки, группировавшиеся вокруг небольших прямоугольных площадей, тянутся на много километров, сливаясь с городками и селениями, находившимися уже за городской чертой, а так как значительная часть Тикаля до сих пор покрыта густыми лесными зарослями, то определить, где же кончается этот огромный город, практически невозможно. Археологам удалось отыскать остатки внешних оборонительных укреплений Тикаля – валов и рвов, но, как оказалось, и они не являлись городской границей.

Центр города – «Акрополь», застроенный многочисленными храмами и дворцами, располагался на площади 2–2,5 кв. км, занимая вершину холма, окруженную низинами и сельвой. В пределах этого центрального ядра, окружавшего главную площадь города, было сосредоточено до 3 тысяч построек разного назначения и величины, в том числе все крупные общественные здания – храмы и дворцы (общим числом около трехсот). «Акрополь» украшали многочисленные, покрытые пышные резьбой монументальные сооружения – стелы, алтари – всего их известно более двухсот. Важнейшие ансамбли соединялись между собой широкими дорогами, выложенными белыми известняковыми плитами. Пирамиды Тикаля отличаются специфическим, не встречающимся больше нигде стилем. В комплексе № 4 возвышается самая большая пирамида майя – ее высота составляет более 70 м.

Исполинский город славится множеством стел (их здесь насчитывается 83) и алтарей (54). Здесь были найдены и первые значительные работы майяских резчиков по дереву — 12 великолепных резных притолок из твердого, как сталь, саподиллового дерева. Здесь же обнаружены заупокойные царские храмы и погребения лиц высокого ранга под ними, многочисленные мотивы искусства, связанные с личностью правителя и прославлением его деяний. На рельефах, стелах и росписях Тикаля правители города запечатлены в повседневных делах и заботах: здесь можно видеть сцены восшествия на престол, дворцовых аудиенций, победоносных сражений, поклонения божеству, ритуальных актов и т. д.

Изучая многочисленные находки тикальской керамики, исследователи выявили два последних этапа в истории города: «имиш» и «эснаб». Первый из них длился с 700 по 830 год н. э. Именно в этот период в Тикале были построены пять из шести огромных храмов, шесть пирамид и десятки огромных дворцов. Максимальных размеров достигло и население города.

Керамика типа «эснаб» непосредственно происходит от традиций керамики «имиш» и по времени следует сразу же за ней. Но какой контраст в общем облике этих двух периодов!

По подсчетам ученых, население Тикаля во времена эпохи «эснаб» составляло не более 10 % от того, что существовало в городе в течение периода «имиш». В начале «эснаба» (IX в.) в Тикале прекратилось всякое архитектурное строительство, резко сократилось население. Опустили сотни жилищ. Роскошные дворцы разваливались. Люди периода «эснаб» жили среди руин, но они не были ни завоевателями, ни пришельцами извне – они были прямыми потомками людей эпохи «имиш», которые еще помнили дни былой славы своих предков. Уцелевшие остатки некогда могущественного народа не смогли долго продержаться среди обломков прежнего величия. А через 100–150 лет после возведения последней датированной стелы в городе Тикаль окончательно запустел.

Что же случилось? В силу каких неизвестных нам причин майя

покинули свой город? Полной ясности в этом вопросе до сих пор нет. Определенной популярностью пользуется гипотеза, выдвинутая впервые известным американским ученым Эриком Томпсоном. По его мнению, упадок Тикаля и других классических центров культуры майя был связан с внутренними социальными потрясениями. «Зловещие семена распада и гибели зрели внутри самого майяского общества, – пишет Томпсон. – Надо лишь на мгновение представить себе его сложную и противоречивую структуру, чтобы понять, какой ураган народного гнева готов был со дня на день обрушиться на голову правящей касты... Неизвестно, кто первым бросил клич к восстанию, но за оружие взялись все, дружно и яростно, с надеждой на лучшие времена. И против этого всесокрушающего вала крестьянской войны не мог устоять никто.

Нечто похожее происходило и во многих других городах майя. Огромная и цветущая страна внезапно испытала на себе все разрушительные последствия жесточайшего социального кризиса. Через некоторое время победившие земледельцы разошлись по своим деревушкам, рассеянными по окрестным лесам. И величественные города майя окутало мертвое безмолвие».

Эта гипотеза встречает многочисленные возражения. Исследователи отмечают, что крупные социальные потрясения (восстания, мятежи и т. д.) действительно могли послужить причиной (или одной из причин) гибели некоторых городов-государств майя. Но таких городов-государств было несколько десятков, и вряд ли можно допустить, что все они почти одновременно подверглись опустошению со стороны восставшего народа.

Загадка гибели Тикаля, как, впрочем, и всей классической цивилизации майя, по-прежнему остается открытой. Между тем этот крупнейший из городов майя стал первым объектом научной реставрации. Начиная с 1956 года на средства Пенсильванского университета американисты пытаются вернуть городу первоначальный вид.

Чавин-де-Уантар

На территории Перу самой ранней доинкской культурой, представители которой строили первые на этой земле города, была так называемая культура Чавин. Свое название она получила по имени местности Чавин-де-Уантар, расположенной на высоте 3048 м, в гористой части северного Перу. Эта первая высокоразвитая индейская культура Южной Америки появилась в связи с революцией в перуанском земледелии: примерно с IX века до н. э. чавиняне начали выращивать кукурузу. Вместе с кукурузой появился и ряд других культурных растений. В тот же период была приручена собака. Вслед за ней – лама, животное, имевшее важнейшее значение в жизни индейцев в доколумбов период.

Чавин-де-Уантар считается сегодня древнейшим городом Южной Америки. Он являлся центром местного религиозного культа, главным элементом которого было поклонение некоему божеству в образе хищника из семейства кошачьих. Многочисленные стилизованные образы этого «кошачьего бога» сохранились на десятках сосудов и стел, но весьма условная манера передачи изображения не дает возможности точно определить, какое это животное: пума или ягуар? Все же большинство специалистов придерживается мнения, что это был культ ягуара, и это связывает чавинян с мексиканскими ольмеками. Ведь ягуары никогда не обитали в Андах!

Чавин-де-Уантар нельзя считать городом в современном понимании этого слова, хотя его и принято называть столицей. Скорее всего, это был лишь главный религиозный центр страны, в котором постоянно жили только жрецы. Ансамбль Чавин-де-Уантара состоит из множества каменных храмов и связанных с ними сооружений, возведенных на террасах окружающих холмов. Считается, что строительный материал для возведения святилищ Чавина приносили паломники, приходившие сюда в пору главных религиозных празднеств. Наиболее сложные работы выполняли квалифицированные мастера-каменщики, которые вместе с зодчими и жрецами, вероятно, жили здесь круглый год.

Храмовый комплекс Чавин-де-Уантар представляет собой ансамбль строений из тесаных каменных плит, к которым был проведен водопровод. Он занимает площадь 50 га. Над постройками Чавина возвышается великолепная трехступенчатая пирамида-храм «Эль-Кастильо». Площадь ее основания составляет 72 × 75 метров, высота – 13 м. Пирамида украшена вырезанными из камня головами ягуаров и каких-то фантастических существ. Внутри здания устроены целый лабиринт молелен, система вентиляционных шахт и двадцать четыре подземных коридора, которые никуда не ведут. Их назначение остается совершенно непонятным.

В храме и на его территории сохранились древнейшие в Южной Америке стелы. Самую известную из них открыл в середине XIX века археолог Раймонди. Фриз на «стеле Раймонди» изображает «человека-ягуара». Характерно, что все рельефы на стелах и стенах храмов люди Чавина высекали, пользуясь исключительно каменными орудиями!

В древнейшей части комплекса был найден «Лансон» – гранитный блок высотой 4,5 м, на котором высечена фигура человека с клыками ягуара и змеями вместо волос. Рельефы сходного стиля украшают притолоки, двери и карнизы построек Чавина. На внешней стене одной из платформ

были помещены каменные головы человека и ягуара. Такая же символика украшает глиняную посуду, ткани, металлические и костяные изделия по всему центральному побережью Перу.

К периоду расцвета чавинской культуры относится и странная каменная галерея в Серро-Сечине – ряд камней, украшенных резными человеческими фигурами, весьма похожими на изображения из мексиканского Монте-Альбана.

Пытаясь объяснить многие параллели между чавинской культурой и ранними мексиканскими цивилизациями, а также «взрывной», неожиданный характер возникновения Чавина, многие специалисты полагают, что корни чавинцев следует искать в других областях Америки, и прежде всего в Мексике. В пользу такого вывода говорит и еще одно обстоятельство: одновременно с появлением чавинской культуры в Перу получила распространение до той поры неизвестная здесь кукуруза, между тем как в Мексике ее выращивали уже за две тысячи лет до этого. Впрочем, все это лишь догадки, и загадка происхождения чавинской цивилизации пока не раскрыта. А традиции этой культуры впоследствии были восприняты и развиты другими цивилизациями Анд, в том числе самой известной – инкской.

Паракас

Полуостров Паракас, расположенный в 200 км к югу от Лимы, делит побережье Перу на две примерно равные части. К северу от него расположены долины Писко и Чинча, к югу – Ика, Наска и Акари. Практически все эти места связаны с той или иной древнеперуанской культурой. Но самые, пожалуй, неожиданные открытия были сделаны именно на этом пустынном полуострове.

В 1925 году здесь начала работать экспедиция под руководством перуанского археолога Хулио Сесара Тельо. Внимание Тельо привлекли «кавернас» – таинственные пещеры, куда время от времени наведывались местные жители, промышлявшие грабежом древних могильников. Начав изучать «кавернас», Тельо был потрясен: это была не цепь естественных гротов, как предполагалось вначале, а целая система подземных камер, высеченных в прибрежной скале на глубине примерно восьми метров. Каждая из камер соединялась с поверхностью узким выходом. И в каждой такой камере ровными рядами лежали десятки мумий людей обоего пола и всех возрастов, завернутые в яркие материи. Сохранность тканей была просто невероятной – хотя некоторые из них пролежали в земле почти две с половиной тысячи лет (могильник относится к середине I тыс. до н. э.), они не только не истлели, но сохранили и фактуру, и яркость красок.

Могильник другого типа, обнаруженный Тельо на полуострове Паракас, получил название «Некрополис». Ориентировочно он датируется III–IV веками до н. э. Мумии (их число превышает 400) находились в подземных гробницах, сложенных из камня и необожженных кирпичей. Над каждой гробницей был устроен дворик с очагом, где, возможно, совершалась мумификация тел перед захоронением.

В каждой из гробниц археологи нашли массу всевозможных предметов – в отдельных случаях их число доходит до полутора сотен. Это одежда, украшения, оружие, каменные топоры, сосуды, инструменты, украшения, головные уборы, накидки из шерсти лам и многое другое. На многих мумиях сохранились золотые украшения – они были вставлены в уши, ноздри, рот, обвивали шею или лежали на груди. Наряду с чистым золотом паракасские золотых дел мастера применяли и сплав золота с медью. Однако найденная в погребениях керамика была довольно примитивной.

Но, конечно, самой выдающейся находкой стали непревзойденные паракасские ткани. По некоторым техническим показателям ткани из паракасских погребений не имеют равных в мире, и можно только удивляться, как индейцам удавалось достигать такого совершенства на примитивных станках. Паракасские ткани поражают не только размерами и изысканными сочетаниями цветовой гаммы, но и тем, что спустя полторы

тысячи лет они не утратили ни эластичности, ни яркости красок. Создается впечатление, что эти ткани лишь недавно вышли из рук ткачей.

Площадь полотнищ, потраченных на одевание и запеленывание некоторых мумий, достигает 300 кв. м. Средний же размер каждого такого «савана» составляет около 2,5 м в длину и более метра в ширину. Сотканы они из шерсти пяти или шести цветов и расписаны великолепным многоцветным орнаментом – стилизованными изображениями птиц, зверей, рыб, антропоморфных фигур и диковинных страшилищ, а также геометрическими узорами. Паракасские красильщицы умели изготавливать замечательные по яркости краски – особенно синюю, зеленую, желтую и коричневую. И сегодня паракасские ткани специалисты признают наиболее искусными текстильными изделиями древности.

Впрочем, не меньшего внимания, чем ткани, заслуживают и найденные Тельо мумии. При их исследовании обнаружилось, что у абсолютного большинства из них черепа искусственно деформированы, а многие черепа носят следы совершенной еще при жизни трепанации. Это было настолько неожиданно, что первоначально в научной среде возобладала гипотеза, что эти черепа проломлены в битве. Однако более тщательное исследование позволило прийти к заключению, что трепанированные черепа – результат хирургического вмешательства, совершенного, по всей видимости, в каких-то ритуально-магических целях. Отверстия в черепах, пробитые во время этих религиозных обрядов, индейские хирурги закрывали золотыми пластинками. Для такой операции они, естественно, должны были иметь соответствующие хирургические инструменты. И действительно, такие инструменты были найдены археологами, притом не только в Паракасе. Поразительно, что все эти пинцеты, ножи, иглы, скальпели и турникеты для зажимания кровеносных сосудов изготовлены из камня и кости! Однако они оказались настолько совершенными, что современные перуанские медики даже рискнули провести с их помощью несколько хирургических операций, закончившихся вполне успешно.

Мумии из Паракаса загадали ученым и другую загадку: откуда они вообще взялись? Дело в том, что в окрестностях полуострова Паракас нет никаких следов человеческих поселений, и специалисты до сих пор точно не знают, откуда доставлялись сюда покойники. Хулио Тельо, исходя из возраста погребенных, типа деформации черепов и специфики погребального инвентаря, высказал догадку, что паракасские некрополи представляли собой что-то вроде «пантеона» – здесь хоронили людей, занимавших верхние ступени иерархической лестницы – жрецов и

представителей родовой знати. При этом могильник в пещерах является более древним, чем «Некрополис», и это свидетельствует о двух эпохах существования Паракаса.

Что за люди хоронили своих покойников на этом пустынном полуострове? Уже после смерти Тельо эта культура получила наименование «паракас». Считается, что культура паракас стала главным передаточным звеном цивилизационных импульсов от чавина к более поздним культурам бассейна озера Титикаки – например, тиауанако. Тут, однако, возникает проблема: оказывается, что в прибрежной культуре паракас отсутствуют некоторые особенности, которые характерны как для чавина, так и тиауанако. Но как такое могло случиться, если считать, что именно паракас послужила для них передаточным звеном?

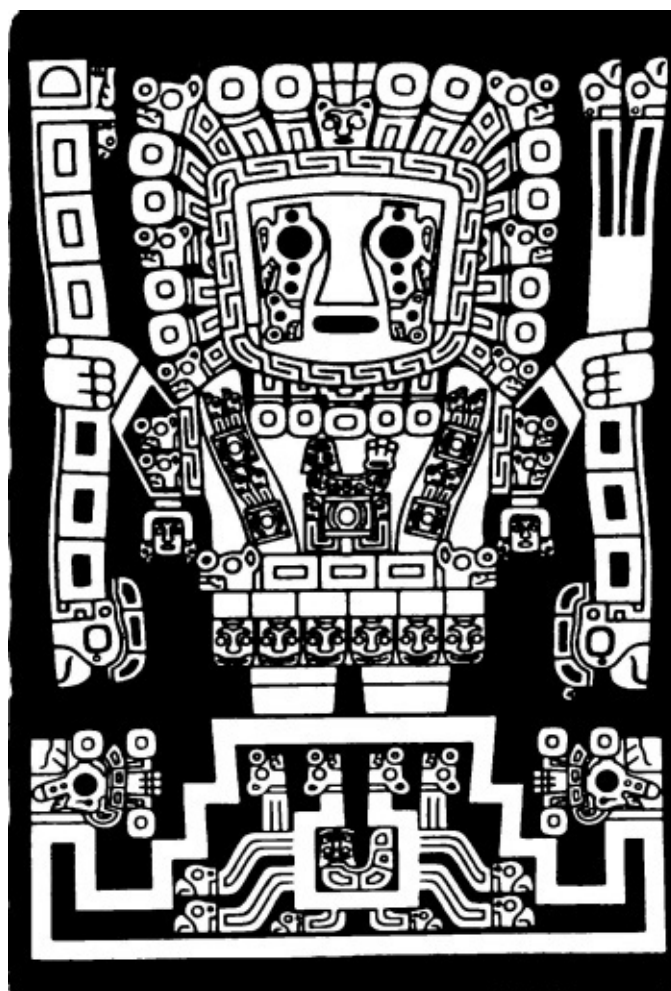
Тиауанако

Тиауанако справедливо считают главным городом доинкской Южной Америки. Он расположен в Боливии, в горах Альтиплано, в 21 километре к югу от озера Титикака, через которое проходит современная граница между Перу и Боливией. Развалины Тиауанако занимают площадь 4,2 кв. км.

На языке инков название Тиауанако означает «Мертвый город». Так его окрестили уже в сравнительно поздние времена, когда здесь побывал Майта Капак – четвертый правитель империи инков. К этому времени город давно опустел, но его заброшенные святилища продолжали вызывать удивление и трепет. Инки не знали, кто построил Тиауанако. Но они были убеждены, что такие величественные сооружения мог возвести лишь кто-то исключительный и могущественный. В глазах инков таким был только Кон-Тики Виракоча – их верховный бог.

Култ Виракочи был широко распространен среди индейцев задолго до образования империи инков. Главным центром поклонения Виракоче являлся Тиауанако. Именно здесь, как рассказывают легенды, Виракоча сотворил Солнце, которое, как считали индейцы, стало родоначальником династии инкских императоров. Именно здесь, в Тиауанако, находится один из самых замечательных памятников индейской культуры всех трех Америк – знаменитые на весь мир Ворота Солнца, вытесанные из огромной монолитной глыбы андезита, весящей много десятков тонн. Высота Ворот Солнца составляет примерно 3 м, а ширина – 4 м. Нынешнее название памятника условно и к почитанию дневного светила он, возможно, не имел никакого отношения.

Никаких жилых зданий в Тиауанако не обнаружено. Хотя площадь, занятая руинами, превышает 450 тыс. кв. м, сам культовый центр состоял из четырех основных построек, расположенных на небольшой площадке – 500 × 1000 м. Первая из них, Акапана, представляет собой ступенчатую пирамиду 15-метровой высоты. От нее до наших дней остался только холм с вымощенной 200-метровой площадкой основания, к которой некогда вели ступени.

Рядом с Акапаной расположена Каласасайя – широкая площадь, огороженная рядом каменных колонн. Здесь находилось здание, стоявшее на двух расположенных друг на друге прямоугольных террасах. Немецкий археолог Артур Познанский, самый известный исследователь Тиауанако, считал его развалинами «главного дворца». Стены «дворца» представляют собой массивные прямоугольные монолитные столбы, промежутки между которыми когда-то были заполнены каменной кладкой. Познанский считал, что Каласасайя – это постройка, предназначенная для астрономических наблюдений и вычислений, «гигантский каменный календарь». Ее часто называют «индейским Стоунхенджем». Именно на территории Каласасайи расположены знаменитые Ворота Солнца. В Тиауанако сохранились и другие интересные ворота, например Пума Пунку (Врата пумы), выстроенные из каменных блоков весом более 150 т.

Самое загадочное сооружение Тиауанако – полуподземный храм, углубленное на 1,7 м в землю, почти квадратное (28,5 × 26 м) в плане

здание. По всему периметру стен через равные промежутки поставлены огромные каменные столбы, участки между которыми заполнены гладко обтесанными плитами меньшего размера. В стены храма были вмурованы выступавшие из кладки каменные головы, а в центре стояли изваяния божеств (при раскопках их нашли поваленными).

В Тиауанако, этой «мегалитической столице» Южной Америки, сохранились огромные каменные монументы (представляющие собой нечто среднее между статуями и стелами), а также самые большие каменные статуи доколумбовой Америки, превосходящие по размерам даже гигантские каменные головы ольмеков и названные по именам открывших их ученых «Монолит Беннетта» и «Монолит Понсе Санхинеса».

Монолит Беннетта имеет высоту 7,5 м и весь покрыт сложными рельефными изображениями. Некогда эта статуя была главным идолом полуподземного храма, исследованного американским археологом В. Беннеттом. Можно только гадать, какие приспособления использовали в древности индейцы, чтобы перетащить столь тяжелый каменный блок от карьера к храму.

Вместе с монолитом его имени В. Беннетт обнаружил в 1932 году на полу полуподземного храма несколько изваяний меньшего размера. Все они лежали рядом. Наиболее интересную статую окрестили Бородатым идолом; вокруг его рта намечено нечто вроде бороды и усов. Как потом оказалось. Бородатый идол – древнейшее изваяние в Тиауанако. Только борода его оказалась в действительности не бородой.

Период расцвета тиауанакской культуры приходится на III – X века н. э. В это время Тиауанако являлся своеобразными «южноамериканскими Афинами» – центром яркой индейской культуры, влияние которой с середины I тысячелетия н. э. распространялось не только на все горное Перу, но и на многие прибрежные районы: от эквадорских границ до северного Чили. Повсюду на этой территории встречаются образцы орнамента, первоначально характерные лишь для Тиауанако, и мотивы, взятые со знаменитых Ворот Солнца.

Археологи установили, что культура тиауанако исчезла примерно в XII веке. Похоже, что перемены были внезапными: пустеют как столица, так и провинциальные центры этой культуры. Отделку Ворот Солнца даже не посчитали нужным или возможным закончить. На сельских поселениях жизнь некоторое время еще теплилась, но скоро заглохла и она.

Считается, что вероятной причиной падения Тиауанако стало колоссальное землетрясение, случившееся в XI–XII веках. Воды озера Тиауанако вышли из берегов и затопили город. Одновременно на него

обрушилась лава разбушевавшихся вулканов. Гибель столицы вызвала братоубийственные войны, довершившие развал страны. Просуществовав около тысячи лет, культура Тиауанако угасла, уступив место набирающему силу инкскому государству.

Эта версия также не является единственной. Археологи заметили, что после гибели культуры тиауанако в горных районах Анд распространилась очень грубая керамика, совсем не похожая на прежние местные сосуды. Известно, что пришедшие сюда инки столкнулись в горах с относительно примитивными племенными объединениями. Каналы и поля были заброшены, города лежали в развалинах. К такому запустению могло привести только вторжение варваров, почти поголовно уничтоживших прежнее население и поглотивших его остатки.

Но что это были за варвары, откуда они взялись? Возможно, драматические события разворачивались так.

К середине I тысячелетия н. э. в долинах сложились высокоразвитые городские цивилизации – тиауанако, уари и некоторые другие. Их создатели были и земледельцами, и опытными скотоводами. Вокруг, высоко в горах, жили более отсталые племена, для которых стада лам и альпак являлись главным источником существования. Однако вместе с количеством скота росла и численность населения. Племенам становилось тесно: начались перекочевки, вытеснение одних групп другими, поиски новых пастбищ. В благоприятный влажный период горцы увеличили численность своих стад, зато потом они оказались перед угрозой массового падежа скота и голодной смерти. Выход мог быть только один: покинуть высокогорные пастбища и спуститься в долины.

Горцы обрушились на лежавшие в долинах города. Вряд ли, конечно, пришельцы истребили всех местных жителей. Однако их напор был достаточно силен, чтобы стереть с лица земли главные культурные центры. Захватив долины, горцы восприняли от прежних жителей земледельческую культуру. Процесс становления государств начался снова и завершился образованием империи инков. Хотя эта гипотеза еще требует дальнейшей проверки, пока лишь она способна объяснить загадки тиауанакской цивилизации.

Наска – культура «отрубленных голов» и загадочных рисунков

Южное побережье Перу – самый засушливый район страны. Здесь никогда не бывает дождей. И именно здесь, в этом выжженном солнцем краю, в долинах Наска и Ика, немецкий ученый Макс Уле, основатель перуанской научной археологии, на рубеже XIX – XX веков обнаружил следы одной из самых интересных и во многом загадочных культур доколумбовой Америки.

Первыми находками Уле стали погребения – множество погребений, в которых он нашел ярко расписанные сосуды, ткани, золото, предметы из дерева. Эти могилы принадлежали двум культурам: поздней (IX–XVI вв.), получившей впоследствии название ика, и ранней – наска (III в. до н. э. – VI в. н. э.).

Культура наска получила свое название по одноименной долине Наска, расположенной в 80 км от побережья Тихого океана и отделенной от него пустыней. Эта культура не оставила после себя памятников монументальной архитектуры – от нее до нас дошли лишь следы небольших сельских поселений. Тем не менее жители Наски – искусные гончары и ткачи – занимали исключительное место среди современных им обитателей американского континента. Мастерам из Наски были известны вышивка, производство ковров, а также другие виды ткацкой техники. Чтобы составить представление о великолепии древних тканей Наски, достаточно упомянуть, что при их производстве применялась широчайшая цветовая гамма, включавшая в себя 150 основных цветов и второстепенных оттенков. При этом помимо хлопка и шерсти материалом для их изготовления служили человеческие волосы.

Уникальны и крытые каналы Наски. Они были предназначены для стока горных вод в населенные долины. Некоторые специалисты сравнивают их с аналогичными сооружениями в Иране и Северной Африке.

Керамика наска отличается тонкой и яркой многоцветной росписью. Очевидно, эта посуда предназначалась для погребальных обрядов. Сравнивая найденные сосуды, ученым удалось выяснить, как изменялись во времени их форма и декор. В ряде случаев специалисты способны даже определить, что один из сосудов изготовлен позже или раньше другого с точностью до 25–50 лет. При этом на раннем этапе развития культуры наска сосуды несколько отличались в зависимости от того, где они были сделаны.

Позднее на всей территории наска распространяется стиль, характерный для Кауачи – главного культурного центра страны.

Сосуды наска покрыты яркими, пестрыми изображениями животных, птиц, растений, мифических существ. Эти изображения переданы в лаконичной и несколько условной манере. Часто один и тот же мотив повторяется, окрашенный в разные цвета. На одной росписи таких цветов бывает 7–8, а считая оттенки – и больше.

В росписях наска неизменно присутствуют три темы: плодородие полей, мир океана – морские существа и рыбная ловля – и тема человеческих жертвоприношений. В ранний период все эти темы замыкались на главном божестве индейцев наска, представляющем собой некое антропоморфное существо в золотой маске. Иногда его сопровождают другие божества: человек-сокол, божки с культурными растениями в руках, морское чудовище, напоминающее кита-косатку, фантастическая птица с устрашающими челюстями вместо клюва, проглатывающая отрубленные человеческие головы.

Позднее все эти божества исчезают или отступают на второй план. На передний план теперь выходит богиня и усатый воин – возможно, ее супруг. Богиня также изображается с растениями и низвергающимся из рта потоком воды. Но с человеческими жертвоприношениями она уже прямо не ассоциируется – здесь ее заменяет ее усатый «супруг». Отрубленные человеческие головы, либо доведенные до неузнаваемости, либо натуралистически выполненные, образуют на расписных сосудах наска целые пояса-фризы, или черные раздвоенные завитки и спирали, усеивающие поверхности и выступы сосудов. Мифические персонажи держат отрубленные головы в руках и пожирают их. Если на сосуде изображены люди-жрецы, то рядом с ними на алтарях лежат все те же головы.

Отрубленные головы – один из главных мотивов росписей индейцев-наска. Правда, в их искусстве встречаются и другие сюжеты (охотники, рыбаки и пр.), но кто сейчас может расшифровать их подлинный смысл? Вот, например, совершенно безобидные птички-колибри, кружащиеся вокруг цветка. Но на другой росписи те же колибри выются вокруг свирепого монстра, держащего в руках отрубленные человеческие головы. Неужели танец колибри вокруг цветка находится в какой-то загадочной связи с жестокими жертвоприношениями?

Нельзя не обойти молчанием и самую большую загадку этой культуры – речь идет о знаменитых рисунках в пустыне Наска. Это одно из самых выдающихся и в то же время необъяснимых творений человека было мало кому известно до 1939 года. В этом году пилоты, пролетавшие над пустынной долиной на маленьком аэроплане, обратили внимание на странный узор из беспорядочно пересекающихся длинных прямых линий, перемежающихся с диковинными извилинами и загогулинами, который был замечен при определенном освещении. Первоначально ученые

предположили, что это остатки древней ирригационной системы. Для их исследования в Перу выехал археолог Пол Косок из университета в Лонг-Айленде (США).

С воздуха узоры выглядели необъятными, но на земле из-за неровной поверхности Косок едва нашел их. После первых тщательных изучений удивлению ученого не было предела: по его чертежам выходило, что это было четкое изображение большой птицы, различить с земли которую было невозможно. Как можно было создать такой рисунок? Косок исследовал долину и обнаружил очертания огромного паука, за которым следовали дюжины других рисунков, изображавших либо животных, либо геометрические узоры.

В 1946 году Косок передал свои записи доктору Марии Райхе, немецкому математику, интересующейся древними обсерваториями, с именем которой связана практически вся история исследования загадочных рисунков пустыни Наска. Как установила Райхе, рисунки были изготовлены достаточно простым способом: на желтоватой земле был линиями выложен тонкий слой темных камней. Фигуры выкладывались по специально построенному плану в масштабе, который был перенесен на поверхность земли с помощью веревок, прикрепленных к камням-маркерам, некоторые из которых можно видеть и сегодня. «Длина и направление каждого отрезка были тщательно промерены и зафиксированы, – пишет Райхе. – Приблизительных промеров было бы недостаточно, чтобы воспроизвести такие совершенные очертания, которые мы видим с помощью аэрофотосъемки: отклонение всего на несколько дюймов исказило бы пропорции рисунка. Фотографии, сделанные таким образом, помогают представить, какого труда это стоило древним умельцам».

Мария Райхе была уверена, что только прикоснулась к древней тайне: «Что наиболее впечатляет в этих наземных рисунках – это их огромные размеры в сочетании с совершенными пропорциями. Как они могли изобразить фигуры животных с такими точными очертаниями и точно выверенными размерами – загадка, которую мы разрешим не скоро, если вообще разрешим». Райхе сделала, правда, одну оговорку: «Если, конечно, они не умели летать».

Именно это попытался доказать американец Билл Спорер. Он опирался на тот факт, что люди, которые создали эти рисунки в пустыне, вероятно, происходили из двух сходных народов, известных как культуры паракас и наска. Эти земледельческие народы известны своими успехами и в искусстве ткачества и украшения глиняных изделий, и это дало Спореру

ключ к разгадке. Четыре куска ткани наска из разграбленной могилы, обнаруженной недалеко от перуанских рисунков, были исследованы под микроскопом. Выяснилось, что древние перуанцы использовали в своих материях лучшее переплетение, чем мы используем при изготовлении современной парашютной ткани, и более крепкое, чем в современных тканях для воздушных шаров: 205 на 110 нитей на квадратный дюйм в сравнении с 160 на 90. А на глиняных горшках эпохи наска Спорер обнаружил изображения предметов, напоминающих воздушные шары и воздушных змеев с развевающимися лентами. На многих тканях наска изображены летающие люди.

Начав свое расследование, Спорер наткнулся и на старинную инкскую легенду о маленьком мальчике по имени Антаркви, который помогал инкам в сражении, летая над укреплениями противника и сообщая о расположении их отрядов. Известно, что и сегодня некоторые индейские племена Центральной и Южной Америки делают для своих церемоний воздушные шары и запускают их во время ритуальных празднеств.

В ноябре 1975 года умозаключения Спорера подверглись практической проверке. С использованием только тех материалов и технологий, которые могли быть доступны индейцам наска, был построен воздушный шар. Под ним развели огонь, и шар отправился в полет с двумя пилотами в тростниковой корзине.

Из всех гипотез по поводу появления рисунков в пустыне Наска идея с шаром оказалась самой лучшей. Но цель всего этого до сих пор неясна. Может быть, это была своеобразная форма погребения, и тела мертвых вождей наска отправляли на воздушных шарах в небо – в объятия бога солнца? Может быть, птицы и другие огромные существа символизируют вечную жизнь этих вождей? Ответа нет. Тайна удивительных рисунков еще ждет своей разгадки.

Оживший мир индейцев мочика

Долина Моче, расположенная на севере Перу, неподалеку от современного города Трухильо, в начале и середине I тысячелетия н. э. стала родиной одной из самых блестящих цивилизаций Америки – мочика. Эта культура была открыта в конце XIX столетия немецким археологом Максом Уле. Однако наибольший вклад в изучение цивилизации мочика внес перуанский археолог Рафаэль Ларко Ойле.

Ларко Ойле начинал как коллекционер, но он оказался и весьма дотошным и талантливым исследователем, и неплохим археологом. В 1930-х годах он начал собственные археологические раскопки. На протяжении десяти лет – с 1938 по 1948 год – Ойле опубликовал несколько книг и статей, принесших ему славу лучшего знатока культуры мочика.

Цивилизация мочика действительно являлась одной из самых

выдающихся культур доколумбовой Америки, хотя территория, на которую она простиралась, была сравнительно невелика – прибрежная полоса протяженностью всего лишь около 300 км. Подобно носителям других индейских культур перуанского побережья, индейцы мочика обитали в долинах-оазисах, орошаемых впадающими в море реками. Таких оазисов на территории мочика насчитывается 24, причем одна долина отделена от другой мертвой зоной пустыни. Однако регулярно затопляемые реками долины, подобно долине Нила в Древнем Египте, давали индейцам прекрасный урожай. Кукуруза тут созревала дважды в год.

Индейцы мочика были не только опытными земледельцами, но и искусными рыбаками. Они уходили далеко в море на тростниковых плотах и каноэ, ловили рыбу и моллюсков и широко употребляли их в пищу. Мочика оставили после себя целые пирамиды раковин.

Мочика первыми среди индейцев Перу стали сооружать широкие мощенные камнем дороги, хотя и не были знакомы с применением колеса. Остатки этих дорог можно и сегодня видеть в долине Чикама. Ширина дорог у мочика всегда была в точности равна 9,8 м, а каждая сторона некоторых их пирамид – 98 м, из чего исследователи заключают, что 9,8 м (98 дм) являлись у мочика единицей длины.

Свои поля эти люди орошали с помощью разветвленной системы каналов. Один из таких каналов, отводивший воду из реки Чикама, имел в длину 113 км.

Подобно римлянам, мочика строили огромные и долговечные акведуки. Один из них, Ла-Кумбре, имеет протяженность 130 км. Он служит для подачи воды и в наши дни. Другой акведук – Аскопе, расположенный в долине Чикама, достигает в высоту 15 м, а в длину – 1,4 км. Для того чтобы создать насыпь, по которой он проходит, по подсчетам специалистов, потребовалось перенести 783 тысяч куб. м земли!

Кроме этого, мочика оставили по себе память в виде храмов-пирамид.

Особенной известностью пользуются две великолепные пирамиды, воздвигнутые неподалеку от современного перуанского города Трухильо. Одна из них была посвящена солнцу и называется сегодня Уака-дель-Соль. Соседствующая с ней Уака-де-ла-Луна была посвящена луне. Обе пирамиды представляют собой святилища, расположенные на нескольких ступенчатых платформах. Эти грандиозные сооружения сложены из необожженных кирпичей, причем, по подсчетам специалистов, при строительстве пирамиды Солнца было использовано 130 млн таких кирпичей. Фундаменты пирамид сооружены из тесаных каменных плит.

Кроме этих двух пирамид от культуры мочика до наших дней

сохранились еще более шестидесяти пирамид и храмовых построек. На стенах пирамиды в Паньямарке уцелели интересные настенные росписи, которые называют «страницами истории мочика». Здесь изображена практически вся иерархическая структура мочикского общества.

До наших дней дошли десятки тысяч расписных сосудов, принадлежащих к культуре мочика. Мир керамики мочика удивительно многообразен. Специалисты считают, что керамика мочика по эпической широте изображения культуры своих создателей превосходит даже древнегреческую керамику. Алден Мейсон в книге «Древние культуры Перу» писал, что великолепие и завершенность реалистических форм керамических изделий мочика до сих пор никто не мог превзойти, а сравняться с ними в мастерстве древние гончары могли лишь в редчайших случаях.

Рисунки на керамике дают представление о том, как выглядели творцы этой выдающейся индейской культуры, – они были широки в плечах, невысоки, уверенны в себе и упрямы. Рисунки повествуют об их военных подвигах, образе жизни, окружавшей их флоре и фауне. Мы видим рыбаков и крестьян, воинов и танцовщиков, ткачей и лекарей, мудрецов и музыкантов. По изображениям на расписных сосудах нам стала известна одежда мочика, их музыкальные инструменты, их домашние животные – лама и собака, их оружие, способы их прядения и ткачества. Благодаря рисункам на керамике мы узнали, что они возделывали различные культурные растения – кукурузу, маниоку, тыкву, хлопок. Многие изображения обретают в рисунках мочика нетрадиционный смысл, отражавший особый, лишь им присущий взгляд на вещи.

Рафаэль Ларко Ойле, выдающийся исследователь культуры мочика, заметил на расписных сосудах этой культуры еще одну важную вещь: бобы фасоли. Этот мотив неизменно встречается не только на посуде, но и на сохранившихся тканях мочика. При этом фасолины выкрашены в разный цвет, а их поверхность покрыта всякого рода черточками, крестиками, кружками и точками.

Загадочные фасолины чрезвычайно заинтересовали исследователя. Занявшись этой проблемой вплотную, он насчитал до 300 комбинаций цветов и знаков на фасолинах. И эти комбинации вроде бы складываются в некую систему... А что, если это рисуночное письмо?

Свои окончательные выводы Ларко Ойле изложил в работе «Была ли известна письменность древним перуанцам?» Ученый высказал гипотезу, что в царстве мочика существовал письменный язык. Мочика, по мнению Ларко Ойле, записывали сообщения на фасолинах. Их хранили и

передавали в мешочках, а при необходимости раскладывали на земле и читали.

Гипотеза Ларко Ойле вызвала горячие споры среди ученых. В противовес версии Ларко Ойле аргентинский этнограф Армандо Виванте выдвинул довольно стройную гипотезу о том, что фасолины – всего лишь фишки для азартных игр. Сведения о такого рода играх в Древнем Перу содержатся в испанских хрониках, а в некоторых районах Анд в них играют и сегодня.

Разгоревшаяся многолетняя дискуссия в итоге привела к совершенно неожиданным выводам. Письменность или игра? Может быть – и то и то, полагают сегодня специалисты. То, что раньше воспринималось учеными как азартная игра, в действительности является религиозным обрядом или гаданием. Некоторые игры были призваны увеличить урожай, поэтому в них играли только в марте, когда людям грозит голод. В другие игры играли на поминках, чтобы узнать об отношении покойника к оставшимся в живых. Считалось, что в случае выигрыша дух умершего будет заботиться о своих родственниках и потомках. Эти традиции сохранились в Андах до сих пор. Так что разноцветные фасолины действительно могли являться фишками для таких игр. Но при других обстоятельствах они вполне могли служить знаками письменности!

Перуанская исследовательница Виктория де ла Хара, горячая сторонница гипотезы Ларко Ойле, нашла подтверждение этой версии на тканях из погребений полуострова Паракас. На многих из них разноцветными нитями вышиты длинные ряды фасолин, имеющих до 240 вариантов раскраски. Оказалось, что и у мочика на погребальных мантиях изображались ряды подобных знаков. Что это – способ передачи числовой информации? Или настоящая письменность?

В раскопках древних городов Ближнего Востока археологи нередко находят глиняные фишки определенной формы, которые соответствовали главным категориям предметов, учет которых вели хозяева и торговцы, – скот, металл, зерно и т. п. Из века в век по мере развития хозяйственных связей эта знаковая система усложнялась и совершенствовалась. Фишки стали хранить в запечатанных глиняных «конвертах», делая оттиски с них и на поверхности «конверта». Затем кто-то догадался, что фишки не нужны – достаточно оттисков. Так появилась древнейшая письменность.

Легко заметить сходство между ближневосточными фишками и перуанскими фасолинами, глиняными «конвертами» и мешочками для фасолин. А вот успели ли перуанские индейцы создать настоящую письменность? Не исключено, что керамика мочика со временем даст ответ

и на этот вопрос.

Мачу-Пикчу

Летом 1911 года американский археолог Хайрем Бингем, сопровождаемый проводниками-индейцами, предпринял экспедицию в труднодоступный и малоизученный район Центрального Перу. Пройдя трудный и долгий путь, экспедиция вышла на край заросшей джунглями горной котловины у подножия горы Мачу-Пикчу. От того, что увидел Бингем, у него перехватило дыхание: у его ног лежал сказочно прекрасный древний город...

На фоне девственной зелени высились десятки каменных зданий: обсерватория, храмы, жилые дома. Со времени открытия Нового Света сюда не ступала нога ни одного белого человека.

Мачу-Пикчу называют «восьмым чудом света», «главным чудом Южной Америки». Бесспорно, что этот город является самым фантастическим творением инкской и вообще всей индейской архитектуры. Он дошел до нас в своем первозданном виде – неразрушенным, нетронутым, точно таким, каким его когда-то построили «сыновья Солнца». А по красоте своего местоположения Мачу-Пикчу превосходит не только все другие индейские города Америки, но и вообще все древние города на других континентах нашей планеты.

Мачу-Пикчу (так назвал этот город Х. Бингем; его настоящее индейское название неизвестно) находится в 120 км к востоку от Куско, в диком, малонаселенном краю, на берегах стремительной реки Урубамбы. Этот город основал инка Пачакути (1438–1471). В первые века своего существования Мачу-Пикчу являлся второстепенным городом, и его расцвет начался уже после того, когда испанцы заняли Куско и завоевали большую часть территории инкской империи. Таким образом, затерянный в горах Мачу-Пикчу стал последним городом инков. Здесь некогда великое инкское государство окончило свои дни.

Ни один испанец так и не сумел увидеть это «орлиное гнездо». Но жизнь в городе постепенно угасала. Осколок великой империи, он не мог существовать, законсервировавшись, сколько-нибудь долгое время. Население неумолимо сокращалось, Мачу-Пикчу все плотнее обступали непроходимые леса, и наконец наступил день, когда умерла последняя обитательница города. И когда спустя четыреста лет Хайрем Бингем вновь открыл затерянный город, который так и не стал добычей конкистадоров, он нашел здесь лишь несколько десятков скелетов. Почти все они были женские.

Мачу-Пикчу – воплощение дерзновенного гения инкских архитекторов, которые сумели построить этот большой город в таком труднодоступном и изолированном даже для нашего времени месте. Все здания города расположены на разной высоте. Для того чтобы соединить их друг с другом, понадобилось соорудить более сотни каменных лестниц.

Во всех без исключения постройках города применена циклопическая кладка – т. е. без использования каких бы то ни было цементирующих растворов. Это один из самых архаичных приемов каменной кладки, характерный практически для всех цивилизаций, стоящих на низком уровне технического развития. Огромные блоки держатся только за счет своего собственного веса, причем нередко наклон скалы, на которой стоит здание, составляет 30–40°. Кое-где для лучшего сцепления эти камни с наружной стороны сделаны слегка выпуклыми, а там, где они соприкасаются друг с другом, – плоскими. Можно только гадать, сколько сил и времени пришлось затратить инкам для того, чтобы перетащить огромные каменные глыбы от каменоломен до строительных площадок без применения соответствующих приспособлений и средств передвижения, без колесных повозок, используя лишь мускульную силу человека.

Центром города был так называемый «акрополь» – священный участок, где высятся каменные громады Интиуатаны – солнечной обсерватории, храма Солнца – единственного дошедшего до наших дней

святилища верховного бога инков. Здесь же по традиции располагается дворец верховного жреца – Вильяка Уму. В восточной части «акрополя» стоит храм Трех Окон, сложенный из огромных каменных блоков. Какому божеству он был посвящен, остается неизвестным. Свое нынешнее название святилище получило из-за трех больших окон в форме трапеции.

Так называемый Королевский квартал (на языке кечуа – «Инкауаси») построен, судя по архитектурному стилю, на рубеже XV–XVI веков. В эти же годы, судя по всему, был сооружен и так называемый «Торреон» – храм-крепость, нечто вроде башни полукруглой формы, отличающейся от других крепостных сооружений инков. Башня вырастает прямо из скалы, которая, несомненно, весьма почиталась жителями города: в ней высечено множество маленьких жертвенников.

Южнее Торреона находится так называемый Дворец принцессы. Во времена инков он, судя по всему, являлся резиденцией койи – «королевы» инков. Возможно, в нем жила одна из дочерей царствующего инки. Сам же инка, по мнению некоторых исследователей, жил в так называемом Королевском дворце, расположенном поблизости и состоящем из двух зданий. Впрочем, присутствие инки и его двора в Мачу-Пикчу остается не доказанным.

Третий квартал города, самый большой, состоит из непритязательных жилых зданий, которые населяли, очевидно, слуги правителей. Во многих местах Мачу-Пикчу окружают мощные валы. За ними раскинулся квартал ремесленников. Еще дальше за городом располагалось «место позора», как его назвал археолог Эрманн Бусе. Здесь, на высокой скале, находится большое здание, в котором, судя по всему, размещались судьи, тюремные надзиратели и палачи. Ниже можно видеть нечто вроде городской тюрьмы. В скале вырублено множество крюков, к которым приковывали цепями узников.

От этой «тюрьмы» начинается путь в пещерные мавзолеи. Еще первооткрыватель Мачу-Пикчу Хайрем Бингем обнаружил и изучил здесь целый ряд пещер, где производились захоронения. Судя по тщательности отделки, тут, вероятно, покоились мумии умерших владык города, а может быть, и самих владык империи – их могли перенести сюда из разграбленного испанцами Куско. Впрочем, еще не все пещеры изучены, и некоторые исследователи полагают, что подземные чудеса инков еще ждут своих первооткрывателей.

Европа: от бронзы к средневековью

Пирамиды долины Бойн

В 40 км к северу от столицы Ирландии Дублина расположен огромный доисторический комплекс из сорока погребений. Его иногда называют «королевским кладбищем Бру-на-Бойн». Он занимает территорию в 10 кв. км. Тридцать семь небольших курганных насыпей окружают три огромных гробницы – Ньюгрейндж, Даут и Наут. Их размеры исчисляются десятками метров в диаметре. Исследователи подсчитали, что на сооружение каждой такой гробницы древним жителям долины Бойн потребовалось не менее пятидесяти лет.

Кем и когда были построены эти «пирамиды»? Их возраст составляет около 5 тысяч лет. Они были сооружены в эпоху неолита, когда в долине реки Бойн поселились первые земледельцы Ирландии. Несмотря на внешнюю простоту быта, эти люди были квалифицированными строителями и астрономами, они были хорошо организованы и, судя по всему, жили в относительном мире, так как на протяжении столетий никто не мешал им сооружать их гигантские гробницы. Они не оставили после себя никаких письменных свидетельств, и мы ничего не можем сказать по поводу устройства их общества. Некоторые исследователи полагают, что они использовали труд рабов, а другие уверены, что «ирландские пирамиды» созданы руками свободных людей. Как бы то ни было, но к 2750–2250 годам до н. э. жители долины Бойн возвели постройки, которые считаются сегодня самыми большими и наиболее важными памятниками мегалитического искусства в Европе.

Века проходили за веками. Постепенно долину Бойн освоили крестьяне, здесь появились фермы и хутора. Огромные холмы стали настолько привычной частью здешнего пейзажа, что уже никто не обращал на них внимания.

В 1699 году на холмы Бру-на-Бойн пришли рабочие, которым потребовался щебень для строительства дороги. И каково же было их удивление, когда после нескольких ударов кирок из-под земли стали выступать фрагменты огромных древних сооружений!

Это открытие вызвало переполох среди ученых. Еще не понимая до конца, что именно таят в себе холмы Бру-на-Бойн, они предположили, что загадочные постройки относятся к кельтской эпохе. Некоторые даже считали их еще более поздними. Не было единого мнения и по поводу назначения построек. В XVIII столетии английский исследователь Чарлз

Валланси определил одну из трех «пирамид» Бру-на-Бойн – Ньюгрейндж – как «Пещеру Солнца». Он был убежден, что ее сооружение связано с древними календарными обрядами, и в частности, с праздниками весеннего и зимнего солнцестояния. Большинство современников высмеяли эту теорию, но как оказалось – напрасно!

Полномасштабные исследования Ньюгрейнджа, начатые в 1967 году археологической экспедицией под руководством профессора Майкла Дж. О’Келли, показали, что Ньюгрейндж действительно ориентирован таким образом, что утром 21 декабря, в день зимнего солнцестояния, лучи встающего над горизонтом солнца проникают через вход и в течение 17 минут освещают внутренность погребальной камеры. Это явление О’Келли впервые наблюдал в 1969 году, и с тех пор его можно видеть ежегодно – гробница Ньюгрейндж сегодня отреставрирована и открыта для посетителей. Несомненно, что такая ориентация гробницы не является случайной. Древние строители тщательно спланировали это огромное сооружение таким образом, чтобы солнечный свет в день зимнего солнцестояния мог освещать могилы предков, покоящиеся в погребальной камере Ньюгрейнджа. Следовательно, еще в III тысячелетии до н. э. (сооружение Ньюгрейнджа датируется 3200–2500 гг. до н. э.) жители Древней Ирландии обладали высокими астрономическими познаниями?

Как выясняется – не только астрономическими. Они были и прекрасными инженерами. С технической точки зрения ирландские «пирамиды» являются даже более сложными сооружениями, чем построенные на пятьсот лет позже египетские. Диаметр гробницы Ньюгрейндж, например, составляет 90 м, высота – около 15 м. 20-метровой длины коридор ведет в погребальную камеру, основу которой составляют огромные, 20—40-тонные вертикально поставленные кольцом монолиты. Устройство погребальной камеры чем-то напоминает Стоунхендж, только здесь каменное кольцо сверху прикрыто насыпью из земли и щебня. Внутри погребальной камеры сохранилась большая чаша ритуального назначения, а в стенах пробиты ниши, где когда-то покоился кремированный прах похороненных здесь людей.

Самой большой «пирамидой» Бру-на-Бойн и самым большим искусственным сооружением Древней Европы является Наут. Окружность его насыпи составляет 914 м – почти километр! Центральную насыпь окружает кольцо из 127 вертикально стоящих камней (вес некоторых из них достигает 5 т) и 15 меньших могил различного типа.

Наут, подобно Ньюгрейнджу, являлся больше, чем могилой: это было место вечной жизни предков. Поэтому неудивительно, что древние обитатели долины Бойн приложили огромные усилия для сооружения этих домов мертвых: ведь предки должны были всегда оставаться с ними и оберегать свой народ. Можно только догадываться о том, какие усилия были затрачены на то, чтобы принести с берегов реки Бойн в плетеных корзинах десятки тысяч тонн окатанных водой камней, за десятки километров доставить сюда огромные каменные глыбы. Сооружение гробниц длилось так долго, что первые строители, вероятно, стали их первыми «обитателями».

Археологические исследования Наута связаны с именем профессора Джорджа Йогана. Начав раскопки в 1962 году, он вел их на протяжении 24 сезонов, причем за это время была исследована всего лишь треть памятника. Но и того, что было найдено, вполне хватило для сенсации: оказалось, что в недрах этого огромного круглого кургана, состоящего из

слоев торфа, камня, глины, сланца и земли, таятся целых две погребальные камеры, к которым ведут два коридора – каждый протяженностью более 30 метров!

На первый коридор археологи наткнулись спустя пять лет после начала раскопок – до этого они преимущественно занимались раскопками малых могил вокруг Наута. Однако потребовалось еще пятнадцать лет напряженной работы, прежде чем профессор Йоган вступил в совершенно нетронутую погребальную камеру (западную), в которой последний раз человек побывал пять тысяч лет назад. Такое событие редко кому выпадает в жизни! А 30 июля 1983 года состоялось еще одно открытие: археологи обнаружили вторую (восточную) погребальную камеру. Так же, как и первая, она оказалась совершенно нетронутой.

Исходя из факта существования погребальной камеры в Ньюгрейндже, археологи вправе были рассчитывать найти нечто подобное и в Науте. Но открытие двух камер, сооруженных из гигантских каменных плит, стало совершенной неожиданностью. Еще большей неожиданностью явилось открытие в подземельях Наута огромного количества орнаментированных камней. Сегодня находки в Науте составляют около 25 % всех известных памятников западноевропейского неолитического искусства. Они принадлежат к числу наиболее замечательных художественных достижений доисторической Европы.

Петроглифы Наута отличаются большим разнообразием. Многие из гравированных камней напоминают карты звездного неба, на других можно видеть различные антропоморфные изображения. Чаще всего встречается символический орнамент в виде зигзагов, извилин, концентрических кругов или комбинаций этих мотивов. Здесь также можно видеть характерные для неолитического искусства тройные спирали – символы смерти и возрождения.

Как и Ньюгрейндж, Наут также ориентирован таким образом, чтобы солнечный свет мог попадать внутрь погребальных камер в определенные времена года. Этими временами являются дни весеннего и осеннего равноденствия: один из коридоров Наута озаряется солнечным светом 21 марта, другой – 23 сентября. Мы не знаем, почему люди, строившие Наут, хотели, чтобы прах их предков освещался солнцем именно в эти дни, но ясно, что причина для этого была достаточно серьезной. Она потребовала от древних обитателей долины Бойн не только тщательной планировки гробницы, но и предварительного накопления хороших астрономических знаний. Может быть, этот народ поклонялся солнцу? Или они верили, что солнечные лучи, проникающие в погребальную камеру, воскрешают духов

умерших, и они выходят из мрачных подземелий, чтобы вместе с живыми встретить наступление нового времени года?

Мы этого не знаем. Как не знаем и того, кто именно похоронен в «пирамидах» долины Бойн. Археологи нашли в камерах Наута останки приблизительно 200 человек. Вероятно, еще около 100 человек были погребены в Ньюгрейндже. Были ли эти люди теми, кого принято называть элитой – вождями, жрецами, мудрецами, духовными и политическими руководителями? Или здесь хоронили старейшин – глав родов и семей? Возможно, свет на многие тайны долины Бойн прольют исследования третьей «пирамиды» – Даута, к раскопкам которой археологи только-только приступили. И кто знает, какие еще открытия преподнесет ученым легендарная Бру-на-Бойн...

Что это за народ такой – кельты?

Гальштат – небольшой городок в Верхней Австрии, у подножья горы Зальцбергталь, в недрах которой со времен глубокой древности разрабатывались соляные копи. Сегодня название этого городка известно всему научному миру. А началось все в 1846 году, когда Георг Рамзауэр – директор местных соляных копей, а по совместительству археолог-любитель – открыл в окрестностях Гальштата обширный древний могильник.

Рамзауэр вел здесь раскопки на протяжении 17 лет. Он вскрыл почти 1000 из 2500 захоронений. Сделанные им находки были сенсационны: они свидетельствовали о существовании здесь в 700–500 годах до н. э. цивилизации, использовавшей железо. Пышные захоронения представителей могущественной аристократии и скромные могилы общинников несли в себе материальные свидетельства жизни людей той далекой эпохи. Удивительно хорошо сохранившиеся оружие, орудия труда, ювелирные украшения, конская сбруя и боевые колесницы свидетельствовали о высоком мастерстве древних литейщиков и кузнецов.

Что за народ жил в этом глухом горном районе? Кто оставил после себя эти сокровища?

Сегодня мы знаем ответы на эти вопросы. Речь идет о кельтах, а точнее – о предках тех «исторических» кельтов, которые во всеоружии своей блестящей культуры выступили на сцену европейской истории около 500 года до н. э., став одной из самых значительных народностей Европы.

Что же это был за народ – кельты?

Основным источником сведений о кельтах, их религии, жизни, культуре, ремеслах сегодня является, конечно, археология, дающая наиболее осязаемый материал. Появление кельтов совпадает с зарождением культур эпохи железного века. Из областей, располагавшихся между Рейном и Влтавой, кельты расселились до берегов Атлантического океана, Средиземного, Адриатического и Черного морей.

О кельтах впервые упоминают греческие историки V века до н. э. Гекатей Милетский и Геродот. Позже римляне называли кельтов галлами, а земли, населенные ими, – Галлией. В период между VI–III веками до н. э. кельтские племена заселили Северную Испанию, Британию, южные районы Германии и территорию современных Венгрии и Чехии. Отдельные кельтские племена проникли на Балканы. Следы, оставленные кельтскими походами, сегодня можно обнаружить в Болгарии, Греции, Турции.

В истории Европы известны два кельтских периода. Первый – это древние кельты железного века, современники Древней Греции, империи Александра Македонского и Римской империи. Второй период – это кельты-христиане, преемники древних кельтов, жившие в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. С V века часть кельтов вновь переселяется из Британии в Арморику (Бретань) и создает там блестящую литературу, которая благодаря ирландским монахам, странствующим по европейскому континенту, оказала глубокое влияние на развитие всей западной культуры в Средние века. Мы обязаны кельтам первой «настоящей» европейской литературой: это ирландские и валлийские саги, сказания о короле Артуре,

о Тристане и Изольде.

Находка Рамзауэра в Гальштате позволила ученым обратиться к началам истории древних кельтов. Именно здесь, в горном районе Австрии, приблизительно к 700 году до н. э. сложилась ранняя кельтская культура. Благодаря многообразию и богатству археологического материала, открытого в могильниках Гальштата, эта культура получила название гальштатской. Впоследствии памятники такого рода были открыты во многих местах Европы.

Расцвет гальштатской культуры падает на VII–VI века до н. э., когда народы Западной Европы пришли в тесное соприкосновение – в результате торгового обмена – с греческими и этрусскими городами. В Гальштате археологами были открыты захоронения, инвентарь которых показывает, что люди в эту эпоху изготавливали свои орудия труда и мечи уже не из бронзы, а из железа. Своих вождей они хоронили в великолепных погребальных камерах, выложенных из бревен (чаще всего для этого использовался дуб, считавшийся у кельтов священным деревом), под насыпными курганами, которые увенчивались статуей покойного в полный рост, изображением божества или надгробным камнем и ритуальной стелой. В могилы клали богато украшенную конскую сбрую, дорогие ювелирные украшения, золотые венцы и диадемы, бронзовые сосуды и многочисленную керамику, простую – местной работы – и расписную греческую. В гробницы знати помещали даже четырехколесные повозки с полным набором упряжи. Позднее на смену повозкам пришли легкие двухколесные боевые колесницы.

Подлинным сокровищем прикладного искусства гальштатских кельтов является коллекция керамических сосудов из курганов близ Шопрона (Венгрия). Сосуды датируются концом VII столетия до н. э. и замечательны, конечно, не ценностью материала, из которого выполнены, а своими изображениями: на их поверхности резцом процарапаны фигурки людей и целые сцены, дающие нам сегодня возможность заглянуть в жизнь древних кельтов. Керамика Шопрона показывает, как одевались и что делали кельты эпохи Гальштата, она наполняет живым дыханием скупые данные археологии и туманные повествования мифов. Ценность изображений на сосудах из Шопрона огромна, ибо они восходят к тем отдаленным временам, о которых у нас нет письменных свидетельств, дополняющих данные археологических находок. От этой эпохи, помимо некоторых орудий и фрагментов одежды из соляных копей Гальштата, почти не сохранилось материалов, позволяющих представить, как выглядели и одевались тогдашние кельты.

Гальштатская культура стала предшественником культуры «классических», или «исторических», кельтов. Именно с ними связана эпоха расцвета кельтского могущества – между 600 и 220 годами до н. э., когда владения кельтов простирались от Балтики до Средиземноморья и от Черного моря до Атлантического океана. Кельтская культура этого периода – начиная с середины VI века до н. э. и далее – получила в науке название латенской. Первые открытия памятников этой культуры были сделаны на поселении Латен, расположенном на Невшатальском озере в Швейцарии.

Примерно с 400 года до н. э. кельты стали доминирующей силой в областях, расположенных к северу от Альп – от Франции до Венгрии. Однако древние кельты не были единой нацией и не основали своего государства. Они жили отдельными племенами и княжествами, иногда создавались федерации племен. Дальше этого политическое единение у них не заходило.

На всем пространстве, заселенном кельтами, господствовала единая культура и единый язык (с диалектными различиями). Религиозные верования кельтов были одним из главных факторов, связующих эти племена в единое целое. Несмотря на то что каждое кельтское племя имело собственных богов и соответствующую мифологию, в основе своей религия кельтов была единой. Свидетельство тому – существование общекельтских богов, культ которых распространялся на значительные территории.

Кельты обожествляли явления природы, реки, горы, животных; среди их богов были триликие божества, змей с головой барана, маленькие духи-гномы; кроме того, существовало множество местных богов. В общекельтском пантеоне почитались бог неба Таранис, богиня-покровительница коней Эпона, триада богинь-кормилиц. Их изображения неоднократно встречаются в более позднее время во всех уголках кельтского мира. К числу главных божеств принадлежал Цернунос – Эзус, то уходящий в подземное царство мертвых и именуемый тогда Цернунос, то возвращающийся на землю – Эзус. Цернунос – Эзус символизировал времена года: холодную мертвую зиму и цветущее лето.

Кельтское искусство – одно из выдающихся явлений художественного развития в истории человечества. Для латенской культуры особенно характерно развитие прикладного искусства. Оно чрезвычайно своеобразно и непохоже ни на какое другое. Латенское искусство отражает независимость мышления кельтов, их пристрастие к сверхъестественному, к мечтательности, сказочности. Эстетические проявления этого склада можно видеть в тонких и изящных произведениях искусства древних

кельтов – в их красиво отделанном оружии, ювелирных украшениях, керамике, скульптуре, стекле, монетах, отличающихся чрезвычайно оригинальным и удивительно «современным» стилем. Абстракция, фантастические трансформации, личины воображаемых существ играли большую роль в искусстве кельтов, и все это придавало волшебную силу предметам и декору.

Кельты любили красивые вещи и не жалели труда и умения на изготовление даже обычной кухонной посуды, украшая ее сложнейшим орнаментом. Они были непревзойденными мастерами чеканки по металлу. Кельтские ювелиры владели различными способами обработки металлов. В их продукции отчетливо видна склонность к сложной орнаментике. Орнаменты, составленные из лепестков, веток, листьев, изображение животных и головы человека – главные мотивы в украшениях оружия, ювелирных изделий, надгробий и культовых памятников.

Украшения были страстью кельтов – и женщин, и мужчин. Наиболее типичное кельтское украшение – «торквес», золотая шейная гривна. Это толстый металлический обруч, гладкий или свитый из нескольких полос, оканчивающийся либо шарами, либо простой прямоугольной пряжкой, либо сложным переплетением стилизованных листьев и ветвей.

Не менее популярны были браслеты. Их носили мужчины и женщины всего кельтского мира на протяжении нескольких столетий. Кельтские браслеты обычно украшались крупными выпуклыми полушариями, расположенными в разных комбинациях. Вообще же золотые кельтские украшения, шейные гривны и браслеты, отличаются удивительным разнообразием стилей.

Для кельтского искусства весьма характерно использование коралла – материала, не привлекавшего внимания античных мастеров. Позднее, когда кораллы Средиземноморья ушли на рынки Дальнего Востока, его заменила красная эмаль, которая оставалась характерным элементом орнаментики до конца латенского периода.

В ряде кельтских могильников были обнаружены шлемы из листовой бронзы, некоторые из которых инкрустированы кораллом. Наиболее богатым из них является шлем, найденный близ Амфревиля-сюр-ле-Мон (Франция). Этот бронзовый головной убор украшен впаянным золотым обручем с тиснеными трилистниками из тонких спиральных линий – узором, столь характерным для кельтской орнаментики.

Искусство кельтов полностью проявилось и в чеканке монет. Так как каждое племя имело свой стиль орнаментики, то изучение кельтских монет представляет известную трудность. Первоначально монеты кельтов

являлись копиями золотых статеров Филиппа Македонского (382–336 гг. до н. э.). На лицевой стороне такой монеты была изображена голова Аполлона в лавровом венке, на оборотной – пароконная колесница, символ Олимпийских игр. Со временем этот мотив претерпевал изменения, приобретая характерные кельтские черты. При этом щедро использовались характерные для кельтов символы и отвлеченная декоративность – спирали, диски, трилистники. Изображения лошадей потеряли реальность, они походили теперь на мифологические существа, иные даже имели человеческие головы; порой вместо лошадей изображались дикие кабаны, птицы, змеи.

Как выглядели и одевались кельты? Одни из них, например галлы, носили плащи и порты, поскольку обычно ездили верхом; другие, в частности ирландцы, пользовавшиеся колесницами, одевались в туники (длинные рубахи с короткими рукавами) и плащи. Идеал мужской красоты рисовался кельтам в образе высокого, статного воина, светловолосого, голубоглазого, могучего телом и духом. Лошадь у кельтов была не просто животным, служившим для перевозки тяжестей или для верховой езды во время охоты, но и животным, которое они связывали с некоторыми из своих богов. Изображение лошадей на кельтских монетах и на всевозможных изделиях из металла, а также их скульптурные изображения свидетельствуют об особом уважении кельтов к этому животному.

Этот народ оставил свой незримый, но ощущаемый и сегодня отпечаток на многих странах, возникших позднее там, где располагались укрепленные городища кельтских племен. И их далеким потомкам, живущим ныне в западной части Британских островов и в Бретани (Франция), удалось сохранить до наших дней ряд самобытных элементов своей древней культуры.

Бирка – столица шведских конунгов

Бирка – первая столица шведских конунгов, находившаяся некогда на острове Бьёркё, в 30 км от современного Стокгольма, у выхода из озера Меларен в Балтийское море. Этот «гордый старинной славой» город в IX–X веках являлся крупнейшим торговым центром на Балтике. Само его название – Бирка – происходит от старосведского слова «бирк», что означает «торговец». О богатстве жителей города ходили легенды. Рассказывают, что когда в 845 году датское войско предприняло неожиданный набег на Бирку, жители города, застигнутые врасплох, предложили врагу выкуп – 100 фунтов серебра. Но датчане отклонили это предложение, сказав: «Каждый ваш купец в отдельности имеет больше, чем нам предложено!»

В последней четверти X века Бирка прекратила свое существование – странно и необъяснимо. Роль главного торгового, культурного и политического центра Швеции перешла к городу Сигтуна. А остров на озере Меларен опустел, и лишь высокие земляные валы напоминали о существовавшей здесь древней шведской столице.

Память о Бирке не угасала в Швеции никогда, однако с годами ее образ приобретал все более и более легендарные черты. Местные крестьяне во время сельскохозяйственных работ нередко находили на острове Бьёркё различные древние предметы. Эти находки пробудили интерес у кладоискателей, в среде которых ходили легенды о спрятанных на острове кладах.

В 1611 году профессор Упсальского университета Йоханнес Мессениус издал книгу «Sveoropentropolis», посвященную пяти историческим шведским городам, в которой уделил проблеме Бирки большое внимание, попытавшись развеять некоторые мифы, сложившиеся вокруг древней шведской столицы. А в 1680-х годах картограф Карл Грипенхейм издал карту острова Бьёркё, на которой указал все основные памятники и урочища, связанные с древним городом.

Этой картой весьма заинтересовался Иосиф Хадорп, глава только что созданного шведского департамента древностей. В 1686 году он произвел первые раскопки на острове Бьёркё и нашел предметы, относящиеся к эпохе викингов. Вторым археологом, побывавшим на городище Бирки, был шотландец Александр Сетон. Впрочем, произведенные им в 1825 году раскопки следует отнести скорее к разряду кладоискательских. Результаты

этих исследований – если их можно назвать исследованиями – никогда не были опубликованы, а действия Сетона привели в итоге к тому, что шведские власти стали очень строго относиться к желающим вести раскопки на Бьёркё.

Подлинное открытие Бирки связано с именем шведского ученого Хьялмара Стольпе (1841–1905). Он начинал свою научную карьеру не как археолог, а как энтомолог – специалист по насекомым. В 1871 году он попал на остров Бьёркё в поисках янтаря с застывшими в нем останками ископаемых насекомых. Несколько дней, проведенных на Бьёркё, стали переломными в его судьбе. Никакого янтаря он не нашел, но зато обнаружил многочисленные погребения викингов. Они содержали богатейший научный материал. Стольпе немедленно обратился к властям с просьбой разрешить ему начать раскопки. Отныне археология безраздельно завладела им.

Хьялмар Стольпе вел раскопки Бирки на протяжении двадцати лет. Этот энтомолог оказался прирожденным археологом: методы его работ сегодняшние ученые единодушно признают образцовыми, а для своего времени – революционными. Среди предшественников и современников Стольпе было немало таких, чьи методы раскопок мало отличались от поисков сокровищ: их целью являлись лишь сколько-нибудь ценные вещи, а весь массовый материал попросту выбрасывался. Стольпе же интересовало все: он стремился постичь обычную, повседневную жизнь

обитателей Бирки. Он вел свои исследования с чрезвычайной педантичностью, для него имел ценность каждый черепок. И современным археологам есть за что благодарить этого неторопливого и аккуратного человека.

Своей главной целью Стольпе избрал огромный курганный могильник на «Черных землях». Так называется урочище, расположенное за пределами городских валов Бирки. Здесь находится самый крупный в Швеции раннесредневековый некрополь – около трех тысяч погребений, частично с курганными насыпями. Название «Черные земли» молва связывает с легендой о том, что Бирка была сожжена до основания завоевателями, после чего выжженная земля стала черной. То, что это всего лишь миф, утверждал еще в 1611 году Йоханнес Мессениус, а Стольпе своими раскопками установил, что необыкновенный черный цвет здешней почвы связан с чрезвычайной насыщенностью культурного слоя. Всего Стольпе раскопал 1100 захоронений, расположенных на площади около 4 тыс. кв. м. Он также исследовал множество погребений, расположенных близ Борга – так местные жители называют оплывший земляной вал, некогда окружавший цитадель древней Бирки.

Собранный Стольпе археологический материал был огромен – мечи, амулеты, драгоценности, монеты, керамика. Изучение и систематизация находок в Бирке продолжалась ученым вплоть до самой смерти и была продолжена его учениками. Часть находок легла в основу шведского Музея антропологии, одним из основателей которого был Стольпе.

Раскопки Бирки продолжил в конце 1920-х годов Хольгер Арбман. Его целью была первая христианская церковь, основанная Св. Ансаром. Это была очень трудная задача – первая церковь, скорее всего, ничем не отличалась от обычного дома, и хотя Арбман имел в своем распоряжении старинные карты, по которым он вроде бы сумел найти участок, где теоретически могла располагаться церковь, его поиски завершились безрезультатно. Зато Арбман совершил другое открытие: он обнаружил остатки обширной постройки, в которой, судя по всему, располагался городской гарнизон. Здесь были найдены оружие, фрагменты доспехов, многочисленные характерные находки, однозначно свидетельствующие, что здесь длительное время проживала большая группа мужчин-воинов. Исследования Арбмана продолжила археолог Грета Арвидссон. Последние большие раскопки в Бирке вел в 1990–1995 годах Бьёрн Амброзиани. Им была исследована большая территория в районе гавани и «Черных земель». Археологи извлекли из земли тысячи предметов, были вскрыты и исследованы остатки многочисленных построек, среди которых особенный

интерес вызвала кузница.

Исследования Бирки позволили ученым во многом по-новому взглянуть и на эпоху викингов, и на историю Швеции и всей Северной Европы. Сегодня установлено, что Бирка была самым ранним в Швеции поселением городского типа. Дату его возникновения относят к рубежу VIII–IX веков, хотя люди жили на острове Бьёркё еще до того, когда здесь был основан королевский город. Резиденция конунгов – замок Ховгорден – располагалась на соседнем острове Эдельсё.

По подсчетам ученых, в IX–X веках в Бирке проживало около 1500 человек постоянного населения. Однако в летние месяцы, когда сюда со всей Балтики приходили корабли с товарами, число жителей могло увеличиваться до 8 тысяч. Среди них, помимо жителей центральной Швеции и побережья Балтики, было большое количество иноземцев – выходцев из Фрисландии, Северо-Западной Германии, Дании и других земель Северной Европы.

По значению в хозяйственной и культурной жизни раннесредневековой Северной Европы историки сравнивают Бирку с древнерусским Новгородом. Именно от стен Бирки начинался «путь из варяг в греки», в X – XII веках связывавший Швецию с Русью, Византией, Ближним Востоком и Средней Азией. В могильниках Бирки археологи находят фрагменты шелковых тканей из Китая, керамические и бронзовые сосуды из Ирана, ювелирные изделия из Византии и Древней Руси, арабские монеты и франкские изделия из стекла. Находки монет исчисляются тысячами – всего здесь найдено более 50 тысяч арабских, более 90 тысяч европейских и около 800 византийских монет. Все это указывает на широту и многообразие торговых и культурных связей Швеции того времени.

Тайна внезапной гибели Бирки до сих пор не раскрыта. Все находки, сделанные здесь, неоспоримо свидетельствуют, что после 960 года город был оставлен. Возможно, что свою роль в судьбе Бирки сыграло обмеление проливов озера Меларен, из-за чего торговые суда лишились доступа в гавань шведской столицы, и тогда было принято решение о переносе города. Другой причиной могло стать общее изменение международных торговых маршрутов: с X века всевозрастающую роль в торговле с Восточной Европой стал играть остров Готланд, конкуренцию с которым Бирка не выдержала. Наконец, в качестве третьей причины некоторые исследователи называют принятие шведскими королями христианства: возможно, именно это обстоятельство заставило их перенести столицу из Бирки, расположенной в гуще языческого населения, в Сигтуну. Как бы то

ни было, исследования Бирки продолжаются, и можно надеяться, что тайны древней столицы шведских конунгов рано или поздно будут разгаданы.

Микульчице

Страницы ранней истории славян открылись лишь в XX столетии и исключительно благодаря археологии. Как свидетельствуют археологические находки, осевшие в среднем Подунавье и долинах рек Влтавы, Лабы (Эльбы) и Моравы славяне в V–VI веках вступили в процесс быстрого социального, экономического и культурного развития. Определяющим моментом в этом процессе было соприкосновение славян с римскими провинциями Норик и Паннония.

Нападения аваров ускорили процесс формирования государственности у славянских племен Подунавья. Объединившись и опираясь на сеть укрепленных поселений-городищ, они в конце VIII века окончательно разгромили аваров. Эта победа послужила толчком для образования в 30-х годах IX века первого славянского государства – Великой Моравии, охватывавшего территорию современной Моравии, северной Австрии, западной Словакии и части Паннонии.

Великая Моравия, где правила княжеская династия Моймировичей, быстро выдвинулась на первый план европейской политической жизни IX века. На территории Великой Моравии скрещивались культурные влияния Франкской империи, Баварии, Италии, Далмации, Византии. Особенно этот процесс усилился в первой половине IX столетия, когда началась христианизация населения Моравии при участии миссионеров из различных стран.

Моравская церковная организация находилась под восточнофранкским управлением. Духовным главой Моравии считался папа Римский, а светским – император франков. Первый моравский князь Моймир I (1-я пол. IX в.) мирился с положением вассала. Но когда Великоморавское государство значительно усилилось, его правители обнаружили стремление к самостоятельности. Князь Ростислав (846–869) с помощью искусной дипломатии и военной силы сумел добиться политической независимости Великой Моравии. Но для того чтобы эта независимость стала полной, Ростислав должен был достичь самостоятельности и в области церковной. Это заставило его обратиться в 863 году за помощью к Константинополю.

Из Византии в Моравию были посланы христианские миссионеры Кирилл (Константин) и Мефодий, известные теологи и ученые из Солуни (ныне Салоники, Греция). С именем Кирилла связано создание славянской азбуки. При этом за основу славянского книжного языка был взят хорошо знакомый Кириллу староболгарский диалект, называемый сегодня церковнославянским. Это стало важнейшим событием в истории славян,

положившим начало развитию их письменности и культуры. Сегодня общепризнан вклад славянских просветителей Кирилла и Мефодия в сокровищницу общеевропейской культуры – недаром в 1979 году папа римский Иоанн Павел II объявил святых Кирилла и Мефодия небесными покровителями Европы.

При князе Святополке (870–894) Великая Моравия достигла наивысшего расцвета и могущества. Но уже в начале X века она переживает внутренний кризис. Нападения венгерских кочевых племен окончательно сломили могущество первого славянского государства. В первом десятилетии X века оно перестало существовать.

На протяжении многих лет история Великой Моравии, вклад этой страны в европейскую культуру оставались малоизвестными. В распоряжении исследователей имелись лишь весьма скудные письменные источники. И лишь в XX столетии открытия чешских и словацких археологов сделали историю, культуру и искусство Великой Моравии объектами глубокого научного изучения.

Наиболее интересным памятником великоморавской эпохи является городище «На валах» у села Микульчице (Южная Чехия).

В центре городища некогда возвышался княжеский замок, занимавший площадь в 6 га. К нему примыкали укрепленные дворы вельмож, за ними – посад со срубными домами, тянувшимися неправильными рядами. Все поселение занимало площадь около 200 га. Наличие большого числа каменных построек – одиннадцати церквей и обширного прямоугольного здания, которое можно считать княжеским дворцом, – говорит о важном значении микульчицкого поселения в Древнеморавском государстве. Скорее всего, перед нами – бывшая столица Великой Моравии, тот самый город князя Ростислава, куда в 863 году после долгого странствия прибыли великие славянские просветители и архиепископом которого был младший из солунских братьев – Мефодий.

Княжеский замок в Микульчице окружал высокий вал, облицованный камнем и состоящий из внутренних рубленых клетей, заполненных утрамбованной землей. Высота вала достигала 10 м. Подступы к нему защищались несколькими рядами частокола, рвом и руслом реки Моравы. К княжескому замку примыкали укрепления посада и дворов вельмож, окруженных каменными стенами и частоколом. Для того времени это была неприступная крепость, вызывавшая оторопь у врагов. Неслучайно баварские хроники говорят о ней как о «неизреченной крепости Ростислава».

Из одиннадцати микульчицких церквей пять находились на территории

замка и еще шесть – на посаде и при дворах вельмож. Строительная техника великоморавских зодчих свидетельствует о том, что они были опытными мастерами, прошедшими выучку в странах со сложившейся строительной традицией – скорее всего, на северо-западе Балкан, в Далмации. Прямые аналогии микульчицких памятников можно встретить в древнехорватской архитектуре.

В большинстве случаев при строительстве каменных зданий великоморавской столицы использовались плиты необработанного песчаника, который привозили с западных склонов Карпат. Камень скрепляли раствором, стены, как правило, покрывались полированной штукатуркой. Кровельный керамический материал, типа римской черепицы, древнеморавские строители обжигали сами.

Наиболее древней и самой интересной церковью великоморавской столицы является круглый храм-ротонда, стоявший на небольшом возвышении близ княжеского замка. Он был построен в самом начале IX века. От храма уцелел один лишь фундамент, но исследователи сумели реконструировать его первоначальный облик. Когда-то церковь была увенчана куполом и окружена галереей на деревянных столбах, а внутри стены были покрыты полированной штукатуркой и расписаны фресками, фрагменты которых и сейчас поражают свежестью красок. Судя по всему, это был княжеский домовый храм. А вот другой храм, обнаруженный на территории замка, несомненно, являлся кафедральным, т. е. епископским собором, и, следовательно, напрямую связан с именем Мефодия – первого христианского епископа Великой Моравии. Этот «храм № 3», как его окрестили археологи, является самой крупной культовой постройкой Великой Моравии. Сложная для своего времени архитектура, многоцветная роспись стен, расположение вблизи княжеского дворца говорят о ее важном значении в жизни Великоморавской христианской церкви. Рядом с храмом были найдены остатки постройки с колодцем-цистерной внутри – по всей вероятности, баптистерия (крещальни).

С именем Мефодия исследователи связывают и большой комплекс культовых построек, расположенный у села Сады. Раскопками здесь вскрыты остатки большого храма, построенного в форме греческого креста. Когда-то над ним возвышалась башня или большой купол. Пол храма выложен мрамором, а алтарь покрыт пелопоннесским порфиром.

К церкви примыкала обширная крытая паперть. Судя по найденным костяным и металлическим «писалам», здесь размещалась церковная школа. Все здания комплекса были покрыты декоративной черепицей, сделанной по римскому образцу в местных мастерских.

Комплекс в селе Сады не имеет аналогии в великоморавской архитектуре. Исследователи теряются в догадках по поводу его назначения: он мог быть центром крупного поместья, монастырем или даже загородной резиденцией архиепископа Мефодия! И в этой связи самые смелые догадки вызывает находка погребения, сделанного в часовне, сооруженной в последней четверти IX века в северной части храма в селе Сады. Захоронение в отдельной часовне, былая роскошь ее убранства, росписи стен – все свидетельствует о том, что здесь был похоронен какой-то выдающийся великоморавский деятель.

Если захоронение в Садах лишь косвенно может связываться с именем Мефодия, то другое погребение великоморавской эпохи археологи вполне уверенно связывают с именем первого правителя этой страны князя Моймира, умершего около 846 года. Речь идет о богатом захоронении, обнаруженном у алтарной части уже упоминавшейся княжеской церкви-ротонды в Микульчицах. В числе сделанных здесь находок – позолоченные шпоры, украшенные орнаментом в виде человеческих масок и стилизованных фигур, позолоченный наконечник с изображением человеческой фигурки с поднятыми вверх руками. В правой руке человек держит нечто вроде штандарта – знака римской императорской власти («labarum»). В широком значении этот штандарт использовался варварскими племенами за пределами Римской империи в качестве символа правителя. В левой руке – рог с елеем, которым высший священнослужитель совершал помазание на царство. Исходя из такой расшифровки изображений, чешский ученый академик И. Поулик толкует изображенный на наконечнике сюжет как изображение обряда помазания и коронации. Таким образом, он как бы документирует важное событие – восшествие на престол христианского правителя Великой Моравии. Это позволяет сделать предположение о том, что пояс принадлежал, скорее всего, первому известному моравскому князю Моймиру I.

Изделия из погребения князя Моймира – лишь часть обширного наследства великоморавских мастеров, добившихся больших успехов в создании произведений прикладного искусства, в котором воплотились художественные традиции провинциальной римской, византийской, славянской и аварской культур. Из этого сплава в первой половине IX века возникает весьма своеобразный блатницко-микульчицкий стиль. Мастерские в Микульчице и других городах Великой Моравии ориентировались прежде всего на производство дорогих украшений из золота и серебра, отличающихся большим разнообразием. Обнаруженные археологами памятники великоморавского искусства свидетельствуют, что

многое из того, что было создано мастерами этого первого славянского государства, стало образцом для соседних народов.

Две болгарские столицы

Группа кочевых тюркоязычных племен, известных под собирательным наименованием болгары, впервые появляется на страницах исторических хроник в конце V века. Болгарские племена (кутригуры, утигуры, барсилы, сарагуры, уроги (огоры), савиры, баланджары) кочевали на пространстве от нижнего Дуная до Прикаспия и Северного Кавказа. В 630-х годах часть болгар – оногуры и кутригуры – образовали государственное объединение, именуемое «Великая Болгария». Не просуществовав и тридцати лет, «Великая Болгария» пала под ударами хазар, и составлявшие ее народы рассеялись по разным направлениям. Часть болгар (барсилы, баланджары и часть кутригуров) откочевали на север, образовав здесь впоследствии государство, известное под именем Волжская Болгария (Булгария).

Предводитель оногуров Аспарух повел свой народ на запад. Так как именно болгары-оногуры стали впоследствии одним из составных элементов будущей болгарской народности, то за ними в научной литературе закрепилось название «протоболгары».

Переправившись через Дунай, Аспарух в 680 году разбил армию византийского императора Константина IV Погоната. После этого Аспарух двинулся на юг и дошел до Стара-Планины. Видимо, он заключил союз с вождями местных славянских племен и вместе с ними продолжил военные действия. В 681 году император Константин Погонат был вынужден заключить с болгарами мир, обязавшись выплачивать ежегодную дань. Тем самым было положено начало славяно-болгарскому государству, так называемому Первому Болгарскому царству (680—1018), столицей которого стал город Плиска.

Одной из главных задач правителей молодого государства на протяжении трех последующих веков было отражение ударов Византийской империи, пытавшейся уничтожить неудобного соседа, а также постепенное включение в пределы этого государства славянских племен, населявших восток и юг Балканского полуострова. В этих территориальных рамках, которые оформлялись на протяжении трех столетий и охватывали главным образом бывшие римские провинции Мезия, Фракия и Македония, сложилась болгарская народность. Процесс ее формирования был длительным. Вначале славяне и протоболгары были совершенно разными этническими группами, каждая со своим языком, культурой, религией. Однако с течением времени первоначальная отчужденность между славянами и протоболгарами стала исчезать. Основным фактором этого процесса являлось наличие общего государства, проводившего единую внутреннюю и внешнюю политику.

Весьма благоприятной предпосылкой сближения славян и протоболгар служило то обстоятельство, что в первые же годы существования славяно-болгарского государства в нем возникли и получили развитие смешанные поселения. Такой была и сама первая столица Болгарии Плиска, где жили бок о бок и славяне, и протоболгары, о чем свидетельствуют результаты археологических раскопок. Выходцы из далекого Приазовья вскоре растворились среди славянского населения, восприняли его язык и нравы, и лишь название страны – Болгария – удержало в памяти потомков воспоминание о древних победителях Византии. В 864 году болгарский царь Борис I принял крещение и Болгария вошла в круг христианских государств.

Рубеж IX–X веков стал «золотым веком» древнеболгарской культуры. Царь Симеон, которого византийцы называли императором, перенес столицу из Плиски в Преслав. В этот период в Болгарии были созданы значительные памятники философской, исторической и художественной литературы, из стен болгарских монастырей – центров средневекового

просвещения – и Преславской книжной школы вышло множество известных ученых, просветителей и писателей – Климент Охридский, Иоанн Экзарх, Пресвитер Козма и другие. Болгария стала достойным соперником Византии, захватив первенство не только в военном соперничестве, но и в сфере культуры. После смерти царя Симеона (927 г.) Первое Болгарское царство начало клониться к закату. Противостояние Византии закончилось в 1014 году кровавой битвой у Беласицы, в которой болгарские войска потерпели сокрушительное поражение. А четыре года спустя Первое Болгарское царство было ликвидировано и Болгария вошла в состав Византийской империи.

Сегодня на местах, где некогда стояли древние столицы Первого Болгарского царства, растет трава и гуляет ветер. Лишь кое-где видны раскопанные остатки древних зданий, поверженные или одиноко стоящие колонны, большие каменные блоки и прочие следы прошлого.

Руины Плиски находятся на окраине одноименного села, расположенного в 25 км к северо-востоку от города Шумен. Местность, где расположена Плиска, совершенно ровная, что, по-видимому, пришлось по вкусу протоболгарам, пришедшим из степных причерноморских равнин. Основанная в 681 году, Плиска вплоть до своей гибели являлась крупнейшим политическим и экономическим центром Первого Болгарского царства. Увы, от этой древней столицы мало что сохранилось до наших дней. В 811 году византийские войска полностью разрушили город.

Археологические исследования Плиски были начаты на рубеже XIX–XX веков. Эти раскопки финансировались Русским археологическим институтом в Константинополе и велись под руководством академика Ф.И. Успенского и чешского ученого К. Шкорпила.

Уже первые результаты раскопок подтвердили гипотезу К. Шкорпила о том, что городище близ Шумена представляет собой место, где находилась древняя болгарская столица. Город был окружен земляным валом и глубоким рвом. Восстановленный недавно фрагмент оборонительных стен из крупных каменных блоков и кирпичные городские ворота дают представление о существовавшей здесь мощной крепости. Под защитой этих оборонительных сооружений находились Большой дворец с тронным залом, Малый дворец – резиденция царя, языческие капища, а затем христианские церкви, хозяйственные постройки, цистерны для воды и т. п. Все здания были сложены из больших каменных плит. Сооружения древней Плиски по сей день поражают размахом, искусной системой водоснабжения и отопления.

Дворец в Плиске, построенный ханом Омуртагом, был двухэтажным и

занимал площадь более 1500 кв. м. Его украшали колонны и мраморные плиты. Во внешней части города размещались жилые постройки, мастерские, бани, водопровод, имелись даже пастбища для коней. Внутри шел еще один оборонительный пояс: 10-метровая зубчатая каменная стена в два с половиной метра толщиной. По ее углам возвышались многоэтажные башни. Внутренний город Плиски был застроен внушительными зданиями, здесь находилась ханская цитадель, также укрепленная мощной стеной. Из ханских покоев за пределы цитадели вел потайной подземный ход.

После крещения Болгарии в 865 году в Плиске было построено много церквей. Уже вскоре после этого события царь Борис основал в Плиске первый монастырь. В те же годы была построена самая известная из церквей Плиски – так называемая Большая базилика. Это было самое большое здание древней Болгарии и одно из самых крупных зданий Европы того времени. Судя по найденным в земле каменным деталям, базилика была богато украшена каменной резьбой и мозаиками.

При раскопках Плиски в слоях IX века обнаружены следы сильнейшего пожара. По всей вероятности, это одно из свидетельств погрома, учиненного византийским императором Никифором I Геником 21 июля 811 года.

Остатки второй древнеболгарской столицы, Великого Преслава (X – XI вв.), располагаются в 18 км к юго-западу от Шумена. Точная дата переноса столицы из Плиски в Преслав неизвестна, но в 893 году, в правление царя Симеона, он уже являлся царской резиденцией. Характер архитектуры новой столицы во многом напоминал прежнюю, но она отличалась еще большим богатством, пышностью и нарядностью. Увы, процветание города оказалось недолгим. В 972 году он был захвачен и полностью разрушен войсками византийского императора Иоанна Цимисхия.

На месте второй столицы Первого Болгарского царства сегодня ведутся археологические раскопки. Остатки средневекового Преслава в значительной мере освобождены от грунта, и перед взорами многочисленных экскурсантов предстают частично восстановленные фрагменты каменных стен, ворот, некогда великолепных дворцов. В одном месте можно увидеть даже развалины древнего крытого водопровода.

Интереснейшая достопримечательность Преслава – Круглая или Золотая церковь (X век). Еще в Средневековье она была названа Золотой, так как купол ее снаружи был позолочен, а внутри его украшала глазурованная керамика на золотом фоне. По мнению специалистов, это

была самая выдающаяся с архитектурной точки зрения постройка Великого Преслава.

Золотая церковь в Преславе занимает особое место не только в истории древней архитектуры Болгарии, но и в истории восточнохристианской архитектуры в целом. План этой церкви необычен: он состоит из круглой ротонды с внутренними столбами (схожие памятники известны в Закавказье). К нему примыкает притвор с двумя круглыми помещениями по бокам (по-видимому, башнями), а ко всему этому с фасада примыкает обширный четырехугольный двор – атриум. Интерьер храма был исключительно богато украшен каменной резьбой, рельефами, мозаиками и керамическими панно. В убранстве церкви широко применялись драгоценные металлы и цветные камни. Золотом сверкал купол церкви, золотом переливались драгоценные мозаики, украшавшие стены.

Как и все постройки Преслава, Золотая церковь дошла до нас в руинах. Сегодня на месте храма, на фоне яркого синего неба и зеленых гор, белеют только несколько извлеченных из земли мраморных колонн, некогда украшавших это удивительное сооружение (когда-то этих колонн было двенадцать). Фрагменты этого, а также других монументальных зданий Преслава, остатки их роскошного декоративного убранства хранятся в Археологическом музее, расположенном тут же, на территории древней болгарской столицы. Здесь же представлены украшения, монеты и сосуды той эпохи.

Средневековые письменные источники свидетельствуют о том, что работы преславских мастеров пользовались известностью далеко за пределами Болгарии. Великолепные произведения преславских ювелиров были обнаружены в так называемом Преславском кладе, найденном в 3 км от бывшей болгарской столицы. Клад представляет собой набор драгоценных золотых женских украшений с разноцветными эмалями, изумрудами, рубинами, жемчугом, аметистами и горным хрусталем. По всей видимости, это фамильное сокровище было укрыто знатной болгаркой во время нашествия византийцев в 971 году. Об этом свидетельствуют найденные в кладе 15 серебряных византийских монет, датируемые 945–969 годами.

В 7 км к югу от Преслава находится живописная местность Патлейна. В 1909 году археолог-любитель Йордан Господинов с группой учеников произвел здесь археологические раскопки, в результате которых был открыт монастырь Св. Пантелеймона – один из важнейших культурных центров Первого Болгарского царства. В его руинах были обнаружены

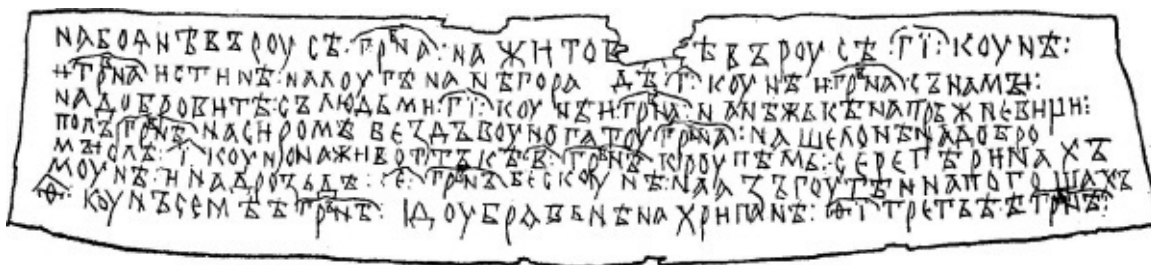
ценнейшие образцы глазурированной керамики, в том числе знаменитая керамическая икона Св. Федора Стратилата из Патлейны (IX – X вв.). Ее отличает суровая и строгая духовная сила образа. Ныне эта икона хранится в Археологическом музее Преслава.

Десять веков Новгорода

Новгород – явление уникальное. Этот город на протяжении многих веков являлся крупнейшим торговым центром Восточной Европы, осуществлявшим связи с городами Скандинавии и Германии, Причерноморьем и с мусульманскими центрами Востока. Здесь возникла особая система политического устройства, республиканская по своей сущности. Новгород счастливо избежал татаро-монгольского нашествия, и процессы его развития не были деформированы катастрофическим разрушением, обратившим в пепелища крупнейшие города Руси.

Первые археологические исследования в Новгороде связаны с именем епископа Евгения Болховитинова, известного любителя древностей. Прибыв в Новгород в 1804 году, он сперва занимался изучением городских архивов, а потом принялся за археологию. Масштабные археологические раскопки начались в Новгороде на рубеже 1920—1930-х годов. В 1929 году В.А. Арциховский провел разведывательные раскопки на Городище – урочище в двух километрах выше Новгорода по Волхову, где некогда жили новгородские князья. Тремя годами позднее Арциховский вместе с М.И. Каргером приступили к исследованиям Славенского холма. В том же году в другом районе Новгорода, на территории древнего Наревского конца, С.М. Смирнов и Б.К. Мантейфель обнаружили восемнадцать лежащих один поверх другого деревянных настилов древних мостовых. В 1938, 1939 и 1940 годах А.А. Строков вел раскопки в южной части новгородского кремля. Ему удалось обнаружить остатки улицы и на ней, один над другим – пятнадцать слоев былых мостовых. Большая часть найденных здесь вещей относилась к XVI–XVIII векам.

В 1951 году, после перерыва, вызванного войной, раскопки в Новгороде были возобновлены. Послевоенные исследования Новгорода связаны с именами В.А. Арциховского, М.И. Каргера, В.Л. Янина, В.В. Седова и других известных ученых-археологов. Несмотря на более чем полувековые исследования, пока изучено всего лишь чуть более 1 % территории древнего города. Изучение древнейшей истории Новгорода показало, что слоев VIII и IX веков здесь нет, вопреки ожиданиям ряда ученых. Слои X века мощны и дали много ценных находок. Однако более поздние слои, начиная с XII века, еще интереснее.

С археологической точки зрения Новгород уникален. Благодаря особенностям почвы здесь хорошо сохраняются предметы, изготовленные из органических материалов, – деревянные, костяные, кожаные, а также ткани, зерно. Металлические же предметы покрываются тонким слоем коррозии, предохраняющим их от дальнейшего разрушения. По остаткам нижних ярусов бревенчатых домов и уличных мостовых исследователи могут вычислить даты их рубки с погрешностью до одного года. Таким образом, любой новгородский дом, любая мостовая датируются с максимальной точностью.

Новгороду повезло и в другом отношении. На протяжении многих столетий из-за повышенной влажности почвы жители города не делали под домами фундаментов, избегали рыть погреба и хозяйственные ямы. В больших масштабах каменное строительство здесь началось только во второй половине XVIII века. В результате наиболее важные для археологов комплексы древних жилых строений оказались внутри современных кварталов, оставшись практически потревоженными. Все эти особенности превратили археологический Новгород в уникальный источник по истории Средневековья.

Судя по всему, город образовался не из одного древнейшего центра, а из трех изолированными друг от друга поселков, причем населенных разноязыкими народами, называемыми в русских хрониках «славяне, кривичи и чудь». В позднейшие времена названия этих поселков сохранились в названиях новгородских административных районов – «концов».

Славенский конец носил и другие названия – Холм, или Славенский холм. Скандинавы называли Новгород Холмгардом – «Холм-город». Вероятно, это было самоназванием поселка, населенного славянами. Неревский конец сохранил в своем названии имя финно-угорского («чудского») племени неревы, или наровы. Главной же улицей Людина конца была Прусская. Ее название, судя по всему, связано с сохранившимися в летописных записях легендами о происхождении Новгорода, в которых рассказывается о приходе части новгородцев с

территории Пруссии. Археологически это движение кривичей – балтского народа, родственного пруссам и литовцам, – на северо-запад хорошо прослеживается по памятникам так называемой культуры длинных курганов.

Таким образом, Новгород – «Новый город» – возник, по-видимому, как межплеменной центр трех разных народов, заключивших между собой политический союз. К моменту призвания варяжского князя Рюрика эта конфедерация племен уже существовала и располагала общим центром – кремлем. Подобная конфедеративная система в дальнейшем сказалась на всей жизни средневекового Новгорода.

Эти и многие другие подробности жизни древнего Новгорода стали известны ученым благодаря археологическим раскопкам. Раскопки позволили обнаружить и совершенно новый, неизвестный дотоле исторический источник. Речь идет о знаменитых берестяных грамотах (вслед за Новгородом берестяные грамоты были найдены в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславле, Твери). Известный археолог, многолетний руководитель раскопок в Новгороде В.Л. Янин писал, что благодаря берестяным грамотам впервые слились воедино два мира, которые до тех пор лишь соприкасались друг с другом: мир летописных событий русской средневековой истории и мир вещественных, археологических источников. Грамоты позволили по-новому взглянуть на многие стороны средневековой истории и культуры Новгорода, осветив самые потаенные их уголки, заглянуть в которые еще недавно казалось абсолютно нереальным.

Первая грамота была найдена 26 июля 1951 года. Но то, что в этот день было сделано одно из величайших археологических открытий, ученые поняли лишь позднее, когда в их руки стали попадать все новые и новые берестяные грамоты, проливающие свет на многие темные места в истории Новгорода и содержащие множество бесценных сведений о письменности, языке, быте, хозяйстве, личных взаимоотношениях новгородцев. Сегодня таких документов известно более шести сотен.

Древнейшая берестяная грамота датируется первой половиной XI века, однако орудия письма на бересте встречены в слоях 953–989 годов. Большую часть берестяных документов составляют письма – преимущественно от крестьян или сельских управляющих их господам. Поскольку большинство берестяных грамот были найдены, как правило, там, где жили их адресаты, у археологов появилась возможность определять принадлежность исследуемых усадеб конкретным лицам. Среди них есть и немало таких, кто прежде был известен из древних актов

и хроник. Между тем изучение городских усадеб средневекового Новгорода, начавшееся в 1951 году, сегодня стало одним из важнейших достижений археологии.

В пределах Неревского конца ученые раскопали несколько крупных боярских усадеб, располагавшихся вдоль Великой улицы. Это была главная магистраль Неревского конца, от которой брала начало торговая дорога, ведущая к Балтике. Усадьбы Великой улицы велики по размерам – площадь каждой из них достигает 1200–1500 кв. м – и отличаются высокой стабильностью: их территории практически не менялись с X по XV век. В состав каждого такого комплекса входил большой двух– или трехэтажный господский дом, дома для челяди, хозяйственные постройки и почти всегда – какая-нибудь ремесленная мастерская. Благодаря находкам берестяных грамот ученым удалось определить конкретную принадлежность усадеб на раскопанном участке. Одна из них принадлежала знаменитой боярской семье Варфоломеевичей, из которой вышли крупнейшие политические деятели Новгорода XIII–XV веков.: посадник Варфоломей Юрьевич, его сын посадник Лука, его знаменитый внук посадник Онцифор Лукич, крупный дипломат, военачальник и градостроитель посадник Юрий Онцифорович, а затем его сын Михаил и внуки Андреян и Никита. В состав этого боярского «гнезда» входили и располагавшиеся поблизости усадьбы посадника Александра Самсоновича (XV в.) и знаменитой Марфы Борецкой (Марфы-посадницы), также являвшихся членами обширного клана Варфоломеевичей.

На Славенском конце, на древней Нутной улице, археологи раскопали усадьбу другого крупного боярского рода – Офонасовых. Здесь были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки каменного терема с мощными стенами и плиточным полом. Постройки гражданской каменной архитектуры для Новгорода чрезвычайно редки. За все время раскопок они встретились археологам всего лишь три раза. Открытие терема Офонасовых позволило историкам архитектуры, по существу, впервые познакомиться со строительными приемами средневековой гражданской архитектуры.

Боярские «гнезда» существовали во всех районах-концах древнего Новгорода. Пространство между ними заполняли дома простых горожан – торговцев и ремесленников. Строили свои дома новгородцы прочно, крепко, нередко украшая их резьбой. Дома обычно были двухэтажные: жилой верх и холодный низ, где хранились хозяйственные запасы, имущество, различная утварь. Судя по остаткам печей, нижние этажи тоже иногда отапливались.

При раскопках Новгорода археологи обнаружили около 150 ремесленных мастерских XI–XV веков. Ни в одном другом средневековом городе не было найдено ничего подобного! В их числе – мастерские кожевников, ювелиров, литейщиков, токарей, косторезов, бондарей, сапожников, пивоваров, ткачей, красильщиков, хлебников, пряничников и т. д. Было обнаружено огромное количество инструментов и самой разнообразной ремесленной продукции – железные, деревянные и стеклянные изделия, ткани, перстни, накладки, поясные наборы, гребни, бритвы, весы, шахматные фигурки, кожаные мячи для игры в лапту и даже кожаная маска с прорезями для глаз. В Новгороде собрана самая большая коллекция средневековых музыкальных инструментов, в которую входят гусли и гудки, свирели и варганы. Всего же за первые 50 лет археологических исследований в Новгороде было собрано более 125 тысяч индивидуальных находок (в это число не входят обломки керамических сосудов, исчисляющиеся сотнями тысяч).

Как теперь выясняется, Новгород, подобно многим другим крупным средневековым городам, являлся прежде всего городом ремесленников, крупнейшим центром ремесленного производства на северо-востоке Европы. Новгород имел и выдающееся значение в системе международных торговых связей Запада и Востока. Главным предметом новгородского импорта являлось сырье для местных ремесленных производств – золото, серебро, медь, свинец, олово. В свою очередь, Новгород экспортировал пушнину, моржовую кость, мед, воск, кожи, рыбу. При этом главным направлением его торговли было западное. Начало торговых связей Новгорода с западноевропейскими странами относится к X–XI векам. Начиная с рубежа XI–XII веков, Новгород был уже теснейшим образом связан с Западной Европой. В это время в городе появилась первая торговая фактория западноевропейских торговцев – Готский двор. Постоянными гостями Новгорода были немецкие купцы из северогерманских городов, в первую очередь из Любека, которые основали в Новгороде Немецкий двор. После образования Ганзейского союза, членом которого был Новгород, Готский и Немецкий дворы были объединены под общим управлением.

Одной из интереснейших находок в Новгороде стала исследованная в 1977–1982 годах мастерская священника-иконописца Олисея Гречина, имя которого встречается и на страницах летописей. В самой постройке и вблизи нее были найдены остатки красок и минералов, из которых изготавливались краски, специальные керамические чашечки, служившие для разведения красок. Здесь же были найдены дощечки-заготовки для небольших иконок, обломки чеканных окладов для икон, обрывки золотой,

серебряной и бронзовой фольги, а также глиняные горшки со спекшимся янтарем. Из старых рецептов известно, что янтарь был составной частью специального лака для покрытия икон. О том, что хозяином мастерской был именно Олисей Гречин свидетельствуют находки адресованных ему берестяных грамот.

Открытие усадьбы Олисея Гречина – бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, которое, по существу, было безымянным. Кроме Феофана Грека, Андрея Рублева, Прохора с Городца и еще двух-трех имен мы не знаем никого из средневековых живописцев, поэтому каждое новое имя – настоящая сенсация. По предположению В.Л. Янина, Олисей Гречин, мог быть одним из мастеров, расписывавших в конце XII века знаменитую церковь Спаса на Нередице.

Раскопки Новгорода продолжаются до сих пор, и, по самым скромным оценкам, археологам хватит здесь работы еще лет на двести. Каждый раскопочный сезон приносит новые открытия, так что можно с уверенностью предположить, что Новгород преподнесет науке еще немало сюрпризов.

Гнездово, скандинавский город на Днепре

В 12 км к западу от Смоленска, на правом берегу Днепра, расположена деревня Гнездово. Сегодня ее название известно археологам не только нашей страны, но и многих других стран. На протяжении уже более чем ста лет здесь ведутся раскопки, проливающие свет на интереснейшие страницы истории раннесредневековой Восточной Европы.

Исследования Гнездова начались еще в 1880-х годах. В разное время здесь работали известные археологи В.И. Сизов, А.А. Спицын, Е.Н. Клетнова. После Великой Отечественной войны раскопки в Гнездове вели Д.А. Авдусин, И.И. Ляпушкин и другие исследователи.

Судя по находкам грубой лепной керамики, люди жили здесь еще в середине I тысячелетия до н. э. Около 900 года н. э. на невысоком мысу при впадении в Днепр ручья Свинец возникает поселение, окруженное валом и рвом. Площадь городища невелика – всего около 1 га. По обоим берегам ручья расположены остатки неукрепленного селища большой площади – около 20 га. Рядом с поселением расположено огромное курганное кладбище IX–X веков, состоящее из 10 групп. Некогда здесь насчитывалось до 4000 курганов, сейчас – около 3000, и тем не менее Гнездовский комплекс по-прежнему является крупнейшим курганным могильником в мире. Его площадь составляет 37,5 га.

Что за люди оставили эти курганы? «Повесть временных лет» называет обитателями этих мест кривичей, «сидящих на верх Днепра, верх Волги и чей град был Смоленск». Долгое время никто не сомневался в том, что кривичи – восточнославянское племя (вернее, союз племен). Но когда с развитием археологии встал вопрос об археологических следах кривичей, сразу появилось множество вопросов, на которые даются нередко взаимоисключающие ответы. Археологическими памятниками кривичей все ученые единодушно считают так называемые «длинные курганы». Область их распространения в основном совпадает с очерченным летописцем ареалом обитания кривичей. Наиболее древние курганы подобного рода появились в VI веке у Чудского озера и по реке Великой. Позднее выяснилось, что «длинные курганы» имеются также в верховьях Двины и Днепра. Людей, погребенных в таких курганах, первые исследователи считали славянами. Но известный ученый, классик русской археологии А.А. Спицын (1858–1931) на основе анализа найденных в «длинных курганах» вещей отнес их к балтам, а точнее – к литовцам. В наши дни гипотеза о том, что кривичи являлись балтским племенем, родственным современным латышам и литовцам, получила ряд новых подтверждений. Некоторые историки считают само название «кривичи»

происходящим от имени балтского бога Креве (Криве).

Таким образом, коренным населением Смоленского Поднепровья были балты. Однако на последнем этапе своего развития смоленские кривичи испытали сильнейшее влияние славян. В IX – X веках в Верхнее Поднепровье устремился поток славянского населения, принесшего сюда обряд погребения в круглых курганах, сменивших длинные курганы восточных балтов. Византийский историк Константин Багрянородный (сер. X в.) называет кривичей уже данниками киевских правителей.

В X столетии в Гнездове появились скандинавы-варяги. Судя по археологическому материалу, они пришли сюда не прямо из Скандинавии, а из Приладожья. «Варяжские погребения в Гнездове определяются норманнскими особенностями погребального обряда (захоронения в лодках, возложение железной гривны на урну), следами специфически скандинавского костюма, вещами скандинавских типов в сочетании с другими признаками»^[11]. Не менее трети гнездовских курганов насыпаны над погребениями скандинавов. Впрочем, скандинавских могил в Гнездове, вероятно, намного больше, так как многие из погребений, особенно мужских, этнически неопределимы.

Прилив населения вызвал интенсивный рост территории Гнездова. В сравнительно короткий срок площадь поселения увеличивается не менее чем втрое. На основании археологического материала ученые относят это событие к середине X века – к тому времени, когда начал интенсивно эксплуатироваться путь «из варяг в греки». Именно тогда на Гнездовском городище появляются первые укрепления, именно тогда была насыпана основная масса здешних курганов.

Вероятнее всего, возникновение Гнездова было напрямую связано с функцией контроля за днепровским торговым путем – осевшая здесь варяжская дружина занималась сбором дани с проходящих купеческих караванов. В то же время лодки, шедшие по волокам, надо было ремонтировать, нужно было чинить и обновлять одежду и обувь путешественников, пополнять запасы вооружения. Этим объясняется большое количество ремесленников в Гнездове. Находки сельскохозяйственных орудий здесь крайне редки, зато обнаружены археологические материалы, свидетельствующие о существовании здесь кузнечного, слесарного, ювелирного, стеклоделательного, керамического производств. Есть данные о ткачестве, обработке кости, изготовлении ладей.

Об интенсивности движения по торговому пути, пролегавшему через Гнездово, свидетельствуют находки тысяч арабских монет-дирхемов, в X–

XI веках являвшихся главным инструментом денежного обращения в Восточной Европе. Одних только кладов с дирхемами в Гнездове обнаружено семь, причем в одном кладе насчитывалось 800 дирхемов. Наряду с арабскими при раскопках Гнездова попадаются и византийские монеты. Здесь найдено огромное количество предметов как местного, так и импортного происхождения – трудно даже перечислить все их категории. Это ключи, замки, деревянные ведра, ножи, напильники, пробойники, молотки, кресала для высекания огня, гребни, пуговицы, швейные иголки, пряслица – грузики для веретена, карманные весы, костяные и стеклянные шашки, металлические оковки, украшавшие кубки из рогов животных. К числу «самых-самых» принадлежат самая древняя бритва, найденная на территории Восточной Европы, и самая древняя надпись, сделанная кириллицей. В начале X столетия ее процарапал на поверхности привезенной из Причерноморья амфоры какой-то купец. Академик М.Н. Тихомиров прочитал эту надпись как «гороухща». Такого слова в славянских языках нет, поэтому другой исследователь, П.Я. Черных, попытался перетолковать надпись как «горушна», что означает «горчица». Позднее появились и другие чтения, но ни одно из них нельзя считать доказанным.

Обилие скандинавских предметов в гнездовских курганах позволило исследователям предположить, что именно скандинавы-варяги являлись господствующей прослойкой в Гнездове. Во всяком случае, большинство предметов скандинавского происхождения, найденных в гнездовских курганах, свидетельствуют о принадлежности погребенных к самому высокому классу. В их могилах найден самый богатый инвентарь, в том числе дорогие «франкские» мечи (всего их обнаружено семнадцать), обычные для раннесредневековой Европы: длина – около 1 м, лезвие обоюдоострое, широкое, рукоять часто украшена инкрустацией из серебряных нитей. Скандинавское происхождение имеют и найденные в Гнездове наконечники копий. Один из них, сделанный из высококачественной дамасской стали, просто огромен: его длина составляет почти полметра! Наконечники этого типа изготавливались в Скандинавии в IX – начале X века.

Большая часть найденных в гнездовских курганах наконечников стрел имеет славянскую ромбовидную форму, меньшая – ланцетовидную скандинавскую. Но этот факт мало о чем говорит: варягам, находящимся в гуще славянского населения, ничто не мешало пользоваться массовой продукцией местных ремесленников. Распространенным видом оружия были боевые топоры – в Гнездове их найдено более двадцати.

Оборонительные доспехи главным образом предстают в виде обрывков кольчужного плетения. Шлемов найдено только два, а что касается щитов, то они были деревянными, и от них, как правило, после пребывания в земле остается только выпуклая железная бляха – умбон, располагавшаяся в центре щита.

Особое место среди находок в Гнездовских курганах занимают многочисленные украшения женщин-скандинавок. Это прежде всего золоченые бронзовые застёжки-фибулы. По форме они напоминают скорлупку яйца, поэтому их называют скорлуповидными. Эти фибулы, украшенные характерным скандинавским орнаментом, являлись частью племенного наряда. Их датировка хорошо разработана по аналогичным находкам в Бирке (Швеция). Экземпляры, найденные в Гнездове, в основном относятся ко 2-й половине X века.

Типичное скандинавское мужское украшение – железные гривны с молоточками Тора. Этот предмет был связан с языческой религией скандинавов и датируется X – началом XI века. Подобные гривны хорошо известны археологам по находкам в шведских раннесредневековых погребениях. В Гнездове обнаружено около трети всех найденных на территории Восточной Европы скандинавских языческих амулетов.

Наличие такого широкого круга скандинавских памятников IX–X веков в гнездовских курганах показывает, что в эту эпоху норманны не только проникали в среднее течение Днепра, но и селились здесь, не чуждаясь при этом местных влияний. В целом же Гнездовское поселение значительно отличается от древнерусских городов X – XI вв. как по планировке, так и по формам социальной организации. Советские исследователи В.А. Булкин и Г.С. Лебедев в своей статье «Гнездово и Бирка»^[12] приходят к выводу, что ближайшими аналогами Гнездова являются поселения Бирка в Швеции, Скирингссаль в Норвегии и Хедебю в Дании. Появление такого рода поселений обусловлено своеобразием торговли IX – XI веков. Подобные центры, как правило, возникали на оживленных перекрестках торговых путей и именовались в Северной Европе «виками».

Несмотря на то что характер Гнездовского поселения близок многим поселениям Скандинавии, абсолютное большинство керамики, найденной в Гнездове, свидетельствует о том, что она сделана местными мастерами. Это типичная славянская посуда. Некоторые образцы керамики указывают на связи с юго-западом, откуда, вероятно, пришла часть гнездовских славян. Некоторые сосуды (их насчитываются единицы) были привезены из Причерноморья. В то же время в раскопанных курганах обнаружены

погребения балтов и женщины-финки с Верхнего Поволжья.

Проблема интерпретации гнездовских находок на протяжении многих лет оставалась камнем преткновения для исследователей. Большую негативную роль в разрешении загадок Гнездова сыграло целиком надуманное противостояние концепций «норманизма-антинорманизма», пришедшее в науку из политики и собственно к науке никакого отношения не имеющее. По поводу роли скандинавов в истории Древней Руси русский историк Н.А. Полевой еще в 1829 году написал следующее: «Будучи рассеяны в малом числе, принуждены обращаться и жить со славянами, имея грубые и нетвердые понятия обо всем, кроме понятия о свободе и корысти, варяги, скорее всего, утратили свои народные отличительные черты: религию, язык и обычаи». Этот вывод до сих пор никем не опровергнут, и даже с сегодняшних позиций, хорошо зная круг скандинавских источников, касающихся деятельности скандинавов на Руси, можно сказать, что данная Н.А. Полевым характеристика, при всей своей некоторой упрощенности, очень метко отражает суть дела в этом вопросе. Гнездовские находки, по существу, являются лишь ярким подтверждением выводов Н.А. Полевого. Археолог Т.А. Пушкина, работавшая в Гнездове, пишет, что первоначально гнездовский поселок населяли балты и скандинавы, которые к концу X столетия были ассимилированы славянами^[13].

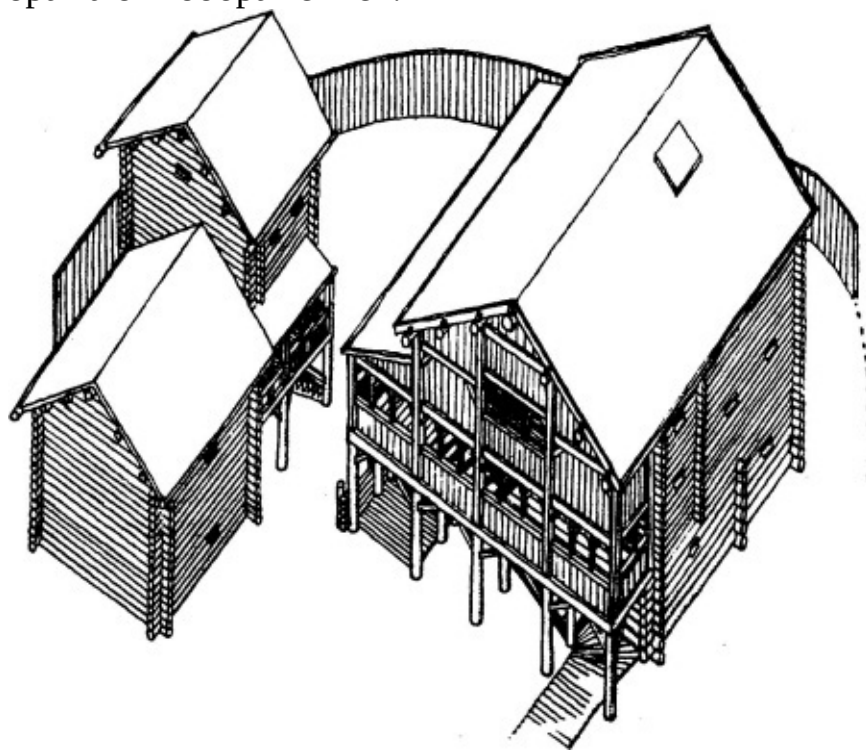
А вот другая загадка Гнездова пока представляется еще далекой от разрешения. Напомним, что всего в 12 км от этого крупного поселения IX–X веков располагается Смоленск, в эпоху раннего Средневековья – один из крупнейших городов Древней Руси. Летописцы ставят его в один ряд с Новгородом и Киевом. Но в то же время ни одна летопись ни при каких обстоятельствах не упоминает о Гнездове, а точнее – о том крупном городе, существовавшем на месте Гнездова на протяжении полутора столетий бок о бок со Смоленском. Почему?

Проблему исторического соотношения Гнездова и Смоленска разные исследователи пытались разрешить по-разному. Уже упоминавшийся А.А. Спицын считал Гнездово местом первоначального Смоленска, откуда город был перенесен на нынешнее место. Крупнейший дореволюционный исследователь Гнездова В.И. Сизов предполагал, что оба города существовали параллельно, при этом Смоленск играл роль административного центра, а Гнездово – торгово-ремесленного. Местный краевед К. Богуславский высказывал мнение, что Гнездово – это кладбище древнего Смоленска. Весьма любопытно и то обстоятельство, что при раскопках в самом Смоленске не найдено никаких слоев IX – X веков –

только слои XI века и старше. Неизвестно даже, существовала ли в Смоленске древнейшая княжеская цитадель-детинец, и если да, то где она находилась. Здесь нет никаких остатков древних укреплений (не считая каменного кремля конца XVI в.). Предположения о том, что древнейшее ядро Смоленска располагалось на Соборной горе, опровергнуто как раскопками, так и сообщениями письменных источников, согласно которым в XII веке здесь располагался капустный огород. А между тем в Гнездове наблюдается совершенно обратная картина: здесь есть и детинец, и огромный курганный могильник IX–X веков, но нет слоев старше XI века! Так может быть, действительно Гнездово – это и есть древний Смоленск, в начале XI века перенесенный на нынешнее место? Или все же параллельно существовало два соперничающих городских центра, в споре которых победил Смоленск? Окончательного ответа пока нет. Исследования продолжаются...

Подол в древнем Киеве

«За высоким деревянным забором, где еще совсем недавно был живописный зеленый сквер, раскинулась строительная площадка метростроевцев. Несколько летних месяцев 1972 года ежедневно, с раннего утра и до позднего вечера, сюда нескончаемым потоком шли люди. Это были и крупные экскурсионные группы, и туристы из других городов, и просто прохожие. Видимо, со времен знаменитых подольских контрактных ярмарок здесь не было такого скопления людей. Что же привлекло их внимание? Что заставило людей, позабыв про неотложные дела, часами простаивать у ограждения глубокого метростроевского котлована? Археология. Здесь, на глубине 10–12 м, обнаружены уникальные объекты: срубные жилые и хозяйственные постройки, деревянные сваи, заборы, тротуары, изделия из дерева, березовой коры, глины, черных и цветных металлов, стекла. Датируются они X в. За весь период археологического изучения Киева подобные историко-культурные памятники обнаружены впервые. Их сохранность, а также глубина залегания поражают воображение».

Так известный археолог П.П. Толочко в своей книге «Древний Киев»

описывает обстоятельства открытия «Киевских Помпей» – Подола, древнего киевского торгово-ремесленного посада.

Расположенный между Киевскими горами и Днепром, Подол, он же Нижний город, населенный ремесленниками и торговцами, еще в раннюю эпоху истории Киева играл важную роль в экономической и социально-политической жизни города. Первое упоминание о Подоле в летописи относится к 945 году. Здесь, в устье реки Почайны, существовала речная гавань, принимавшая шедшие по Днепру торговые флотилии. Здесь еще за полвека до принятия Русью христианства существовал первый христианский храм Киева – Ильинская церковь. Значительное место занимал Подол в истории Киева и в последующие века.

Долгие годы знания ученых о древнем Подоле ограничивались лишь летописными свидетельствами. Археологически этот район не мог быть исследован из-за плотной городской застройки и большой мощности культурных напластований, достигающих 10–12 и более метров. Осуществить раскопки на такую глубину чрезвычайно сложно. Из-за нехватки достоверных данных историки были вынуждены довольствоваться лишь предположениями. Подтвердить же или опровергнуть эти гипотезы могли только раскопки. Такая возможность появилась у археологов только в 1971 году, в связи с началом сооружения второй очереди киевского метрополитена.

Уже первый этап работ принес важное открытие: в шурфах, заложенных на Красной и Почтовой площадях, ученым удалось зафиксировать разрез культурных напластований, уходящих на глубину до 12–14 метров. Характерная лепная керамика, обнаруженная в самых нижних отложениях, неоспоримо свидетельствовала о том, что и Верхний, княжеский город, и посадский Подол возникли практически одновременно. При этом заселение Подола началось задолго до первого упоминания о нем в летописях.

«...Все глубже становился шурф, – писал участник раскопок киевский археолог К.Н. Гупало. – Мы старались не отстать от быстрых темпов проходки, фиксировали каждый из пройденных слоев. Иногда удавалось даже “покопаться” в стенке шурфа, еще не зашитой досками. Приблизительно до отметки 2 м от уровня современной дневной поверхности (собственно говоря, от асфальта) шел однородный темного, почти черного цвета грунт. Этот культурный слой образовался за последние четыре столетия жизнедеятельности подолян (в XVII–XX вв.). В нижних горизонтах слоя попадались отдельные черепки древнерусского времени. Первый “чистый” слой XII–XIII вв. был зафиксирован на глубине 2,5 м. От

верхних, более поздних он отделялся прослойкой песка. Такая же песчаная прослойка находилась и под культурным слоем.

Эта характерная особенность подольской стратиграфии – чередование культурных слоев со слоями песка – была уже известна по предыдущим исследованиям. О ней писали еще историки XIX в.

На глубине около 4 м ниже очередного культурного слоя снова пошел песок. Прошли метр, два, три – песок не заканчивался. Неужели материк? И ниже ничего нет!

Несколько фрагментов керамики, добытых при проходке последнего слоя, позволяли предварительно датировать его XI–XII вв. А где же слои более древние? И будут ли они вообще? Возможно, этот мощный слой песка был оставлен наводнением 945 году и прав был летописец, утверждавший, что на Подоле “не сядяху людье”?

Пока мы рассуждали, песок окончился. Толщина песчаного намыва 3,5 м. Под ним новый культурный слой. Время его – тоже XI в. Но как разительно отличается он от вышележащего! Влажный на ощупь, с остатками щепы, обрезков и обломков деревянных предметов и... лесными орехами. Глубина около 7,5 м. Под культурным слоем – снова песок. И вдруг на светлом фоне – какое-то темное пятно. Попросили приостановить проходку.

Буквально по сантиметрам снимаем песок. Работаем по очереди (размеры шурфа 2 × 1,5 м, двоим негде развернуться). Темное пятно сужается, его контуры приобретают прямоугольные очертания. Показалась толстая доска. Под углом к ней еще две. Погребение! Мы расчищаем крышку гроба. Сомнений уже нет. От первоначального плана поднять захоронение наверх монолитом пришлось отказаться – не позволяли размеры шурфа. Наконец, расчистка закончена. Находка описана, зарисована.

Яркая вспышка фотоаппарата на миг освещает сумрак колодца. Все. Это действительно была большая удача. Будь шурф заложен на метр-два в сторону, этого открытия не произошло бы. Кости скелета, за исключением черепа, почти истлели. Погребение ориентировано головой на северо-запад. На шее покойной – девочки 5–6 лет – было ожерелье из цветных стеклянных и пастовых бус.

Собственно гроб представлял собой деревянную долбленную колоду. Крышка гроба имела четыре ручки. Погребение было “опущено” с уровня вышележащего культурного слоя. Глубина могилы составляла всего около метра.

Ниже слоя песка, в котором было найдено погребение, снова пошел

культурный слой. Последний из таких слоев зафиксирован на отметке 10,20 (глубже проходка шурфа не велась из-за сильного притока воды). Кроме фрагментов керамики в этом слое впервые найдены деревянные изделия: несколько поплавков для рыболовных сетей и деревянная уключина. Так впервые в 1971 году мы заглянули в окно, нет, скорее в щель, прорубленную сквозь пласты веков. Конечно, тогда далеко не все можно было разглядеть в полутемной глубине шурфа. Многие детали ускользали от взгляда исследователей. Но главное было ясно. Мы стояли на пороге открытий».

Четкое чередование темных и светлых слоев на разрезе (темные слои – результат жизни и деятельности человека, светлые – песок) говорило о том, что в существовании Подола были неоднократные перерывы из-за разливов Днепра. Керамика X – начала XI века, залегающая на глубине 8–9 м от современной поверхности, подтверждает выводы геологов о том, что именно в этот период в районе Киева наводнения происходили особенно часто. Периодические разливы вынуждали древних подолян покидать обжитые места, подниматься выше, надстраивать или перестраивать свои усадьбы. И чем больше песчаные наносы, тем сохраннее оказываются археологические объекты, погребенные под ними. Поэтому при раскопках вполне можно было ожидать находок отдельных полусгнивших бревен, следов построек. Но то, что предстало перед глазами исследователей, превзошло все ожидания.

В раскопе на Красной площади исследователи обнаружили 13 срубных сооружений, залегающих на разных уровнях. Пять из них составляли единый жилищно-хозяйственный комплекс X века – усадьбу. Она была окружена деревянным забором, состоящим из дубовых досок шириной до 20 см. Четыре сруба располагались по периметру усадьбы, пятый – видимо, более ранний – несколько выпадал из общего плана. Сохранность срубов, сложенных из сосновых бревен, была поразительной: возвышаясь над землей на шесть – десять венцов, они походили не на строения тысячелетней давности, а на начатые и незавершенные постройки наших дней. За десять веков они даже не потемнели! Такого не знала даже богатая на деревянные находки археология Новгорода.

Как же могли так хорошо сохраниться постройки, сделанные из дерева – недолговечного и подверженного разрушению материала? Дело в том, что они оказались как бы загерметизированными многослойной песчаной подушкой. Это случилось во время одного из наводнений сотни лет тому назад.

В юго-западной части усадьбы находился жилой дом, выделявшийся

среди остальных сооружений большими размерами и толщиной стен. Он был срублен из сосновых бревен длиной более 6 м и диаметром 20–25 см. Между венцами сохранилась прокладка из мха. Примерно половину помещения занимал пол, настеленный из широких колотых досок, в другой половине лежали остатки рухнувшего перекрытия. Прямоугольный проем (80 × 90 см) вел на чердак (или второй этаж). Северный угол дома занимала печь.

Как оказалось, этот дом сооружался дважды: под ним был обнаружен еще один сруб, имевший аналогичную планировку, но превосходящий верхний размерами (7,3 × 7,8 м). Он сохранился на высоту четырех венцов. Особой прочностью отличались фундаменты – под южной стеной было уложено толстое (около 40 см в диаметре) дубовое бревно, однако предохранить сруб от разрушения оно не смогло. Именно в этом месте произошла значительная (до 60 см) просадка дома, вынудившая его хозяев перестраиваться. При этом неразобранные нижние венцы старого дома послужили новому своеобразным фундаментом.

Дендрохронологический анализ срубов показал, что эти постройки относятся к 913—1047 годам. Но дендрохронология определяет только год рубки дерева. Как долго существовала данная постройка, остается в точности неизвестным. Ученые предполагают, что самый первый сруб усадьбы мог простоять до 970-х годов.

В постройках и на территории усадьбы археологи нашли множество различных предметов утвари: стаканчик из бересты, деревянную лопату с обгоревшими краями, резную деревянную посуду, глиняные горшки, гребень из резной кости, бронзовый игольник, стеклянную фигурку для игры в шашки. В различных местах усадьбы сохранились деревянные вымостки, которые в виде нешироких тротуаров были проложены между двумя хозяйственными постройками, а также вдоль жилого дома. Судя по археологическим материалам Новгорода, подобные элементы благоустройства чаще всего встречаются в зажиточных усадьбах. О том, что и владелец подольской усадьбы явно был богатым человеком, свидетельствуют обнаруженные при раскопках византийские монеты, принадлежавшие императорам Константину VIII (1025–1028) и Роману II (959–963), золоченые бронзовые изделия, резная кость, набор точеной столовой посуды. Кто же был хозяин усадьбы – ремесленник или купец?

Следов какого-либо производства на территории усадьбы археологи не обнаружили. Зато византийские монеты, амфоры, гири от весов, скорлупа грецких орехов, косточки персиков свидетельствуют о принадлежности хозяина усадьбы к купеческому сословию. Причем это

был не мелкий торговец, а богатый «гость», возможно, ездивший и в Византию.

Одновременно с исследованиями на Красной площади велись раскопки в котловане между улицами Героев Триполья и Хоревой, в 250–300 м к северо-западу от первого участка. Здесь также удалось раскопать срубные сооружения, относящиеся к одной усадьбе, и отрезки двух городских улиц, огражденных деревянными заборами. Ширина одной из них, проходившей вдоль береговой линии Днепра, была 6 м, другой, ведущей к реке, – около 3 м. На пересечении этих улиц стояла усадьба X века, постройки которой располагались вдоль линии заборов. В некоторых срубах (их средняя площадь составляла 25 кв. м) были хорошо сохранившиеся глинобитные печи, в других – погреба. Один из жилых домов был окружен деревянной – вероятно, двухъярусной – галереей, опиравшейся на толстые, около 30 см диаметром, колонны.

Раскопки Подола дали неоспоримые доказательства для утверждения: горожане торгово-ремесленного центра Киева жили в надземных рубленых домах, а не в полуземлянках с глинобитными стенами, как это предполагалось ранее. Жилые и хозяйственные постройки располагались на отдельных земельных участках – усадьбах, представлявших собой замкнутое пространство. Площадь таких усадеб составляла от 300 до 1000 кв. м. Характерно, что границы усадеб, установленные, вероятно, в момент первоначальной застройки участка, оставались неизменными на протяжении столетий. Возможно, это было связано с ограниченностью территории, пригодной для застройки.

Усадьбы со стороны улиц и между собой ограждались заборами. Большинство заборов были дощатыми, но найдены и ограждения в виде плетня. Некоторые из них сохранились на высоту до 1,2 м. Интересно, что на Подоле ни разу не встретились мостовые, подобные новгородским.

По подсчетам ученых, в XI–XIII веках на Подоле могло одновременно существовать 4000 усадеб, на которых проживало (при среднестатистической семье в шесть человек) 24 000 жителей. Территория Подола составляла в древности около половины всей площади Киева, и по плотности населения он, вероятно, был одним из густонаселенных районов столицы.

По этническому составу население Подола было довольно пестрым. Помимо славян, как это следует из текста «Киево-Печерского Патерики», в Киеве той поры проживали «латиняне» – т. е. выходцы из Западной Европы, сирийцы, евреи, армяне. О том, что колония армянских купцов располагалась именно на Подоле, свидетельствуют остатки армянской

церкви, обнаруженные в 1975 году. Пол постройки состоял из разноцветных поливных плиток, стены сложены из плинфы, фундаменты – из крупных необработанных валунов.

В Киеве существовала и крупная колония немецких купцов, имевших здесь свои «латинские» церкви во имя Пресвятой Девы Марии и во имя св. Николая. Эти храмы также располагались на Подоле – под горой Щекавицей. В Киеве проживали купцы из Италии, Польши, Чехии, сотни (если не тысячи) выходцев из стран Востока, здесь существовала большая хазарская торговая колония. Такая полиэтничность населения, занимавшегося прежде всего торговлей, не только способствовала проникновению в столицу Древней Руси культурных достижений Запада и Востока, но и накладывала свой отпечаток на общественно-политическую жизнь города.

Клады старой Рязани

Первое упоминание о Рязани встречается на страницах «Повести временных лет». В XI–XII веках этот город на Оке уже был крупным, хорошо укрепленным политическими центром, со значительным населением. Исключительное значение Рязани определялось не столько его природными богатствами, сколько значением Оки как крупнейшего наряду с Волгой и Днестром торгового пути. Ока обеспечивала широкую торговлю не только Киевской Руси, но и всей Европы с Востоком. На рынок Рязани стекались парча и золототканые одежды из Византии, жемчуг и драгоценные камни из Индии, предметы искусства, пестрые ткани и благовония с Востока, янтарь из Прибалтики, знаменитые франкские мечи, олово, воск, мед; здесь продавали ловчих соколов, меха соболей и горностаев, торговали скотом и невольниками. Являясь крупным торговым центром, Рязань была и значительным центром культуры, искусства и художественного ремесла.

Нашествие татаро-монгольских орд во главе с Батыем в 1237 году положило конец процветанию Рязани. Ее стены после пятидневной осады были сокрушены стенобитными машинами, город разгромлен, все его жители зверски вырезаны. Трагедия гибели Рязани рассказана в «Повести о разорении Рязани Батыем» – одном из наиболее драматических произведений древнерусской литературы.

Рязань, первой из русских городов принявшая на себя удар татаро-монгольских полчищ, канула в небытие. Столица княжества была перенесена на 50 км западней – в Переяславль-Рязанский, за которым в XVIII столетии окончательно закрепилось имя Рязани. А Старая Рязань постепенно превратилось в обыкновенное село. О славном прошлом древней столицы Поочья сегодня напоминает лишь двухкилометровое кольцо оплывших валов, окружающих огромное распаханное пространство.

Плато Старой Рязани представляет собой неправильный четырехугольник, вытянутый с севера на юг. С запада его ограничивают крутые обрывы берега Оки, с севера – речка Серебрянка, с юга – Черная речка. В северной части плато возвышается изолированный холм, отделенный от остальной территории городища оврагом. Это древнейшая часть Старой Рязани – кремль-детинец, относящийся к X веку. Он обнесен линией валов высотой 3,5 м, которые вместе со стенами и рвами в свое

время представляли довольно внушительную оборонительную цепь. К юго-востоку от детинца раскинулась территория собственно города, обнесенная внешней линией валов, даже сегодня достигающих высоты 9 м. Эта внешняя цепь укреплений возведена, по археологическим данным, в XII столетии. На месте древних улиц Рязани и поныне пролегают дороги. Одна соединяет Пронские ворота (их место отмечает разрыв в линии валов) с Северными воротами во внутреннем кольце укреплений. Другая ведет к восточным Исадским воротам.

На протяжении многих столетий окрестные крестьяне, распахивая Старо-Рязанское городище, находили здесь различные древности. Известны и находки богатых кладов, содержащих, по-видимому, немалые художественные ценности. К сожалению, ни один из кладов, найденных в Старой Рязани до XIX столетия, до нас не дошел. Между тем именно клады привлекли внимание исследователей к Старо-Рязанскому городищу.

В 1822 году один крестьянин, опахивая края дороги неподалеку от того места, где позднее был раскопан Спасский собор, наткнулся на золотые предметы исключительной ценности. Их общий вес составлял 6 фунтов 83 золотника (2,807 кг). Первые специалисты, описывавшие этот клад, дали ему название «рязанских барм», но до сих пор назначение этих предметов остается спорным. По мнению одних исследователей, они входили в состав

женского убора, по мнению других – являлись частью княжеского наряда. Как бы то ни было, «рязанские бармы» представляют собой признанный шедевр древнерусского ювелирного искусства.

В состав клада входят три небольших золотых медальона с изображениями Богоматери, св. Ирины и св. Варвары; два крупных колта^[14] с изображениями святых князей Бориса и Глеба на одной стороне и драгоценными камнями – на другой; шесть золотых колтов, покрытых драгоценными камнями и сканью; две цепи из золотых ажурных бусин со сканью, зернью, жемчугом и самоцветами. Ныне этот клад хранится в Оружейной палате в Москве.

Конечно, главным сокровищем клада являются медальоны. Особенно замечателен медальон с образом «Богоматерь Оранта», безусловно византийской работы, выполненной в технике перегородчатой эмали. Лик Богоматери исполнен с такой одухотворенностью, что невольно приходит мысль о живописи. Кажется невероятным, что подобный эффект достигнут средствами эмали. Вероятно, активные связи с Византией обусловили появление этого образка в Рязанском княжестве – скорее всего, в конце XI–начале XII века, и возможно, в качестве почетного дара. Исключительные художественные достоинства образка, а возможно, и какая-то связанная с ним история или его религиозное значение стали причиной того, что уже в Рязани местные мастера сделали для него еще два медальона со вставными иконами – «Св. Ирина» и «Св. Варвара».

Назначение входящих в состав клада колтов не вполне ясно; возможно, что они носились на груди, и в таком случае основной была сторона, покрытая камнями: крупным белым яхонтом в центре, окруженным жемчугом, с сапфирами, рубинами, аметистами, топазами вокруг него. Поверхность между камнями покрыта рельефной сканью из толстых золотых жгутов. Замечателен и рисунок скани, и оригинальная, исключительная по совершенству техника ее наложения.

Изображения святых на оборотной стороне выполнены в технике перегородчатой эмали. Пролежав в земле шестьсот лет, эмаль несколько выветрилась и потускнела, но все же сохранила яркость красок. Фигуры Бориса и Глеба окружены жемчужной обнизью и широкой каймой из скани с драгоценными камнями. По краям с обеих сторон колты окружены еще одной жемчужной обнизью.

Сенсационное открытие «рязанских барм» вызвало большой интерес к древностям Старой Рязани. Начало научных исследований Старо-Рязанского городища связано с именем археолога-любителя Д. Тихомирова. Приступив в 1836 году к раскопкам, он исходил из предположения, что

место находки «барм» указывает на то, что здесь находился княжеский дворец. Внимание Тихомирова привлекли два обширных холма, которые местные жители упорно называли курганами. Один из этих «курганов» был раскопан Тихомировым. Под ним оказались руины кафедрального собора древней столицы Поочья – Успенского. Помимо многочисленных обломков кирпича-плинфы, белокаменных колонн и постаментов, Тихомиров нашел здесь восемь каменных саркофагов, в которых покоились останки рязанских князей и княгинь, а также множество поспешных захоронений, сделанных, очевидно, зимой 1237 года, когда уцелевшие жители погребали тела убитых Батыем рязанцев. После Батыева погрома Успенский собор еще какое-то время существовал.

Сегодня, пользуясь аналогией сохранившегося до наших дней черниговского собора и на основе данных раскопок, можно представить себе внешний облик Успенского собора в Старой Рязани. Он был выложен из плинфы – плоских продолговатых кирпичей. Снаружи все стены были затерты тонким слоем извести желтовато-розового цвета, на которой были расписаны белой известью швы, создававшие впечатление кладки из камня. Собор украшали резные детали из белого камня и белокаменная скульптура. Храм завершался тремя главами. Двери – вероятнее всего, железные – были отделаны медными пластинами с рисунком золотой наводкой по черному лаку. Внутри стены покрывала фресковая роспись и мраморная облицовка. Полы были вымощены керамическими поливными плитками желтого и зеленого цветов.

Раскопки Старой Рязани продолжались с перерывами вплоть до 1917 года. В 1888 году секретарь Рязанской ученой архивной комиссии Селиванов раскопал второй «курган» на Старо-Рязанском городище. Этот невысокий холм скрывал руины второго каменного Рязанского собора – Борисоглебского. Полностью разрушенный татарами в 1237 году, он, по видимому, никогда более не возобновлялся. Как показали дальнейшие исследования, Борисоглебский собор построен в то же время, что и Успенский (очевидно, в 1112–1115 гг.) и тем же самым зодчим: он настолько сходен с Успенским, что эта мысль напрашивается сама собой. Этот мастер, бесспорно, был выдающимся архитектором. Построенные им храмы стали первыми образцами уже не византийского, а романского стиля к востоку от Днепра. Тем самым его творения явились предшественниками замечательных владими́ро-суздальских соборов второй половины XII века. Имя этого зодчего остается неизвестным, но на некоторых кирпичах Борисоглебского собора в Старой Рязани сохранилась ясно различимая надпись: «Яков тв(орил)». Что это – имя мастера-кирпичника или имя

великого архитектора?

С раскопками 2-й половины XIX века связаны и новые находки замечательных произведений ювелирного искусства. К их числу относятся, в частности, кованная из серебра чаша с тиснением, на дне которой изображено стилизованное животное: козерог или олень. Интересным примером рязанского ювелирного искусства являются две серебряные позолоченные подвески (XIII в.), усыпанные зернью, с девятью цепями, на которых в середине помещены круглые бляхи, а на концах – ромбовидные грузила, украшенные художественно выполненной сканью и зернью. Они входят в состав клада, найденного в Старой Рязани в 1868 году (сегодня хранятся в Государственном Эрмитаже). В состав того же клада входило серебряное ожерелье, состоящее из штампованных бляшек с изображением на них так называемых «процветших» крестов.

Новые открытия в Старой Рязани связаны с именами археологов, работавших здесь уже в советское время, – В.А. Городцова, А.Л. Монгайта, В.В. Даркевича и других. Раскопки, продолжающиеся и по сей день, открыли множество новых страниц истории, культуры и быта древней столицы Поочья.

Территория Старо-Рязанского городища совершенно свободна от поздней застройки. Это дает большие преимущества для его археологического изучения по сравнению с такими городами как Новгород или Киев, где проведению раскопок препятствует современная городская жизнь. И, несмотря на то что в Старой Рязани раскопана еще сравнительно небольшая часть города, возможность свободно выбирать участки раскопок позволила изучить топографию древнего города, историю его заселения и развития.

В 1940-х годах археологи раскопали остатки третьего каменного собора Старой Рязани – Спасского. Он датируется XII веком. Спасский собор меньше Успенского и Борисоглебского – его размеры составляют 28,09 × 25,95 м. В отделке здания использовался фигурный кирпич. Фрагменты резных архитектурных деталей, найденные археологами, типичны для русских резчиков XII–XIII веков. В то же время план Спасского собора не имеет аналогий в древнерусском зодчестве. Это позволяет говорить о том, что в Рязани домонгольского времени начала развиваться вполне самостоятельная архитектурная школа.

Как свидетельствуют археологические материалы, столица Поочья в XI–XII веках являлась одним из крупнейших ремесленных центров Восточной Европы. Среди находок в Старой Рязани привлекают внимание произведения косторезов: рукоятки ножей, накладки на колчаны,

декоративные украшения переплетов книг, стиль которых, характерный для русских мастеров XI–XII веков, роднит их творчество с европейским искусством романского периода. Развиты и многообразны были в древней Рязани различные виды обработки металлов. Ковка и чеканка широко применялись и для изготовления предметов искусства. Высокого уровня достигло гравирование по металлу. Об этом свидетельствует, в частности, находка медного листа (вероятно, это фрагмент церковных дверей) с изображением Крещения, который датируется XIII столетием и выполнен способом золотой наводки. Высокими художественными достоинствами отличалась и резьба по камню. Но, пожалуй, самыми выдающимися произведениями рязанского искусства следует признать ювелирные изделия местных мастеров. Большинство из них найдено в составе кладов, зарытых рязанцами зимой 1237 года – в течение тех последних пяти дней в истории города, когда под его стенами стояли вражеские полчища.

На сегодняшний день число кладов, обнаруженных на территории Старой Рязани, достигло тринадцати. Найденные предметы отличаются необыкновенным разнообразием и богатством отделки. Это бусы и серьги со сканью, зернью и жемчужной обнизью, иногда и с мелкими камнями; нательные кресты из яшмы, мрамора, змеевика, в серебряной и золотой оправе с зернью или с выемчатой эмалью: зеленой, голубой и желтой; семилучевые и восьмилучевые подвески-колты, обильно украшенные зернью. Концы их обычно завершались одним или несколькими серебряными полушариями, в то время как в центре звезды большое полушарие окружалось мелкими узорами из зерни и скани.

В 1950 году при раскопках жилища, сгоревшего во время татарского погрома, археологи обнаружили в развале глинобитной печи завернутый в истлевшее полотно клад из 26 предметов. В его состав входили серебряный с чернью медальон с образом Богоматери, серебряная цепь из полусферических бляшек, три серебряных восьмилучевых колта, четыре нательных крестика с оправленными в серебро концами, бронзовая позолоченная булавка в виде лилии, украшенная красной и зеленой эмалью.

Замечательные образцы ювелирного искусства были найдены в кладе в 1966 году. Этот клад, также завернутый в холщовую тряпочку, археологи нашли на месте большой деревянной постройки, уничтоженной пожаром в 1237 году. В его состав входили шесть предметов: два серебряных денежных слитка-гривны, два витых из серебряной проволоки браслета и уникальные по художественному исполнению браслеты-наручи, сделанные из широких серебряных пластинчатых створок. На них на черненном фоне выгравированы птицы, грифоны и танцовщица с двумя музыкантами. Края

браслетов украшены позолотой и рубчатой проволокой; такой же проволокой разделены изображения. Стиль и общие особенности рисунка позволяют отнести эти браслеты к числу изделий киевских мастеров XII–XIII веков.

До нас дошла лишь небольшая часть художественных сокровищ Старой Рязани. Но и то, что сохранилось, неопровержимо свидетельствует о высочайшем уровне мастеров рязанской школы, изделия которых распространялись далеко за пределами Рязанского княжества. С гибелью Рязани погибло и это уникальное самобытное искусство, не имевшее себе подобных ни в одной из других русских областей.

Приволжские «Помпеи»

Татаро-монгольское нашествие привело к образованию в середине 40-х годов XIII века в степях Поволжья обширного полугосударства-полукочевья – Золотой Орды. В короткие исторические сроки на Нижней Волге выросли огромные города. На рубеже XIII–XIV веков рост золотоордынских городов обеспечивался сильной ханской властью. Благодаря этому они превратились в крупнейшие торговые и экономические центры. Но когда власть ханов ослабела и в Орде начались смуты, быстрый подъем золотоордынских городов сменился столь же стремительным упадком. Их короткая история завершилась в 1395 году, когда войска Тимура разгромили золотоордынские центры в Поволжье. На их развалины быстро вернулась степь.

Эта заброшенная и пустынная земля на протяжении многих лет привлекала кладоискателей, завороченных легендами о несметных сокровищах, таящихся среди плоских серо-лиловых холмов, под которыми лежат руины забытых татаро-монгольских городов. Самыми большими и известными из них были две золотоордынские столицы: Сарай-Бату, или Эски-Сарай (Старый Сарай), и Сарай-Берке – Новый Сарай. Оба древних городища находятся на реке Ахтубе, между Волгоградом и Астраханью. Земля этих протянувшихся на многие километры холмов усыпана щебнем, глиняными черепками, мельчайшими осколками керамики красновато-коричневого, зеленого, белого, синего цвета, фрагментами изразцов и каменных сосудов. Иногда попадаются и редкие вещи, например обломки иранских фаянсовых чаш с золотистой росписью и блестящей глазурью. На таких чашах обычно изображались сцены из придворного быта и строки персидских стихов.

Наиболее внушительно выглядит городище у села Селитренного, названного так по старому селитренному заводу, устроенному здесь в петровское время. Городище поражает своими размерами. Его восемь огромных пологих холмов – Каменный бугор, Маячный, Красный и другие – тянутся по левому берегу Ахтубы более чем на пятнадцать километров. Еще во 2-й половине XVIII века академик Паллас видел здесь груды щебня, простиравшиеся «в ширину на версту или две», следы зданий и «кирпичом выложенных рвов», а на одном из бугров – «великолепнейшее строение города и, как кажется, большою стеною окруженный замок». Кроме того, Паллас описывает «великие остатки» еще двух зданий, «из коих второе

было жилым домом со многими отделениями, первое можно почитать за могилу». Оба строения были отделаны поливными изразцами. Трудно сказать, были ли это руины построек золотоордынского времени – первые исследователи вполне могли спутать их с постройками, оставшимися от селитренного завода. Впрочем, к середине XIX века здесь уже не было ничего: остатки руин разобрали местные жители, для которых Селитренное городище начиная с конца XVI столетия служило настоящей каменоломней.

В XIX веке после пробных раскопок археологов М.И. Рыбушкина и А.А. Спицына у ученых появились первые догадки о том, что на месте Селитренного городища могла располагаться первая ханская столица – Сарай-ал-Махруса, или Сарай-Бату, основанный Батыем между 1242 и 1254 годами. В 1920-е годы здесь работала экспедиция Ф.В. Баллода. Баллод пришел к заключению, что городище у Селитренного и есть давно искомый «город Батия». Ему же принадлежит ставшее крылатым определение «приволжские Помпеи» – так Ф.В. Баллод назвал свою книгу, посвященную раскопкам на Нижней Волге¹⁵.

С 1958 года исследования золотоордынских городов в Нижнем Поволжье ведет Поволжская археологическая экспедиция, долгие годы возглавлявшаяся известным археологом, доктором исторических наук Г.А. Федоровым-Давыдовым. Собранный здесь значительный археологический материал позволяет сегодня делать выводы о социальной жизни,

архитектуре и искусстве золотоордынских городов.

В считанные годы Сарай стал столичным городом, по красоте и великолепию не уступавшим красивейшим городам Востока. Город среди степей вырос почти мгновенно. В начале XIV века это была уже огромная цветущая столица – с тысячами домов, с многочисленными мечетями (из которых одних только соборных было тринадцать), с дворцами, стены которых сверкали многоцветными майоликовыми плитками затейливого геометрического или растительного орнамента. Знаменитый арабский путешественник Ибн-Баттута, посетивший Сарай в 1333 году, был поражен его богатством, великолепием и многолюдством. В центре города, по сообщению арабского путешественника Ал-Омари, находилось место пребывания хана – «большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние». Дворец был окружен стенами и башнями. Вокруг ханской резиденции располагались дворцы эмиров.

Сарай-Бату имел традиционный облик восточного города. Разве что улицы в центре были несколько шире тесных и узких улочек, которые характерны для городов Востока. Основная масса населения жила в домах, сложенных из кирпича-сырца или выстроенных из дерева. Беднота ютилась на окраинах в землянках. Воины-монголы, видимо, долго не могли расстаться с кочевым бытом: и в Сарае-Бату, и в Новом Сарае – второй столице Золотой Орды – археологи находили немало юртообразных строений. Хотя город и разрушал вековой быт монголов, но традиции, видно, цепко вживались в новые условия.

Удивительно богата и разнообразна керамика Сарая-Бату. Здесь была чрезвычайно развита традиция украшения парадных зданий – ханского дворца, усадеб сановников, мечетей и мавзолеев – многоцветными майоликовыми изразцами. Красочные поливные плитки покрывали карнизы, обрамления дверных и оконных проемов, образовывали фризные пояса и целые панно. Узоры были традиционно восточные – использовались так называемая «плетенка», растительный орнамент, звезды и лилии с причудливо переплетающимися стеблями, эпиграфический орнамент «куфи» – причудливая арабская вязь. Специалисты усматривают в сарайских изразцовых «кружевах» художественные традиции Хорезма, Ирана и Закавказья, однако из этого конгломерата уже рождалось что-то свое, присущее только золотоордынскому искусству. Ф.В. Баллод, сравнивая мозаику Сарая-Бату с самаркандской и персидской, писал: «Татарская мозаика светлее, нежнее, отсутствует изобилие черных и красных, вообще ярких пятен; созвучие нежных темно-синих, голубых, светло-зеленых и белых тонов лишь

изредка прерывается более яркими зелеными изразцами. Но эти порой кричащие пятна, подобно позолоте, лишь драгоценные камни, которыми усеян ковер инкрустации стен».

Раньше считалось, что основная часть сарайской керамики была привозной. Однако раскопки Поволжской экспедиции открыли в Сарая остатки нескольких керамических мастерских. О том, что здесь занимались именно производством керамики, свидетельствуют найденные среди руин тысячи заготовок, полуфабрикатов, прошедших различные стадии технологического процесса, бракованных сосудов. В их числе – роскошные чаши, покрытые красочной поливой с многоцветными узорами, сочетающие высокую технику с безукоризненным вкусом. Такие чаши и ранее попадались археологам. Считалось, что их привозили из Средней Азии, однако теперь доказано местное, сарайское производство этого типа посуды. Открытие мастерских дало возможность выяснить и то, как делали эту керамику: обнаружены десятки форм для оттисков рельефного орнамента и лепки самих сосудов, найдена даже раковина, в которой гончар-художник растирал и разводил краску. Остатки горнов разнообразной конструкции позволили понять устройство тех сооружений, в которых посуда подвергалась обжигу.

Сходную картину дали раскопки обширного Царевского городища в Волгоградской области, скрывающего руины второй золотоордынской столицы – Нового Сарая (Сарая-Берке). Раскопки Царевского городища, начатые в 1843 году под руководством А.В. Терещенко, стали самыми масштабными археологическими исследованиями в России в середине XIX века. Однако научный уровень этих раскопок была крайне низок. Фактически все работы свелись к добыванию ценных предметов (их, кстати, было найдено очень много), которые отправлялись в Петербург, в то время как массовые, рядовые находки попросту выбрасывались или уничтожались. Собранная во время раскопок огромная коллекция золотоордынских монет – 4337 штук – была распылена по провинциальным музеям и фактически пропала.

С 1958 года на Царевском городище работали ученые из Поволжской археологической экспедиции. За многие годы раскопок исследователи вскрыли значительные площади культурного слоя, были зафиксированы и изучены десятки домов, усадеб, ремесленных мастерских, собран и классифицирован обширный археологический материал – керамика, стеклянные изделия, фрагменты архитектурного декора, тысячи монет и т. п. Собранные коллекции бытовых вещей дают яркое представление о жизни золотоордынских городов XIII–XIV веков.

Большой интерес представляют аристократические кварталы, располагавшиеся преимущественно в восточной части Царевского городища. Здесь вдоль улиц с арыками тянулись обнесенные кирпичными или глинобитными стенами обширные усадьбы золотоордынской знати. Большинство из них погибло или пришло в упадок примерно в одно и то же время – в конце 60—70-х годов XIV столетия. Через одну из усадеб в середине 1360-х годов даже был проведен вал и ров – вероятно, по распоряжению ханских властей. Несомненно, что эти события связаны с борьбой за власть в Золотой Орде, когда после прихода очередного хана его противники вырезались почти поголовно. Можно предполагать, что один из ханов, взошедший на престол в 1360-х годах, приказал окружить город стеной и при этом ров и вал были проведены прямо через усадьбы уничтоженных им вельмож.

Пышными были города полукочевого государства. Но их великолепие, как и величие всей золотоордынской культуры, было недолгим. Оно и не могло быть долгим – как справедливо заметил Г.А. Федоров-Давыдов, золотоордынские города были историческим пустоцветом. В 1395 году со стороны Дагестана на Нижнюю Волгу прорываются полчища Тамерлана. Короткий, как вспышка, расцвет городов Золотой Орды сменился долгими столетиями забвения, пока руин «приволжских Помпей» не коснулась лопата археолога.

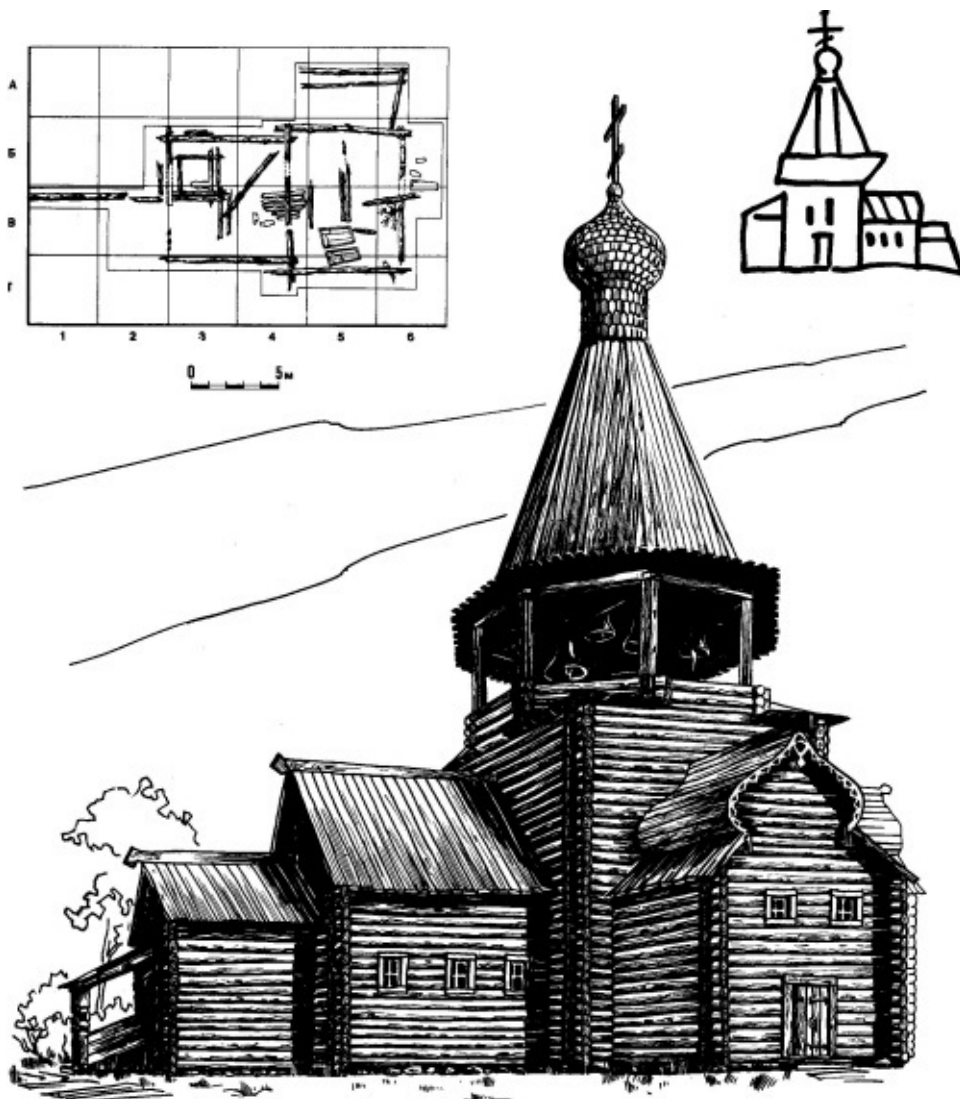
«Златокипящая» Мангазея

В XVI–XVII веках в Сибири появились десятки городских поселений. Созданные как опорные пункты для продвижения на восток, они вскоре стали центрами торговли, промыслов и ремесел. Одним из таких городов являлась Мангазея, расположенная за полярным кругом, в нижнем течении реки Таз.

Первые морские пути к Мангазее были проложены поморами еще на рубеже XV–XVI веков. В последней четверти XVI века эти плавания особенно участились. Благодаря им была налажена регулярная связь Поморья с бассейном реки Таз.

В марте 1601 года на мысу при впадении речки Осетровки (Мангазейки) в Таз началось строительство «государева острога», которое было окончено летом того же года. А спустя шесть лет, в 1607 году, на его месте воеводой Д.В. Жеребцовым был «зарублен город Мангазея». Целью его основания являлось установление правительственного контроля за Мангазейским морским ходом, ведущим в богатую пушминой страну, и создание базы для дальнейшего освоения севера Сибири.

Мангазейский морской ход, соединявший Беломорье с Приобьем, являлся в те годы весьма оживленной торговой магистралью. Через него в Архангельск и Холмогоры вывозились сотни тысяч шкурок пушного зверя, а из Беломорья в Сибирь доставлялись хлеб, мука, соль и другие товары. Большие обороты торговли привлекали сюда сотни купцов и промышленников. «Мангазея в старину – это золотое дно, своего рода Калифорния, куда стремились за добычей драгоценного пушного зверя жители северных губерний», – писал дореволюционный исследователь истории Сибири М. Оболенский. О богатстве города ходили легенды, за Мангазеей прочно закрепилось прозвание «златокипящая». Только за период 1630–1637 годов – время, для Мангазеи далеко не лучшее, – отсюда было вывезено около полумиллиона шкурок соболей.

Представители крупнейших торговых домов – именитых «гостей» Усовых, Ревякиных, Федотовых, Гусельниковых, Босовых и других – появились в пределах Мангазейской земли. Во времена расцвета города (первая треть XVII в.) здесь скапливалось до 2 тысяч промышленников. Большой наплыв людей заставил мангазейские власти заботиться об их размещении и о размещении доставленных ими товаров. В Мангазее появились десятки строений: церкви, амбары, жилые дома для тех, кто оставался здесь жить, работая на рыбных промыслах, по заготовке дичи и мяса, на многочисленных откупах, занимаясь выделкой промыслового снаряжения, косторезным, портняжным или кузнечным делом.

«Златокипящий» город просуществовал всего одно столетие. В 1672 году Мангазее была оставлена жителями. Причин для этого было много. В первую очередь на судьбе города отразилось общее изменение путей

колонизации Сибири. Кроме того, местные пушные промыслы оскудели, захирел «морской ход» из Поморья. Все это сделало экономически невыгодным содержание большого заполярного города. В это же время на реке Таз и на Нижней Тунгуске одно за другим начали вспыхивать восстания самодийских племен. Восставшие не раз подступали к стенам города. 65 стрельцов, составлявших постоянный гарнизон Мангазеи, были не в состоянии справиться с повстанцами. Не сумели сделать этого и присланные из Тобольска воинские отряды. Тогда было принято решение о переводе стрелецкого гарнизона в Туруханское зимовье и о постройке там Новой Мангазеи. Старая Мангазея прекратила свое существование, навсегда войдя в историю освоения бескрайних пространств Сибири.

Короткая и яркая судьба заполярного города на протяжении многих лет волновала исследователей. Но сохранившиеся письменные источники по истории Мангазеи, неполные и разрозненные, не могли ответить на встающие перед учеными вопросы. Каков, например, был характер этого поселения? Мангазею считали большой торгово-промысловой факторией, маленьким острожком – словом, всем чем угодно, только не городом.

Первым добрался до Мангазеи в 1862 году Ю.И. Кушелевский. «Я видел очень заметные следы некогда существовавших зданий города Мангазеи, а у обрушившегося берега реки Таз нависший над водой огромной величины гроб из листовых досок», – писал он. После него здесь побывал В.О. Маркграф. Он тоже отметил здесь остатки древнего города: «На месте, где значится “часовня”, из высокого берега, подмываемого рекою, обнажаются бревна подвальных построек некогда бывшего здесь города Мангазеи. У подошвы берега жители находят изредка металлические предметы».

Первую попытку проникнуть в тайны Мангазеи предпринял в августе 1914 года И.Н. Шухов, биолог из Омска. Путешествуя по реке Таз, он побывал на Мангазейском городище и произвел здесь первые раскопки, «В настоящее время, – писал он, – от города Мангазеи остались лишь одни развалины. На берегу торчат бревна построек, нижние оклады зданий, тянущихся вдоль высокого обвалившегося берега до ручья. Сохранилось едва только одно строение, – судя по архитектуре, башня... Место, где была Мангазея, кочковатое, поросшее сорной травой и кустарниками. Берег обваливается и остаются мелкие предметы, как стрелы и ножи. Я нашел наконечник стрелы».

Первыми археологами, побывавшими на руинах Мангазеи, были В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская. Осенью 1946 года они с большими трудностями добрались до городища. Сезон раскопок к тому времени уже

подходил к концу, и ученые ограничились лишь составлением полевой карты и сбором подъемного материала – преимущественно керамики и обломков различных предметов. Это не помешало В.Н. Чернецову впервые во всеуслышание заявить, что «Мангазея не являлась... лишь военно-торговым форпостом. Это было прочно обжитое место». Но окончательно разрешить загадки Мангазеи могли только планомерные раскопки. Они начались в 1968 году и продолжались на протяжении четырех полевых сезонов. Раскопки Мангазеи вела археологическая экспедиция Арктического и антарктического научно-исследовательского института под руководством М.И. Белова, в состав которой входили сотрудники Института археологии АН СССР О.В. Освянников и В.Ф. Старков.

Приход археологов оказался весьма своевременен: оказалось, что река размывает городище Мангазеи и оно быстрыми темпами разрушается. Об этом свидетельствовали торчавшие из обрывов берега остатки деревянных сооружений, многочисленные предметы, усеивавшие песчаную кромку. По оценкам специалистов, к 1968 году погибло уже около 25–30 % территории памятника.

Раскопки Мангазеи представляют собой случай во многом уникальный. Подобного рода масштабные археологические исследования позднесредневекового города не проводились пока более нигде в мире. Как и в Старой Рязани, археологам здесь не мешала никакая поздняя застройка, а заполярная мерзлота, хотя и затрудняла раскопки, тем не менее способствовала хорошей сохранности деревянных сооружений и изделий, предметов из кожи и ткани. При этом характерной чертой памятника является кратковременность и строго очерченные рамки его существования – 1570-е—1670-е годы. Все это создавало исключительные с точки зрения археологии условия для детального изучения древней Мангазеи.

Археологи вскрыли и исследовали около 15 тыс. кв. м Мангазейского городища. Были обнаружены и исследованы остатки древних оборонительных сооружений и около сорока построек самого различного – жилого, хозяйственного, административного, торгового и культового – назначения.

Раскопки показали, что Мангазея имела типичное для древнерусских городов деление на собственно город (кремль) и посад. Особенно интенсивно город рос и застраивался в 1607–1629 годах. В это время Мангазея приобрела те особые черты сибирского «непашенного» города, которые позволяют поставить его в один ряд с такими крупными городами тех лет, как Тобольск, Тюмень и другие. «Мангазея впитала в себя все новое и лучшее, что знало русское зодчество на рубеже XVI–XVII вв.»¹⁶.

В 1625 году общая протяженность стен Мангазейского кремля по периметру составляла около 280 м. По углам стояло четыре глухих башни: Давыдовская, Зубцовская, Ратиловская и Успенская. На южной стороне, между Зубцовской и Успенской башнями, находилась Спасская проезжая башня, достигавшая в высоту 12 м. Самой маленькой была Ратиловская башня – 8 м, а самой массивной – Давыдовская, каждая из сторон которой имела длину около 9 м. Все башни были четырехугольными. Наибольшую высоту крепостная стена достигала на участке между Давыдовской и Ратиловской башнями – около 10 м; остальные стены имели высоту в 5–6 м.

Треть территории кремля (800 кв. м) занимал комплекс воеводского двора. Его раскопки дали археологам огромное количество предметов быта XVII века – туеса из бересты, железные дужки от ведер, подсвечники, топоры, ножи с орнаментированными рукоятками, сверла, зубила, долота, замки различных размеров, буравы, пробой, дверные засовы, петли, щеколды, деревянные ложки, тарелки, миски, ковши, ушаты, коромысла, черпаки, вальки, формы для печенья, короба, ларчики. Некоторые из этих предметов художественно оформлены. Например, форма для пряников вырезана в виде рыбы с большими плавниками. На одной из ложек ножом вырезана надпись: «Степа». Интересна находка оконной рамы размерами 29 × 29 см – такие маленькие «оконницы» характерны для XVII столетия. В раме сохранились значительные фрагменты слюды. Обнаружено несколько щипцов, с помощью которых снимался нагар со свеч и лучин. Найдены даже предметы мебели – небольшие лавки-скамейки для горниц и массивное широкое кресло.

Находка конской сбруи – колокольчиков, бубенчиков и седла, а также наличие в нижних слоях сеней довольно толстого слоя навоза говорят о том, что воеводский двор располагал некоторым количеством лошадей и, вероятно, мелким скотом. Отличные пастбища и сенные покосы располагались непосредственно за городом, так что содержание незначительного количества скота не представляло большой трудности.

Основным транспортным средством для связи с зимовьями и переездов на более далекие расстояния являлись нарты с оленьими упряжками. В документах XVII столетия отмечается, что в зимнее время на путь между Мангазеей и Туруханском уходило три дня. При раскопах воеводского двора археологи нашли крупные фрагменты самих нарт, тяги от упряжи, костяные накладки на упряжь, часто имеющие орнамент. Вообще косторезное ремесло, судя по всему, было широко развито в Мангазее. Даже дворовые люди, жившие на воеводской усадьбе,

занимались изготовлением костяных поделок из мамонтовой кости. Археологи нашли незавершенные детали – отпиленные для работы куски бивней мамонтов, поделки из бычьего и коровьего рога, медвежьих клыков, пластины из перепиленных надвое оленьих рогов для отбивания приставшего к сапогам снега. В ходу было изготовление женских бус. Были найдены костяные скребки и другие инструменты для выделки кожи из звериных шкур, костяные иглы.

Домашний характер носило и литейное ремесло. Судя по находкам плавильной ложки и каменных формочек для литья, здешние умельцы отливали небольшие изделия, главным образом нательные крестики и женские украшения. Находки фрагментов музыкальных инструментов подтверждают свидетельства документов XVII века о том, что молодежь в семьях воевод обучалась игре на музыкальных инструментах и пению. Находка застежек от книг и кожаных переплетов с красивым тисненым рисунком указывает на то, что у воевод имелись домашние библиотечки. На одном из переплетов оттиснуто покрытое золотом изображение женщины с лютней, а рядом с нею – олень.

Помимо книг и музыки обитатели воеводского двора, вероятно, любили коротать время за различными настольными играми. Археологами обнаружено несколько деревянных шахматных фигур, две отлично выполненных шахматных доски. На оборотной стороне одной из них вырезаны знаки зодиака и звезды. Найдены детали какой-то не совсем понятной игры – небольшие костяные пластинки, на каждой из которых имеется определенное количество кружков – от 6 до 3. Возможно, это домино.

К востоку от воеводского двора, в самом центре крепости, стояла срубленная из кедра соборная Троицкая церковь. Ее точное время закладки неизвестно, но из письменных источников следует, что в 1603 году она уже или существовала, или, по крайней мере, была заложена. Эта церковь сгорела в 1642 году, после чего в начале 50-х годов XVII века (а согласно дендрохронологическому анализу найденных остатков церкви – в 1654–1655 гг.) была срублена новая.

Новый храм воздвигался строго по плану старого. Основание здания занимало 550 кв. м. Данные раскопок и изображение Мангазеи на карте Исаака Массы (1609 г.) позволили специалистам реконструировать архитектуру Троицкой церкви.

При зачистке постройки в районе алтаря были обнаружены несколько захоронений. В двух погребениях находились останки грудных детей, в третьем – девочка 12 лет. В юго-восточном углу церкви археологи нашли

еще три могилы: женщины 27 лет и двух мужчин, 35 и 36 лет. Факт погребения в соборной церкви свидетельствовал о том, что речь идет о людях знатного происхождения.

Кто эти люди? Исследователи связывают погребения в Троицкой церкви с трагической судьбой семейства мангазейского воеводы Григория Теряева. Пробиваясь осенью и зимой 1643/44 года с караваном хлеба в отрезанную от Большой земли Мангазею, он потерял 70 человек из своего отряда и уже, находясь в одном переходе от города, скончался сам. Вместе с Теряевым в Мангазею ехали его жена, две дочери и племянница. Они также не вынесли тягот этого неимоверного тяжелого похода. Вероятнее всего, именно их останки были обнаружены под полом Троицкой церкви, а в еще одном мужском погребении был похоронен, очевидно, кто-то из близких сотрудников погибшего воеводы.

К югу от стен кремля тянулись постройки посада с церквями Макария Желтоводского и Успения Богоматери, часовней Василия Мангазейского, большим комплексом Гостиного двора с таможенной избой. Десятки входивших в его состав амбаров занимали около трети всей торговой части города. Двух- и трехэтажные постройки Гостиного двора с часовой и смотровой башнями высоко поднимались над кровлями жилых изб. К числу важнейших построек посада относились двухэтажный дом таможенного головы, съезжая изба, питейный и зерновой дворы, торговая откупная баня. Главные улицы были замощены деревянными плахами. От пристани к Гостиному двору вела лестница. Позади него размещалась основная часть посада с ремесленными мастерскими.

Мангазея являлась крупным ремесленным центром, в котором были представлены почти все ремесленные специальности, характерные для большого города, – сапожники, косторезы, литейщики. Всего на мангазейском посаде, по подсчетам специалистов, могло постоянно проживать до 700–800 человек. Кроме того, в пик сезона сюда съезжались многие сотни торговых и промышленных людей. Именно для них и было еще в начале XVII века (точная дата неизвестна) построено здание Гостиного двора. Он являлся экономическим сердцем города. Его поиски начались уже в первый сезон раскопок Мангазеи и увенчались полным успехом. Собранные здесь материалы открыли многие важные страницы жизни и быта заполярного торгово-промышленного города.

При раскопках было обнаружено огромное количество деревянных футляров для печатей на многочисленные грамоты. Печати выдавались в приказной избе, и право их выдачи от имени царя имел только воевода. Каждый промышленник и торговец, уплативший пошлину в таможене,

приобретал печать, без которой его проезжая грамота считалась недействительной. Сами печати изготовлялись из сургуча и воска. Хранились они в специальных деревянных футлярах, которые выглядят как цилиндры, расколотые пополам. Внутри обеих половинок имеются выемки, куда вкладывалась печать, а по краям цилиндра шла круговая канавка, предназначенная для закрепления футляра бечевкой. Эта бечевка проходила по центру печати и выходила из отверстий по краям цилиндра. Количество таких футляров, найденных в Мангазее, исчисляется тысячами, что свидетельствует о большом количестве приезжающего в город торгово-промышленного люда и о размахе городской торговли. Был найден даже целый деревянный футляр с сохранившейся внутри восковой печатью со шнурками.

О том, что главной дорогой в «златокипящую» Мангазею служил Мангазейский морской ход, напоминают найденные археологами на городище два костяных компаса и металлический циферблат третьего, а также три кожаных футляра для компасов. Наружные стороны футляров украшает тисненый орнамент: на одном – раскидистые ветки, на которых сидят четыре маленькие птички, на втором оттиснут рисунок в виде двух скрещенных линеек, заканчивающихся четырьмя полумесяцами, а в центре и по четырем полям – цветы. На третьем футляре изображены четырехугольники.

Находка свинцовой пломбы с надписью «Amsterdam ander Halest» свидетельствует о связях Мангазеи с европейскими торговыми домами. К числу иностранных товаров относятся золотой перстень с аквамарином, золотая монета – полуталер 1558 года, позолоченная пуговица от кафтана. В числе привозных товаров – резные ларчики с красивым рисунком. Среди них есть ларчики с надписями: «Харитон», «Кирилл Тимохов Проголокищев», «Ондрей Трофимов».

Материалы раскопок Мангазеи осветили те стороны русской средневековой городской культуры, которые раньше оставались в тени. Они позволили реконструировать этапы истории города, произвести датировку дендрохронологическим методом практически всех его построек, определить общую планировку города и характер материальной культуры. Сегодня установлено, что Мангазея в период своего расцвета являлась крупным городским поселением со всеми присущими ему чертами, а не торговой факторией, как считалось ранее.

На сегодняшний день Мангазея – пока первый и единственный раскопанный город, относящийся к эпохе освоения гигантских пространств Сибири. Археологический материал, полученный в результате

четырёхлетних работ Мангазейской экспедиции, стал одним из важнейших источников изучения сибирского города XVI–XVII веков. По некоторым вопросам этот источник является сегодня единственным и достаточно надёжным, чему способствует точная датировка практически всех построек города.

notes

Примечания

Мочанов Ю.А. Палеолит Сибири (некоторые итоги изучения). – «Берингия в кайнозое». Владивосток, 1976. С. 542.

О том, что «яванский человек» (питекантроп) не является звеном эволюции современного человека, подробнее см.: Hisao Baba, Fachroel Aziz, Yousuke Kaifu, Gen Suwa, Reiko T. Kono, and Teuku Jacob. *Homo erectus* Calvarium from the Pleistocene of Java. – *Science*, vol. 299, № 5611, 28 February 2003, pp. 1384–1388.

Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. – М., 1980. С. 171.

Галанопулос А.Г., Бэкон Э. Атлантида: за легендой – истина. – М., Наука, 1983.

Массон В.М. Сарияниди В.И., Каракумы – заря цивилизации. – М., 1972, С. 32.

Массон В.М., Сарианиди В.И. Каракумы – заря цивилизации. – М., 1972, С. 34.

Бактрия – историческая область, занимавшая север современного Афганистана и южные районы Узбекистана и Таджикистана.

Сарианиди В. Открытие страны Маргуш. – «Вокруг света», 1976, № 10.

Халаминский Ю.Я. Дорогами легенд. – М., 1978.

Сб. «Древние цивилизации». Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М., 1989, С. 205.

Авдусин Д.А... Ключ-город. В кн.: Путешествия в древность. – М., 1983. С. 109.

В кн.: Культура средневековой Руси. – Л., 1974. С. 11–17.

Пушкина Т.А. Гнездовское поселение в истории смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). – М., 1974. С. 15.

Колт – древнерусское украшение XI–XIII вв. в виде полый золотой или серебряной привески, украшенной зернью, эмалью, сканью.